

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2010
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М. Мазгаров**

Ответственные за выпуск – член-корреспондент АН РТ **Ф.Н. Багаутдинов**, член-корреспондент АН РТ **Ф.Ш. Хузин**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь — главный редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингеборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Редакторы:

В.П. Лащеннова

Переводчик

Д.К. Вахитова

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор — 292-40-34.

Зам. гл. редактора — 292-79-39.

Ответ. секретарь — 292-15-64.

e-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 30.11.2010.

Формат 70x108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 1000 экз.

Заказ 11-10/22-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2010

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2010

АРХЕОЛОГИЯ

- 6 **Абдуллин Х.М.** Гавриил Ильич Солнцев о памятниках древности Казанской губернии
- 10 **Беговаткин А.А.** О некоторых атрибутах дружинной среды второй половины X – первой половины XI в. в западной части Среднего Поволжья
- 19 **Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдигов А.Г.** К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии
- 26 **Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А.** Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4)
- 37 **Кайсин А.О.** К проблеме описания стекла XVII–XIX вв. класса закрытых сосудов
- 41 **Кокорина Н.А.** Гончарные мастерские Иски Казани (этапы развития)
- 58 **Кряжевских А.Л.** К истории археологического изучения Вятско-Полянского района Кировской области
- 66 **Могаричев Ю.М.** Крым в VIII–X вв.: проблемы хазарского присутствия
- 79 **Нигамаев А.З.** Об этническом составе населения летописного Кирменчука и его округа
- 85 **Никитина Т.Б.** Украшения из марийских могильников IX–XI вв. как источник для изучения этнокультурных процессов (к методике изучения)
- 92 **Пантелеев С.А.** Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик
- 107 **Тишкин А.А., Ожередов Ю.И.** Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ
- 114 **Хузин Ф.Ш.** К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских булгар
- 127 **Чижевский А.А., Галимова М.Ш.** Результаты исследований Борисоглебской стоянки на р. Казанке

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 137 **Беляков А.В.** Материалы к ранней генеалогии князей Енгальчевых
- 144 **Почекаев Р.Ю., Абзалов Л.Ф.** Почему чиновничество Золотой Орды не стало бюрократией?
- 155 **Шарифуллина Ф.Л.** Касимовские татары в истории России

* * *

- 169 **Нигматуллин Р.И.** Мои тринадцать башкирских лет и награда от академика З.Г.Ураксина

ФИЛОЛОГИЯ

- 184 **Тимерханов А.А.** О некоторых тенденциях развития современной национальной лексикографии
- 190 **Тимерханова Г.Х.** Местоимение в системе частей речи (на материале ранних тюркских грамматик)
- 194 **Юсупов А.Ф.** Стилистическая вариативность послелогов в татарской суфийской поэзии XIX века

ФИЛОСОФИЯ

- 200 **Валишин Ф.Т.** Философско-Методологический Центр-Динамизм

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 204 **Зарипов Ф.В., Никитенко И.Г.** Модели организационной структуры местного самоуправления: законодательное регулирование и практика реализации
- 209 **Чельшев М.Ю., Чепарина О.А.** Государственные вузы: проблемы межотраслевого правового регулирования
- 215 **Фарухшин М. Х.** Усиление дисбаланса в российском федерализме

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- 222 Памяти Миркасима Абдулахатовича Усманова

- 224 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ARCHEOLOGY

- 6 **Abdullin Kh.M.** Gavriil Ilyich Solntsev about the ancient monuments of Kazan Province
- 10 **Begovatkin A.A.** Some attributes of the družhina environment of the second half of X – first half of XI centuries in the western part of the Middle Volga Region
- 19 **Bugrov D.A., Kaplenko N.M., Sitdikov A.G.** The beginning of muslimization of the population of the eastern periphery of Volga Bulgaria
- 26 **Gribov N.N., Akhmetgalin F.A.** Russian-Bulgarian border on the Volga in epoch of the Golden Horde (according to the materials of settlement Kurmysh-4)
- 37 **Kaisin A.O.** Problem of glass description of the closed vessels class of XVII–XIX centuries
- 41 **Kokorina N.A.** Potteries Kazan Iski (stages of development)
- 58 **Kryazhevskikh A.L.** Archaeological investigations on the territory of Vyatsko-Polyanski area of Kirov region
- 66 **Mogarichev Y.M.** The Crimea in VIII-X centuries: problems of Khazar presence
- 79 **Nigmaev A.Z.** Ethnic structure of the population of annalistic Kirmenchuk and its district
- 85 **Nikitina T.B.** Adornments from Mari burial ground of IX–XI centuries as the source of study of ethnic cultural processes (methods of study)
- 92 **Pantelev S.A.** Archaeological investigations at the burial ground of the old town Moshaik
- 107 **Tishkin A.A., Ozheredov Y.I.** Metallic mirror of the Golden Horde period from the Museum of archaeology and ethnography of Siberia of Tomsk State University
- 114 **Khuzin F.Sh.** Time of appearance of the Volga Bulgars' settled life
- 127 **Chizhevskiy A.A., Galimova M.Sh.** Results of investigation of the Borisoglebskaya site on the river Kazanka

HISTORY

- 137 **Belyakov A.V.** Materials to early genealogy of Engalychev Princes
- 144 **Pochekaev R.Y., Abzalov L.F.** Why did not the officialdom of the Golden Horde become bureaucracy?
- 155 **Sharifullina F.L.** Kasim Tatars in the history of Russia
- * * *
- 169 **Nigmatullin R.I.** My thirteen Bashkir years and the award from the academician Uraksin Z.G.

CONTENTS

PHILOLOGY

- 184 **Timerkhanov A.A.** Some perspectives of modern national lexicography
- 190 **Timerkhanova G.Kh.** Pronoun in the system of parts of speech (based on the materials of early Turkic grammar books)
- 194 **Yusupov A.F.** Stylistic variability of postpositions in the Tatar Sufi poetry of XIX century

PHILOSOPHY

- 200 **Valishin F.T.** Philosophical-Methodological Centre Dynamism

JURISPRUDENCE

- 204 **Zaripov F.V., Nikitenko I.G.** Models of the organizational structure of the local government: legislative control and practice of realization
- 209 **Chelyshev M.Y., Cheparina O.A.** State universities: problems of intersectorial legal control
- 215 **Farukshin M.Kh.** Imbalance strengthening in the Russian federalism

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

- 222 In memory of Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov

LIFE CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

224

УДК 069.4

ГАВРИИЛ ИЛЬИЧ СОЛНЦЕВ О ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНОСТИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Х.М. Абдуллин, кандидат исторических наук

Гавриил Ильич Солнцев (1786–1866) – с 1815 г. профессор кафедры права знатнейших древних и новых народов Казанского императорского университета, в 1818–1819 гг. – декан отделения нравственно-политических наук и проректор, в 1819–1820 гг. – ректор университета, в 1824–1844 гг. – Казанский губернский прокурор.

В 1830 г. на имя Казанского губернатора от имени министра внутренних дел поступил запрос об имеющихся в губернии памятниках древности и законодательных мерах по их сохранению. В резиденции губернатора компетентными экспертами по этому делу были определены бывший ректор университета Карл Федорович Фукс¹, казанский военный комендант Иосиф Карлович Соколовский² и Гавриил Ильич Солнцев. Можно предположить, что К.Ф. Фукс в данном вопросе выступал как историк, к И.К. Соколовскому обратились, так как гражданские власти не имели представления о строениях военного ведомства в Казани, а Г.И. Солнцев был известным правоведом, знатоком законодательных актов. Однако не следует забывать, что Гавриил Ильич даже после известного инцидента с Магницким и ухода с преподавательской деятельности в университете продолжал посещать университетские диспуты, где поражал всех своими знаниями и находчивостью.

Если обратиться к ответным письмам экспертов, то И.К. Соколовский отписался об отсутствии в ведении военного ведомства каких-либо памятни-

ков в Казани за исключением древнего Кремля, ответ К.Ф. Фукса был более полным. Известный врач и историк, он прежде всего дал определение понятию памятник, далее в 11 пунктах перечислил те «древности», которые находились в городе Казани, и уведомил об известном указе императора Петра I от 1722 г. о мерах сохранения Болгарского городища. Наконец, в завершение своего сообщения он обозначил, что «описание таковых подобных древностей находится в Краткой истории города Казани, мною изданной и отпечатанной в 1817 году»³.

Отметим, что большинство исследователей, использовавших данное дело, преимущественно обращали свое внимание на записку К.Ф. Фукса, в то время как сообщение Г.И. Солнцева видится нам более информативным и научно выстроенным. Автор разделил все памятники на казанские и уездные, уделил внимание историографии вопроса и в заключение охарактеризовал нормативные акты о сохранении исторических памятников. В отличие от К.Ф. Фукса, Гавриил Ильич не останавливается лишь на казанских памятниках, а сообщает и о древностях Свяжска, Арска и Болгар, последний объект автор по ошибке локализует в Тетюшском уезде. В целом памятникам Волжской Булгарии в записке Г.И. Солнцева уделено наибольшее внимание. Охарактеризовав здания, сохранившиеся в Болгарах, автор говорит и об остальных городищах и прочих остатках материальной культуры древнего государства,

локализует их в географическом плане с привязкой к рекам и административным районам своего времени. Перечислив наиболее известные по русским летописям города Волжской Булгарии, Г.И. Солнцев переходит к вопросам историографии изучения древнего государства. Причем те ссылки с указанием страниц, которые автор приводит латиницей, свидетельствуют о том, что Гавриил Ильич не просто слышал об этих произведениях, но и хорошо был с ними знаком. Далее автор попадает в привычную для себя стихию законодательных актов и приводит подробную характеристику указов императора Петра I от 1722 г. о сохранении памятников Болгарского городища и от 1718 г. об устройстве Кунсткамеры, а также упоминает о циркуляре министра внутренних дел от 1827 г. об описании и сохранении древнейших памятников.

Научное наследие, которое оставил после себя Г.И. Солнцев и в виде опубликованных трудов, и в виде рукописей, и среди бумаг университетского архива, не дает нам повода говорить о его исторических пристрастиях и интересах⁴. Это был отличный юрист, и все его известные научные труды связаны с правоведением. Данная записка, приведенная ниже, открывает нам личность Г.И. Солнцева с новых позиций, ставит его на одну ступень с известными краеведами того времени.

*Милостивый Государь
Евграф Васильевич!*

На отношение Ваше от 3 сего Ноября за № 10881 о том не имею ли я ввиду описаний существующим здесь памятникам и в особенности Указов и предписаний о поддержании оных, имею честь сим уведомить, что из древних достопамятностей в самом городе Казани в крепости существует достопримечательная в Российской иерархии древняя Церковь Святых Мучеников Киприаны и Устинии, царем Иоанном Васильевичем Грозным по завоевании Казани построенная в одно время с бывшею Монастырскою Церко-

вью Устиния Пресвятыя Богородицы у Илантовой горы на том самом месте, где ныне воздвигнут Памятник убитым под Казанью Русским Воинам, и разными денежными и поместными окладами жалованных; 2-е) Полковая церковь из древней Татарской мечети обращенная, весьма уже обветшалая, 3-е) Татарская башня Подзорною именуемая и составлявшая часть Дворца Татарской Царицы Сумбеки; вероятно сия башня служила и Минаретом: оба сии здания находятся в крепости. В уездах Казанской Губернии существуют следующие древние здания, а именно: 4-е) В Городе Свяжжске деревянная Церковь Святого Сергия Чудотворца, срубленная в верховьях и привезенная на плотах по повелению Царя Иоанна Васильевича Грозного и на нынешнем месте поставленная при построении Города Свяжжска, она и поныне находится в том же виде от времени до времени только поновляемая; 5-е) Казанской Округе Пригородке Арске древняя деревянная татарская башня у старого Земляного Вала; и 6-е) В Тетюшском уезде развалины Болгар торговлею-богатством в древне знаменитой столицы Болгарского Царства, где ныне село Болгары Успенское тож. Из числа сих древних зданий остались в целости: бывшая древняя каменная татарская мечеть в церковь Святого Николая обращенная за ветхостью ныне уничтоженная; цельная каменная башня в виде столба; другая не вполне уцелевшая; именуемая черная или судная палата, по видимому вмещавшая в себя Диван и Государственную тюрьму; Белая Палата, составлявшая Бани по восточному образу устроенные; остатки так именуемой Греческой Палаты на Валу, и другие обрушившиеся здания как в самой черте бывшего города внутри Вала, на самом Валу и за оным в малом городке, бывшем древнем Болгарском особом укреплении также находящиеся. Об остатках других бывших Болгарских и Казанских Татарских Городах я здесь не упоминаю в подробности, потому что кроме одних земляных укреплений, в некоторых местах надгробных камней бывших татарских кладбищ и остатков бывших садов

до времен наших ничего не уцелело. Сии оставшиеся признаки городов находятся в особенности по реке Каме, по нагорной стороне Камы, Волги, Кубни в Уездах: Казанском, Свяжском, Лаишевском, Тетюшском и Чистопольском, некоторых из них имена остались незабытыми в наших летописях, как то Иски Казань или Старая Казань, Ареск или Арск, Биллярск или Булымер, Жукотин, Гормир, Кумани, Балымат, Тура, крепкой город Ошель или Ошлюк, Торк или Торцкий, Собекуль, Челмат или Чулмат и другие. Достопримечательные остатки древностей, и в особенности Болгарских зданий описывали ученые путешественники: академик Паллас в его путешествии по России, Адъюнкт Академии Лепехин в его записках, Миллер в собрании русской истории (далее на латинице название произведения, неразборчиво — А.Х.), [...]лот в восточной его библиотеке (далее на латинице название произведения, неразборчиво — А.Х.), Статский Советник Рычков в его записках и в Казанской истории, бывший профессор университета Казанского, а ныне Дерптского Иоганн Фридрих Эртман в его сочинении на немецком языке: (далее на латинице название произведения, неразборчиво — А.Х.) и Арабский Географ Ибн Гаукал. — Блаженный памяти Государь Император Петр I во время Его похода в Персию, быв в Казанской губернии 1722 году и обзрев развалины древних Болгар, Высочайше Повелел: некоторые здания починить кирпичом и вообще все оные поддерживать от разрушения, а надгробные надписи на Арабском и Армянском языке перевести на русский язык, таковых надписей было переведено всех числом 49, и переводом занимались с армянского живший в Казани Армянин Иван Васильев, а с Арабского Казанский Слободской татарин Ахун Кадырмамет Сулюнчалеев и переводчик татарского языка Юсуп Ижбулатов. О поправке и поддержке Болгарских зданий Государь Император Петр I дал приказ бывшему Казанскому Вице-Губернатору Статско-

му Советнику Кудрявцову, тому самому, который приводил в известность в Казанской Губернии Корабельные леса, делал засеки в Уфимской провинции, устраивал Адмиралтейство, а у городка Сергиевска Серный Завод. Сей Именной Приказ Государя Императора Петра I о поддержании Болгарских зданий временем утеряны. В 1718 году также дано было Высочайшее повеление о собирании разных курьезных вещей, как-то: монстров, старинных вещей в земле и воде находимых, камней необыкновенных, костей человеческих или скотских, рыбьих или птичьих весьма великих или весьма малых пред обыкновенными, также старых надписей на камнях, железе и меди, старинного оружия посуды и других любопытных вещей. В сем повелении имеется ссылка на прежде того еще состоявшийся Указ, но оно не в памятниках, ни в словарях не находится. Наконец прошлых годов ныне царствующий Государь Император Николай I Высочайше повелеть соизволил, древним достопамятным зданиям сделать подробное описание, о чем и долженствует иметься Циркулярное предписание Господина Министра Внутренних Дел при делах Губернаторских; помнится мне сей труд возложен на здешнего губернского архитектора Шмита.

Более частных сведений о древностях Казанской Губернии и Именных Повелений, Указов и Начальственных предписаний об описании и поддержании древних памятников ввиду не имеется.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Ваш Милостивый Государь Покорнейший слуга Гавриил Солнцев.

№ 1343

4 ноября 1830 г.

Ответ на №10881

Его Высочайшему

Г. Управляющему Губернию

Евграфу Васильевичу Филиппову

НА РТ. Ф. 1, оп. 1,
д. 175, лл. 7—8.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Фукс Карл Федорович** (1776–1846) – известный в свое время врач, этнограф, археолог, историк и нумизмат. В 1806 г. становится профессором естественной истории и ботаники в Казанском университете. В 1819 г. возглавил кафедру патологии, терапии и клиники, а в следующем году на него возложено чтение анатомии, физиологии и судебной медицины. С 1820 по 1824 г. был избираем на должность декана врачебного отделения, а затем ректора университета, в каковой должности оставался до 1827 г. Положил начало изучению Поволжья в медико-топографическом отношении. Изучал религиозные обряды, праздники, обычаи и семейную жизнь татар и других поволжских народов, собирал восточные рукописи и монеты; собранная им нумизматическая коллекция перешла в 1823 г. к Казанскому университету. Автор многочисленных публикаций.

² **Соколовский Иосиф Карлович** (1763 – после 1836) – российский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал-майор. В 1786 г. принят подпоручиком из польской службы в Архангелогородский пехотный полк. В 1787–1788 гг. находился в Польше, был ранен. В 1789–1791 гг. воевал с турками. В 1792 г. произведен в капитаны. В 1799 г. в составе русских войск в Швейцарии. В 1804 г. назначен командиром Ярославского мушкетерского полка. В 1805 г. участвовал в Аустерлицкой битве, через год пожалован в полковники. В 1807 г. сражался с французами, в 1810–1811 гг. – с турками. В 1811 г. назначен шефом Ярославского пехотного полка. Принял участие в боевых действиях против наполеоновских войск у Волковыска и Рудни. В 1813 г. находился при взятии Ченстохова, в сражениях под Бунцлау, Кацбахе и за отличие в этих делах произведен в генерал-майоры. После Лейпцигской битвы в 1814 г. командовал отрядом российских и баденских войск при блокаде крепости Линдау. После окончания военных действий командовал 2-й бригадой 15-й пехотной дивизии, с 1 ноября 1821 г. исполнял обязанности коменданта г. Казани. В 1831 г. уволен со службы с мундиром и пенсионом полного оклада.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.175. Л.4.

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904). В 2-х частях. Под ред. проф. Н.П. Загоскина. – Часть II: факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. – Казань, 1904. – С. 76.

Аннотация

В статье приводятся краткие сведения о личности известного общественного деятеля, преподавателя и ректора Казанского университета, позже губернского прокурора Г.И. Солнцева. Представляют интерес сохранившиеся в архивах документы с описанием памятников древности и ссылками на законодательство в сфере охраны памятников. В конце статьи публикуется оригинальное письмо Г.И. Солнцева на имя казанского губернатора Е.В. Филиппова.

Ключевые слова: Гавриил Ильич Солнцев, исторические взгляды, археологические древности, охрана памятников, письмо губернатору.

Summary

The article is devoted to the personality of the famous public man, the head of Kazan University and a public prosecutor Solntsev G.I. His historical points of view as well as the description of the ancient monuments made by him and the research in the fields of its legislation and reservation are studied in the article. The original letter of G.I. Solntsev addressed to Kazan governor E.V. Filippov is at the end of the article.

УДК 745/749

О НЕКОТОРЫХ АТРИБУТАХ ДРУЖИННОЙ СРЕДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в. В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*А.А. Беговаткин, научный сотрудник
Института археологии РАН, Москва*

Скандинавский культурно-этнический импульс в раннем средневековье оказал существенное воздействие на декоративное искусство народов Восточной Европы. Под влиянием северной традиции в искусстве балтов, славян и финно-угров распространились изобразительные каноны Одина и Тора¹. Подавляющее большинство находок, несущих на себе изображения языческих богов, сосредоточено в Балтийском регионе, на Верхней Волге и Поднепровье. Предметы, воспроизводящие иконографические варианты Одина, Тора, Перуна и Перкунаса, являются в определенной степени своеобразными социальными маркерами. Их распространение неразрывно связано с княжескими дружинами и с утверждением пантеона, в котором ведущие места отводятся покровителям воинских союзов – богу грома и богу войны.

Отдельные артефакты подобного рода, обнаруженные в Волго-Окском междуречье, еще не рассматривались в археологической литературе. В данной статье анализируются находки, относящиеся к кругу древностей, связываемому со скандинавской традицией в искусстве. Для начала обратимся к тем предметам изображения, которые можно с достаточной степенью уверенности отнести к иконографическим вариантам Тора.

В 1936 г. при раскопках Ефаевского могильника, находящегося в среднем течении р. Мокши, была обнаружена

подвеска². Она происходит из женского погребения № 6, которое по форме обнаруженных в нем серебряных застежек – сьулгам датируется концом XIII–XIV в. Подвеска находилась на груди в составе ожерелья из серебряных полых внутри бус, украшенных зернью и сканью, а также сердоликовых бус бипирамидальной и призматической формы (рис. 1, 1). Украшение плохо сохранилось, что свидетельствует о его длительном использовании. В настоящее время в удовлетворительном состоянии находится только лицевая сторона подвески, которая представляет собой рельефный оттиск из листового серебра толщиной около 1 мм. Судя по небольшим уцелевшим фрагментам, обратная сторона была ровной, без какой-либо рельефности. Лицевая и обратная стороны украшения были спаяны между собой. Длина подвески от сохранившейся части ушка до нижнего края составляет 36 мм, ширина в месте наибольшего расширения – 37 мм. Внешняя поверхность изделия покрыта беспорядочно расположенной зернью, напаянной внутри обозначенного контура. В центральной части находятся два полусферических вдавления, оконтуренных проволокой. Чуть выше вдавлений расположены четыре проволочных кольца, которые образуют ромб. На поверхности подвески сохранились следы позолоты, покрывавшей, по-видимому, тонким слоем весь предмет.

В археологической литературе такие подвески получили название крестообразных. Подобные украшения (рис. 1, 3) были обнаружены в Киеве, на территории Михайловского монастыря, в составе клада 1903 г., сокрытого между 70-ми годами XII в. и 1240 г.³ Крестообразные подвески из Киева Г.Ф. Корзухина датировала первой половиной XI в., полагая, что они попали в состав более позднего клада. Кроме Киева, основная масса подобных изделий происходит с территории материковой Швеции, а также из кладов первой половины XI в., обнаруженных на острове Готланд, и из Хиддензее в Дании (рис. 1, 2)⁴. Время изготовления крестообразных подвесок с острова Готланд М. Стенбергер относит ко второй половине X в. Ефаевская подвеска типологически близка украшениям, найденным в Киеве, и соответственно время ее изготовления также может быть отнесено к первой половине XI в. Нахождение ее в погребении, датируемом концом XIII—XIV в., объясняется тем, что ценные украшения у мордвы обычно передавались из поколения в поколение и соответственно надолго задерживались в быту.

Крестообразные подвески из Киева традиционно относятся исследователями к предметам скандинавского происхождения. При рассмотрении украшений из кладов конца XII — начала XIII в. Г.Ф. Корзухина отмечала, что крестообразные подвески, находившиеся в быту более полутора столетий, не имели местных подражаний. Относительно ефаевской подвески ею было высказано предположение, что данное украшение попало на земли мордвы не из Поднепровья, а из Скандинавии, по Волге и Оке⁵. Анализируя предметы с бессистемно напаянной зернью, Е.Ю. Новикова пришла к заключению о местном производстве обнаруженных в Киевском кладе крестообразных подвесок. Происхождение таких украшений связывается ею с дружинной средой⁶.

Вне всякого сомнения, крестообразные подвески из Киева и Ефаевского

могильника были изготовлены скандинавами. В пользу этого говорит и техника бессистемной зерни напаянной внутри контура, и то, что данные подвески немногочисленны на территории Восточной Европы и не имели местных славянских и финских подражаний. Место изготовления этих подвесок определить сложно. Их могли изготовить как в Поднепровье, так и на о. Готланд, т.е. в тех районах, где в полиэтничной среде происходило взаимодействие различных традиций.

Не менее сложен вопрос об иконографии крестообразных подвесок. П. Паульсен связывал происхождение скандинавских крестообразных подвесок с молотом Тора⁷. Богатое оформление (подвески из Хиддензее изготовлены из золота) предполагает сакральное назначение этих изделий, подчеркивающих привилегированное положение их владельцев в обществе. В этом плане представляет интерес орнамент на ефаевской подвеске, выполненный при помощи проволочных колец и полусферных вдавлений. На наш взгляд, данная орнаментальная композиция — это стилизованное изображение лица в перевернутом положении. Вдавления в центре можно отождествить с глазами, а ромб, выполненный из проволочных колец, — со ртом, окаймленным усами и бородой.

Комбинационное сочетание двух кругов и ромба, символизирующих изображение лица божества, встречается на рукоятях мечей, обнаруженных в Прибалтике и на территории Руси. Одним из характерных примеров такого рода можно считать навершие меча, обнаруженного в конце 80-х годов XX столетия у села Пурдошки, на правом берегу р. Мокши⁸. Подробное описание пурдошанского меча приводится в работах В.Н. Шитова⁹. Мы ограничимся лишь рассмотрением некоторых интересующих нас конструктивных деталей бронзовой рукояти и элементов ее орнамента.

Рукоять меча состоит из перекрестия, трубки и навершия (рис. 2). Все

Рис. 1. Крестообразные подвески с бессистемной зернью: 1 – Ефаевский могильник (Краснолободский р-он Республики Мордовия), серебро с остатками позолоты; 2 – Хиддензее, клад (Дания), золото; 3 – Киев, клад 1903 г. на территории Михайловского монастыря, серебро. 1 – фонды Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И.Д. Воронина; 2, 3 – по: Новикова, 1993. Рис. 3, 3,4.

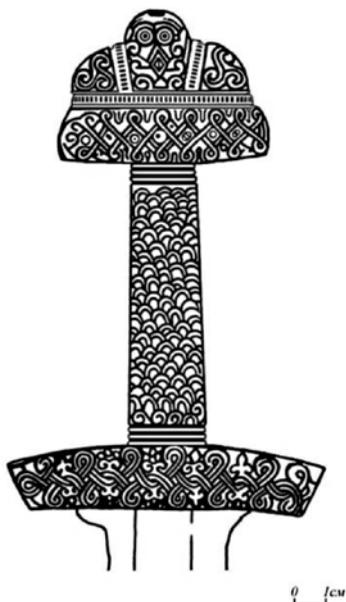

Рис. 2. Рукоять меча из окрестностей села Пурдошки (Темниковский район Республики Мордовия), бронза, чернь. Фонды Темниковского историко-краеведческого музея им. адмирала Ф.Ф.Ушакова

детали полые внутри. Судя по всему, каждая деталь рукояти изготавливалась из двух половинок, отлитых в одной литой форме. Облегченный характер рукояти свидетельствует о ритуальном или парадном характере оружия. Рукоять меча имеет трещины и следы ремонта в древности, что говорит нам об использовании оружия по его прямому назначению.

Обратимся к орнаментации рукояти пурдошанского меча. Центральное место на навершии рукояти занимает стилизованное изображение лица. Круги, расположенные в центре, символизируют глаза, а ромб, находящийся ниже, по всей видимости, это рот, окаймленный усами и бородой. На боковых частях навершия помещены триквестры с завернутыми в спираль концами, представляющие собой, по мнению В.Д. Артемовой и В.Н. Шитова, солярные знаки¹⁰.

Авторами публикации было акцентировано внимание на семи знаках, расположенных в нижней части навершия при пересечении орнаментальных линий: кольце; темном овале, повернутом верхней частью влево; кольце с точкой посередине; большом кольце со смещенной влево точкой; светлом овале с двумя перемычками, повернутом верхней частью вправо; малом кольце; светлом овале с одной перемычкой посередине, повернутом верхней частью вправо. В.Д. Артемова и В.Н. Шитов не дают интерпретации указанным знакам, на наш взгляд, их следует рассматривать как неизвестный вариант тайнописи. В данном случае мы имеем дело либо с зашифрованной надписью — оберегом владельца, либо, учитывая характер оружия, знаки следует рассматривать как надпись ритуального содержания.

Трубка рукояти пурдошанского меча покрыта орнаментом в виде чешуи. Это дает нам основание считать общую композицию рукояти художественным отображением мифической схватки Тора и мирового змея Ёрмунганда перед концом мира. В скандинавской мифологии Тор — герой, защищающий Мид-

гард (мир людей) и Асгард (мир богов) от великанов (ётунов); он противник мирового змея Ёрмунганда. Тор выполняет воинскую функцию в защите «своих» от «чужих». Битва Тора с мировым змеем была излюбленной темой изображений на щитах, о чем свидетельствуют щитовые драпы (стихотворения, в которых описываются картины, воспроизведенные на дорогом щите, подаренном конунгом скальду)¹¹.

* * *

В последние десятилетия в погребениях мордовских могильников были обнаружены предметы, которые по композиционным особенностям могут быть отнесены к вариантам иконографии Одина. В 1996 г. при раскопках Кельгининского могильника в мужском погребении 151, датирующемся XI в., был обнаружен кожаный пояс с бронзовыми пряжкой, накладками, пластинчатой обоймой и наконечником ремня. Пряжка пояса имела литую рамку и подвижный щиток, который представлял собой объемный оттиск из листовой бронзы толщиной около 1 мм. Общая длина пряжки составляла 49 мм, ширина рамки — 24 мм, наибольшая ширина щитка — 20 мм. Длина щитка — 31 мм. Орнамент на щитке выполнен при помощи сдвоенных рельефных линий. Линии орнамента образуют некое подобие сидящей человеческой фигуры с упертыми в бока согнутыми в локтях руками. У головы фигуры — два боковых отростка с расположенными над ними точками (рис. 3, 1). Композиционная схема на щитке пряжки воспроизводит иконографический сюжет «Один и вороны». Наиболее близкими аналогиями данному изображению из Кельгининского могильника являются орнаментальные композиции на наконечниках ножен мечей X в. из могильников: Ирзекапинис в Калининградской области (рис. 3, 2) и Жасинас в Литве (рис. 3, 3).

Иконографический сюжет «Один, слушающий воронов» оформился у западных германцев ко второй половине V в.н.э.¹² Наиболее ранние изображе-

ния Водана-Одина и воронов находятся на щитке пряжки второй половины V в. из Эправе (Бельгия) и на щитке пряжки начала VII в. из Окер (Норвегия)¹³. В.И. Кулаков, опираясь на эпическую традицию, предлагает считать данную композиционную схему каноном языческой иконы, возникшей как оппозиция христианским изобразительным канонам¹⁴.

Дальнейшее развитие изобразительного канона «Один и вороны» прослеживается на наконечниках ножен мечей X в., изготовленных в стиле Борре¹⁵. Проникая в балтийскую среду, эта иконографическая схема претерпевает значительные изменения: изображение предельно стилизуется, вороны сменяют драконы. Именно результат корректировки балтскими мастерами скандинавского канона мы видим на наконечниках ножен из могильников Ирзекапинис и Жасинас (рис. 3, 2,3). Пряжка из Кельгининского могильника, судя по схематичности стиля исполнения, также представляет балтскую реплику схемы «Один и вороны».

Вторая находка с иконографическим вариантом изображения Одина на территории Мордовии была обнаружена при раскопках Кельгининского могильника в 1998 г. Она происходит из заполнения погребения № 258, которое датируется концом XI–XII в. Данная подвеска неточно воспроизведена как на обложке книги «Кельгининский могильник», так и на рисунке в самой публикации¹⁶.

Подвеска изготовлена из сплава серебра с медью и представляет собой ажурную бляху миндалевидной формы. Длина украшения от ушка до нижнего края составляет 61 мм, ширина в месте наибольшего расширения – 42 мм. Орнамент на подвеске состоит из стилизованного изображения мужского лица. Центральное место композиции занимает изображение прямо смотрящих асимметричных (правый больше левого) глаз. Чуть ниже расположен нос, плавно переходящий в площадку ромбической формы. Этот участок под-

вески представляет, по-видимому, рот, окаймленный усами и бородой. К верху от глаз расположен трилистник, от которого в стороны отходят рогообразные отростки (рис. 4, 1). Бросается в глаза незавершенность кельгининской подвески – на верхней части не проделано отверстие для подвешивания и не удалены излишки металла, вылившиеся за пределы литейной формы.

По форме подвеска сходна с кочевническими копоушками второй половины X в., которые являются одним из характерных признаков печенежско-торческого населения восточной части южнорусских степей¹⁷. Богатый растительный орнамент на рукоятках кочевнических подвесок-копоушек трактуется исследователями как проявление сакрального значения этих предметов. Наиболее близкие аналогии кельгининской подвеске находятся в материалах Саркельского могильника и Саркела – Белой Вежи¹⁸. Появление копоушек, схожих по форме с кочевническими, но имеющих орнаментацию, выполненную в скандинавской традиции, на мой взгляд, следует связывать с полиэтничной дружинной средой Поднепровья. Вполне возможно, что мастер, изготовлявший такие предметы, стремился воспроизвести понравившийся амулет-копоушку с применением в орнаментации более близкого ему сюжета (образ одноглазого Одина). В пользу сакрального назначения кельгининской подвески свидетельствует и то, что она была отлита с оригинала, у которого отсутствовал стержень с функциональной ложечкой, поскольку нижний край копии не имеет следов излома.

Изображение бородатого лица с асимметричными глазами имеет аналогии на ювелирных изделиях X–XI вв. с территории Древней Руси, Скандинавии и Прибалтики. Лицо с асимметричными глазами находится на подвеске из Гнездова (рис. 4, 2), обнаруженной в составе клада 1868 г.¹⁹ Оно воспроизведено также на бронзовых фигурках из Свенсторпа в Швеции, с городища Шведт-ан-Одер в Германии и Новгоро-

Рис. 3. Изображения божества с головами животных за плечами: 1 – пряжка из погр. 151 Кельгининского могильника (Зубово-Полянский р-н Республики Мордовия), бронза; 2 – наконечник ножен меча из погр. 94 могильника Жасинас (Шилальский р-н Литовской Республики), бронза; 3 – наконечник ножен меча из погр. 117 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), бронза. 1 – Археологический музей Мордовского госуниверситета; 2, 3 – по: Кулаков, 2003. Рис. 1, 2, 3

Рис. 4. Изображения божества с асимметричными глазами: 1 – подвеска из Кельгининского могильника (Зубово-Полянский р-н Республики Мордовия); 2 – подвеска из Гнездова, клад 1868 г.; 3 – подвеска из Новгорода; 4 – ременные бляшки из Лядинского могильника (Тамбовская обл.); 5 – бляшка из Пановского могильника (Пензенская обл.); 6 – фигурка из Новгорода. 1 – фонды Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея; 2 – по: Седов, 1982. Табл. LXVIII – 6; 3, 6 – по: Кулаков, 2003. Рис. 1 – 6, 7; 4 – по: Альбом древностей мордовского народа, 1941. Табл. VIII – 9; 5 – по: Материальная культура среднецентинской мордвы VIII–XI вв., 1969. Табл. 17 – 6

да²⁰. По мнению В.И. Кулакова, данные фигурки отражают проявление культа Одина и Перуна/Перкуно²¹.

Кельгининская подвеска не единичное изображение божества с асимметричными глазами с территории расселения мордвы. В конце XIX столетия при раскопках Лядинского могильника X–XI вв. на Средней Цне было обнаружено несколько ременных бляшек с изображением лица с бородой и асимметричными глазами (рис. 4, 4)²². В 1928 г. П.П. Ивановым при раскопках Пановского могильника в погребении № 100 (X в.) были обнаружены аналогичные бляшки (рис. 4, 5)²³.

* * *

Как мы видим, в средневековых древностях Среднего Поволжья имеется пласт вещей, связанных с дружинной средой Восточной Европы. Время их изготовления приходится на вторую половину X – первую половину XI в. Круг дружинных древностей с территории Окско-Сурского междуречья можно расширить, включив в него подвески со знаками Рюриковичей, найденные при раскопках Кельгининского могильника²⁴, и поясную garnитуру с орнаментом, повторяющим трезубец Владимира I Святого, обнаруженную в погребении № 1 Стековского могильника²⁵. К вещам подобного рода можно отнести ритуальный топорик и наконечник копья с золотой инкрустацией из могильника Татарская Лака II²⁶, а также наконечники ножен мечей с прорезным орнаментом с Чаадаевского городища близ Мурома²⁷ и Шокшинского могильника²⁸.

Появление подобных предметов в Окско-Сурском междуречье не случайно. Оно свидетельствует об активизации внешней политики древнерусских князей в восточном направлении. На рубеже X–XI вв. Владимир I предпринимает ряд походов на Волжскую Болгарию. Заключенный торговый договор 1006 г. разделит сферы экономического влияния между Киевской Русью

и Волжской Булгарией²⁹. К концу X в. относится основание княжеского престола в Муроме. В результате первого раздела вотчин между сыновьями Владимира I Муром достался Борису, а после смерти Вышеслава в 1010 году он переходит Глебу³⁰.

Находки, связанные своим происхождением с дружинной средой Восточной Европы, определенно свидетельствуют о том, что часть мордовской территории в конце X – начале XI в. оказалась под сильнейшим влиянием древнерусского государства. Об этом также могут свидетельствовать и религиозные верования мордовского народа – в частности культ бога громовика Пурьгинепазы у мордвы-эрзи. По мнению известного мордовского фольклориста А.М. Шаронова, мордва в период формирования мифа о Пурьгинепазе вначале в составе Новгородского княжества, а затем и Киевской Руси имела активные этнические, военные и культурные контакты с прибалтийско-литовскими и финскими племенами, а также с древнерусской народностью. Эти контакты и обусловленные ими связи могли в известной мере способствовать появлению сходства в мифологии названных народов, в том числе в имени и образе эрзянского Пурьгинепазы, литовского Перкунаса, русского Перуна, финского Пиру, эстонского Пикне³¹.

Как известно, в дружинах Владимира I и его сыновей было много скандинавов, балтов и финно-угров. Безусловно, наемники принимали самое активное участие в военных походах. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в составе войска древнерусских князей, на правах наемников-федератов, вполне могли оказаться и представители мордвы. Следовательно, такое дорогостоящее оружие, как пурдошанский меч, а также поясная garnитура с орнаментом, повторяющим трезубец Рюриковичей, могли проникать на мордовскую территорию непосредственно с их носителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. – СПб., 1995. – С. 80.

² Горюнова Е.И. Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1. – Саранск, 1948. – С. 126, табл. XXVI, 14.

³ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л., 1954. – С. 66.

⁴ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. (Тр. ГИМ. Вып. 82). – М., 1993. – С. 52–53.

⁵ Корзухина Г.Ф. Русские клады..., с. 66.

⁶ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей..., с. 54.

⁷ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей..., с. 48.

⁸ Артемова В.Д., Шитов В.Н. Два меча XI в. из Темниковского Примокшанья // Древние поселения Примокшанья. (Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ. Вып. 104). – Саранск, 1992. Вып. 104. – С. 144–146, табл. II.

⁹ Шитов В.Н. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994.

¹⁰ Артемова В.Д., Шитов В.Н. Два меча XI в. из Темниковского Примокшанья..., с. 145.

¹¹ Мифы народов мира. – М., 1994. – Т. 2. – С. 519.

¹² Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., с. 67.

¹³ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., рис. 1, 1, 2.

¹⁴ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // Российская археология. – 2003. – № 1. – С. 60.

¹⁵ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., рис. 1, 5, 7, 8.

¹⁶ Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. – Саранск, 1998. – С. 157, рис. 97, 2.

¹⁷ Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // Советская археология. – 1985. – № 3. – С. 215.

¹⁸ Там же. – С. 216, рис. 2, 7.

¹⁹ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982. – С. 281, табл. LXVIII, 6.

²⁰ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно..., с. 61, рис. 1, 4–7.

²¹ Там же. – С. 60.

²² Альбом древностей мордовского народа. – Саранск, 1941. – Табл. VIII, 9.

²³ Материальная культура средневековой мордвы VIII–XI вв. – Саранск, 1969. – Табл. 17, 6.

²⁴ Беговаткин А.А., Вихляев В.И. Подвески со знаками Рюриковичей из Кельгининского могильника в Мордовии // Краеведческие записки. – Саранск, 2004. – С. 6–11.

²⁵ Мартынов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас, 2001. – Табл. 142, 1.

²⁶ Винничек В.А., Губанов А.А. Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология восточноевропейской степи. Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза, 2003. – С. 349, рис. 3, 16.

²⁷ Альбом древностей..., табл. XXVIII, 9.

²⁸ Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. (Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ. Вып. 99). – Саранск, 1990. – Табл. IV, 23.

²⁹ Хузин Ф.Ш. Волжские булгары, славяне и древняя Русь: культурно-экономические и этнополитические связи в раннем средневековье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XLIX). – СПб., 2009. – С. 228–230.

³⁰ Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. – Муром, 2005.

³¹ Шаронов А.М. Мордовский героический эпос. – Саранск, 2001. – С. 64.

Аннотация

В статье анализируются находки из Мордовии, относящиеся к скандинавскому кругу древностей. Появление подобных предметов в Окско-Сурском междуречье свидетельствует об активизации внешней политики древнерусских князей в восточном направлении. На рубеже X–XI вв. Владимир I предпринимает ряд походов на Волжскую Болгарию. Заключенный торговый договор 1006 г. разделил сферы экономического влияния между Киевской Русью и Волжской Болгарией. Находки, связанные своим происхождением с дружинной средой Восточной Европы, определенно говорят о том, что часть мордовской территории в конце X – начале XI в. оказалась под сильнейшим влиянием древнерусского государства.

Ключевые слова: раннесредневековая мордва, дружинная культура, скандинавские артефакты в Окско-Сурском междуречье.

Summary

The article deals with the analysis of finds in Mordovia which belong to the Scandinavian range of antiques. The appearance of such articles between the Oka and Sura rivers is not incidental. They witness that the foreign policy of the Old Russian princes becomes more active eastwards. On the borderline of the Xth and XIth centuries, Vladimir I undertakes a number of expeditions to Volga Bulgaria. The trade treaty signed in 1006 divided the spheres of economic influence in the Volga area between the Kievan Rus and Volga Bulgaria. The finds originating from the druzhina environment in Eastern Europe clearly show that part of the Mordovian territory got under the influence of the Old Russian state in the late Xth and early XIth centuries.

УДК 297

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ МУСУЛЬМАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Д.Г. Бугров, кандидат исторических наук,

Н.М. Капленко, соискатель,

А.Г. Ситдиков, кандидат исторических наук

Проблема распространения ислама среди населения Поволжья и Приуралья является объектом пристального внимания ученых, занимающихся вопросами средневековой истории края. Принятие мусульманства булгарами и проникновение его в среду небулгарского населения региона были процессом сложным, неравномерным и, чаще всего, трудно уловимым археологически. В особенности это характерно для территорий, не составляющих непосредственно ядро Булгарского государства, а входивших сферу его экономического и политического влияния. Новые материалы, позволяющие судить о времени и формах распространения ислама среди населения восточной периферии Волжской Булгарии, получены в результате охранно-спасательных раскопок на Гулюковском могильнике в Мензелинском районе Республики Татарстан.

Могильник расположен в 1 км к северу от с. Гулюково, на левом берегу р. Ик, левого притока р. Кама (ныне — Нижнекамское водохранилище), территориально частично совпадая с Гулюковской стоянкой эпохи неолита — поздней бронзы, известной с 1979 г.¹ Памятник интенсивно разрушается водохранилищем, отступление кромки обрыва составляет 1,5–3 м в год, что и обусловило проведение охранно-спаса-

тельных работ. Планируемый же подъем уровня Нижнекамского водохранилища с существующего уровня 62 м до проектной отметки в 68 м приведет к полному затоплению площади могильника.

Наличие на территории Гулюковской стоянки разрушающихся погребений было обнаружено Н.М. Капленко в 1992 г. В 1995 г. памятник был обследован отрядом Новостроечной археологической экспедиции Главного управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ под руководством А.А. Чижевского и наименован как «Гулюковский могильник». В ходе обследования были вскрыты 3 погребения, культурная принадлежность их не была определена, материалы не опубликованы. В 1997–1999 гг. могильник исследовался Н.М. Капленко: на площади около 310 кв. м было изучено 45 погребений, интерпретированных как «раннемусульманские XII — начала XIV в.»². В 2006–2007 гг. отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института истории им. Ш. Марджани АН РТ на памятнике вскрыто около 396,5 кв. м площади и исследованы 58 погребений³. Из общего количества 103 погребения, исследованных к настоящему моменту на Гулюковском могильнике* (без учета погребений, вскрытых в 1995 г.), девять

* Поскольку нумерация погребений из раскопок 1997–1999 гг. и 2006–2007 гг. дублируется, далее в тексте и в подписях к иллюстрациям к номерам погребений из раскопок Н.М. Капленко добавлена литера «К».

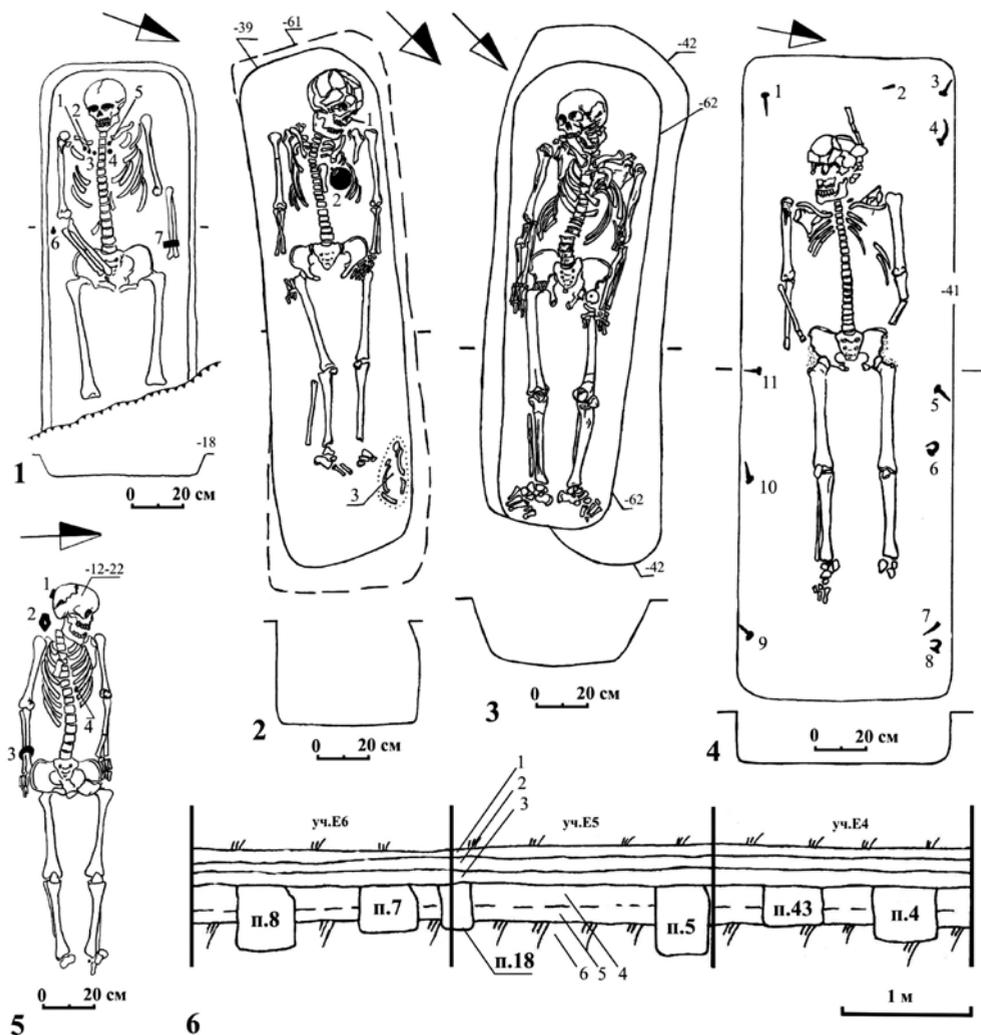

Рис. 1. Гулюковский могильник: 1–5 – планы погребений: 1 – погр. 1К (1–5 – бусы (1, 4, 5 – стекло, 2 – сердолик, 3 – горный хрусталь), 6 – подвеска-пуговица, бронза, 7 – браслет, бронза); 2 – погр. 4 (1 – пронизка(?), свинцово-оловянный сплав, 2 – бляха, бронза, 3 – кости ребенка); 3 – погр. 17, 4 – погр. 31К (1–11 – гвозди, железо); 5 – погр. 11К (1, 4 – каменные изделия, 2 – подвеска-решма, серебро(?), 3 – браслет, бронза); 6 – профиль юго-западной стенки участков Е4–6 раскопа I (2006 г.): 1 – дерн, 2, 4 – плотная темно-серая супесь (2 – слоистая, 4 – однородная), 3, 5 – плотная серая супесь (5 – с включением красно-коричневого суглинка), 6 – красно-коричневый суглинок (материк)

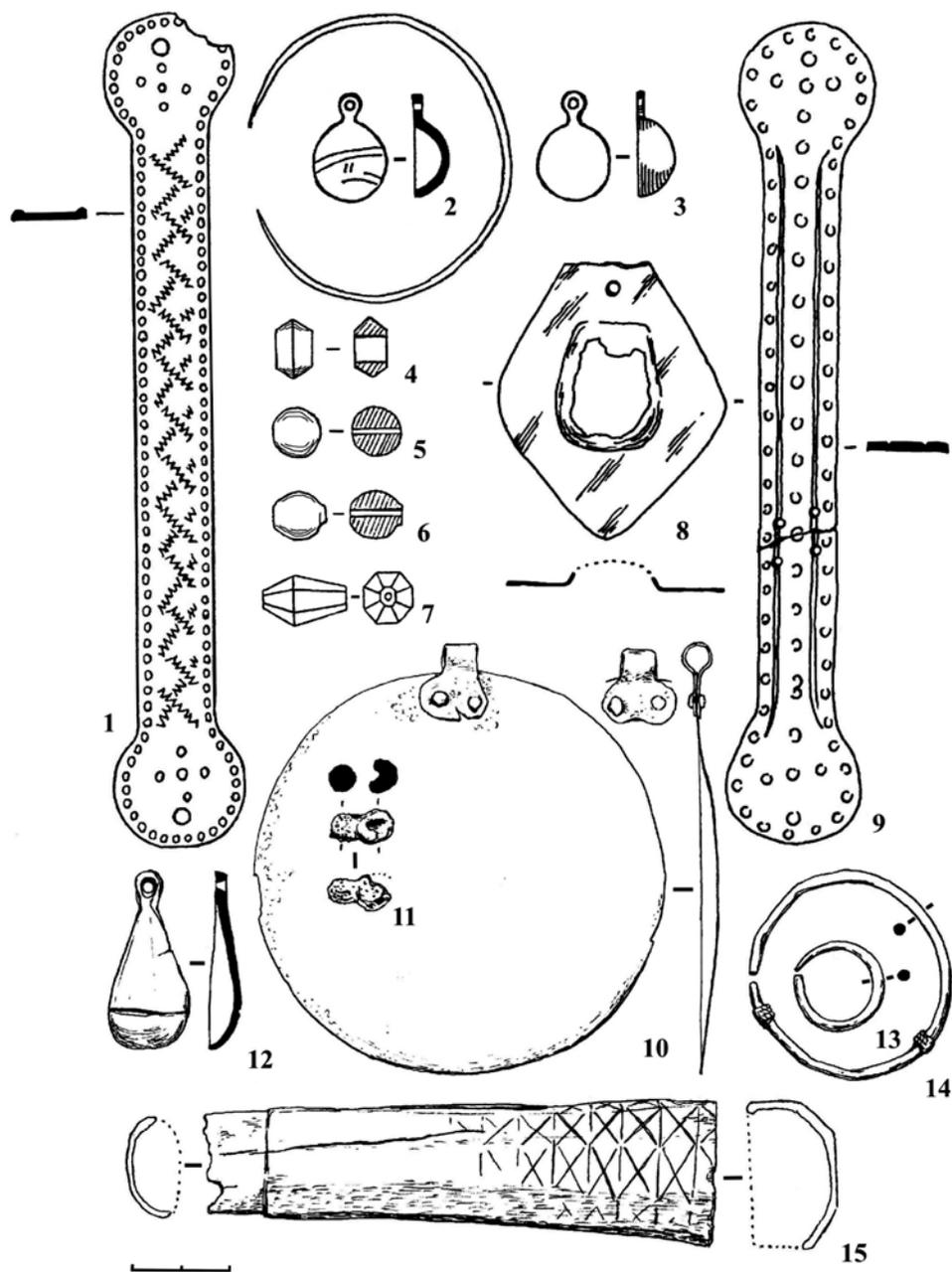

Рис. 2. Материал Гулюковского могильника: 1–7 – погр. 1К; 8, 9 – погр. 11К; 10, 11 – погр. 8; 12–15 – подъемный материал (1–3, 9, 10, 12, 14 – бронза; 4, 6 – стекло; 5 – горный хрусталь; 7 – сердолик; 8 – серебро(?); 11 – свинцово-оловянный сплав; 13 – золото; 15 – кость)

датируются IV в. н.э. и оставлены позднесарматским населением Приуралья (?), 94 относятся к эпохе средневековья. Еще 12 погребений, предположительно средневековых, попали в пределы раскопов частично и не вскрывались.

Средневековые погребения располагались на площади раскопов более или менее плотными группами, организованными каждая в 2–4 нечетких ряда; ряды вытянуты с ЮЮВ на ССЗ, параллельно краю террасы; промежутки между группами колеблются от 3–4 до 10–15 м. Могильные ямы неглубокие (до 60 см от уровня древней дневной поверхности), вытянутые, подпрямоугольной формы с закругленными углами или торцами. В 9 случаях (погр. 5, 7, 8, 19, 20, 39, 44, 47) прослежено «нависание» северных стенок ям (рис. 1, 2, 6). Погребенные расположены вытянуто на спине и ориентированы головой в основном на ЗЮЗ и ЮЗ (соответственно 36 и 32 случаев), 12 костяков ориентированы на запад, 11 – на ЮЮЗ, по одному – на С, СЗ и ЗСЗ. В 42 случаях прослежен выраженный разворот головы погребенного: в 30 погребениях вправо лицом к Ю и ЮЮВ, в 12 – влево, к С и ССЗ. Инвентарь в большинстве случаев отсутствует, вещи найдены в 16 погребениях, причем в одном (погр. 31К) это 11 железных гвоздей от гроба (рис. 1, 4). В остальных случаях это украшения, детали одежды и орудия труда. В погр. 1К (рис. 1, 1) найдены пластинчатый бронзовый браслет (рис. 2, 1), округлая бронзовая подвеска-пуговица (рис. 2, 2-3), бусы из стекла, сердолика и горного хрусталя (рис. 2, 4-7). В погр. 2К находился только железный нож; в погр. 8К – костяная пластина, железные нож и два наконечника стрел(?) плохой сохранности. Из погр. 11К (рис. 1, 5) происходят бронзовая подвеска-решма (рис. 2, 8) и пластинчатый бронзовый браслет со следами ремонта (рис. 2, 9), аналогичный браслету из погр. 1К. Погр. 15К и 19К содержали по одной

поясной (?) накладке плохой сохранности; погр. 18К и 12 – по одному бронзовому височному кольцу (типа рис. 2, 13); погр. 21К – пару аналогичных колец и железный нож. Из погребения в береговом обнажении (ПБО)* 2К происходят бронзовое кольцо и стеклянная бусина; из ПБО 3К – бронзовое кольцо, стеклянная бусина и железный нож. Наконец, инвентарь погр. 4 (рис. 1, 2) состоял из круглой выпуклой бронзовой бляхи с приклепанным ушком (рис. 2, 10) и пронизки (?) из свинцово-оловянного сплава (рис. 2, 11); погр. 25 – из фрагмента бронзового украшения с зернью и медной пластинки; детского погр. 38 – из железного ножа, «зонной» бусины прозрачного зеленого стекла и разрушившегося предмета из свинцово-оловянного сплава; погр. 51 – из медной пластинчатой подвески (?). Все погребения с вещами обнаружены в раскопах, расположенных вдоль кромки современного края террасы; единственное исключение – погр. 51 в раскопе 3 (2007 г.), отстоящем от обрыва на 30 м. Кроме того, вещи из разрушенных погребений, в том числе височные кольца из «белой бронзы» и золота (рис. 2, 13, 14), бронзовая каплевидная подвеска-пуговица (рис. 2, 12), костяной игольник (рис. 2, 15), железные ножи найдены и на размытой части памятника. По-видимому, могилы с вещами были сосредоточены в восточной и северо-восточной частях могильника, ныне смытой водохранилищем, а исследованные погребения с инвентарем являлись юго-западной периферией этой группы захоронений.

Погребальный инвентарь Гулюковско-го могильника позволяет датировать памятник, опираясь, прежде всего, на комплексы погр. 1К, 11К и 4. Наиболее раннюю датировку имеет стеклянная бусина-«лимонка» из погр. 1К (рис. 2, 6). На территории Восточной Европы, в том числе и в Волжской Болгарии, такие бусы из желтого полупрозрачного стек-

* Термин Н.М. Капленко, обозначающий частично разрушенные погребения, вскрытые в 1997–1999 гг. вне раскопов.

ла подшаровидной формы с выступающими «валиками» вокруг отверстий характерны для второй половины X — начала XI в.)⁴. Округлые подвески-«пуговицы» из погр. 1К (рис. 2, 2-3) и каплевидная «пуговица» из подъемного материала (рис. 2, 12) существовали в конце X—XI вв. Подобные привески обычны для болгарских памятников X—XI вв.⁵ Браслеты с расширенными округлыми концами, аналогичные найденным в погр. 1К и 11К (рис. 2, 1, 9), представлены в памятниках XI—XII вв. Южного Урала (Мрясимовские курганы), Верхнего Прикамья (Агафоновский II и Рождественский могильники, Кудымкар, Соломатовское городище) и бассейна Вычегды (Чежтыягский могильник)⁶; в последнем случае дата комплекса (конец XI—XII вв.) подкреплена набором западноевропейских монет с позднейшей датой — 1056 г.⁷ В пределах XI—XII вв. датируется подвеска-решма из погр. 11К (рис. 2, 8)⁸. Пик распространения в Волго-Камье шаровидных бус из горного хрусталя (рис. 2, 5) и бипирамидальных из сердолика (рис. 2, 7) приходится на XI—XIII вв.⁹ Бронзовая бляха с широкой петлей для подвешивания из погр. 4 (рис. 2, 10) аналогична серебряным бляхам из Бутаевского клада, определяемым как украшения конской сбруи и датируемым в пределах XI — первой половины XIII вв.¹⁰; в нашем случае бляха использована в качестве женского шейного украшения. Аналогично — в качестве центрального медальона ожерелья или нагрудной подвески — использовались бронзовые и серебряные бляхи разных типов населением, оставившим могильники, относимые к чиялыкской культуре или предшествующие ей: Селянино Озеро, Кишертский, Кушулевский, Азметьевский I, Такталачукский, Дербешкинский в Приуралье¹¹, Пылаевский¹² и «Козырь»¹³ в Зауралье*. Часть этих блях чрезвычайно близка бляхе из погр. 4 по размерам и конструкции¹⁴.

Комплексы с такими бляхами датированы исследователями рубежом XI—XII — первой трети XIII вв.¹⁵ и XII—XIII вв.¹⁶ Таким образом, в целом Гулюковский могильник может быть датирован домонгольским временем в пределах второй половины XI — начала XIII вв. Форма и размеры могильных ям, наличие у могил «нависающих» стенок, сопоставимых с зачаточной формой подбоя («ляхт»), близкое к канонической кыбле положение погребенных (вытянутая поза, ориентировка в западный сектор, разворот головы лицом к югу), превалирование безынвентарных погребений — все эти признаки сближают средневековую часть Гулюковского могильника с мусульманскими некрополями центральных районов Волжской Булгарии домонгольского периода¹⁷. Практически полностью соответствует «классическому образцу» болгарского мусульманского захоронения погр. 31К, совершенное в прямоугольной яме, в деревянном гробу, скрепленном одиннадцатью железными гвоздями (рис. 1, 4). С другой стороны, на могильнике фиксируется и значительное количество элементов погребального обряда, нехарактерных для ислама: отклонения от прозападной ориентировки погребенного, доходящие иногда до 90° (погр. 16, 62), разворот головы в противоположную от Мекки сторону, наличие погребального инвентаря. Это позволяет говорить о неустойчивости мусульманских погребальных норм и сохранении определенной языческой традиции. Следует отметить также своеобразие таких захоронений, как погр. 49, 51 и 54, в которых наблюдается специфическое нарушение анатомического порядка костяков: часть костей, прежде всего конечностей, сохраняют свое положение, а кости грудной клетки, позвоночника, таза, режы — череп и часть костей конечностей перемешаны и лежат в беспорядке, однако приблизительно

* Высказывалось даже мнение, что использование такого рода нагрудных украшений является «племенной традицией угорских племен», и они «обязательно присутствуют в захоронениях чиялыкских некрополей Приуралья» (Гарустовий и др., 2008. С.59).

на том месте, которое соответствует их анатомическому расположению. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело со следами обряда «обезвреживания покойного» либо с вторичными захоронениями. В литературе за погребальными памятниками такого типа, сочетающими мусульманские и языческие черты, закрепилось наименование «раннемусульманских»¹⁸. Достоверная культурная привязка могильника затруднена полным отсутствием в погребениях керамических сосудов (немногочисленные отдельные фрагменты керамики, найденные в заполнении могильных ям, так же, как единичные каменные изделия (рис. 1, 5), происходят из культурного слоя Гулюковской стоянки). Пока не удастся обнаружить и средневековое поселение, которое можно было бы связать с Гулюковским могильником. Совокупность элементов

погребального обряда, состав и размещение инвентаря сближает его с упомянутыми выше «раннемусульманскими» могильниками, относимыми к чияликской культуре периода ее формирования — Кишертским, Кушулевым (ранняя часть), Селянино Озеро¹⁹ (Пастушенко, 2006. С.53). Дата Гулюковского могильника — вторая половина XI — начало XIII в. — делает его наиболее ранним мусульманским некрополем Восточного Закамья. Впечатляют также размеры памятника — по самым грубым предварительным подсчетам количество погребений только на нераспаханной части могильника (20–40 м от края террасы) может составлять около 1500–1800. Все это позволяет существенно откорректировать наши представления о времени начала и масштабах мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археологические памятники Восточного Закамья. — Казань, 1989. — С. 37, № 262.

² Капленко Н.М. Отчет об археологических охранно-спасательных и разведочных работах в зоне Нижнекамского водохранилища в Мензелинском и Тукаевском районах в пределах РТ в 1997 г. — Набережные Челны, 1997. — С. 2–28 / Архив Музея археологии Татарстана при ИИ АН РТ; *он же*. Отчет об археологических охранно-спасательных и разведочных работах в зоне Нижнекамского водохранилища в Мензелинском и Тукаевском районах в пределах РТ в 1998 г. Набережные Челны, 1998. — С. 3–22 / Архив Музея археологии Татарстана при ИИ АН РТ; *он же*. Отчет об археологических охранно-спасательных и разведочных работах в зоне Нижнекамского водохранилища в Мензелинском и Тукаевском районах в пределах РТ в 1999 г. — Набережные Челны, 1999. — С. 27–30 / Архив Музея археологии Татарстана при ИИ АН РТ.

³ Бугров Д.Г. Отчет о раскопках на Гулюковском могильнике в Мензелинском районе Республики Татарстан в 2006 г. Казань, 2007 / Научно-отраслевой архив ИА РАН; *он же*. Отчет о раскопках на Гулюковском могильнике в Мензелинском районе Республики Татарстан в 2007 г. Казань, 2010 / Научно-отраслевой архив ИА РАН.

⁴ Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М., 1988. — С. 154; Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовой Камы. — Казань, 1991. — С. 148; Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. — Казань, 1995. — С. 115; Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовой Камы XI–XIV вв. — Казань, 2001. — С. 100; Валиуллина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). — Казань, 2005. — С. 88.

⁵ Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. — Казань, 1984. — С. 50; *он же*. Булгарское село..., с. 119; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных металлов и драгоценных металлов // Город Болгар. — Казань, 1988. — С. 187, 188; Руденко К.А. Материальная культура..., с. 82; Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica (Казань). — 2006. — № 9. — С. 53.

⁶ Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь, 2000. — Рис. 43; Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чижтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар, 1992. — С. 135, рис. 33-2.

⁷ *Истомина Т.В.* Комплекс погребения 37..., с. 134.

⁸ *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных металлов..., с. 207–211; *Белякова О.Б.* Среднее Причудымье в X–XIII вв. – Томск, 1996. – С. 176, 208, 264; *Король Г.Г., Конькова Л.В.* Южно-сибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // «Археологические вести», № 14. – М., 2007. – С. 147; *Михайлов К.А.* Центральнo-азиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. – Новгород, 1997. – С. 253, рис. 4, 4.

⁹ *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. – М., 1982. – С. 171; *Полубяринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991. – С. 27.

¹⁰ *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. – 2000. – № 1–2 (6–7). – С. 42, 54, рис. 16, 2–8.

¹¹ *Пастушенко И.Ю.* К вопросу о чияликских «погребальных масках» // Finno-Ugrica (Казань). – 2005. – № 7–8. – С. 37–40.

¹² *Пастушенко И.Ю.* К вопросу о чияликских «погребальных масках»..., с. 39.

¹³ *Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.А.* Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири // Finno-Ugrica (Казань). – 2008. – № 11. – С. 57.

¹⁴ *Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник..., рис. 2, 2; 9, 6; 14, 15; *Ютина Т.К.* Исследования Дербёшкского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан // Finno-Ugrica (Казань). – 2007. – № 10. – Рис. 7, 1–8; *Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.А.* Средневековые могильники..., рис. 2, 23.

¹⁵ *Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник..., с. 53.

¹⁶ *Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.А.* Средневековые могильники..., с. 60.

¹⁷ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань, 1986.

¹⁸ *Гарустович Г.Н.* Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в Южно-Уральском регионе (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. – Уфа, 1986. – С. 78; *Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник..., с. 54; *Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.А.* Средневековые могильники..., с. 61–62.

¹⁹ *Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник..., с. 53.

Аннотация

В статье на основе анализа погребального обряда и инвентаря погребений Гулюковского могильника, расположенного на левом берегу р. Ик (Мензелинский р-н РТ), предпринимается попытка выяснить начало и масштабы мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии. Авторы полагают, что этот процесс на рассматриваемой территории шел с некоторым запозданием. Исследуемый памятник датируется XI – началом XIII в. и является наиболее ранним мусульманским могильником Восточного Закамья.

Ключевые слова: раннемусульманские могильники, восточная периферия Волжской Булгарии, погребальный обряд, погребальный инвентарь, Гулюковский могильник.

Summary

The article is concerned with the analysis of the funeral rites and implements of burial of Gulukovskiy burial ground situated on the left bank of the river Ik (Menzelinskiy region of Tatarstan). Besides, the attempts are aimed to find out the beginning and the scope of Muslimization of the population of the eastern periphery of Volga Bulgaria. The authors believe that this process was going on in the observed area with some lag. The investigated monument, which dates from the XI – the beginning of the XIII centuries, is the earliest Muslim burial ground of Eastern Zakamye.

УДК 902

РУССКО-БОЛГАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА ВОЛГЕ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (по материалам поселения Курмыш-4)

*Н.Н. Грибов, кандидат исторических наук,
Ф.А. Ахметгалин, научный сотрудник*

Область, разделяющая территории Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии, до сих пор остается слабо изученной. Сведения из письменных памятников не позволяют составить сколько-нибудь ясное представление о происходивших здесь процессах. Археологические материалы, на которые остается надеяться, в основном происходят из отдельных изученных памятников или микрорегионов, которые пока не охватывают сколько-нибудь полно всей интересующей территории. Несомненный интерес в этом ключе имеют средневековые поселения, расположенные не только на территории Марий Эл, Чувашии, но и на западной периферии Нижегородской области.

В 1984 г. отряд Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М.Г. Жилина зафиксировал в нескольких километрах к северо-западу от современного поселка Курмыш Пильнинского района Нижегородской области компактное скопление из пяти небольших средневековых поселений. Входящие в него памятники первоначально были охарактеризованы как русские (или русско-мордовские) селища XIV–XV вв. с размерами от 600 до 3000 кв. м¹ (рис. 1).

При обследовании района их расположения комплексной экспеди-

цией Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2007 г. выяснилось, что площадки четырех из них представляют собой локальные участки одного большого памятника, который был обозначен как поселение Курмыш-4². Его площадь, определенная по распространению подъемного материала, составляет 16,5 га. Размеры поселения были определены благодаря обследованию сотен открытых ям, оставленных мародерами, ими же с помощью нанятой сельхозтехники была пропахана полоса длиной около 1 км, которая пересекала почти всю его площадку. Для средневековых селищ Нижегородского Поволжья размеры поселения Курмыш-4 весьма необычны. Самые крупные русские селища из окрестностей Нижнего Новгорода имеют площади в 4–6 га, максимальные размеры известных мордовских селищ в южных районах достигают 10–11 га.

Памятник вытянут вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м. В глубь террасы его площадка простирается на 80–250 м. Ее высота над уровнем заболоченной поймы колеблется от 5 до 7 м. Территория памятника узкой балкой рассечена на две части. В

Рис. 1. Ситуационный план

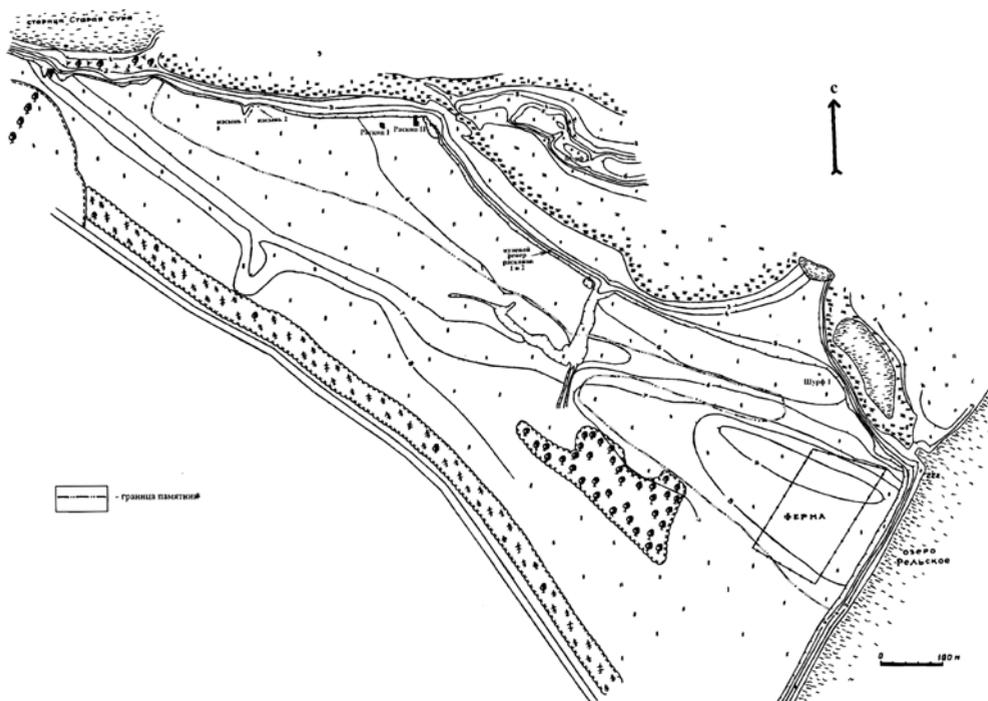

Рис. 2. План поселения Курмыш-4, с обозначением границ памятника. Инструментальная съемка Н.Н. Грибова 2009 г. Сечение горизонталей через 1 м. За нулевой уровень принят уровень воды в старице Старая Сура

юго-восточной был заложен небольшой малометражный шурф (2x2 м), который выявил двухслойный характер культурных напластований: под темным средневековым слоем на супесчаном материке лежал светлый горизонт с лепной керамикой финала бронзы. В северо-западной половине памятника в 2008 и 2009 гг. были заложены два раскопа, общей площадью 107 кв. м (рис. 2). Здесь были вскрыты только средневековые напластования (мощностью до 40 см), которые почти повсеместно на всю глубину до материка были переотложены в результате распашки. Только на небольших локальных участках и только вблизи материковой поверхности культурный слой был структурирован (рис. 11). Большой неожиданностью для исследователей стал уникальный для средневековых памятников Нижегородского Поволжья состав собранного керамического комплекса.

Собранная керамическая коллекция (подъемный материал и раскоп) включает в себя около 20000 фрагментов. По сочетанию значений основных технологических признаков (способу формовки, характеру обжига, рецептуре теста) в ней выделяется несколько групп, среди которых преобладает так называемая «славяноидная» керамика (XVI группа по классификации Т.А. Хлебниковой), изготовленная в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства за исключением характера примеси в виде мелкотолченой раковины³. К «славяноидной» посуде относится в среднем каждый второй черепок, обнаруженный на памятнике (49,9%). Второй по численности является русская средневековая керамика с примесью песка или дресвы (30,0%). Набор венчиков (как «славяноидной», так и русской посуды) по соотношению разных типов

характерен для второй хронологической группы, выделенной по русским памятникам Нижегородского Поволжья и датируемой промежутком середины XIV – начала XV вв.⁴

Меньшее распространение имеют круговая керамика с примесью шамота по формам, в большинстве случаев повторяющая известные образцы русской посуды (10,2%), лепная керамика с преобладающей добавкой того же шамота, по венчикам и формам сосудов очень близкая мордовской посуде (7,3%), красноощенная керамика эпохи Золотой Орды (2,3%) (рис. 3).

Количественные соотношения керамики основных вышеназванных групп в подъемном материале и в разных слоях наиболее крупной ямы, обнаруженной на раскопе 1, соответствуют друг другу. Следовательно, можно полагать, что в быту местных насельников использовалась посуда, сделанная в различных этнокультурных традициях.

Культурное разнообразие обнаруживается и в характере вещевого материала. Коллекция индивидуальных находок, собранных как в раскопах, так и в качестве подъемного материала, состоит из 530 единиц. Значительную часть из них (81 находка) составляют фрагменты чугунных котлов (рис. 4). Среди них встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта (рис. 5). К кругу поволжских золотоордынских древностей можно отнести еще целый ряд находок. Это бронзовая дужка от зооморфного болгарского замка, бронзовая нашивная накладка, три однотипные поясные штифтовые накладки из бронзы с гладкой поверхностью подквадратной формы с выступами по углам и по середине одной из сторон, многочисленные фрагменты медной посуды, свинцовые «пломбы-грузики», фрагмент венчика стеклянного сосуда, три

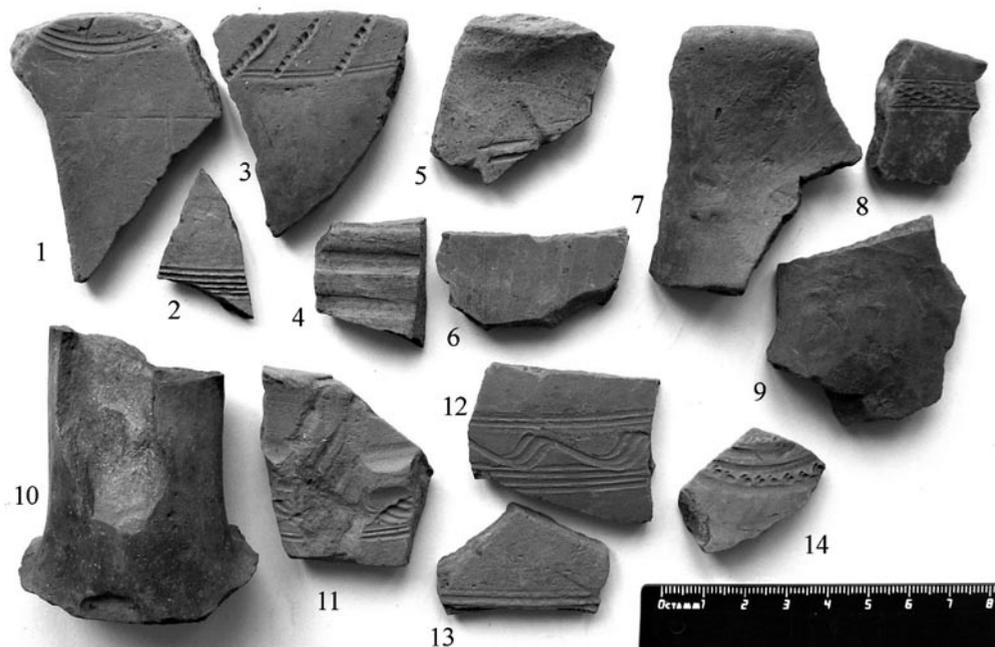

Рис. 3. 1-14. Фрагменты болгаро-золотоордынской керамики с поселения Курмыш-4

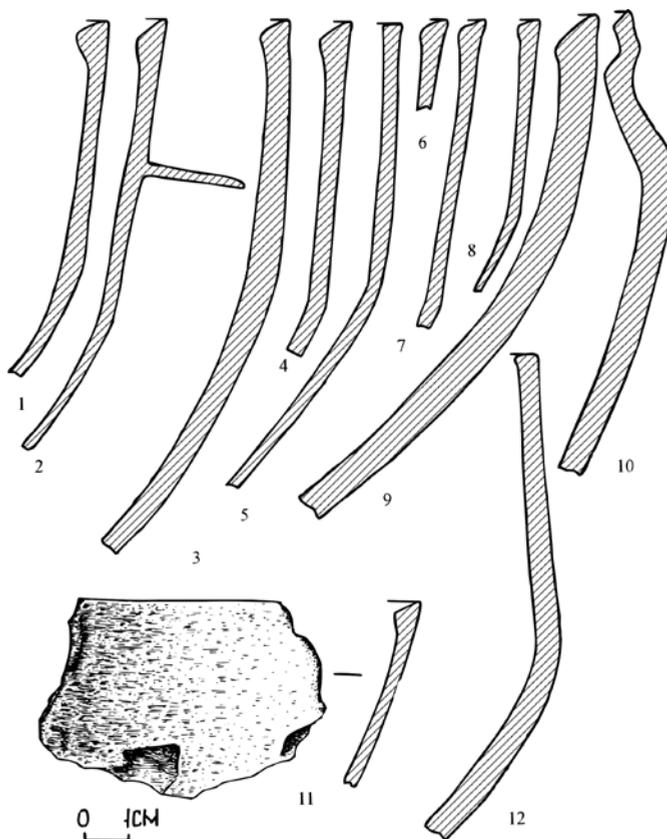

Рис. 4. 1-12. Венчики чугунных котлов, 11 – фрагмент чугунного котла

фрагмента поливной кашинной посуды (среди них выделяется фрагмент так называемого «тимуридского» кашина, расписанного кобальтом) (рис. 6, 7, 1-3, 5-7, 8-10). К изделиям этого же круга можно отнести бронзовую муфту (от футляра ножа?) полукруглой формы с декоративным щитком колоколовидной формы. Завершение последнего отмечено оттиском клейма в виде рельефной надписи, состоящей из двух арабских букв («ба» и «каф»), образующих слово «бек» (изображение клейма атрибутировано как надпись и прочитано к.и.н. П.Н. Петровым) (рис. 7, 4).

Нумизматические находки представлены девятью монетами чеканки поволжских центров Золотой Орды. Среди них два одинаковых медных анонимных пула с изображением барса (монетный двор — Гюлистан, 764 г.х.), медный пул Хызра (г. Гюлистан, очевидно, 762 г.х.: при изготовлении штемпеля допущена ошибка в обозначении даты — 766 г.х.), шесть дирхемов: два Узбека (г. Сарай, один — 715 или 717 г.х., другой — 734 г.х.), два Джанибека (оба — 743 г.х., чеканки г. Сарая ал-Джедид), один Бердибека (760 г.х., г. Сарай ал-Джедид) и один Мюрида (764 г.х., г. Гюлистан). Монеты ханов Узбека и Джанибека обрезаны (их вес от 0,71 до 1,36 гр.) (рис. 7, 11–13).

К типично финским элементам материальной культуры относится бронзовая кольцевая застежка, к предметам личного благочестия, характерным для православного русского населения, — четыре бронзовых креста-тельника, свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с ростовым изображением святого Николая Чудотворца (рис. 8).

Обращают на себя внимание следы различных производств, прежде всего, связанных с получением и обработкой железа. Это одна целая и несколько

фрагментированных криц, большое количество крицеобразных металлургических шлаков, которые встречаются почти на всей территории памятника (рис. 9). Большое количество найденных осколков чугунных котлов позволяет поставить вопрос о местном производстве этих изделий. С обработкой железа связан массивный пробойник (рис. 10, 1). О существовании на поселении бронзолитейной мастерской свидетельствуют фрагменты керамических тиглей, два осколка от литейных форм (для отливки перстней), литники, слитки бронзы, бронзовая проволока (рис. 10, 3–9). С резьбой по кости, очевидно, следует связать железное лучевое сверло (рис. 10, 2).

Представления о некоторых традициях местного домостроительства можно получить из рассмотрения вскрытых на раскопе объектов. Среди них — две достаточно обширные материковые ямы. Одну из них с развалом глинобитной печи в верхней части заполнения можно охарактеризовать как предпечную, другую с деревянной обшивкой стен и половым настилом — как небольшой погреб, размером 1,5x1,7 м (глубиной от материка 110 см). Пристенная обшивка состояла из горбылей, вертикально вбитых в дно узкой пристенной канавки. Половой настил был настелен на две лаги. Нижний горизонт заполнения ямы, очевидно, связан с обрушением верхней части пристенной забутовки, в нем много тленообразных остатков сломанных плах и горбылей. Второй снизу горизонт, очевидно, образовался как грунт обрушения материковых кромок ямы. И, наконец, верхний горизонт, связанный с развалом небольшой глинобитной печи, вероятней всего, представляет собой последствия обрушения отопительного устройства, сооруженного на деревянном перекрытии над ямой.

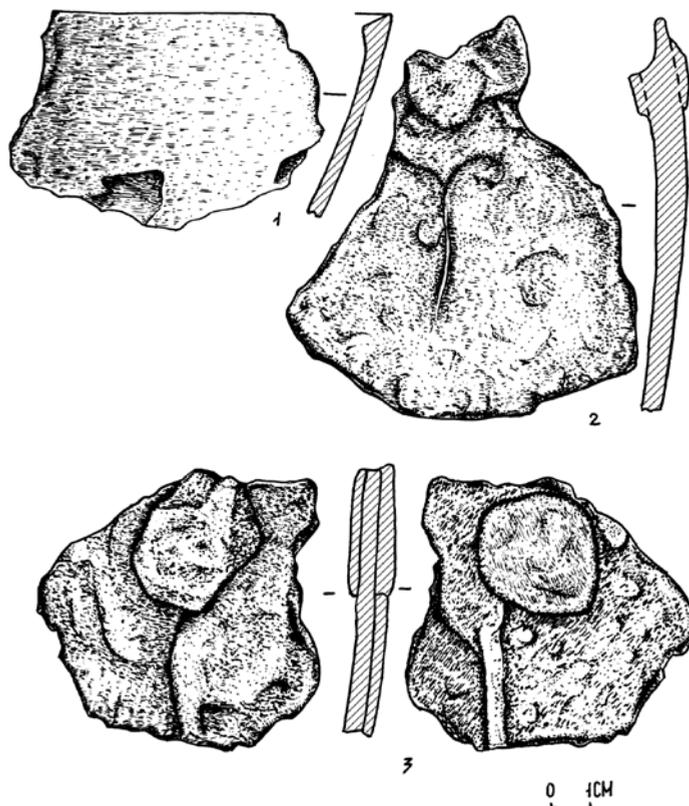

Рис. 5. 1-3. Фрагменты бракованных чугуных котлов или со следами ремонта

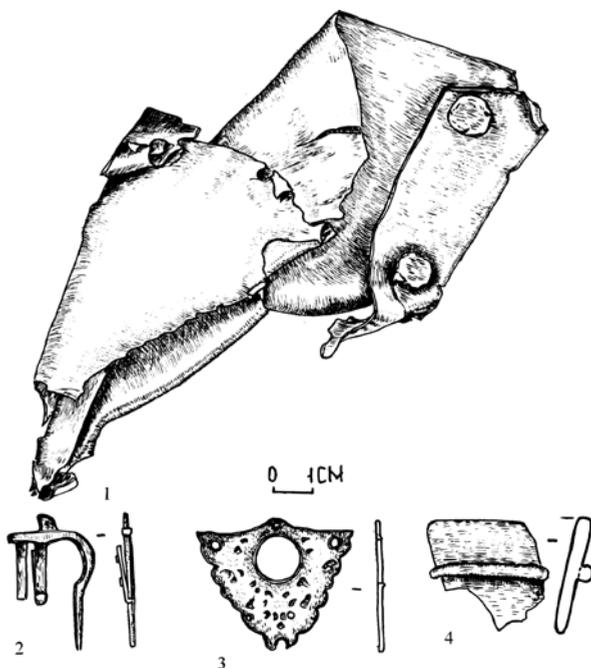

Рис. 6. 1 – фрагмент медного котла, 2 – дужка замка, 3 – накладка, 4 – венчик стеклянного сосуда

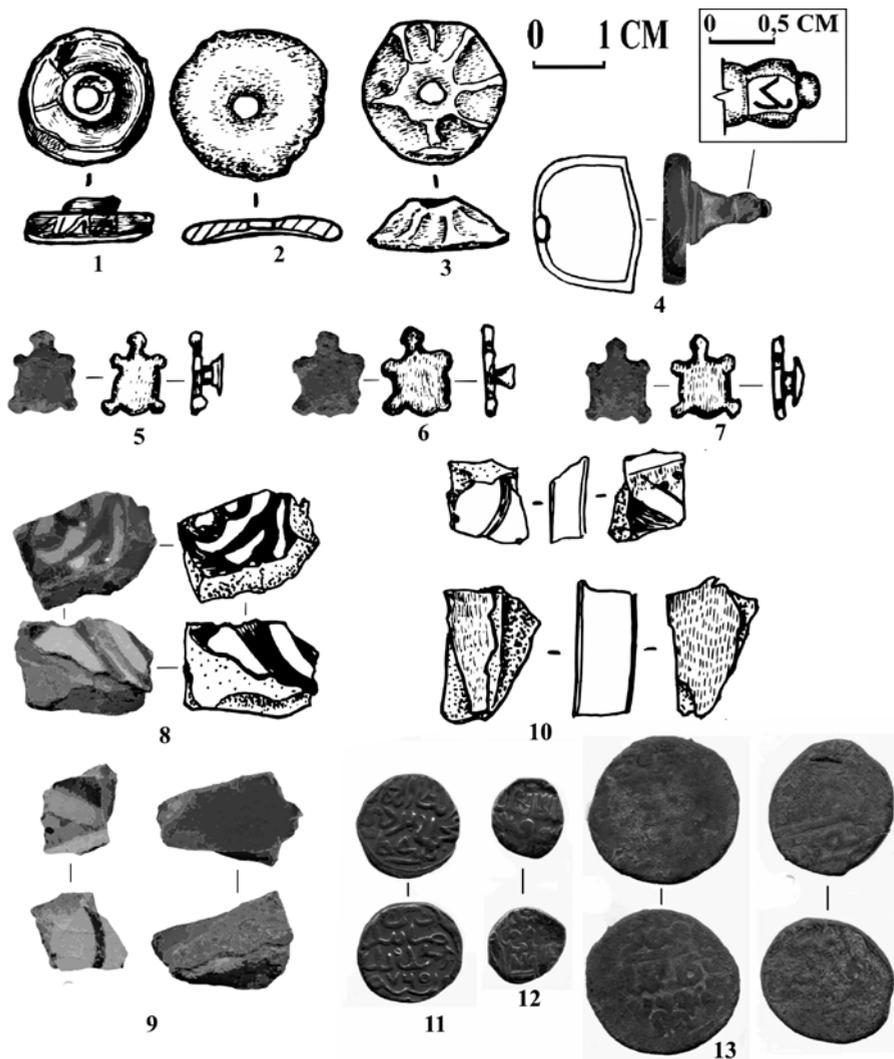

Рис. 7. 1–3 – свинцовые пломбы (грузики), 4 – обойма ножа бронзовая с надписью «бек», 5–7 – накладки бронзовые, 8 – фрагмент кашинной поливной «тимуридской» керамики, 9–10 – фрагменты кашинной поливной золотоордынской керамики XIV в., 11–13 – медные пули второй половины XIV в.

Рис. 8. Свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с изображением святого Николая Чудотворца

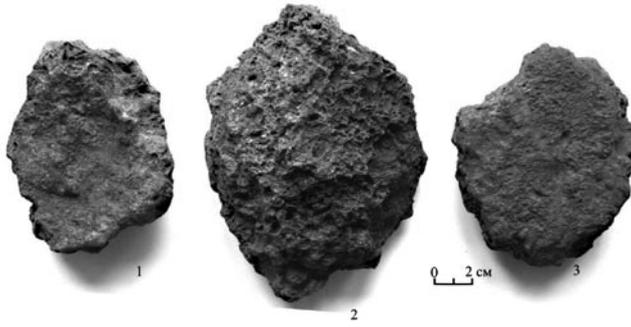

Рис. 9. 1–3 – крицы

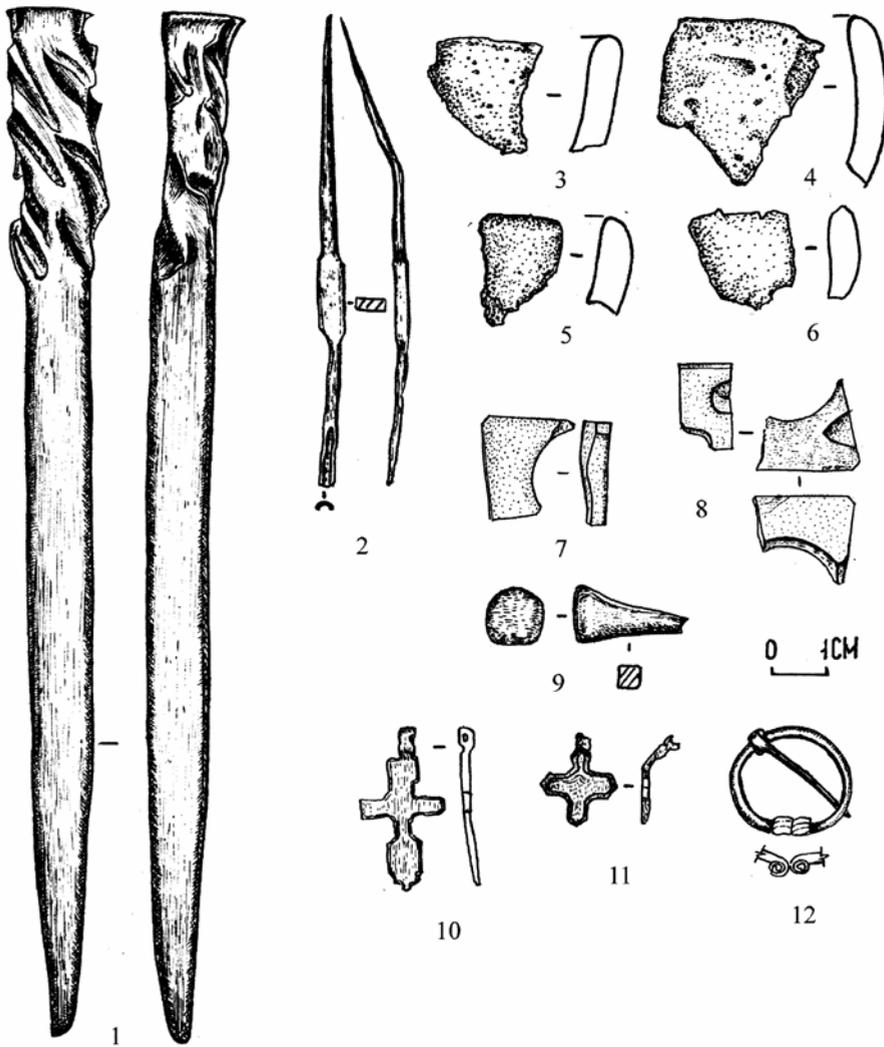

Рис. 10. 1 – железный пробойник, 2 – железное сверло, 3–6 – фрагменты керамических тиглей, 7–8 – фрагменты каменных литейных форм, 9 – фрагмент бронзового литника, 10–11 – бронзовые крестики, 12 – бронзовая сьюльгама

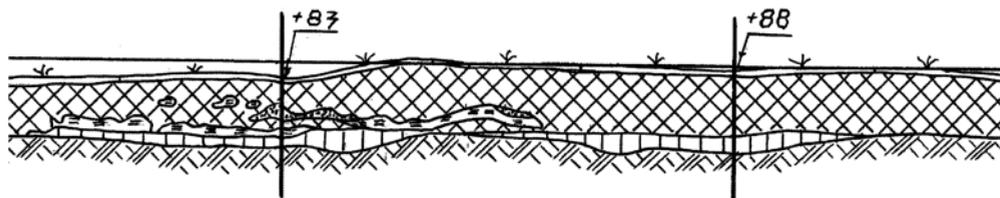

Рис. 11. Профиль раскопа

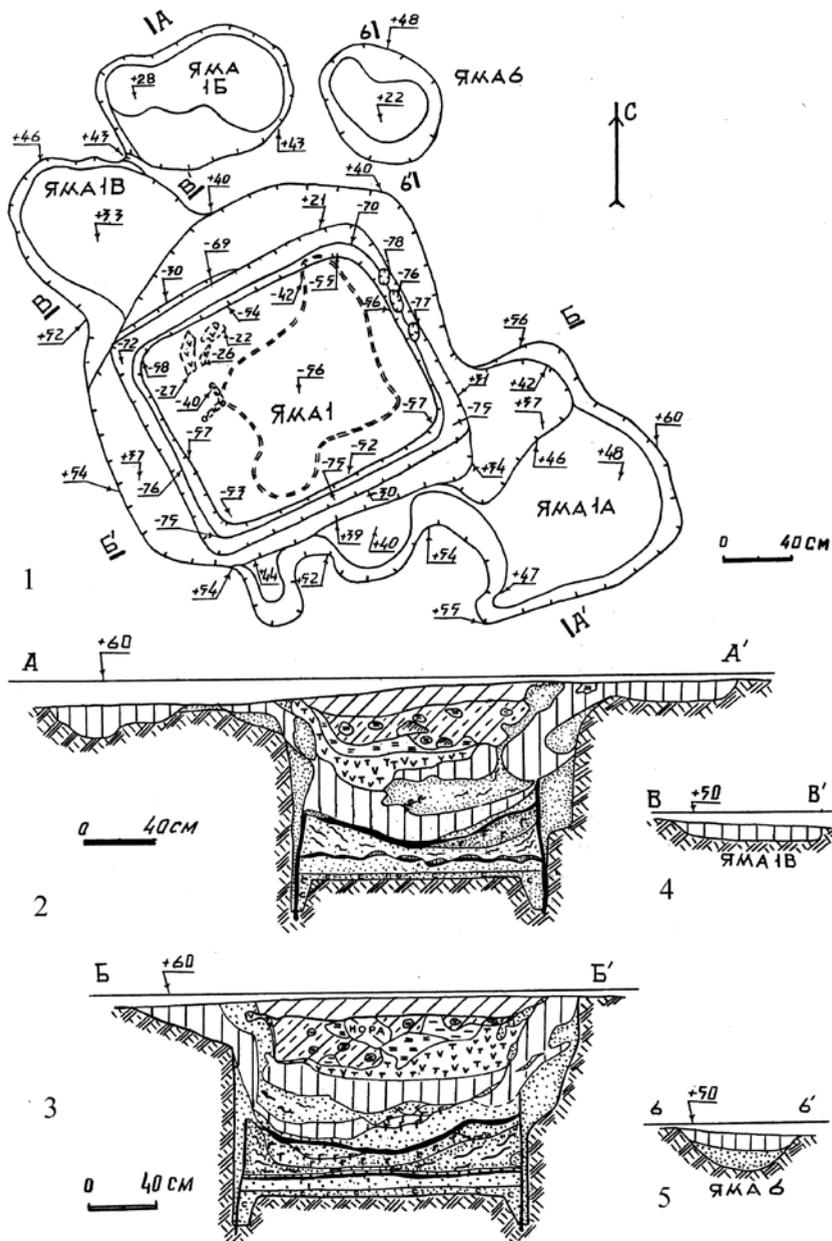

Рис. 12. 1 – план сооружения 1 (раскоп I – 2008 г.), 2–3 – сечения сооружения 1 (раскоп I – 2008 г.)

Сооружение, связанное с данным углублением, можно предположительно охарактеризовать как двухъярусную жилую постройку с подпольной ямой, выполнявшей функцию погребя. Подобные сооружения известны по раскопкам сельских болгарских и русских памятников (рис. 12).

По особенностям состава керамического комплекса, этнокультурному разнообразию вещевого материала памятник можно отнести к кругу средневековых поселений, изученных в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Вместе с тем у памятника есть и своеобразные черты, выделяющие его из поселений, входящих в округи Мало-Сундырского и Васильсурского V городищ. Прежде всего, это значительные размеры, широкое распространение чугунных котлов, большая насыщенность находками. По этим признакам и времени существования Курмыш-4 сближается с Торецким селищем⁵. Подобные памятники известны в Чувашии⁶, на границе Золотой Орды и русских земель в среднем течении Дона⁷.

Ключи к разгадке социальной природы поселения, его функций мы получаем при обращении к письменным источникам и при его рассмотрении на более широком фоне средневекового расселения Нижегородского Поволжья.

Сохранившийся текст одной жалованной грамоты из архивохранилища Нижегородского Благовещенского монастыря позволяет уверенно причислить данное поселение к владениям нижегородского князя Бориса Константиновича, в удел которого, по крайней мере, в промежуток с 1372 по 1393 г. входило все левобережье р. Суры — от устья до места впадения в нее р. Курмышки⁸. В состав жителей поселения, скорее всего, входили выходцы из золотоордынских областей,

возможно, выкупленные в Орде пленные и местное финноязычное зависимое от нижегородских князей население. Поселение Курмыш-4, вероятно, играло роль ремесленного и торгового центра, основанного благодаря княжеской инициативе, на пересечении сухопутного и водного путей, ведущих в Орду. В 1372 г. в его ближайших окрестностях, но на некотором удалении от берега Суры, Борис заложил укрепленную резиденцию, известную по сообщению русских летописей как город Курмыш⁹. Его размеры (около 5000 кв. м) вполне соответствуют размерам древнерусских укрепленных усадеб («феодалных замков»)¹⁰.

Несмотря на сведения о походе Идегея, когда Курмыш был разграблен¹¹, исследуемое поселение, вероятно, не было окончательно заброшено. После Белевского сражения в 1437 г., в 40-х гг. XV в. Курмыш становится базой Улу Мухаммеда, откуда он совершает свои походы и берет Нижний Новгород. В 1445 г. он разбивает войско Василия II, впоследствии Темного, в Курмыш он привозит взятого в плен Великого князя московского и вынуждает его подписать договор о выплате дани¹². Некоторые историки считают этот момент одним из важнейших при основании Казанского и Касимовского ханств.

Поселение Курмыш-4 обнаруживает ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы разнообразной производственной ремесленной деятельности, торговли. По классификации В.Л. Егорова, он характеризуется как малый город Золотой Орды¹³.

Материалы, полученные при его первичном обследовании, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения поволжского русско-золотоордынского пограничья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Жилин М.Г.* Отчет Горьковской экспедиции за 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 10532; *Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. – М., 2004. – С. 298, 299.

² *Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1.

³ *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 89, 90; *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005–2006. – № 9 – С. 114–130.

⁴ *Грибов Н.Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. – Н-Новгород, 2006. – С. 71.

⁵ *Валиуллина С.И.* Проблемы преемственности городской культуры в округе Биляра // Татарская археология. – 2004. – № 4.

⁶ *Трубникова Н.В.* Селище у д. Таутово. Отчет Чувашской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН Р-1, № 1259.

⁷ *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Докторская диссертация. – С. 283.

⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. – М., 1964. – Т. 3. – С. 321.

⁹ Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. – М., 2000. – Стб. 100.

¹⁰ *Очеретин И.А.* Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II. – Муром, 1994. – С. 201.

¹¹ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15. – М., 2000. – Стб. 484.

¹² *Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – С. 45.

¹³ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М. – С. 70.

Аннотация

Статья посвящена подведению предварительных итогов первых лет археологических раскопок на торгово-ремесленном поселении Курмыш-4, расположенном у одноименного поселка в Пильнинском районе Нижегородской области. По мнению авторов, первоначально, во второй половине XIV в., поселение принадлежало владениям нижегородского князя Бориса Константиновича, а после известного Белевского сражения 1437 г. превращается в базу бывшего золотоордынского хана Улу Мухаммеда.

Ключевые слова: русско-золотоордынское пограничье, город Курмыш, полиэтничное население, топография города, материальная культура.

Summary

The article is devoted to summing up the preliminary results of the first years of archaeological diggings in the trade settlement Kurмыш-4, situated near the village of the same name in Pilyninskiy area of Nizhegorodski region. According to the authors' viewpoint primarily in the second half of the XIVth century the settlement belonged to the property of Nizhegorodski prince Boris Konstantinovich, and after a well-known Belevski battle of 1437 it became the basis of the former Golden Horde khan Ulu Mohammed.

УДК 748

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ СТЕКЛА XVII–XIX ВВ. КЛАССА ЗАКРЫТЫХ СОСУДОВ

*А. О. Кайсин, аспирант Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ*

Увеличивающиеся темпы и масштабы археологических раскопок в городах с исторической застройкой постоянно вводят в поле зрения исследователей новый материал, причем, помимо древностей, увеличивается количество предметов XVII–XIX вв. Долгое время их считали малоинформативными и не слишком ценными. Однако увеличивающееся количество находок поздних вещей в последнее время приводит к появлению проблем, мало или почти совсем не известных по другим источникам.

Вполной мере сказанное относится к изделиям из стекла Нового времени. В этом случае хорошо изучены только предметы прикладного искусства, хранящиеся в художественных музеях, а о рядовых вещах почти ничего не известно¹. Здесь важнейшим звеном работы с предметом будет считаться полное и точное описание вещи, которое должно быть структурировано. Описать предмет значит полно и точно дать признаки единичного объекта². Основой описания является набор признаков³. Но часто мы сталкиваемся с неупорядоченными описаниями, зависящими только от воли описывающего и отражающими его уровень знаний. Широко распространен интуитивный отбор, при котором фиксируются наиболее заметные призна-

ки, причем в пределах одного списка в одних случаях фиксируется только форма, в других – цвет, материал, наличие или отсутствие клейма. Задачей данной работы является попытка дать структуру описания предметов стекла XVII–XIX вв., которую можно было бы использовать для большинства изделий данного типа.

Методика, предложенная Ю.Л. Щаповой для древнего стекла, частично подходит и для более современных артефактов⁴. Именно те модели описания стекла, которые предложены ею, мы расширили и применили на позднем стекле. Как известно, Ж.-К. Гарден разделяет признаки, описывающие вещи, на внутренние и внешние – первые могут быть получены при изучении самой вещи, вторые – являются результатом изучения контекста⁵. В целом внешние признаки могут быть названы адресными, поскольку они сообщают адрес вещи в пространстве (место находки, место создания, место хранения) и во времени (эпоха создания, эпоха бытования). К внутренним признакам предмета многие ученые (Ю.А. Лихтер, Ю.Л. Щапова и др.) относят материал, технологию, морфологию и функцию⁶, где морфология и материал – прямые эмпирические признаки, которые можно уви-

деть непосредственно, а технология и функция — вычисляемые признаки, которые необходимо восстанавливать по следам изготовления и по следам использования.

Применительно к стеклу XVII—XIX вв. описание вещи будет отличаться внутренними признаками, так как внешние являются, в принципе, одинаковыми для любого археологического артефакта. Изучив ряд работ по описанию археологических предметов, можно прийти к следующему основополагающему выводу: специфическим для любой вещи будет являться набор конструктивных элементов, выделяемых в подсистему «морфология»⁷. Исходя из этой позиции, мы можем составить план-схему морфологического описания стекла Нового времени, по которому можно будет сравнивать и изучать находки вне зависимости от их местонахождения.

При анализе морфологии помимо формы существенное значение имеет конструкция, складывающаяся из конструктивных элементов (днище, стенки, горлышко, венчик и др.), каждый из которых имеет ту или иную форму. Очевидно также, что одной конструкции при составлении какой-либо классификации будет недостаточно. Существенным является также отношение диаметра венчика к максимальному диаметру сосуда. По этому признаку сосуды делятся на открытые (диаметр венчика больше или равен максимальному диаметру), закрытые (диаметр венчика меньше 0,5 максимального диаметра) и полуоткрытые (диаметр венчика меньше максимального диаметра, но больше 0,5 максимального диаметра). Кроме этого, при описании предметов стекла, не являющихся сосудами, важнейшей характеристикой будет являться

функциональная принадлежность артефактов.

В этой работе мы затронем лишь класс закрытых сосудов (бутылы, штофы или кварты⁸, флаконы, колбы).

Основными морфологическими признаками вещи, по Ю.А. Лихтер, являются цвет, декор, метрические характеристики и конструкция⁹. Применительно к сосудам Нового времени, декор будет изменен на присутствие или отсутствие клейма и его местонахождение на изделии. Сейчас мы рассмотрим каждую из категорий морфологического описания более подробно.

Цвет сосуда зависит от применения химических элементов, называемых красящими агентами, количество которых ограничено. Следовательно, ограничена и цветовая гамма. Основными цветами стеклянных изделий являются: бирюзовый, зеленый, коричневый, розовый, фиолетовый, синий, сине-зеленый, желто-зеленый, дымчато-красный. Кроме этого, важным здесь будет указание на прозрачность или непрозрачность стекла.

Второй характеристикой сосудов являются метрические характеристики, которые в свою очередь зависят от конструктивных особенностей сосудов. Все сосуды класса закрытых имеют следующие конструктивные части: днище, тулово (цилиндрического или кубического типа), плечики, горло, венчик. Следовательно, у всех этих частей вымеряются диаметр и высота самого сосуда (см. табл. 1).

Другой важнейшей морфологической характеристикой является наличие или отсутствие клейма. Клеймо на сосуде является одним из главных признаков идентификации предмета, его принадлежности к производству. Его подробное описание является центральным в описании закрытого

Описание закрытых стеклянных сосудов

Закрытый стеклянный сосуд (наименование)					
Внешние признаки		Внутренние признаки			
Место находки		Материал	Морфология		
Место хранения		Функция	Цвет	Конструкция, метрика	Клеймо
		Технология			

стеклянного сосуда. Итак, описание клейма начинается с его точного воспроизводства. Далее идет описание композиции клейма, т.е. группировка и расположение клейма относительно основы¹⁰.

Стекло является важнейшим элементом изучения городской мате-

риальной культуры и исследования повседневной жизни города. Благодаря такому описанию закрытых стеклянных сосудов, можно извлечь максимум информации, при помощи которой возможно проведение сравнительного анализа предметов изучаемого типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Ашарина Н.А.* Стекло // Русская керамика и стекло XVIII–XIX вв. – М., 1978; *Долгих Е.В.* Русское стекло XVIII в. Собрание Гос. музея керамики и «Усадьба Куськово». – М., 1985.

² *Лихтер Ю.А.* Внешние и внутренние признаки в описании вещи // Режим доступа: conf.cpic.ru / eva2005 / rus / reports / theme_407html.

³ См.: *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер А.Я.* Анализ археологических источников. – М., 1978. – С. 18.

⁴ *Шапова Ю.Л.* Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. – М., 1989. – С. 45–46.

⁵ *Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология. – М., 1983. – С. 118.

⁶ *Лихтер Ю.А.* Опыт описания археологических артефактов. База данных по находкам на Манежной площади в Москве // Режим доступа: www.adit.ru / adit99 / material / pd309_r/htm; *Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л.* Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды» // Артефакт, программный продукт по археологии. – М., 1991. – С. 9–10.

⁷ См.: *Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А.* Логическая структура описания декора // Вестник МГУ. Серия «История». – М., 1999. – № 2. – С. 113–121; *Лихтер Ю.А.* Системное описание – основа обобщенной модели артефакта // Режим доступа: conf.cpic.ru / eva2004 / rus / reports / theme_122html; *Шапова Ю.Л.* Программа изучения керамики // Древнерусская керамика. – М., 1992. – С. 170–177.

⁸ Вопрос терминологии: Ю.А. Лихтер именует граненые бутылки с вогнутым дном, закругленными плечиками и небольшим горлом штофами, а О.Н. Левко называет такого рода сосуды квартами. См.: *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.* Позднесредневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Тр. VI Международ. конгресса славянской археологии. – М., 1997. – Т. 2. – С. 51; *Левко О.В.* Витебск XIV – XVIII вв. – Минск, 1994. – С. 52.

⁹ *Лихтер Ю.А.* Опыт описания археологических артефактов...

¹⁰ У Л.С. Клейна речь идет о декоре, но можно применить к стеклянному клейму. См.: *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л., 1990. – С. 359.

Аннотация

Стекло является важнейшим элементом изучения городской материальной культуры и исследования повседневной жизни города. Важнейшим звеном изучения изделий из стекла является первоначальное структурированное описание вещи. В работе дается попытка составить план-схему морфологического описания стекла Нового времени, класса закрытых сосудов, по которому можно будет сравнивать и изучать находки вне зависимости от их местонахождения.

Ключевые слова: стекло Нового времени, набор признаков, внешние и внутренние признаки, адрес вещи в пространстве, закрытые сосуды, бутылки, штофы или кварталы, флаконы, колбы, материал, технология, морфология, функция, цвет, метрические характеристики, клеймо.

Summary

Glass is the major element of studying city material culture and research of a daily life of city. The major part of studying products from glass is the initial structured description of a thing. In the article the attempt is made to compose the plan-scheme of the morphological description of glass of the New time, a class of the closed vessels which will make it possible to compare and study finds regardless of their site.

УДК 748:738

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ИСКИ КАЗАНИ (ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ)

Н.А. Кокорина, кандидат исторических наук

Актуальность изучения комплексов гончарных мастерских Русско-Урматского селища, или Иски Казани, назрела в связи с вопросами хронологии памятников Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. В этих комплексах, благодаря их сравнительно хорошей сохранности и изученности, имеется датирующий монетный и вещевой материал, отражающий, как правило, вполне определенный отрезок времени.

В связи с длительным существованием в Иски Казани гончарных мастерских можно проследить эволюцию болгарского и болгаро-татарского гончарства на протяжении длительного времени, а также выявить влияние на него различных традиций и в целом связать развитие ремесла с историко-политическими событиями той эпохи.

К настоящему времени раскопками изучены четыре комплекса гончарных мастерских (рис. 1): комплекс № 1 – раскоп 4 Н.Ф. Калинина 1956 г. в южной части селища¹; комплекс № 2 – раскоп I А.Г. Мухамадиева 1976 г. в северной части селища²; комплекс № 3 – раскоп II Р.Г. Фахрутдинова 1976 г.³, занимающий на Русско-Урматском селище промежуточное положение между 1 и 2 комплексами; комплекс № 4 – раскоп VI Р.Г. Фах-

рутдинова и Н.А. Кокориной 1983 г. в северной части селища⁴.

Из четырех комплексов в настоящее время опубликованы материалы лишь последнего⁵. Изучение этого комплекса, получившего название «дом гончара», дало датирующие керамические реперы для позднезолотоордынского периода и начала эпохи Казанского ханства (конец XIV – середина XV в.). Три первых комплекса гончарных мастерских подготовлены автором к изданию в «Татарской археологии» (вместе с Р.Г. Фахрутдиновым и А.Г. Мухамадиевым).

Задача данной работы – общая характеристика материалов из гончарных мастерских, реконструкция сооружений, осмысление их конструктивных особенностей по периодам, а также специфики вещевого и гончарного комплексов.

Изучение этих материалов⁶ позволяет охарактеризовать их в хронологической последовательности.

Наиболее ранним среди них является комплекс из раскопа II, исследованного Р.Г. Фахрутдиновым в 1976 г. (рис. 1). В него входят сооружение 1 в виде остатков бытовой печи, сооружения 2 и 3 – ямные очаги (южнее сооружения 1), два гончарных горна к западу от сооружения 1 (рис. 2). Планиграфия сооружений раскопа и их стратиграфическая связь дают осно-

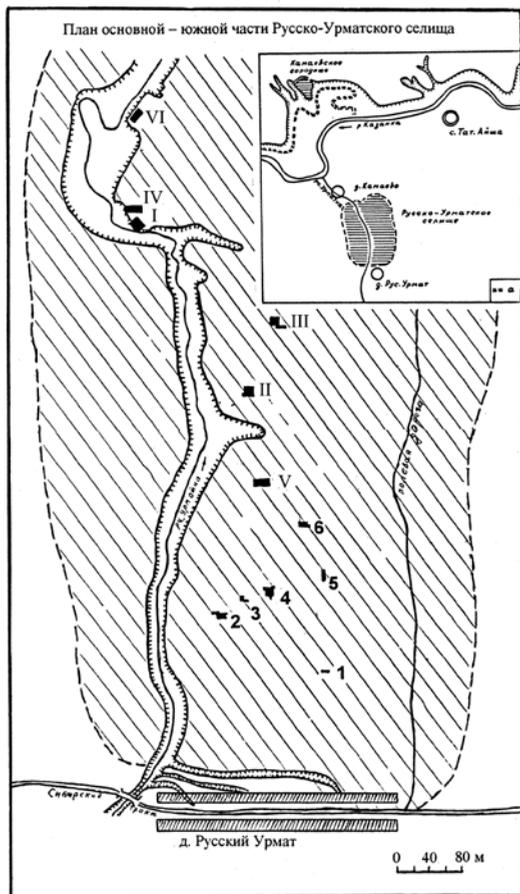

Рис. 1. План южной части Русско-Урма́тского селища. Арабскими цифрами пронумерованы раскопы Н.Ф. Калинина 1945, 1951, 1956, 1957 гг.; римскими: I – раскоп А.Г. Мухамадиева 1976 г.; II, III, IV, V – раскопы 1976–1977 гг. Р.М. Хазиева и Р.Г. Фахрутдинова; VI – Р.Г. Фахрутдинова и Н.А. Кокориной 1983 г.

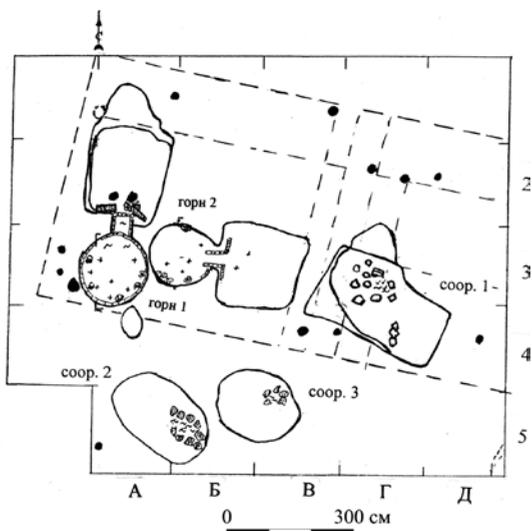

Рис. 2. План раскопа II 1976 г.

вания рассматривать эти объекты как единовременный комплекс.

Исходя из размещения остатков столбовых конструкций, ориентации горнов и бытовой печи (с учетом параметров строительных материалов для данной местности), комплекс реконструируется в виде наземного дома из двух срубов (6×6 м), примыкающих друг к другу по линии З–В. Восточный сруб – камера с бытовой печью – являлся жилым помещением, а западный – камера гончарной мастерской с производственными печами различного назначения.

Горн 1 с цилиндрической камерой предназначался для отжига поливных изделий и мелочи, подобно горну № 1 XX раскопа Биляра⁷. Горн 2 с чашевидной топкой использовался для отжига неполивной посуды. Оба горна имели обкладку устья топки жерновами. Поскольку горны располагались не обычно (в ряд), а перпендикулярно друг к другу и топились из разных топочных ям, можно предполагать, что конструктивно процесс обжига изделий производился во взаимосвязи. Наличие жерновов в устьях горнов также указывает на взаимосвязь их конструкций, использование мехов, крепившихся к их отверстиям. Применение мехов при небольших параметрах топочных рукавов этих горнов обеспечивало необходимый для обжига различных изделий температурный режим. Размеры горнов (150–165 см в диаметре) наиболее близки билярскому горну № 1 XX раскопа 1972 г., датированному XI в.⁸

Технологически усложненная конструкция горнов русско-урматской мастерской может датироваться второй половиной домонгольского времени (2 пол. XI–XII в.).

Мастерская, прилегающая к жилому сооружению, – явление новое

для данного периода и, вероятно, связанное с переселением гончара на новое место. Этим обстоятельством объясняется рационально близкое (в 56 м) расположение дома-мастерской гончара от источника воды и сырья – речки Урматки, наличие поблизости первичных ямных обжигательных устройств (сооружения 3, 4), экономичность конструкций гончарных печей, а также ограниченность ассортимента и однообразие декора. Все это указывает на раннее возникновение данной мастерской.

Обратимся к анализу керамических находок.

Керамика из II раскопа насчитывает 12 552 фрагмента. По составу групп керамики сооружений мастерской и дома совпадают: I, VI, XIII, по Т.А. Хлебниковой⁹. По цветовой гамме преобладает красная – 5413 (43%), коричневая – 3544 (28%) и серая – 3374 (27%), есть желтая – 157 (1,6%). С примесями 53 фрагмента – 0,4%, из них с крупным песком – 7 (XIII группа), лепная серая с растительной примесью – 6, серая с раковинной – 38, желто-серая с песком и шамотом – 2. Последние три группы керамики связаны в истоках с финно-угорскими группами населения.

Для позднего материала этой мастерской характерно обилие гончарной серы и производственного брака. В засыпи ее сооружений найдено небольшое количество (473 фрагмента) кирпично-красной посуды с зональным орнаментом золотоордынского времени.

Цветовое соотношение и состав этнокультурных групп керамики в объектах данной мастерской характерны для второй половины домонгольского периода.

Среди посуды доминируют столовые формы: широкогорлые кувши-

ны (рис. 4, 7, 14, 15), кружки с орнаментом «плетенка» (рис. 4, 1, 9, 13), корчажки (рис. 4, 6), кринки с перекрестным лошением (рис. 4, 10–12), пряслица (рис. 4, 2, 3), крышки от широкогорлых кринок (рис. 4, 4). А-образные клейма по графике идентичны билярским клеймам XI–XII вв. (рис. 4, 5). Использование в оформлении столовой посуды зелено-коричневой поливы, орнамента из плетенки и перекрестного лошения в сочетании с поясами из наколов, резных линий, зигзага характерно для болгарского гончарства второй половины XI–XII вв.

Среди индивидуальных находок датирующее значение имеют наконечники стрел: тип 16 – с долотовидной головкой, с шейкой (рис. 3, 3), датируемый IX–XI вв. по аналогиям в Поломском могильнике и на Райковецком городище¹⁰; тип 14 – бронебойный в виде кинжалчика, ромбического сечения, с перехватом из сооружения 4 (рис. 3, 7), датированный по билярским материалам XII – началом XIII в.¹¹ (но подобные встречаются и позднее); тип 7 – треугольный, с перехватом, с широким диапазоном бытования – VIII–XIV вв.¹²; ромбовидный, новгородского типа (рис. 3, 4) IX–XI вв., в XIII в. наконечники этого типа выходят из употребления¹³; тип 31 – кунжутolistный, монгольского типа (рис. 3, 5). Известны и наконечники из кости (рис. 3, 1, 2).

Замок и ключи относятся к типам, распространенным в XIII в.

Севернее раскопа II в рекогносцировочной траншее в 1976 г. (III раскоп) Р.Г. Фахрутдиновым найдена серебряная монета каана Мунке 40-х гг. XIII в., чеканенная в Булгаре (рис. 1). Она сопровождалась поливной болгарской керамикой с желто-зеленой

поливой без подгрунтовки и неполивной болгарской домонгольского облика¹⁴.

Данные находки подтверждают, что район вышеописанной гончарной мастерской был обжит в XIII в., и гибель мастерской, вероятно, связана с монгольским нашествием.

Примерно в 100 м к югу от раскопа II на берегу речки Урмат экспедицией Н.Ф. Калинина в 1956 г. были исследованы остатки еще одной гончарной мастерской (раскоп 4) (рис. 1). Стратиграфически остатки связаны с основанием раннезолотоордынского слоя. К сооружениям мастерской относятся котлован горна 1, горн 2 и четыре ямы (рис. 5).

Остатки горна 1 выявлены в насыпи котлована ямы 1 с диаметром дна около 2 м. Они представляли собой строительные материалы из кирпичиков, обмазки, глины, извести, золы с углистой древесной прослойкой сверху и снизу этих остатков. Аналогичные кирпичики квадратной формы (9,5×9,5×5 см) от стен, усеченно-пирамидальной (7×7×10 см) – от свода пода, усеченно-пирамидальной – от свода камеры (4,5×4,5; 5×5; 3×3 и высотой 6–8 см) в подготовленной к строительству горна кучке лежали на юго-восточном краю ямы 1 на специально выложенной глинобитной площадке (рис. 5). Судя по этим остаткам, горн 1 находился в стадии ремонта или реконструкции.

В стенке котлована горна найдена монета с именем халифа Насир ад-Дина (1180–1225 гг. правления). На основании времени бытования этих монет дату постройки и функционирования горна Н.Ф. Калинин определил второй половиной XIII в., а насыпь котлована мастерской – первой четвертью XIV в. Реконструировать этот горн можно только исходя из

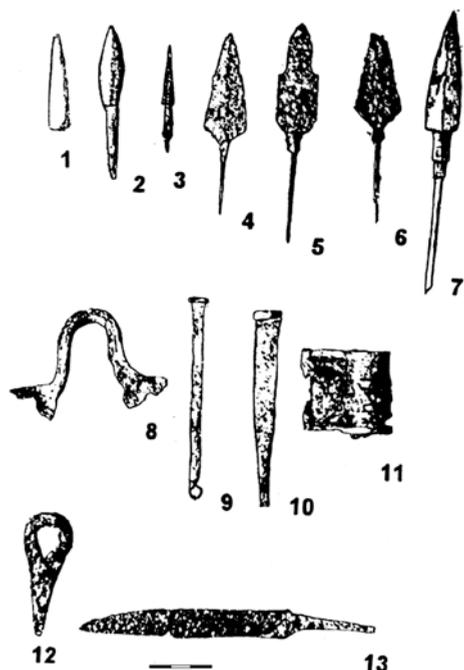

Рис. 3. Вещевой материал раскопа II 1976 г. (1–13)

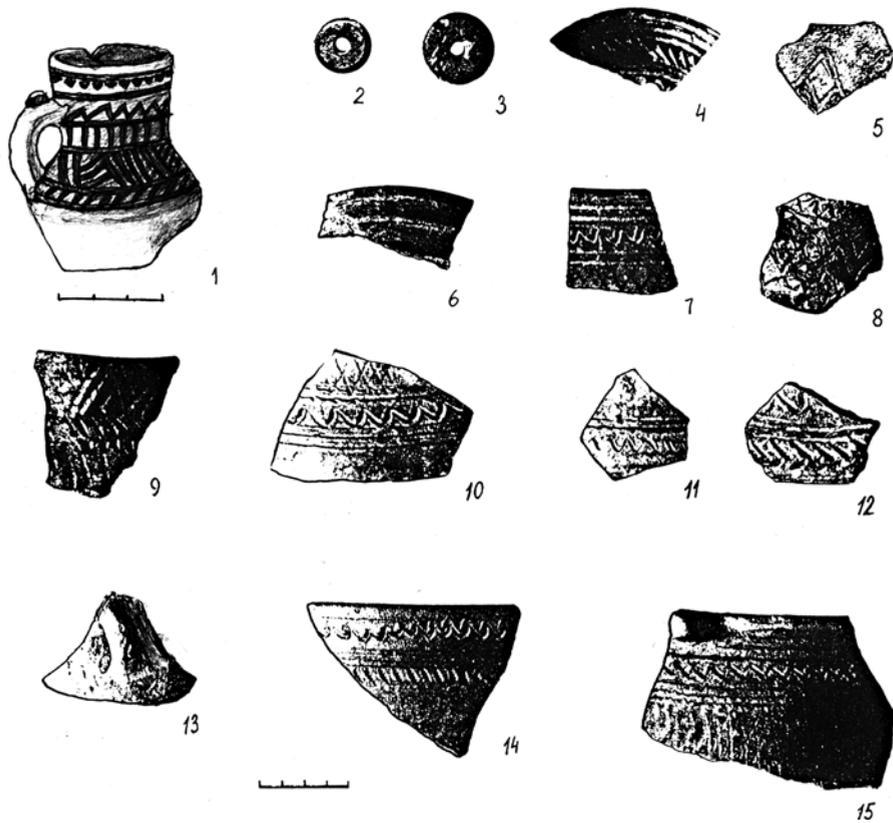

Рис. 4. Керамика из сооружений раскопа II 1976 г. (1–15)

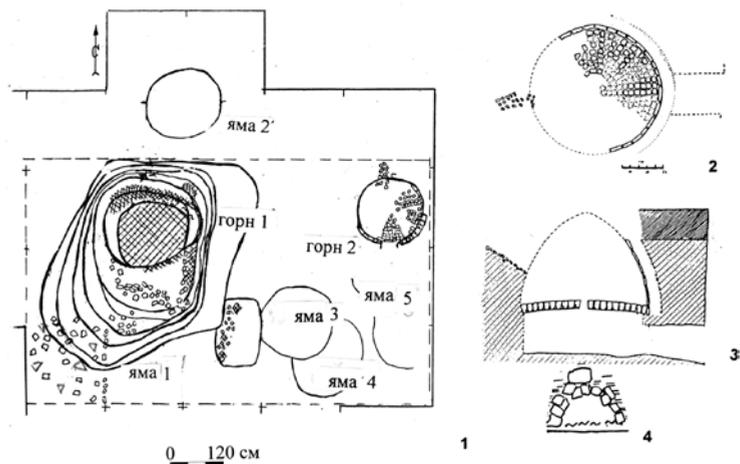

Рис. 5. План раскопа 4 1956 г. План, сечение топки и реконструкция горна 2 (2–4).
Автор Н.Ф. Калинин

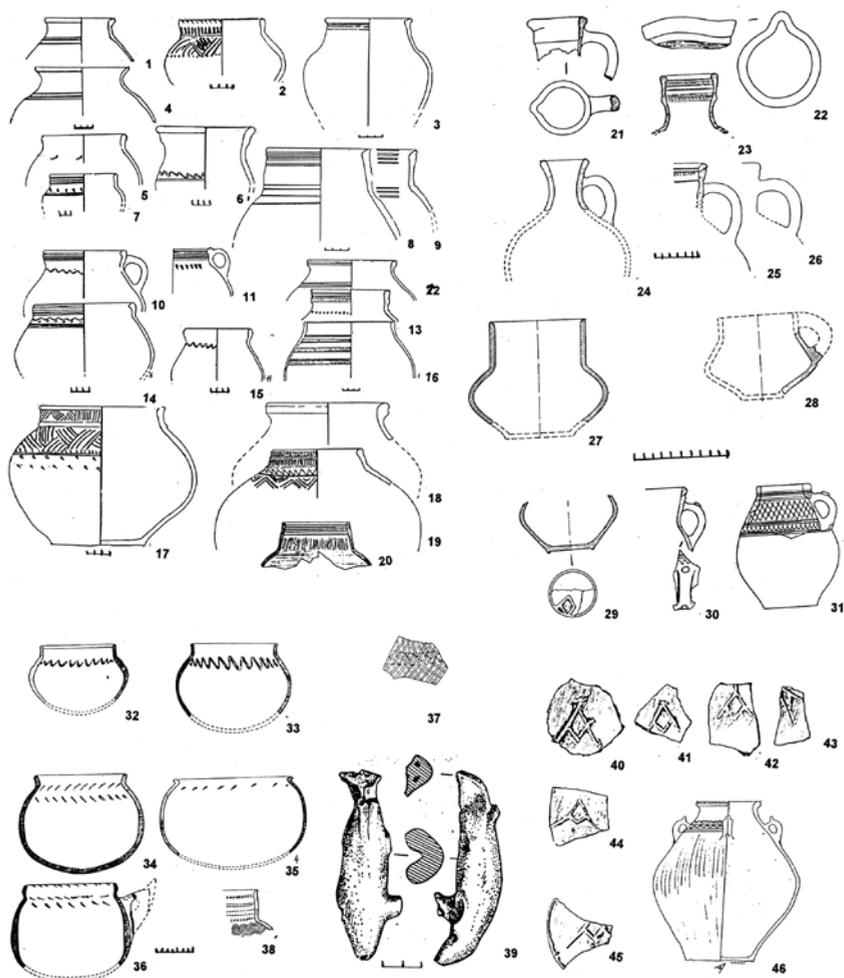

Рис. 6. Керамические изделия из гончарной мастерской раскопа 4 (1–46)

строительных остатков, кирпичиков и по аналогии с горном 2.

Относительно хорошая сохранность горна 2 позволила Н.Ф. Калинину реконструировать горн в виде двухкамерной печи с горизонтальной кирпичной перегородкой без опор, с одним центральным отверстием-продуктом (рис. 5, 2–4). Канал-рукав топки имел длину 75 см, диаметр горна — 156–160 см, его свод около 100 см. В северной стенке, судя по кучке миниатюрных кирпичиков, была отдушина и, вероятно, отверстие для загрузки горна.

Разноканальная конструкция камеры, малый ход топки, применение древесного угля в качестве топлива свидетельствуют об универсальном назначении горна (неполивные и поливные изделия). Аналогичной конструкции горн XII в. известен в Биляре (горн № 9, XX раскоп, раскопки автора 1981 г.). Н.Ф. Калинин отмечает аналог горну 2 на Болгарском городище, датированному О.С. Хованской по находке монеты 1308 г. — началом XIV в.

По аналогии с горном 2 можно предполагать, что и конструкция горна 1 (несохранившегося, разобранного), исходя из параметров котлована и аналогичных размеров кирпичиков, также была технически более совершенной, нежели горны из мастерской раскопа 2 1976 г. Древесным углем — топливом для бездымного обжига поливных изделий — была заполнена яма 2. Ямы 3 и 4, предназначенные для хранения сырья и запасов воды, были заполнены керамическим боем продукции данной мастерской, разрушенной, вероятно, в последней четверти XIII в.

Исходя из планиграфических наблюдений и высокой себестоимости сооружений подобных печей, поме-

щение мастерской можно реконструировать как срубный двухкамерный дом, возможно, служивший и жилищем ремесленника-гончара.

В котловане разрушенной мастерской найдены, кроме керамики и кирпичей, кости животных (380 экз.), напярса (2 экз.), ключи, детали замка, пряжка, гвоздь, медные изделия (ленты, накладка), стеклянные бусины. Среди редких находок — музыкальный инструмент, а именно: курай из гусиной косточки. Возможно, он и указывает на жилой характер сооружения мастерской.

В яме 3, кроме того, найдены медная крышка от котла, наконечник стрелы, накладка на доспех. Наконечник стрелы — бронебойный (тип 14) в виде кинжальчика. Он близок экземпляру из этого же раскопа (с подквадратным упором и ромбовидным сечением). Оба типа наконечников распространены в Восточной Европе и Сибири в VIII–XIV вв.¹⁵

Из мастерской получен 8721 фрагмент керамики, среди них подавляющее количество гончарной общеполу-булгарской — 8405 (97,6%), XIII группы — 194 (2,2%), VII группы — 20 (0,2%), поливной булгарской — 2 фрагмента.

Общеполу-булгарская группа выглядит по всем признакам единым комплексом, за исключением 100 фрагментов с линейно-зонным позднезолотоордынским орнаментом. Преобладает керамика с красно-коричневым оттенком (65–67%), коричневая (30–34%), встречается серая (2,2%); ошлакованных фрагментов мало в сравнении с первой мастерской¹⁶. Ассортимент изделий мастерской представлен разнообразными формами столовой, кухонной и тарной посуды (рис. 6).

Обращают на себя внимание пре-
 ответственность форм и традицион-

ность оформления, характерные для посуды Биляра XIII в. Наблюдается и типологическая преемственность, проявившаяся в клеймении с помощью специальных подставок под донца. Формы клейм являются развитием и повторением А-образных клейм государственных болгарских мастерских домонгольского времени (рис. 6, 29, 40–46). Как и в Биляре, в мастерской с горном 5 предмонгольского времени¹⁷, здесь найдена фигурка медведя, декорирующая ритуальный сосуд (рис. 6, 39). К XIII в. по формам относятся сосуды группы «джукетау» (XIII группа) и с толченой раковинной (VII группа). Преемственность этого гончарного комплекса с Биляром, очевидная для Н.Ф. Калинина, нашла подтверждение в формах печей и ассортимента изделий.

Перебитая посуда (готовая продукция данной мастерской, заполнявшая ямы 1, 3, 4, 5), материалы прерванного ремонта горна и печи, находки предметов вооружения (накладки на доспехи, наконечники стрел) свидетельствуют о каких-то военных событиях последней четверти XIII в., явившихся причиной гибели этой мастерской. Уничтожение подобных мастерских (изготавливавших посуду с государственной тамгой «А») было, вероятно, в цепи политических акций против сепаратизма болгар, проводившихся Менгу-Тимуром и ордынскими феодалами на окраинах Улуса Джучи в последней четверти XIII в.¹⁸ Исходя из сопоставления керамики с билярским гончарным комплексом и последней датировки монет Насир ад-Дина концом домонгольского времени¹⁹ уточнения требует и нижняя дата данной мастерской. Начало функционирования этого комплекса следует относить не позднее рубежа XII–XIII в.

В северной части Русско-Урматского селища изучен комплекс сооружений усадебного типа начала – третьей четверти XIII в.²⁰ С позднедомонгольским и раннезолотоордынскими горизонтами слоя связаны остатки ранней гончарной мастерской VI раскопа 1983 г. (раскопки Р.Г. Фахрутдинова, Н.А. Кокориной). В полуземлянке выявлены остатки кирпичного горна с длинным топочным каналом, аналогичного горнам Биляра типа 1. На дневном уровне котлована мастерской слева от горна 2 найдена серебряная монета с именем Насир-ад-Дина (определение А.Г. Мухамадиева).

Остатки сгоревших мастерской и срубного «дома гончара» были скрыты, от них осталась лишь серия ям²¹. Опираясь на их планиграфию и общую ориентацию, можно предположить, что эти сооружения составляли постройку усадебного типа. Немногочисленная керамика из ранней мастерской имела А-образные клейма (рис. 12, 18–23, 27–29). На дневном уровне участка пожарища «дома гончара» был намеренно оставлен раздавленный камнем (известняк) сосуд с клеймом «А»²². По верованиям болгар, камень, очевидно, должен был закрыть («затворить») несчастье, защитить новую постройку от огня, сосуд – защитить дом предка.

Хронологически следующим гончарным комплексом были мастерские, исследованные на I и V раскопах (А.Г. Мухамадиев, Р.Г. Фахрутдинов, Р.С. Габяшев).

На раскопе I А.Г. Мухамадиевым исследованы серия сооружений в виде подпольных ям, остатки нескольких печей разных типов, пять гончарных горнов, столбовых конструкций, отличающихся как по параметрам, так и по планиграфии и назначению от

ранее представленных сооружений болгарских гончарных мастерских (рис. 7).

Этот производственный комплекс располагался в непосредственной близости от р. Урматки. Открытые горны выходили топками в береговой обрыв. Мастерские и жилые строения были вытянуты цепью вдоль обрыва, с подветренной стороны от горнов. В обрывах, с западной и южной сторон, находились ямы-глинища.

Мастерские и жилища ремесленников представлены тремя сооружениями. Сооружение 1 (рис. 7) имело остатки трех печей: печь 1, прямоугольной формы; печь 2, судя по большой подпольной яме, — хлебопекарная, с жерновом в подпечье, соединялась подпольным каналом с очагом-печью в заднем полуземляночном помещении. В нем в специально сделанной яме найден известняковый жернов, являвшийся, возможно, подпятником к гончарному кругу. Западная задняя часть дома, вероятно, являлась мастерской, из нее шел туннельный выход — спуск в сторону реки.

С юга к сооружению 1 примыкал еще один дом (сооружение 2) с подпольем и большой печью из известняка и глины. В подполье выявлено скопление золы и костей животных. Последние широко использовались как ингредиенты в производстве дорогой поливной посуды (рис. 7). Там же располагалась яма с запасами древесного угля для бездымного обжига. С юга к сооружению 2 примыкала небольшая постройка с прямоугольной печью 5, расположенной по диагонали помещения.

Сооружение, судя по мощным столбовым конструкциям, представляло собой длинную постройку с печью и глубокими подпольными

ямами-хранилищами для гончарного сырья. Из этого помещения также шел подземный туннельный выход к речке и горнам. Напротив сооружения 3, в обрыве, размещались четыре горна и пятый — напротив сооружения 2. Все они имели единую конструкцию: две камеры в глинистом материке — одна под другой, соединенные воронкообразной перегородкой. Стенки перегородки покрыты толстыми потеками зеленой и бирюзовой поливы. Лучше сохранился горн 2, сохранивший по поверхности штыри из спекшейся глины.

Данный тип печей отличается от известных кирпичных болгарских горнов с одним центральным отверстием. Вероятно, этот тип горнов пришел с монголами с востока. Аналог — горны Кара-Корума²³.

Учитывая ограниченность территории, занимаемой гончарными мастерскими I раскопа, следует рассматривать сооружения, выявленные на IV раскопе в 1977 г. к северу от этих мастерских, принадлежащих комплексу гончарных мастерских I раскопа. Среди них — остатки изгороди, идущей с севера на юг вдоль террасы, корытообразные ямы для замеса гончарного теста и объект в виде навеса, который связан с изготовлением и сушкой гончарных изделий²⁴.

Наличие подполий в сооружениях 1–3 раскопа I указывает на жилой характер этих построек — и не в виде полуземлянок, как полагали авторы раскопок²⁵, а в виде срубных домов с полами и соответственно с подпольями.

Планиграфия остатков сооружений и их назначение позволяют рассматривать их как единый производственный комплекс. Единая система этих сооружений характерна для ремесленного производства золо-

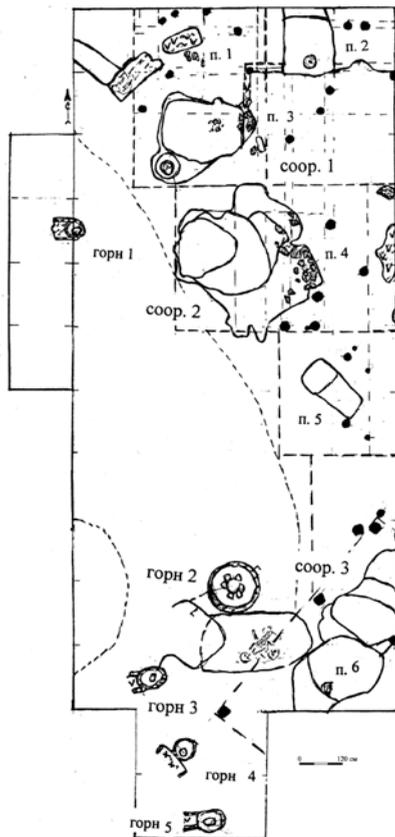

Рис. 7. План раскопа I 1976 г.

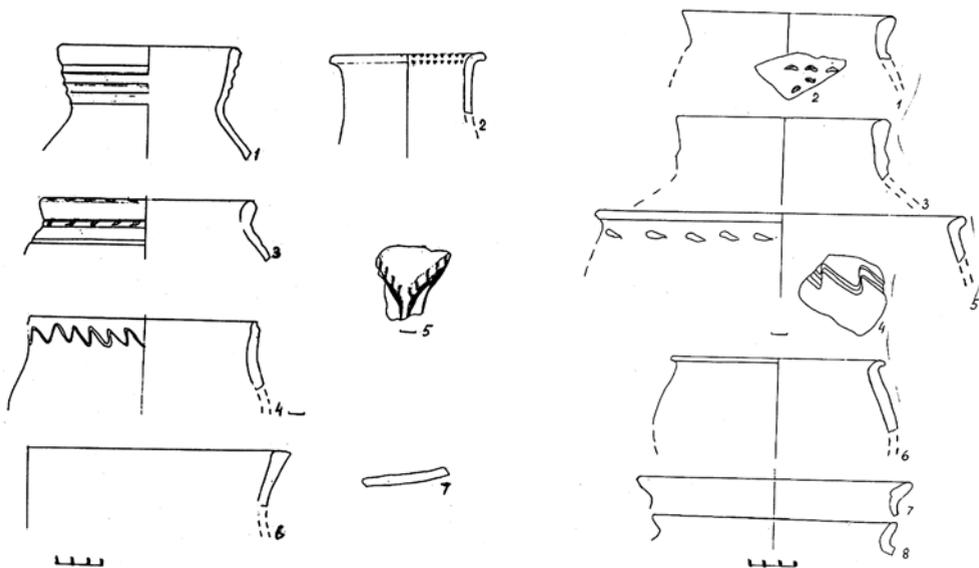

Рис. 8. Гончарные изделия с толченой ракушкой, первой половины XV в. из сооружений раскопа I (1–7)

Рис. 9. Керамика с примесью крупного песка, XXI группы (1–6); XVI группы (7, 8)

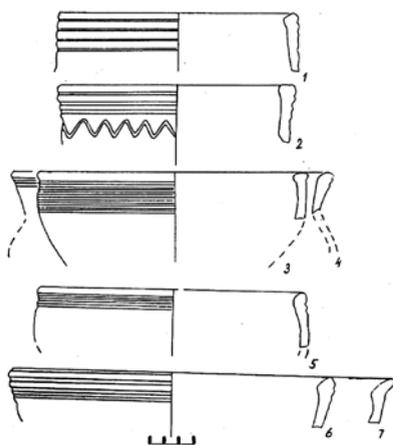

Рис. 10. Изделия-полуфабрикаты из мастерских первой половины XIV в. раскопа I

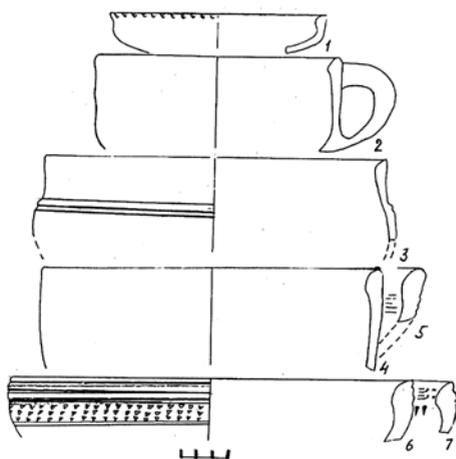

Рис. 11. Гончарные изделия первой половины XV в. из сооружений раскопа I (1–7)

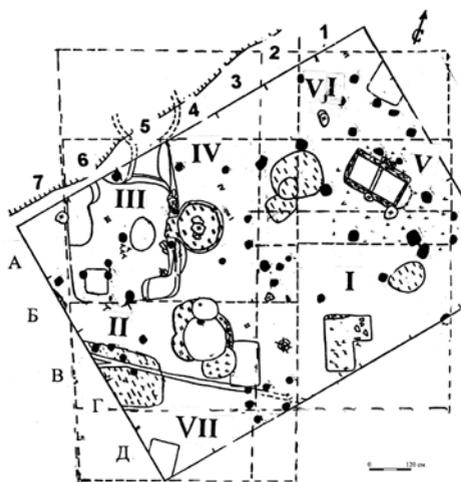

Рис. 12. План раскопа VI 1983 г. Пунктиром обозначен реконструируемый план «дома гончара» XV в.

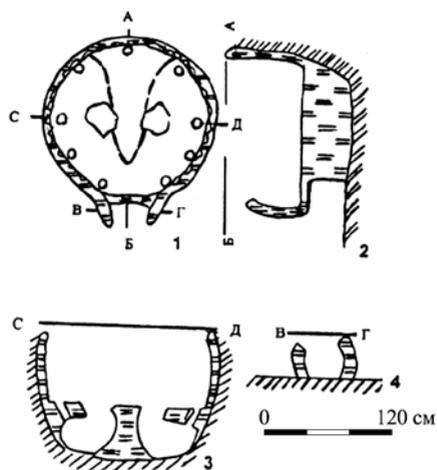

Рис. 13. План, сечение горна 2 и его топки (1–4)

Рис. 14. Реконструкция «дома гончара» по материалам первой половины XV в. раскопа VI. Вид с юга. Автор Н.А. Кокорина

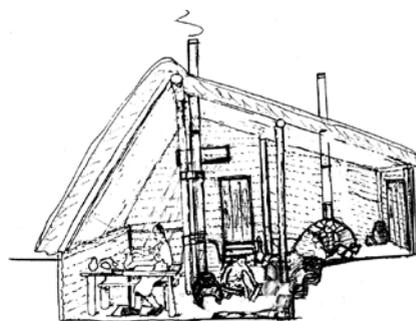

Рис. 15. Реконструкция помещения гончарной мастерской сер. XV в. Вид с юга. Автор Н.А. Кокорина

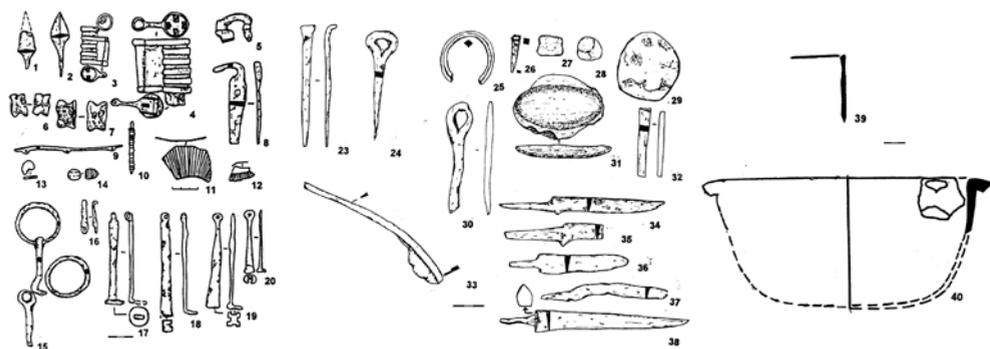

Рис. 16. Вещевой и монетный материал из раскопа VI (1–40).
Кружками обозначены: 21 – монеты Насир ад-Дина (справа от горна 1);
22 – монеты Хызра (засыпь котлована мастерской)

Рис. 17. Керамика из «дома гончара»
(Р. VI 1983 г.) (1–34).
Середина – третья четверть XV в.

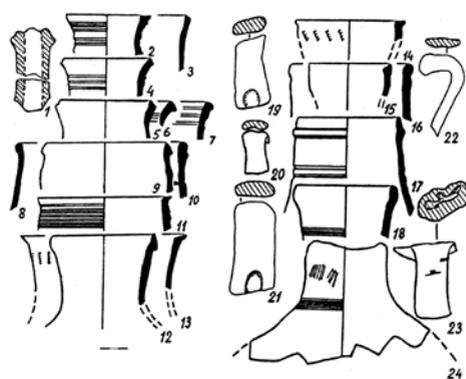

Рис. 18. Керамика из мастерской
«дома гончара» (1–24).
Конец II периода – третья четв. XV в.

Рис. 19. Керамические изделия
из раннего горизонта «дома гончара»
(18–20, 22–24, 27–29)
и среднего горизонта (1–17, 21, 25, 26)

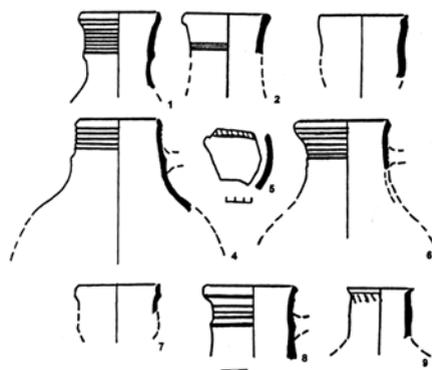

Рис. 20. Фрагменты кувшинов
из верхнего заполнения ямы 44 (1–9)

Рис. 21. Посуда из «жилища гончара» и мастерской. Начало II периода

Рис. 22. Поливная и ангобированная керамика из «дома гончара». Середина XV в.

тоордынской эпохи, когда правители покровительствовали развитию торговли и ремесла на окраинах своих владений.

К концу XIII – началу XIV в. относятся такие производственные объединения, как кархана (цех). К этому разряду сооружений относятся ремесленный двор по производству изделий из цветных металлов в Болгаре, гончарные мастерские близ Голландского озера. Подобно им создан и гончарный двор в Иски Казани. Гончарное производство здесь приобрело цеховой характер.

Обращает на себя внимание отсутствие отходов производства в мастерских I раскопа: фрагментированной керамики очень мало (570 экз.). Цветовое ее соотношение следующее: красная с желтым оттенком – 44%, с коричневым – 16%, кирпично-красной – 3%, коричневой – 13, 1%, серого – 8%, желтого – 1%. Кроме гончарной с мелким песком (I группа) встречается: с крупным песком (XXI) и раковиной – 1–2%, примитивно-круговая с песком, раковиной, известняковой крошкой (XX) – 0,5%, круговая с раковиной (XVI) – 2 %, лепная с раковиной, серая (XXII–4) – 9,7%.

Широкое разнообразие керамики этнокультурных групп золотоордын-

ского периода отразилось в этом комплексе весьма заметно, особенно для позднего этапа его существования, XV века (рис. 19, 20).

Традиционная керамика представлена однообразно небольшими горшкообразными сосудами и чашками. Общебулгарская гончарная также выглядит однообразно: в основном горшки с подцилиндрическим горлом (рис. 26, 1, 2), миски, чашки, плошки и блюдообразные формы. Последние, вероятно, делались и под поливу (рис. 21, 22).

Стенки горнов внутри были открыты толстыми слоями наплыва полив разных цветов. Основным изделием этих мастерских являлась дорогостоящая поливная посуда с зеленоватой (без ангоба и с ангобом), голубой с цеком, бордовой, желто-коричневой, болотно-зеленой и цвета китайского селадона с краклэ – т.н. псевдоселадон. Все перечисленные виды поливы были найдены на соседних раскопах и особенно часто на раскопе VI (в виде фрагментированных изделий) и в объектах Камаевского городища второй половины XIV – XV в. Как неполиванная, так и поливная посуда местного изготовления имеет широкую дату – XIV–XV вв. Очевидно, в этих хронологических

рамках функционировал и данный гончарный двор.

Как установлено раскопом VI 1983 г., где исследован «дом гончара» второй половины XIV – XV в., ремесленный двор и «дом гончара» работали одновременно на позднем этапе. Как свидетельствуют находки полуфабрикатов, часть изделий в «доме гончара» готовилась под поливу и покрывалась ангобами-подгрунтовками. Затем они покрывались поливой на ремесленном дворе и обжигались в специальных горнах с воронкообразными камерами (рис. 27, 1–4, 6–8).

Вышеупомянутые сооружения раннего горизонта мастерской и «дома гончара» VI раскопа были использованы при возведении «дома гончара» более сложной конструкции во второй половине XIV в. (рис. 17). В это время произошла перепланировка нового входа в мастерскую со стороны реки через сени дома, возведены новый горн в восточной стенке полуземляночного помещения мастерской, новая печь в задней (жилой) части дома и новая отопительная система из большемерных (24 см) и маломерных (11 см) труб.

Планиграфия остатков печей, подпольных ям, глинобитной лежанки, водостока, отхожей ямы, столбовых конструкций и находок дает представление о конструкции и планировке дома (рис. 17).

«Дом гончара» состоял из передней части (помещение I) с печью; водостоком она соединялась с помещением II – женской частью дома с глинобитной лежанкой, печью-чувалом. Задняя часть дома (помещения III–VI) соединялась с передней коридором, сенями (помещения IV, V). Наличие столбов в помещениях I, V, VI указывает на высокий подклет, в котором размещались в сенях (поме-

щение V) – погребок, а в помещении VI – кладовая, или клеть, с подполом-хранилищем.

Помещение VII (сени с отхожим местом), примыкавшее к женской половине, вероятно, имело свой вход с южной стороны дома. Он вел на женскую и переднюю половины. Основной вход был с восточной стороны, через сени (помещение V). Он соединялся с мастерской через помещение IV – задние сени с выходом к реке.

Благодаря сохранности и тщательной планиграфической и стратиграфической привязки этого комплекса впервые удалось реконструировать дом сложной конструкции позднезолотоордынского времени. Площадь такого дома составляла 144 м² (12×12 м), без учета площади южных сеней с туалетом (рис. 19).

Подробное описание мастерской и «дома гончара» дано в публикации²⁶, отдельно проведен анализ вещевого и керамического материала согласно хронологическим периодам существования «дома гончара»²⁷.

Следует отметить, что двухкамерный горн был почти полностью врыт в глиняный материк. Конструкция – вместо специального набора кирпичей, как в болгарских домонгольского времени – состояла из глины с вмазанными кусками известняка и обломков старых кирпичей. В перегородке, опиравшейся на «козел», было два отверстия, через которые жар регулировался с помощью специальных глиняных заслонок. Кроме них были еще и малые продухи по периметру пода. Эта печь по конструкции являлась более экономной и менее пожароопасной в условиях домашней мастерской, у нее был и более управляемый режим обжига (рис. 13). Подобной конструкции горны (№№ 2, 4)

исследованы в Болгаре у Голланского озера²⁸.

Если горн 2 и центральный очаг с керамическим покрытием связаны в истоках со Средней Азией, то горн 1 — со степными районами, возможно, с Крымом. На Восточном Кавказе находит аналогии устройство гончарного круга с подпятником в яме. Последние выявлены в мастерской «дома гончара» и на ремесленном дворе.

Работы по изготовлению поливной посуды в печи могли вестись большую часть года, а в промежутке проводились другие работы — по подготовке теста, ингредиентов, изготовлению полуфабрикатов под поливу. Это было возможно благодаря автономному отоплению мастерской центральным очагом, дымоход которого состоял из большемерных труб, поддерживавших необходимую для работы и подсушки изделий температуру.

Если в I период в данной мастерской не было центрального очага и дым вместе с газами выходил, вероятно, через отверстие в крыше, то во II период появился центральный — с керамическим верхом — очаг с гончарной трубой-дымоходом. Горн также был снабжен выводной трубой (рис. 15). Остатки рухнувшей трубы и керамического очага найдены на полу мастерской.

«Дом гончара» просуществовал в таком виде, как он описан, вероятно, до установления протектората Русского государства над Казанским ханством — до третьей четверти XV в. Но и эта мастерская, судя по керамике, в конце XIV в. подвергалась нападениям: готовая продукция была перебита и свалена дважды в одну из ям в углу мастерской и засыпана сверху чистой глиной²⁹.

В течение почти ста лет менялись мастера, ассортимент, традиции в из-

готовлении посуды и других гончарных изделий, подвергавшихся различным новациям. Однако посуда в «доме гончара» сохраняла в основном старые традиции. Но запесоченность теста, звонкий черепок характерны в этот период и традиционным формам гончарной керамики. Добавки известняковой крошки, раковины свойственны горшковидным формам этой мастерской. Соотношение цветов гончарной мелкопесочной посуды на этом раскопе — как в мастерских I раскопа. Подобен и состав этнокультурных групп.

Набор столовой и кухонной посуды середины — третьей четверти XV в. из «дома гончара» (рис. 17) и разнообразный «ассортимент» кувшинов из мастерской третьей четверти XV в. близки (рис. 18). Однако домашний набор посуды (рис. 17) ближе по формам и отделке посуде «дома гончара» конца XIV — начала XV в. (рис. 20, 21) Многие формы кувшинов, особенно последнего периода функционирования мастерской, встречаются и на Камаевском городище³⁰.

Развитие форм керамики комплекса данной мастерской происходило и за ее пределами, так как есть хронологические и этнокультурные отличия комплексов «дома гончара» и Камаевского городища. По-видимому, посуда для насельников городища продолжала создаваться в пределах ремесленного двора селища до времени протектората. Возможно также функционирование мастерской и на Камаевском городище, где Р.Г. Фахрутдиновым выявлены остатки срытой печи, которая имела, как я полагаю, гончарное назначение.

Статистический анализ поливной посуды Камаевского городища и Русско-Урматского селища показал общий состав полив и поливных из-

делий³¹. Изготовление их связано с «домом гончара» и т.н. ремесленным двором (Р. I, IV). Образцы из «дома гончара» немногочисленны, но вполне передают своеобразие болгарской поливной посуды позднезолотоордынского периода (рис. 22).

Под влиянием китайского селадона, образцов из южных центров Золотой Орды и Ирана созданы блюда, чаши и тарелки из красной глины с роскошным растительно-цветочным орнаментом и орнаментальным болгарским лощением (рис. 22, 7, 8).

В первой половине XV в. на посуде из «дома гончара» появляются новые виды клейм (рис. 19). Они единичны (рис. 16, 15, 16, 21, 25, 26). Клейма №№ 15, 25, 26 передают конфигурацию знаков, которые известны среди кипчакских под названием «стремя».

Для новаций керамического комплекса «дома гончара» начала XV в. характерны связи и новшества из районов Дагестана, Западного и Южного Прикаспия. Это проявилось в устройстве мастерской, возвращении к забытым формам посуды и освое-

нии новых видов поливных изделий (блюд, пиал, чаш). Возможно, данные новации связаны с переселением ремесленников из разоренного Тамерланом в конце XIV в. Дагестана и южных центров Золотой Орды. В первой половине XV в. формы посуды испытали также влияние гончарных центров Восточного Прикаспия (Сарайчик) и Хорезма.

В эпоху Казанского ханства какое-то время продолжает работать ремесленный двор (Р. I, IV и отчасти VI), производя поздние виды поливной посуды, найденной только на Камавском городище. На месте разрушенного «дома гончара» в горне 1 продолжают обжигать гончарные трубы, шары и, возможно, некоторые виды кувшинов³². Но эти эпизодические работы были свернуты: продукция в разбитом виде лежала над полузасыпанным котлованом и горном. Гончары ремесленного двора, вероятно, были или перебиты, или переселены в другие земли.

Такова история и этапы развития гончарства в Иски Казани.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Калинин Н.Ф. Отчет по археологическим работам в Старой Казани в 1956 г. Казань, 1957 // Архив Института археологии РАН. — Р. 1, № 1333.

² Мухамадиев А.Г., Фахрутдинов Р.Г. Раскопки в Иски Казани // Археологические открытия 1976 г. — М., 1977.

³ Фахрутдинов Р.Г., Хазиев Р.М. Раскопки Старой Казани // Археологические открытия 1977 г. — М., 1978.

⁴ Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология. — 1999. — № 1–2 (4–5).

⁵ Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода...; Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. — 1999. — № 1–2 (4–5); она же. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв.: (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры). — Казань, 2002.

⁶ Кроме вышеуказанной литературы, см.: Кокорина Н.А. Гончарное производство Волжской Булгарии X — начала XIII вв.: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. — М.; Йошкар-Ола, 2006.

⁷ Кокорина Н.А. Гончарное производство Волжской Булгарии..., рис. 3, III.

⁸ Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. — Казань, 1983. — С. 54–65.

⁹ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1984.

¹⁰ *Хузин Ф.Ш.* Предметы вооружения // Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 160, табл. LV, 12.

¹¹ *Хузин Ф.Ш.* Предметы вооружения..., с. 160.

¹² *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. (VIII–XIV вв.) // САИ. – 1966. – Вып. Е1–36.

¹³ *Хузин Ф.Ш.* Предметы вооружения..., с. 150, 151, табл. LII, 7.

¹⁴ *Фахрутдинов Р.Г.*, 1977.

¹⁵ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие..., табл. 30Д, 92, 93.

¹⁶ *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии..., табл. 4.

¹⁷ *Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища..., рис. 4, 13.

¹⁸ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 52–54.

¹⁹ *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. – Казань, 2005. – С. 91–95.

²⁰ *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани..., с. 103–105.

²¹ *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани..., рис. 4.

²² *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани..., рис. 4.

²³ *Евтюхова Л.А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. – М., 1965. – С. 217, рис. 120.

²⁴ *Фахрутдинов Р.Г., Хазиев Р.М.* Раскопки Старой Казани..., с. 199.

²⁵ *Фахрутдинов Р.Г.*, 1977, с. 165, 166.

²⁶ *Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода...

²⁷ *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани...

²⁸ *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. – Екатеринбург, 1993. – С. 156–164.

²⁹ *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани..., с. 117, 118.

³⁰ *Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI в. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татарская археология. – 2004. – № 1–2 (10–11). – Табл. VI.

³¹ Там же. – Табл. VII.

³² *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани..., рис. 6.

Аннотация

На основе археологических материалов, полученных в разные годы из раскопок гончарных мастерских Русско-Урматского селища XII – начала XV вв., предпринята попытка проследить эволюцию четырех комплексов производственных сооружений с горнами для обжига керамической посуды. Автор предлагает графическую реконструкцию сооружений, выявляет специфику вещевого и гончарного комплексов по периодам, подчеркивает четко прослеживаемую преемственность в гончарном деле Волжской Булгарии, Золотой Орды и периода формирования Казанского ханства.

Ключевые слова: Русско-Урматское селище – ремесленный посад «Иски-Казани», гончарное производство, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство.

Summary

On the basis of archaeological materials received from the diggings of potteries of Russian – Urmatsky settlement of the XII – the beginning of XV century there was made an attempt to observe the evolution of four complexes of industrial buildings with forges for burning ceramic tableware. The author suggests graphic reconstruction of buildings, reveals the peculiarity of potteries by periods, emphasizes succession in pottery of Volga Bulgaria, the Golden Horde and the period of the formation of Kazan Khanate.

УДК 902.2 (470.342)

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЯТСКО-ПОЛЯНСКОГО РАЙОНА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.Л. Кряжевских, соискатель

Вятско-Полянский район располагается на крайнем юго-востоке Кировской области в нижнем течении р. Вятки. Сюда он граничит с территорией Республики Татарстан, с востока — с Удмуртской Республикой. Вплоть до 1950-х гг. этот район не подвергался целенаправленным археологическим исследованиям, несмотря на то, что природно-климатические условия здесь в течение нескольких последних тысячелетий благоприятствуют проживанию человека.

Лишь в 1956–1957 гг. в Вятско-Полянском районе в составе южной части Кировской области начались разведочные исследования со стороны Марийской археологической экспедиции. Эти работы были частью масштабной программы изысканий, реализуемой в 1956–1959 гг. на территории Марийской АССР и сопредельных районов Кировской и Горьковской областей. Основной целью экспедиции стало выявление и первичное изучение археологических памятников для составления археологической карты Марийской АССР и сбора материалов по древней и средневековой истории региона. Экспедиция была организована по инициативе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при активном участии Института языка, литературы

и истории Казанского филиала АН СССР и Марийского республиканского краеведческого музея¹.

Марийская археологическая экспедиция обследовала целый ряд ранее известных памятников и выявила большое количество новых объектов. На территории южных районов Кировской области было обнаружено одно городище, 3 селища, 7 стоянок, 5 могильников, 18 местонахождений, 2 кургана, 2 мольбища и одно место добычи кремня. В Вятско-Полянском районе при этом найдены Каракульское городище, Каракульское местонахождение кремня, Кулыгинская стоянка, Ново-Бурецкое поселение, Ново-Бурецкое местонахождение керамики, Пеньковское местонахождение кремня, Нижне-Шуньская стоянка, Нижне-Шуньское местонахождение². В ходе разведочных изысканий было выявлено довольно большое количество общих черт с сопредельными районами Республики Татарстан. Так, около д. Новый Бурец обнаружено местонахождение гончарной керамики болгарского облика, а на Кулыгинском поселении, Нижне-Шуньской стоянке и Ново-Бурецком поселении выявлены находки, отнесенные к приказанской культуре (XVI–IX вв. до н. э.).

После экспедиции 1956–1957 гг. Вятско-Полянский район длительное

время оставался за рамками археологических исследовательских программ. Это положение изменилось с 1973 г., когда на базе исторического факультета Удмуртского государственного университета была создана Камско-Вятская археологическая экспедиция (далее – КВАЭ), которая ставила своей целью в том числе и изучение археологических памятников бассейна р. Вятки. Уже в 1975 г. одна из разведочных групп КВАЭ под руководством Р.Г. Кабирова проводила изыскания на территории Можгинского, Граховского и Кизнерского районов Удмуртской АССР и Вятско-Полянского района Кировской области. При этом на интересующей нас территории были обнаружены селище Кордон, Сушинская-I стоянка и Сушинское-II поселение³. В 1977 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Н.В. Шутовой обследовала Ново-Бурецкое поселение и Нижне-Шуньскую стоянку, а также обнаружила местонахождение керамики и кремня Слудка (см. Приложение), отнесенное к приказанской культуре эпохи бронзы. При этом на Ново-Бурецком поселении был выявлен слой эпохи мезолита⁴, в то время как ранее данный памятник считался лишь стоянкой, относимой к приказанской культуре.

Более масштабные изыскания развернулись в 1980-е гг. Вначале в 1981 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Н.М. Алексеевой в ходе разведочных работ на территории Вятско-Полянского и Малмыжского районов Кировской области осмотрела Нижне-Шуньскую стоянку, а также обнаружила селище Слудка (см. Приложение), отнесенное к эпохе бронзы⁵.

В 1983 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Е.М. Черных обнару-

жила Изранское поселение эпохи поздней бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.) и Изранское местонахождение костей и зубов ископаемых животных⁶. Культурный слой поселения на части площади был поврежден строителями газопровода Уренгой – Ужгород при прокладке шлейфа трубы для перекачки речной воды⁷. Это вызвало необходимость скорейшего исследования памятника. В том же 1983 г. на поселении был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 54 кв. м, а в 1984 г. археологическим раскопкам подверглись уже 558 кв. м площади памятника⁸. Исследования 1984 г. проводились совместно с отрядом КВАЭ под руководством Е.М. Черных и экспедицией Кировского краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой. В результате двухлетних раскопок были исследованы три полуземляночных жилища эпохи поздней бронзы, два из которых соединялись крытым переходом, который, очевидно, служил одновременно и выходом к реке. Имеющиеся данные позволяют предполагать бревенчато-столбовую конструкцию жилищ⁹.

Находки представлены в основном фрагментами глиняной посуды и изделиями из кремня. Керамика лепная, в качестве примеси чаще всего использовался песок. Большинство сосудов имели плоское дно, более 20% орнаментировано. Наиболее распространенные приемы орнаментации представлены отпечатками гребенчатого штампа, а также резными линиями и ямочными вдавлениями. Большую часть изделий из кремня составляют отщепы. Орудия – скребки, скобели и проколки – изготовлены главным образом из галечникового кремня. Из других находок эпохи бронзы следует отметить бронзовый рыболовный

крючок, кусочки шлака с капельками меди, глиняные пряслица, в том числе и орнаментированные¹⁰. Во время раскопок поселения выявлены и некоторые древнерусские изделия: ключ от замка, нож, куски шлака, а также фрагменты гончарной керамики¹¹.

В настоящее время слой бронзового века Изранского поселения относят к буйской культуре, которая объединяет большую часть памятников эпохи бронзы на Вятке, хотя и имеются указания на близость материала поселения приказанской и луговской культурам¹². Средневековые находки датируются X–XIII вв.¹³

В 1983 г. Е.М. Черных произвела раскопки на поселении Кордон и селище Слудка. Поселение Кордон было обнаружено в том же году и на нем заложили лишь рекогносцировочный раскоп площадью 27 кв. м. В следующем, 1984 году под руководством Н.А. Лещинской на поселении были предприняты более масштабные раскопки на площади 234 кв. м. В ходе изысканий выявлены материалы эпохи мезолита, представленные различными изделиями из кремня (пластины, отщепы, карандашевидные нуклеусы, разнообразные орудия), а также находки, отнесенные к буйской культуре эпохи бронзы (XV–IX вв. до н. э.). При этом в процессе исследования поселения обнаружены 23 погребения III–VI вв. н. э., оставленные представителями вятского локального варианта пьяноборской культурно-исторической общности – худяковской культуры¹⁴.

На селище Слудка в 1983 г. Е.М. Черных заложила раскоп площадью 109,2 кв. м. При этом прежняя датировка памятника, согласно которой его относили к эпохе бронзы, была пересмотрена. Здесь был выявлен материал раннего железного века

(I тыс. до н. э.) (определить культурную принадлежность пока представляется затруднительным), а также средневековой еманаевской культуры (VI–IX вв.). В частности, исследована хозяйственная яма, обнаружены фрагменты лепной керамики, различные изделия из железа, шлак и 3 кремневых отщепа. Кроме того, выявлена поздняя хозяйственная яма XVIII–XIX вв. с обломками кирпича и фрагментами гончарной керамики¹⁵.

В 1985 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Н.А. Лещинской обследовала еще несколько ранее известных памятников в Вятско-Полянском районе. В частности, были осмотрены Кулыгинское поселение, Каракульская стоянка и Каракульское городище. При этом на Кулыгинском поселении и на Каракульской стоянке выявлен культурный слой эпохи неолита¹⁶, в то время как ранее Кулыгинское поселение считалось стоянкой носителей приказанской культуры, а Каракульская стоянка интерпретировалась как местонахождение кремня.

Кроме того, что на территории Вятско-Полянского района Кировской области обнаружены археологические памятники широкого хронологического диапазона начиная с эпохи мезолита и заканчивая Новым и Новейшим временем, данный район является перспективным в плане поиска палеолитических материалов. К настоящему времени находки эпохи палеолита в бассейне р. Вятки не обнаружены, хотя целый ряд косвенных данных позволяет предполагать их наличие. Не случайно первые целенаправленные поиски палеолита на территории Кировской области были предприняты именно в Вятско-Полянском районе. В частности, в

1991 г. палеолитический отряд Удмуртской археологической экспедиции УИИЯЛ УрО РАН обследовал местонахождение четвертичной фауны у д. Изран, однако следов деятельности палеолитического человека при этом обнаружено не было¹⁷. Однако вероятность выявления памятников эпохи палеолита по-прежнему остается.

Исследования на территории Вятско-Полянского района не прекращаются и в настоящее время. Так, в 2009 г. состоялись разведочные работы в этой части Кировской области

под руководством старшего лаборанта лаборатории археологических исследований ВятГГУ А.О. Кайсина. В настоящее время ведется обработка полученной в ходе изысканий информации.

Таким образом, Вятско-Полянский район Кировской области является очень интересной территорией в археологическом плане, и в ходе археологических исследований в его границах была получена важная информация о прошлом Вятского края, несмотря на то, что изучаться он начал лишь в XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Архипов Г.А., Халиков А.Х.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956-1959 гг.). — Йошкар-Ола, 1960. — С. 3.

² Там же. — С. 125–127.

³ *Голдина Р.Д.* Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973–1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. — Ижевск, 1977. — С. 27.

⁴ *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976–1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. — Ижевск, 1985. — С. 89–90.

⁵ *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск, 1987. — С. 39.

⁶ Там же. — С. 47.

⁷ *Черных Е.М.* Жилища Изранского поселения эпохи поздней бронзы // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск, 1988. — С. 4.

⁸ *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг..., с. 16–19.

⁹ *Черных Е.М.* Жилища Изранского поселения..., с. 4–18.

¹⁰ *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг..., с. 7.

¹¹ *Макаров Л.Д.* Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. — Ижевск, 2002. — С. 199.

¹² *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999. — С. 148–161.

¹³ *Макаров Л.Д.* Русские археологические памятники..., с. 226.

¹⁴ *Лецинская Н.А.* Могильник у д. Кордон // Археологические открытия 1984 г. — М., 1986. — С. 136.

¹⁵ *Широбокова Н.Ф.* Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. — Ижевск, 2002. — С. 119.

¹⁶ *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг..., с. 54.

¹⁷ Цыганов Ю.Ю. Перспективы поиска палеолита в бассейне р. Вятки // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Т. 1. — Киров, 1992. — С. 22–23.

Список археологических памятников, расположенных на территории Вятско-Полянского района Кировской области

В описании каждого памятника использована следующая схема:

1. Название и тип памятника, категория охраны и наименование нормативного акта, в соответствии с которым объект поставлен на государственную охрану (Р — объект культурного наследия регионального значения, Ф — объект культурного наследия федерального значения); 2. Наименование памятника, под которым он фигурирует в нормативно-правовом акте о постановке на государственную охрану; 3. Дата и культурная принадлежность, где это возможно определить; 4. Населенные пункты и речная система, с которыми увязывается местоположение памятника; 5. Время обнаружения и исследований памятника; 6. Описание самого памятника и обнаруженных на его территории находок и объектов; 7. Источники и литература, содержащие информацию о данном памятнике.

1. Изранское поселение.

Эпоха бронзы: буйская АК (конец II — начало I тыс. до н. э.); средневековье (X — сер. XIII вв.). Д. Изран, затон Занога, правый приток р. Вятки. Открыто в 1983 г. Е.М. Черных, ею же в 1983–1984 гг. проведены раскопки.

Поселение занимает невысокое дюнное всхолмление поймы, приподнято над уровнем реки на 5 м. Площадь памятника составляет около 3200 кв. м. При осмотре поверхности были замечены 4 жилищные впадины глубиной до 1 м. Общая вскрытая площадь на памятнике составила 613 кв. м. На ней изучены 3 полуземляночных жилища эпохи поздней бронзы, имевшие бревенчатую конструкцию стен. Два из жилищ при этом были соединены между собой коридорообразным переходом. В ходе раскопок обнаружено большое количество фрагментов лепной керамики (более 3500), в том числе орнаментированных резным и гребенчатым штампом и ямочными вдавлениями. В сооружениях также были найдены кремневые изделия, бронзовый рыболовный крючок, кусочки шлака с капельками меди, грузило, глиняные пряслица, в том числе орнаментированные.

Ряд находок относится к древнерусскому времени: ключ от замка, нож, куски шлака и мелкие фрагменты гончарной керамики темно-серого цвета без заметных примесей.

Лит-ра: Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. — С. 7, 16, 47; Карпова Н.П., 1987. — С. 56; Черных Е.М., 1988. — С. 4–19; Макаров Л.Д., 1997. — С. 39; Голдина Р.Д., 1999. — С. 148–149; Голдина Р.Д., 2002. — С. 18–19; Макаров Л.Д., 2002. — С. 199, 226; Широбокова Н.Ф., 2002. — С. 119–120; Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007. — С. 55.

2. Каракульское городище. Р (6/191)*.

Кон. I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э. Ранний железный век: ананьинская АК (VIII–III вв. до н. э.), худяковская АК (III в. до н.э. — V в. н. э.). Д. Каракули, правый берег р. Вятки. Открыто Марийской археологической экспедицией в 1956 г. В 1985 г. осмотрено Н.А. Лещинской.

Городище расположено на стрелке между двумя крутыми логами. Площадка памятника имеет подтреугольную форму, вытянутую с юга на север, с южной стороны сохранились вал и ров. Дуговидный вал высотой 1 м, длиной 80 м и шириной 12 м в сердцевине сложен из камней известняка. В валу на расстоянии 40 м от восточного края сделан проезд шириной 4 м. Ров имеет глубину 1 м при ширине 6–8 м. Площадь памятника составляет 2700 кв. м. Материал представлен фрагментами лепной керамики и изделиями из кремня.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. — С. 126; Генинг В. Ф., 1963. — С. 15; Бойчук М.Н., 1984. — С. 48; Голдина Р. Д., Черных Е. М., 1987. — С. 54; Ванчиков В.В., 1992. — С. 82, 91; Голдина Р. Д., 2002. — С. 18–19.

* Решение исполнительного комитета Кировского областного Совета депутатов трудящихся от 28.03.1983 г. № 6/191 «О постановке на государственную охрану вновь выявленных памятников истории и культуры Кировской области» (далее — 6/191).

3. Каракульская стоянка.

Неолит (V–III тыс. до н. э.). Д. Каракули, правый берег р. Вятки. Обнаружена Марийской археологической экспедицией в 1956 г. как местонахождение кремня. В 1985 г. обследована Н.А. Лещинской и интерпретирована как стоянка.

Лит-ра: Лещинская Н.А., отчет-1985; Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. – С. 126; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. – С. 54; Голдина Р.Д., 2002. – С. 18–19.

4. Кордон, поселение.

Мезолит (VIII–VI тыс. до н.э.); эпоха бронзы: буйская АК (XV–IX вв. до н. э.). Д. Кордон, правый берег р. Казанки, левого притока р. Вятки.

Обнаружено Е.М. Черных в 1983 г., тогда же заложен рекогносцировочный раскоп. В 1984 г. проведены раскопки под руководством Н.А. Лещинской. На площади 261 кв. м, охваченной раскопками, обнаружены различные изделия из кремня.

Лит-ра: Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. – С. 6, 16, 19; Голдина Р.Д., 2002. – С. 18–19.

5. Кордон, селище. Р (6/191).

Селище «Кордон», I тыс. до н.э. Ранний железный век (VIII в. до н. э. – III в. н.э.). Д. Кордон, правый берег р. Казанки, левого притока р. Вятки. Обнаружено в 1975 г. разведгруппой КВАЭ под руководством Р.Г. Кабирова.

Лит-ра: Голдина Р.Д., 1977. – С. 27; Бойчук М.Н., 1984. – С. 48.

6. Кордон, могильник.

Д. Кордон, правый берег р. Казанки, левого притока р. Вятки. Ранний железный век: худяковская АК (III–VI вв.). Обнаружен в 1984 г. во время раскопок поселения Кордон Н.А. Лещинской, в том же году частично исследован.

Лит-ра: Лещинская Н.А., 1986. – С. 136; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. – С. 19; Голдина Р.Д., 2002. – С. 18–19.

7. Кулыгинское (Кульжское) поселение. Р (6/191).

Кулыгинская стоянка, II тыс. до н.э. Неолит (V–III тыс. до н. э.); эпоха бронзы: приказанская АК (XVI–IX вв. до н. э.). Д. Кулыгино, правый берег р. Вятки.

Открыто Марийской археологической экспедицией в 1956 г. В 1985 г. обследовано Н.А. Лещинской. На памятнике были найдены фрагменты неолитической и приказанской керамики, а также изделия из кремня (10 отщепов, нуклеус, 2 скобеля). Площадь стоянки составляет 2250 кв. м.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. – С. 126; Халиков А.Х., 1960. – С. 152; Бойчук М.Н., 1984. – С. 48; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. – С. 54; Голдина Р.Д., 2002. – С. 18–19.

8. Нижне-Шуньская стоянка. Ф (176)*.

Стоянка «Нижнешуньская», II тыс. до н.э., эпоха бронзы: приказанская АК (XVI–IX вв. до н. э.). Д. Нижние Шуны, устье р. Шунки, правого притока р. Вятки. Обнаружена в 1956 г. Марийской археологической экспедицией. В 1977 г. стоянка была осмотрена разведгруппой КВАЭ под руководством Н.В. Шутовой, в 1981 г. обследована Н. М. Алексеевой.

Стоянка расположена на выступе террасы правого берега р. Вятки высотой 15 м. С поверхности памятника площадью 14000 кв. м происходят 4 кремневых изделия и фрагменты керамики приказанского облика.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. – С. 127; Халиков А.Х., 1960. – С. 152; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. – С. 89; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. – С. 39; Голдина Р.Д., 2002. – С. 18–19.

9. Нижне-Шуньское местонахождение.

Эпоха камня (VIII–III тыс. до н. э.). Д. Нижние Шуны, р. Шунка, правый приток р. Вятки. Обнаружено Марийской археологической экспедицией в 1956 г. На площади 100 кв. м был собран подъемный материал в виде кремневых отщепов и скребка.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. – С. 127.

10. Ново-Бурецкое поселение. Ф (176).

Новобурецкая стоянка. Мезолит (VIII–VI тыс. до н. э.); эпоха бронзы: приказанская АК (XVI–IX вв. до н. э.). Д. Новый Бурец, устье р. Бурец, правого притока р. Вятки. Обна-

* Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» (далее – 176).

ружено в 1956 г. Марийской археологической экспедицией. В 1977 г. стоянка осмотрена разведочной группой КВАЭ под руководством Н.В. Шутовой.

Стоянка расположена на краю надлуговой террасы р. Бурец высотой 7 м. Площадь памятника составляет 6000 кв. м. Н.В. Шутовой с поверхности собраны: кремневый наконечник стрелы, концевой скребок, скобель, 2 резца, нуклеидный обломок, пластина и 9 отщепов. Из сборов 1956 г. происходят фрагменты керамики приказанского типа.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. — С. 125–126; Халиков А.Х., 1960. — С. 151–152; Голдина Р.Д., Черных Е. М., 1985. — С. 89; Голдина Р.Д., 2002. — С. 18–19.

11. Ново-Бурецкое местонахождение керамики.

Средневековье: Волжская Булгария (XIV–XV вв.). Д. Новый Бурец, р. Бурец, правый приток р. Вятки. Обнаружено в 1956 г. Марийской археологической экспедицией. На пашне около деревни найдены 3 фрагмента гончарной посуды болгарского облика.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. — С. 125.

12. Пеньковское местонахождение кремня.

Эпоха камня (VIII–III тыс. до н. э.). Д. Пеньково, правый берег р. Вятки.

Обнаружено Марийской археологической экспедицией в 1956 г. На пашне у окраины деревни была обнаружена кремневая ножевидная пластина.

Лит-ра: Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. — С. 126.

13. Слудка, селище.

Ранний железный век (I тыс. до н. э.); средневековье: еманаевская АК (VI–IX вв.); Новое время: русское (XVIII–XIX вв.). С. Слудка, правый берег р. Вятки. Обнаружено Н.М. Алексеевой в ходе разведки в 1981 г. В 1983 г. на памятнике Е.М. Черных проведены раскопки.

Площадь раскопа на памятнике составила 109,2 кв. м. При этом было обнаружено две хозяйственные ямы, одна из которых является поздней (XVIII–XIX вв.) и содержит обломки кирпича, и 3 столбовые ямки. Материал представлен фрагментами лепной керамики, железными изделиями, шлаком, также обнаружены фрагменты обмазки и 3 кремневых отщепов.

Лит-ра: Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. — С. 17,39; Голдина Р.Д., 2002. — С. 18–19; Лещинская Н.А., 2002. — С. 56; Широбокова Н.Ф., 2002. — С. 119.

14. Слудка, местонахождение керамики и кремня.

Эпоха бронзы: приказанская АК (XVI–IX вв. до н. э.). С. Слудка, правый берег р. Вятки. Обнаружено Н.В. Шутовой в ходе разведки 1977 г. В обнажении берега собраны фрагменты керамики, по типу напоминающие приказанскую, и кремень.

Лит-ра: Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. — С. 90; Голдина Р.Д., 2002. — С. 18–19.

15. Сушинская-I, стоянка. Р (6/191).

Стоянка «Сушинская-I». Эпоха камня (VIII–III тыс. до н.э.). С. Суши, левый берег р. Вятки. Обнаружена Р.Г. Кабириным в 1975 г.

Лит-ра: Анонова Г.Н., Данилина И.А., Вотякова О.П., Кабиринов Р.Г., Корепанов А.Л., Леконцева Н.И., Макаров Л.Д., Сенникова Л.А., Шутова Н.В., Ютина Т.К., 1976. — С. 155; Голдина Р.Д., 1977. — С. 27; Бойчук М.Н., 1984. — С. 48.

16. Сушинское-II поселение. Р (6/191).

Эпоха камня (VIII–III тыс. до н.э.); ранний железный век: худяковская АК (III в. до н. э. — V в. н. э.). С. Суши, левый берег р. Вятки. Обнаружено Р.Г. Кабириным в 1975 г.

Лит-ра: Анонова Г.Н., Данилина И.А., Вотякова О.П., Кабиринов Р.Г., Корепанов А.Л., Леконцева Н.И., Макаров Л.Д., Сенникова Л.А., Шутова Н.В., Ютина Т.К., 1976. — С. 155; Голдина Р.Д., 1977. — С. 27; Бойчук М.Н., 1984. — С. 48.

ЛИТЕРАТУРА

Анонова Г.Н., Данилина И.А., Вотякова О.П., Кабиринов Р.Г., Корепанов А.Л., Леконцева Н.И., Макаров Л.Д., Сенникова Л.А., Шутова Н.В., Ютина Т.К., 1976. Разведки в Камско-Вятском междуречье // Археологические открытия 1975 г. — М.

Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). — Йошкар-Ола.

Бойчук М.Н., 1984. Памятники истории и культуры Кировской области. Каталог. — Киров.

Ванчиков В.В., 1992. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. — Ижевск.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. — Ижевск.

Голдина Р.Д., 1977. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973–1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. — Ижевск.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск.

Голдина Р.Д., 2002. Камско-Вятской археологической экспедиции — 22 года // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. — Ижевск.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007. Наследие народов Прикамья. — Ижевск.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976–1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. — Ижевск.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск.

Карпова Н.П., 1987. Поселение Акшубень II — памятник эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск.

Лещинская Н.А., 2002. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I — начала II тыс. н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. — Ижевск.

Макаров Л.Д., 1997. Сложение связей с западными землями и пути древнерусского заселения Камского бассейна (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы межд. науч.-практ. конф. — Березники.

Макаров Л.Д., 2002. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. — Ижевск.

Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. — Йошкар-Ола.

Черных Е.М., 1988. Жилища Изранского поселения эпохи поздней бронзы // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск.

Широкобокова Н.Ф. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. — Ижевск.

Аннотация

В работе рассматривается история проведения археологических исследований на территории современного Вятско-Полянского района Кировской области и раскрывается специфика находящихся здесь археологических памятников. В приложении к статье приводится список археологических памятников, находящихся на данной территории, с их краткой характеристикой и перечнем публикаций, в которых они описываются.

Ключевые слова: Вятско-Полянский район, Кировская область, археологические памятники, археологические разведки, археологическая культура.

Summary

The article deals with the history of holding archaeological investigations on the territory of modern Vyatsko-Polyanski area of Kirov region and the disclosure of peculiarities of the archaeological monuments situated here. In the supplement to the article you may find the list of archaeological monuments situated in this area, their brief characteristics and the list of publications with their description.

УДК 94 "04/14"

КРЫМ В VIII–X вв.: ПРОБЛЕМА ХАЗАРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

Ю.М. Могаричев, доктор исторических наук, профессор

Основные вопросы истории Крыма «хазарского периода», по которым разворачиваются дискуссии, это: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» — хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен condominium; основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой культуры на полуострове.

Начало хазарского проникновения в Крым традиционно связывается с последней четвертью VII в.¹ А.И. Айбабиным даже был выявлен слой пожара, который, как он считает, связан с захватом Боспора хазарами. В самом Боспоре, по мнению автора, хазары разместили гарнизон, а в приморской части построили цитадель². Выводы А.И. Айбабина в отношении «хазарских слоев» Боспора были подвергнуты критике со стороны В.Е. Науменко³, С.Б. Сорочана⁴, В.В. Майко⁵, Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова⁶.

Древнейшими свидетельствами хазарского присутствия на территории Боспора, равно как и всего Крыма, являются данные «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора, касающиеся знаменитой истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II, его бегстве к хазарам, возвращении на константинопольский престол и последовавших

затем карательных мерах против Херсона⁷. Эти источники неоднократно анализировались различными исследователями. Правда, выводы были противоположными — от мнения о полном подчинении Крыма, или большей его части хазарам⁸, до констатирования установившегося здесь condominiumа между Хазарией и Византией⁹. Попытаемся проанализировать их еще раз.

Обратимся сначала к вопросу о присутствии хазарского наместника на Боспоре (в данном случае мы имеем в виду собственно город Боспор). В соответствии с сообщениями византийских летописцев, после бегства к кагану Юстиниан женился на сестре последнего и жил в Фанагории. Каган, поддавшись уговорам правившего в Константинополе Тиверия III Апсимара, решил выдать опального императора византийцам. По Феофану: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а (сам) приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была известна Феодора, (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для

беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем. (Затем) он немедленно отсылает Феодору в Хазарию, а сам тайно сбежал из Фанагории»¹⁰. По Никифору: «Он (каган. — Ю.М.) послал людей для охраны Юстиниана под видом того, как бы он не подвергся козням со стороны своих соплеменников, а на самом деле — стеречь Юстиниана, чтобы он не скрылся, стремясь заранее себя обезопасить. Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан призвал того местного хазарина (к себе) и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора»¹¹.

Обычно современные исследователи интерпретируют Папаца как хазарского наместника Фанагории, а Валгица как правителя Боспора из местного населения, но подчиненного хазарам¹².

Возможно, Папац к управлению Фанагорией отношения не имеет. На расплывчатое сообщение о нем Феофана «*бывшему в Фанагории от его (кагана. — Ю.М.) лица*», имеется однозначное пояснение Никифора «*Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане*». То есть Папац — хазарский чиновник, приставленный каганом к Юстиниану.

Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал и своих претензий на Константинопольский престол. Поэтому нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица кагана было необходимо. Таким до-

веренным лицом и был Папац. Что касается Валгица, то здесь ситуация несколько сложнее. Феофан называет его «архонт Босфора», а Никифор — «архонт Скифского Боспора». То есть из источника следует, что Валгиц был наместником кагана на Боспоре. Причем именно кагана, и никоим образом не подчинялся императору. При двойном подчинении Боспора (на чем настаивают С.Б. Сорочан и В.Е. Науменко) Тиберий III мог сам без кагана «убедить» архонта избавиться от Юстиниана (уж очень неординарный был случай). То, что византийцы искусно владели данными приемами, хорошо известно. А раз Апсимар просит об услуге кагана и тот приказывает архонту Боспора (на чем настаивают источники), то вывод может быть один: данный чиновник подчинялся исключительно хазарам.

Однако о каком Боспоре идет речь? Обычно исследователи или просто констатируют, что Валгиц был наместником на Боспоре, или уточняют, что под Боспором подразумевается бывший город Пантикапей, который в византийских источниках известен как Боспор.

Судя по данным как Феофана, так и Никифора, Юстиниан постоянно проживал в Фанагории. В связи с этим присутствие в ней архонта города Боспора выглядит крайне странным. Можно, конечно, допустить, что под Боспором понимался не город, а область с центром в Фанагории. Однако это не дает ответа на вопрос: кому принадлежал собственно город Боспор? Вероятно, чиновник, известный как «архонт Боспора», по крайней мере, прямого отношения к городу Боспору не имел. Как представляется, ключ к пониманию должности Валгица можно найти в пояснении Никифора: «архонт Скифского Боспора».

И.С. Чичуров предположил, что данное уточнение связано с желанием автора отличить Скифский Боспор от Фракийского¹³. Возможно, Босфор Скифский есть калька с древнегреческого топонима Боспор Киммерийский, то есть современный Керченский пролив. В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) называет Черное море именно «Скифским»¹⁴.

Таким образом, «архонт Боспора» — это чиновник, который от имени кагана контролировал пролив и, возможно, осуществлял сбор податей с территории бывшего Боспорского царства. Ставка же его находилась в Фанагории. На наш взгляд, данная точка зрения позволяет снять многие противоречия и объясняет нахождение «архонта Боспора» на противоположном от города берегу пролива.

Таким образом, произведения Феофана и Никифора в эпизоде с бегством Юстиниана из Херсона и его пребыванием в Фанагории не содержат прямых сведений о непосредственном контроле хазар над Боспором. В связи с изложенным, рассмотрим вопрос о военном присутствии хазар в Фанагории и на Боспоре.

Напомним, пытаясь устранить Юстиниана, каган отправил в Фанагорию охрану, надо думать, военный отряд, под предлогом того, чтобы местные соплеменники Юстиниана его не убили. Находясь в Фанагории или в окрестностях значительные военные силы хазар, кагану не было бы необходимости посылать туда дополнительные войска, а достаточно было направить одного или несколько чиновников с соответствующими полномочиями, которые и обеспечили бы Юстиниану необходимую «охрану». Причем появление данного

контингента не должно было вызвать недоверия со стороны беглого императора. Он должен был поверить и, вероятно, поверил бы, если бы не Феофора, что отряд направлялся именно для его охраны. Таким образом, источники позволяют говорить об отсутствии в Фанагории на тот момент значительных военных сил хазар. И если на азиатской стороне Боспора, в крайне важном для хазар месте, была такая ситуация, то можно ли говорить о наличии хазарского гарнизона в городе Боспоре? Отметим, что «жители крепостей», куда, несомненно, входил и Боспор, боясь репрессий со стороны Юстиниана, просили прислать им войско для охраны из Хазарии. А Никифор и Феофан однозначно отделяют Хазарию от Крыма и Фанагории.

Единственный хазарский чиновник, который в это время фиксируется в Крыму, — это херсонский тудун. Возникает вопрос, а не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Несомненно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы он находился там в период ссылки Юстиниана, тому не было бы необходимости искать «выход» на кагана за пределами Херсона¹⁵. Тудун появился там после 705 г., фиксируется в 711–712 гг. и больше ни по каким источникам не известен. Вероятно, правы те авторы, которые определяют функции тудуна контролем за выплатой дани и доходами от торговли¹⁶. Когда тудун покинул город, не известно. Скорее всего, надобность в нем отпала после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам.

Как уже неоднократно отмечалось различными исследователями, Хер-

сон, Боспор и Климаты, несомненно, выступают в истории с Юстинианом II как местности, подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие «херсонитов, босфорян и остальных климатов»¹⁷ в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ «в Херсоне, Босфоре и других архонствах»¹⁸, провозглашение императором Вардана Филиппика «херсонитами и жителями других крепостей»¹⁹ указывают, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались как ромейские. Какова же роль хазар во всех этих событиях?

Встретиться с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма. Боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей ... послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны». Юстиниан, когда узнал о заговоре Ильи и Вардана, возвращает тудуна и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к кагану и только что провозглашенного императором Вардана «ромей» обязаны были выплатить значительную сумму. То есть хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение. Ни один источник не упоминает о каких-то территориальных или политических претензиях со стороны хазар, наоборот, акцентируют внимание исключительно на материальных требованиях.

Детальное изучение известных в настоящее время на территории Крымского полуострова захоронений кочевников, обычно датированных концом VII — первой половиной VIII в., показывает, что на долю тюрко-протоболгарского или салтовского

населения приходится не более 9–10 могил.

Анализ керамического материала поселений Пташкино, Героевка, Эльтиген Западное, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Меловое, Фронтное, Ак-Кая, на м. Ойрат, в Лазурном и других, как правило, связываемых с так называемой «первой волной» хазарского проникновения в Крым, позволяет сделать вывод, что надежные материалы, позволяющие датировать их основание периодом до середины VIII в., отсутствуют²⁰.

Таким образом, данные археологии также не подтверждают точку зрения о заселении в конце VII — начале VIII вв. территории Крыма пришлыми протоболгарами или салтовцами-хазарами. Погребения же, которые в какой-то мере могут быть связаны с собственно хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого по сравнению с VI — первой половиной VII вв. существенно не изменился. Города Боспор, Судак и Херсон, крепости-климаты Юго-Западного Крыма, несомненно, по-прежнему контролировала Византия.

Можно сделать вывод, что в начале VIII в. Боспор наравне с Херсоном и Климатами оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась в основном к возможности получения дани. Если же хазары не по своей воли оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуост-

рова, то и здесь претензии хазар были в большей степени материальными, а не территориальными или политическими.

Современный уровень источниковедческой базы не позволяет говорить об изменении византийско-хазарских взаимоотношений в Таврике до середины — второй половины VIII в. Археологические материалы и письменные источники не фиксируют ни серьезных вооруженных конфликтов, ни изменений в составе населения.

В середине — второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно разбросаны по Северо-Западному, Центральному и Юго-Восточному регионам²¹. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано ни одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих поселений, в частности, городов Боспора и Сугдеи, окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников (Тепсень, Кордон-Оба, Героевка, Пташкино), а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова.

Скорее всего, пришельцы пришли с территории Хазарского каганата.

Надо думать, что данное перемещение населения в Крым происходило параллельно с другими миграционными процессами в Хазарии, в частности, с переселением алан и болгар из Центрального и Западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона²². Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737)²³. Практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии²⁴. В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 — началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани²⁵.

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений, можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма. Вероятно, данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее. Однако современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяют сделать более конкретные выводы).

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству²⁶. Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского или согласившегося принять христианство населения из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, в Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Готия, или Климаты (причем Готия — название более распространенное в церковной литературной традиции, Климаты же — термин, используемый в официальных источниках VIII–IX вв.)²⁷, до середины VIII в. находилась в подчинении Византии, которая управляла данной областью через Херсон. В церковном плане Херсон и Готия также входили в одну церковно-административную единицу²⁸. Зависимость ее населения от хазар не выходила за пределы выплаты дани.

Однако уже с 80-х годов VIII в. здесь меняется административное устройство. Во главе Готии появляется Господин (Кир), которому подчинены архонты. Нет оснований утверждать, что до конца третьей четверти VIII в. хазары имели возможность влиять на административное

устройство Юго-Западной Таврики. По мнению Н.А. Алексеенко, Господин Готии — «кир», скорее всего, по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность появилась в конце VIII в. и в Херсоне²⁹. Вероятно, подобные преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая к 80-м годам стала очевидной.

Такая ситуация могла сложиться только при условии изменения отношений между Византией и Хазарией. При императорах-иконоборцах между государствами установились самые дружеские отношения. Но наметившийся в правление Ирины поворот идеологического и политического курса в сторону восстановления иконопочитания, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии не могли не вызвать реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе³⁰.

Серьезное столкновение между хазарами и местным населением, известное как восстание Иоанна Готского, произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг.³¹ О нем сообщает «Житие Иоанна Готского». Источник фиксирует однозначную последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии — Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ Господин Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисуры. Однако восстание было подавлено, Иоанн, преданный одним селением и заточенный в фульскую тюрьму, бежал в Амастриду. Господин Готии был помилован, казнены лишь 17 человек (по крайней мере, такую цифру называет источник)³².

Сведениям письменного источника имеется археологическое подтверждение. На Мангупе обнаружен участок оборонительной системы, перестроенный хазарами после его завоевания³³.

Вероятно, антихазарское выступление не было масштабным. И после его подавления хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Сложно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосягаем, их гарнизон появился на Мангупе. Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-Кермен и Каламита? С одной стороны, там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой — после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей — есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями. Н.И. Репников, Е.В. Веймарн, И.А. Баранов³⁴ предполагали захват Эски-кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А.И. Айбабин, для таких выводов нет никаких оснований³⁵. В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия³⁶.

Надо думать, Доросом хазары владели относительно недолго. Интересно в ракурсе рассматриваемой

проблемы упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г. заточил свою жену Марию в монастырь и женился на некоей кувикуларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита, «это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так, король Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении устава, предались прелюбодейным связям»³⁷. Этот факт отражен и в письме Феодора Студита, датированном 808 г. Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора³⁸.

Если в данном случае короля Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно предположить, что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. То есть господство хазар там продолжалось 10–15 лет. Правда, с другой стороны, если предположить, что статус короля Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, а источники ставят их в один ряд, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии (известно, что византийское господство с середины VIII в. в Северной и Средней Италии практически перестало осуществляться). Местные лидеры стали фактически независимыми от империи³⁹.

Однако в любом случае уже в начале IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а впоследствии и над всем полуостровом. В середине IX в. византийское правительство создает здесь новую территориально-административную единицу — фему.

По мнению ряда исследователей, фема Климатов (таким было ее первоначальное название) была создана

летом 841 г.*, в ответ на появление в припонтийских степях венгров⁴⁰, которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера**, и те более не могли удерживать подвластные им территории. Создание фемы однозначно свидетельствует о переходе Готии (мы не знаем границы фемы Климатов. Входил ли в нее Восточный Крым и Боспор, однако Юго-Западный Крым, и, скорее всего Южный, несомненно) к началу 40-х гг. под полный контроль Византии.

Сложную политическую обстановку в Крыму в начале второй половины IX в. передает нам житие Константина Философа.

В 860 г. он был послан императором Михаилом III (856–867) с миссией к хазарскому кагану. Путь миссии лежал через Крым.

В Херсоне Константин организовал поиск и перенос мощей папы Климента в городской собор (а впоследствии и в Рим). Там же он узнал, что: «Пришел же с войском хазарский полководец, окружил христианский город и осадил его. Узнав же об этом, Философ пошел к нему без колебаний, и, беседуя с ним и поучая, укротил его и, обещавшись ему креститься, отошел, не причинив никакого вреда этим людям. Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его. Он же не испугался, не прервал своей молитвы, лишь взывая “Господи помилуй” ибо кончал уже службу. Они же, увидев (это), по божьему повелению стали кроткими, и начали кланяться ему, и,

выслушав из уст его слова поучения, отпустили его со всеми сопровождающими»⁴³.

Как представляется, несмотря на всю историческую ценность Жития, сюжеты о «чудесном спасении» Константина сначала от хазар, а затем и венгров вряд ли имели места в действительности и являются данью агиографической традиции того времени⁴⁴. Однако указанное выше никак не отрицает факта пребывания в округе (ближней или дальней) Херсона хазарских и венгерских военных отрядов, которые в какой-то мере могли угрожать и самому городу.

Анастасий Библиотекарь в одном из писем, основываясь на тексте Константина Философа, а также на устном сообщении сосланного в то время в Херсон митрополита смирнского Митрофана, сообщает: «Место лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда ... место опустело и сделалось необитаемым ... вся та часть Херсонской страны пришла в упадок, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казалось были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить. ... этот город (Херсон. — Ю.М.) пограничен с хазарской землей»⁴⁵.

На основании этого фрагмента обычно следовал вывод о прохождении границы хазарских владений в непосредственной близости от Херсона или византийских территорий в его округе⁴⁶. Но если рассматривать данные слова Анастасия, не вырывая

* Некоторые исследователи сомневаются, что фема была создана именно в 841 г. Однако, несомненно, что это произошло между 834 и 842 гг.⁴¹

** Справедливости ради отметим, что не все исследователи считают «венгерскую угрозу» причиной создания фемы⁴².

их из контекста источника (одной из задач которого было показать выдающуюся роль Константина Философа в деле обнаружения забытого местным населением захоронения папы Климента), то напрашиваются иные выводы. Для Константина во время его путешествия Херсон был ближайшим к хазарам византийским городом, перевалочной базой, где перед поездкой непосредственно в Хазарию можно было запастись всем необходимым и узнать обстановку на границах византийских владений. Поэтому слова Митрофана, переданные Анастасием, ни в коем случае не следует понимать буквально. Херсон по источнику не пограничный (буквально), но ближайший к хазарам византийский город, откуда Константин начинал свое путешествие, занимался миссионерской деятельностью и куда вернулся на обратном пути.

Также представляется несколько преувеличенной угроза Херсону со стороны врагов, о которой обычно говорят, ссылаясь на письмо Анастасия. Действительно, с одной стороны, он пишет о жителях Херсона как о заключенных в тюрьме. Но с другой, сам информатор Анастасия, Митрофан, проживал не в самом городе, а «недалеко» от него⁴⁷. Константин, светское и церковное руководство Херсона организовали торжественную церемонию перенесения мощей Климента в город, при этом мощи на ночь оставили в одном из загородных храмов. Все это не соответствует утверждениям о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях.

Очевидно, какие-то походы в попытках вернуть себе владения или получить дань совершали хазары, периодически угрожать византийским владениям в Таврике могли отряды венгров, но прямой угрозы захвата

Херсона и, надо думать, поселений всей остальной фемы не существовало.

К. Цукерман, на наш взгляд, убедительно показал, что ко времени путешествия Константина Философа у хазар на полуострове уже не оставалось опорных пунктов⁴⁸. А.И. Айбабин считает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г., а именно ближе к 873 г. Основанием для такой хронологии послужил как анализ археологического материала, так и письмо константинопольского патриарха Фотия архиепископу Боспора с поддержкой желания последнего крестить проживавших там иудеев⁴⁹. Возможность неоднозначного толкования письма Фотия не исключает факта прекращения хазарского господства на Боспоре, а следовательно, и во всем Крыму, к началу 70-х гг. IX в. Отметим, археологический анализ упомянутых ранее «хазарских» поселений показывает, что они заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в.⁵⁰

К указанному времени хазары, в попытке вернуть крымские владения или получить дань, могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов⁵¹, но укрепиться здесь у них больше не получилось.

Необходимо отметить, что один источник все же сообщает о вхождении части Крыма в состав Хазарии в X в. Это так называемая Пространная редакция письма царя Иосифа, согласно которой в состав каганата около 950–960 гг. (различные авторы датируют источник в пределах этих хронологических рамок) входил весь полуостров за исключением Херсона и его ближайшей округи. Однако, как отмечалось исследователями, данные Пространной редакции в отношении

крымских владений хазар сильно преувеличены⁵². Поэтому, вероятнее всего, если крымские пункты Пространной редакции и не являются поздней вставкой, а такое мнение высказывалось⁵³ (равно как и гипотеза, что «Пространная редакция» вообще фальсификация⁵⁴), то они отражают более желаемое, нежели реальное. Ведь даже по сообщению Кембриджского документа, который передает нам представления элиты хазарского общества, поселения между Боспором и Херсоном в период правления того же Иосифа являлись «городами Романа»⁵⁵, то есть византийскими.

Подтверждением вышесказанному является и договор, заключенный между империей и Киевской Русью в 944 или 945 гг. после похода Игоря на Византию. Согласно ему, русские обязуются не нападать на подвластные Константинополю области в Крыму (ст. 8) и защищать их от походов черных болгар (ст. 11)⁵⁶. Здесь нет ни слова о хазарской угрозе. Надо думать, если бы таковая имела, византийцы не преминули бы вменить в обязанность русским и защиту «Корсунской страны» от хазар*.

Власть венгров в степной части Крыма была недолгой, уже к 80-м гг. IX в. они были вытеснены печенегами, и в истории полуострова начинается новый исторический период.

Наиболее полные сведения о нем содержатся в произведении византийского императора Константина Багрянородного (945–959) «Об управлении империей», составленного в 948–952 гг.⁵⁸

Херсон и Климаты подчинялись Византии, но власть империи не была здесь особо прочной, ибо Крым находился под постоянной угрозой вторжения неприятеля.

В частности, это и хазары, которые хотя уже и покинули Крым, но, вероятно, не оставляли надежды его вернуть и всячески угрожали набегами. Чтобы сдерживать хазар от нападения, византийские власти всячески обхаживали их соседей – алан, которые также, будучи грозной военной силой, могли препятствовать тем, угрожая ударить с тыла. По словам Константина, необходимо дружить с эксусиократором (правителем) Алании, потому что «он может сильно вредить им (хазарам. — Ю.М.), и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты»⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия государственной академии истории материальной культуры. — М.; Л., 1927. — Вып. 5. — С. 168; Артамонов М.И. История хазар. — Л., 1962. — С. 196; Яковсон А.Л. Средневековый Крым. — М.; Л., 1964. — С. 28–35; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — Киев, 1990. — С. 148; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999. — С. 185; он же. Хазарский слой в Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2000. — Вып. VII; он же. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму

* Отметим, что нет никаких оснований отождествлять хазар с черными булгарами. Константин Багрянородный однозначно разделяет эти два политических образования⁵⁷.

и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. – М., 2003. – С. 55–59; и др.

² Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 188–189.

³ Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 249–250.

⁴ Сорочан С.Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 146–147.

⁵ Майко В.В. К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // Пантикапей. Боспор. Керчь. Материалы конференции. – Керчь, 2000. – С. 187–190.

⁶ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. 1. Проблемы «хазарских слоев» Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. XII.

⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С. 62–65, 163–166.

⁸ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – Киев, 1906. – С. 63; Васильев А.А. Готы в Крыму..., с. 194–195; Якобсон А.Л. Средневековый Крым..., с. 28–35; Артамонов М.И. История хазар..., с. 196–198; Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986. – С. 22–23; она же. Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 151–169; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 185–189.

⁹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья..., с. 148; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41; она же. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум...; она же. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1. – С. 322–396; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений..., с. 346–350.

¹⁰ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 62–63.

¹¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 163.

¹² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 124–126; Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений..., с. 347–348.

¹³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 179.

¹⁴ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 118.

¹⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 130.

¹⁶ Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений..., с. 349.

¹⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 63.

¹⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 164.

¹⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения..., с. 164.

²⁰ Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2006. – Вып. XVI/1; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – С. 103–166.

²¹ Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2004. – Вып. XIII; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского..., с. 139–145.

²² Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989. – С. 268; несколько другую интерпретацию см.: Гадло А.В. Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1984. – С. 25–26; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. – М., 1998. – С. 201; и др.

²³ Плетнева С.А. Хазары..., с. 41.

²⁴ Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. – 2001. – № 2. – С. 52.

²⁵ Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 66–67.

²⁶ См., например: Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 18–19; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 137, 141.

²⁷ Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. — Симферополь, 1998. — Вып. VI. — С. 693—696.

²⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму..., с. 189.

²⁹ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1996. — Вып. V; *он же*. Имперская администрация на византийско-хазарском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. — Керчь, 2004; *он же*. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати киров // Боспорские исследования. — Симферополь; Керчь, 2005. — Вып. IX; см. также: Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. — Симферополь, 2003. — С. 306; *он же*. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры..., с. 610—613.

³⁰ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 151.

³¹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 30. — С. 115.

³² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского..., 12—13.

³³ Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1990. — Вып. 1. — С. 111—120; *он же*. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 34; *он же*. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1.

³⁴ Ренников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // Известия государственной академии истории материальной культуры. — 1932. — Т. XII. — Вып. 1—8. — С. 140; Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958. — С. 25—26; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья..., С. 151—152.

³⁵ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 210.

³⁶ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики...; Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского..., с. 177—179.

³⁷ Васильев А.А. Готы в Крыму..., с. 217—218.

³⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму..., с. 218.

³⁹ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — СПб., 2001. — С. 341.

⁴⁰ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Вып. 1. — С. 320; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 215 — 216; Дагрон Ж. Двуликий Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2000. — Вып. VII. — С. 297—298.

⁴¹ Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2009. — Вып. XV.

⁴² Петрухин В.Я. Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Тез. докл. — М., 2002; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры..., с. 565.

⁴³ Сказания о начале славянской письменности. — М., 1981. — С. 77 — 86.

⁴⁴ Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. — М., 2002. — № 4 (152). — С. 52.

⁴⁵ Ягич И.Ф. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72 тому Записок императорской академии наук. — 1893. — № 6. — С. 9—11.

⁴⁶ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 221.

⁴⁷ Ягич И.Ф. Вновь найденное свидетельство..., с. 10.

⁴⁸ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1998. — Вып. VI. — С. 667.

⁴⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма..., с. 222.

⁵⁰ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского..., с. 226; Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в

Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. — Вып. XXI.

⁵¹ *Дукерман К.* Венгры в стране Леведии..., с. 678–679.

⁵² *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-западного Крыма. — Симферополь, 1992. — С. 63.

⁵³ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л., 1932. — С. 108–109; *Хвольсон Д.А.* Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а также образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб., 1884. — С. 500.

⁵⁴ *Бушаков В.* Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. — Киев., 1994. № 1–2; *он же.* Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосипа // Хазарский альманах. — 2005. — Т. 4; обзор литературы и опровержение см.: *Артамонов М.И.* История хазар..., с. 9–10, 30.

⁵⁵ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. — М.; Иерусалим, 1997. — С. 141.

⁵⁶ Полное собрание русских летописей. — Л., 1926. — Т. 1. — С. 51; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956. — С. 162.

⁵⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей..., с. 53.

⁵⁸ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей..., с. 5.

⁵⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей..., с. 53.

Аннотация

В византийско-хазарских отношениях на Крымском полуострове в VIII–X вв. автор выделяет несколько периодов, каждый из которых имеет свою специфику (конец VII — середина VIII вв.): 1. Выход хазар к границам полуострова, вынудивший византийские власти выплачивать им дань. При этом хазары за материальное вознаграждение участвовали и во внутривизантийских конфликтах, выступая на стороне то одной, то другой партии. 2. (50–60-е гг. — 70-е гг. VIII в.). Переселение части населения Хазарского каганата с разрешения и под контролем византийских властей на территорию Крыма (в основном Керченский полуостров). 3. (80-е гг. VIII в. — первая половина 30-х гг. IX в.). Экспансия хазар в юго-западную часть Крыма, а после подавления выступления местного населения и захват ими большей части полуострова. 4. (Вторая половина 30-х гг. — 70-80-е гг. IX в.). Ослабление хазарского господства приводит к созданию фемы Климатов. К концу этого периода хазары, несмотря на попытки удержаться в Крыму, были вынуждены его покинуть. 5. (Конец IX — середина X вв.). Попытки хазар совершать походы в Крым, который они, вероятно, продолжали считать своей землей, в основном пресекались византийскими властями.

Ключевые слова: Хазары в Крыму, хазарско-византийские отношения, археологические свидетельства.

Summary

In Byzantine-khazar relationships in the Crimean peninsula in the VIII-X centuries the author points out several periods, each of which has its own peculiarity:

1. The coming of the Khazars to the borders of the peninsula made the Byzantine authorities render tribute. At the same time the Khazars took part for some material remuneration in inner Byzantine conflicts supporting one or another party.

2. Emigration of the part of the population of Khazar Khaganate with the permission and under the control of Byzantine authorities to the territory of the Crimea.

3. The expansion of the Khazars to the south-western part of the Crimea and after suppressing the disorders of the local population, the capture of the greater part of the peninsula.

4. As a result of the weakening of the Khazar supremacy the climate fema was created. By the end of this period the Khazars despite the attempts to remain in the Crimea had to leave it.

5. The attempts of the Khazars to make campaigns to the Crimea were mainly cut off by the Byzantine authorities.

УДК 314.952/.954

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО КИРМЕНЧУКА И ЕГО ОКРУГИ

А.З. Нугамаев, кандидат исторических наук, доцент

Известный по русским и татарским письменным и фольклорным источникам Кирменчук в отечественной исторической литературе принято отождествлять с Кирменским археологическим комплексом¹, расположенным в среднем течении р. Кирмянки, левого притока р. Омарки, правого притока Камы. Комплекс расположен в равной удаленности на 16–18 км от Камы и Вятки и является центром Кирменско-Омарского куста булгарских памятников, включающего в себя все поселения и могильники, расположенные на стыке Западного и Восточного Предкамья от Дигитлинского городища на западе до Гроханьского и Красногорского городищ на востоке.

В русских летописях Кирменчук упоминается среди четырех наиболее значительных булгарских городов, взятых войсками московского князя Юрия Дмитриевича в конце XIV в. В Воскресенской летописи это событие описывается под 1399 г., когда «...князь велики слышав се и събра рати многы, посла брата своего князя Юрия Дмитриевича, а с ним воевод, и старейших боарь и силу многу; он же шед взя город Болгары Великие, и град Жюкотин, и град Казань, и град Керменчук, и всю землю их повоева, и много Бесермен и Татар побиша, а землю Татарскую плениша; и воевав

три месяца взвратися с великою победою и с многою корыстию в землю Русскую»². В «Казанской истории» говорится, что «грады болгарския, по Волге стояше, Казань, и Болгары, Жюкотин, Керменчюк» были взяты «по совету крымского царя Азигирея (Хаджи-Гирея. — *А.Н.*)»³.

Собственно Кирменский археологический комплекс включает городище, три селища и некрополь с надгробными (эпиграфическими) памятниками, датируемые в пределах XI–XIV вв. Городище расположено на втором от с. Средние Кирмени мысу, ограниченном с запада и юга р. Кирмянкой. Площадь занятой поселением части мыса не превышает 85000 кв. м. Исследованиями последних лет, включающими в себя изучение оборонительного рва и реконструкцию всей системы обороны, удалось определить площадь самого детинца, которая составляет 0,65 га.

Кирменское I селище располагалось в 300 м к юго-юго-западу от городища за р. Кирмянкой. Это открытое поселение имело площадь 7500 кв. м. Впервые осмотренное в 1955 г., селище в настоящее время уже полностью уничтожено. На основе подъемного материала, состоящего из булгарской гончарной, в том числе поливной, и традиционной лепной керамики, а также нескольких индивидуальных

находок, исследователи отнесли его к золотоордынскому времени.

Кирменское II селище, расположенное от городища в 2 км к юго-востоку, занимает площадь в 45500 кв. м. Раскопки 1998 и 2000 гг., а также многочисленный подъемный материал с памятника дают основание датировать данное селище домонгольским периодом.

Кирменское III селище, располагающееся в 0,9 км к северо-востоку от II селища и 2,2 км от городища и занимающее площадь 18000 кв. м, на основании болгарской красноглиняной керамики золотоордынского облика можно отнести к ряду местных памятников XIII–XIV вв.

Еще один памятник, так или иначе располагающий информацией об этническом составе населения округа, — Кирменское I кладбище («Ханнар зираты» — «кладбище ханов») — расположен напротив городища на правом берегу р. Кирмянки. Сохранившаяся от уничтожения южная часть некрополя с запада и востока ограничена рвами, а с юга — невысоким земляным валом. В пределах некрополя сохранились чуть менее 20 надгробных камней и их обломков с информацией о погребенных. Анализ текстов эпитафий позволяет датировать памятник 20–60-ми годами XIV в.

Определяющими в изучении этнического состава населения отдельной местности, как в целом и этнических процессов, являются остатки материальной культуры. При отсутствии информации археологического характера из погребальных памятников (кроме единичных случаев вандализма, раскопки на «Ханском кладбище» не проводились) в качестве показателя этнокультурной принадлежности населения выступают керамическая посуда и украшения. Здесь, прежде всего, берется статистика находок,

хотя в отношении, например, керамики она не всегда является прямым показателем соотношения этнических групп. Как и во всех болгарских памятниках, явное доминирование в слоях Кирменского городища болгарской гончарной керамики (I группы по классификации Т.А. Хлебниковой⁴) объясняется, прежде всего, тем, что она сама являлась товарной продукцией или служила тарой для других товаров. Учитывая, что военные опорные пункты на окраинах были больше зависимы от поставок из центра, статистическая доля болгарской керамики на городище должна быть на порядок больше реальной доли болгарского населения в нем. Но в селищах, в том числе и домонгольских, доля болгарской керамики еще выше.

На всех поселениях Кирменского комплекса, как показывают раскопки, культурные отложения по большей части перемешаны в результате вспашки, что делает практически невозможным их стратифицировать на домонгольский и золотоордынский слои.

Анализ керамического комплекса из 11 раскопов Кирменского городища (более 70 тыс. фрагментов) показывает явное доминирование в нем общеполгарской I группы керамики. В разных раскопах ее доля колеблется от 75 до 87%. На домонгольском II селище гончарная керамика составляет более 90%. Следует заметить, что в переработанном слое общеполгарская керамика и на городище иногда превышает 90%, тогда как в ямных сооружениях ее доля нередко составляет лишь 30–50%. В комплексе находок наиболее крупного сооружения городища — оборонительного рва — болгарская керамика доходит до 68–80%.

Общеполгарская I группы керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученного теста с добавлением просеянного песка. На Кирмен-

ском городище и II селище преимущественно коричневого цвета (от 50 до 80%) хороший обжиг имеют чуть больше половины фрагментов. Такой расклад характерен, прежде всего, для окраинных памятников позднедомонгольской эпохи. Если посмотреть на керамический материал из оборонительного рва, существовавшего, по крайней мере, с момента возникновения крепости до золотоордынской эпохи, в комплексах верхних выборок наблюдается явное доминирование коричневого цвета посуды, тогда как в нижних выборках (начиная с пятой) более заметным становятся желто-красная и красная керамика. Обращает на себя внимание значительное присутствие в комплексе некондиционной посуды бурого цвета (до 10–11%). Обычно в военных крепостях (напр., Елабужское городище) керамики местного производства почти не наблюдается.

Преобладающий тип орнамента данной группы керамики линейно-волнистый, хотя встречается и более богатый декор в виде каннелюров и зооморфных мотивов. По форме доминируют кувшинообразные (кувшины, кринки) и горшковидные сосуды (горшки, корчажки, корчаги, хумы). Это типично общеполгарская керамика со своей местной спецификой, широко распространенная в памятниках Волжской Болгарии X–XIII вв. Данная посуда появилась в бассейне р. Кирмянки на рубеже X–XI вв. или в первой четверти XI в. в связи с проникновением сюда собственно болгарского населения из Западного Закамья в результате освоения предкамских и нижневятских земель. Вполне возможно, как считают некоторые исследователи, что это население было связано хорошо известными в источниках барсилами (берсула), отождествляемыми с «серебряными»

или «нохратскими» булгарами, занимавшими территорию, где располагалась столица государства – Великий город (Биляр)⁵. Учитывая местную топонимику, сохранившуюся в названиях наиболее значимых рек исторические этнонимы (р. Нократ, Берсут), такая связь вполне допустима. Именно это население принесло в округу высокоразвитое ремесло и хорошо организованный обмен товарами, т.е. торговлю.

Среди характерных находок в поселениях Кирменского комплекса следует выделить различные детали конского снаряжения и бытового костюма: пряжки, накладки, крюки, удила, пса-лии, происхождение которых связывается с аскизской культурой Южной Сибири. По мнению ряда исследователей, появление такого рода изделий в болгарских памятниках связано с проникновением в Поволжско-Прикамский регион населения, так или иначе связанного Древнехакасским государством⁶. Учитывая, что «аскизские» изделия начиная с середины XI в. массово встречаются на всех поселениях Волжской Болгарии, объяснить их появление просачиванием в болгарскую среду значительного алтайско-саянского населения, даже в лице кимакско-кипчакских этнических групп лишь на основе сравнительно-типологического анализа отдельных находок нельзя. Вероятнее всего, что т.н. «аскизские» изделия имеют исконно местное происхождение.

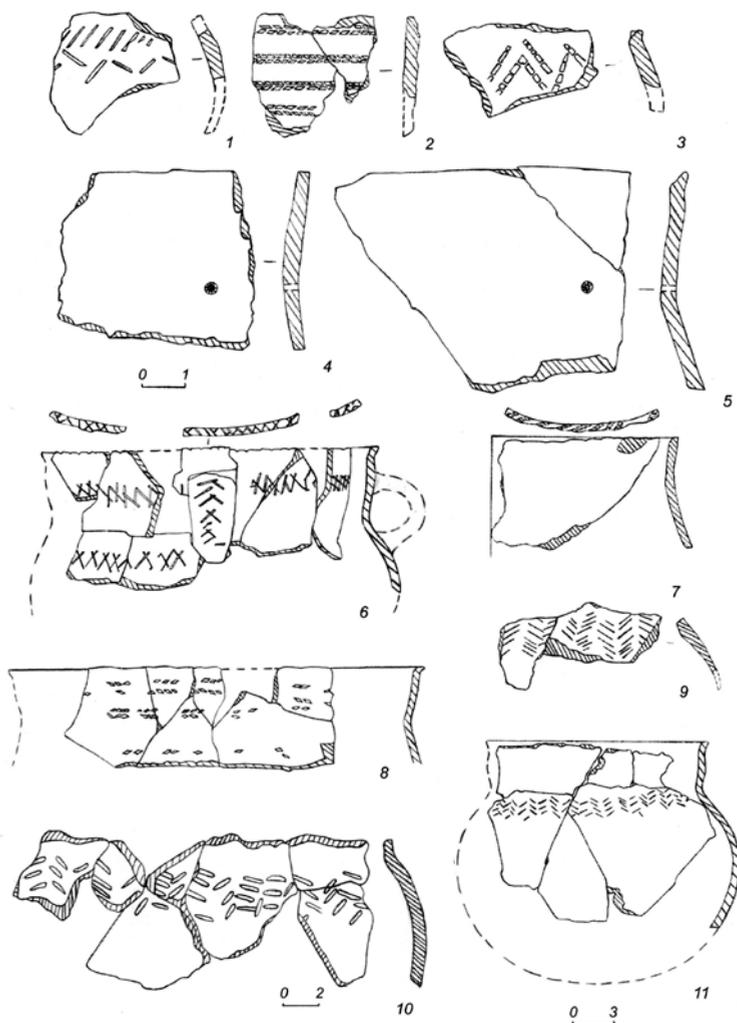
Другим участником сложных этнических процессов в Кирменском округе было прикамско-приуральское, в основе своей угорское население. Происхождение и судьба данного этнического массива всегда вызывали интерес у исследователей. По отношению к угорскому населению, проникшему на территорию Нижней Камы в конце X в., в современной археологии

применяются такие определения, как прикамско-приуральское население, носители прикамско-приуральской посуды, носители гребенчато-шнуровой керамики, население VII группы керамики Волжской Болгарии, культура «постпетрогром», мрясимовская и чияликская (раннечияликская) культуры. Безусловно, для немногочисленного угорского населения это многовато.

Данное прикамско-приуральское население оставило в болгарских поселениях округлодонные лепные сосуды с раковинным тестом, подцилиндрической или бочонковидной

горловиной, украшенные преимущественно веревочно-гребенчатым орнаментом по горловине и плечу, гребенчатыми отпечатками или нарезками по скошенному вовнутрь краю венчика⁷. Встречаются сосуды и без орнамента или же с единичными ямочками на горловине (см. рис.).

Прикамско-приуральская керамика (VII группа по классификации Т.А. Хлебниковой) составляет значительную часть находок Кирменского городища и II селища. В культурном слое (вне ямных конструкций) она составляет от 3 до 6% от общего количества керамики. В некоторых ямных

Прикамско-приуральская керамика

сооружениях, как и в нижних отложениях рва, ее доля доходит до 20–25, а иногда и до 40%. В целом в комплексе находок Кирменского городища определено более 7 тыс. фрагментов керамики «постпетрогром», что составляет около 10% от общего количества. На Кирменском II селище, датированном XII – первой половиной XIII в., ее доля лишь 3,5%. По мнению Ф.Ш. Хузина, который опирается на материалы А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Н.А. Кокориной, в Биляре VII этнокультурная группа бытует лишь до середины XI в. Даже гибридная VIII группа в XII в. исчезает совсем⁸. В поселениях Кирменского округа угорское население проживало в течение всего домонгольского времени, о чем свидетельствуют присутствие раковинного теста посуды в материалах селищ. Новая волна угорского населения в лице чияликской культуры до Вятки не дошла. В качестве крайне западных памятников в пределах Волжской Булгарии, где присутствует чияликский материал, можно указать на Элеваторную гору (Набережные Челны) и посад Алабуги. Но мусульманизированное «постпетрогромское» население еще долго сохраняло свою идентичность. В письменных и фольклорных источниках наряду с болгаро-татарским населением Предкамья часто указываются и «чирмешы»⁹, которых нельзя отождествлять с черемисами – марийцами и «чияликцами» – иштяками.

Закамское население, осваивавшее предкамские территории, не было однородным. Так, материалы Кирменского округа памятников говорят о достаточно пестром составе пришельцев с юго-запада. Вместе с общеболгарской посудой здесь всегда присутствует керамика типа «джукетау» (XIII группа по Т.А. Хлебниковой) – чашевидные и горшковидные

сосуды с округлым дном, с подцилиндрической или короткой раструбообразной горловиной, изготовленные вручную, а позднее и подправленные на гончарном круге из глины с обильными включениями крупного речного песка. Характерным орнаментом является многорядная набегающая волна, хотя позднее, под влиянием верхнекамского (родановского) населения (XVIII группа по Т.А. Хлебниковой), заметным становится наклонный гребенчатый штамп.

В керамическом комплексе Кирмени данная керамика составляет около 10% от общего количества (в верхнем горизонте слоя 8,5%, в нижнем горизонте – 10,5%). На более позднем II селище керамика типа «джукетау» почти в два раза превышает «постпетрогром» и составляет около 6%¹⁰.

Керамику типа «джукетау», которая сформировалась на базе посуды IX группы конца IX – первой половины X вв.¹¹, можно связывать с известными по восточным источникам эсегелами – чигилами, которые пришли на Среднюю Волгу в конце IX в. через Башкирию на волне печенежских наступлений в Приуралье. Коренное этногенетическое отличие от болгар дало носителям данной традиции изготовления керамики возможность самоидентифицироваться в течение всего домонгольского и золотоордынского периодов. Анализ материалов Кирменского комплекса показывает, что носители керамики типа «джукетау» были более восприимчивы к контактам с другими прикамскими этнокультурными группами, скажем, с носителями XVIII и, отчасти, VII групп керамики.

В раскопе I (1995 г.) Кирменского городища 184 фрагмента керамики были отнесены к XVIII этнокультурной группе. Дальнейшие исследования на памятнике показали полное

отсутствие следов носителей данной посуды. Имея хороший опыт различения керамики VII и XVIII групп на памятниках средневековой Алабуги, можно констатировать тот факт, что ни в предмонгольское, ни в ранне-золотоордынское время Кирменский округ не являлся объектом освоения верхнекамского населения.

Единичные фрагменты керамики XI (алано-болгарская салтовская), XIV (древнерусская) и XVI («славяноидная» поволжско-финская) эт-

нокультурных групп не могут внести какие-либо коррективы в общую картину межэтнических процессов в Кирменском округе в XI–XIV вв. В этих процессах участвовали приуральское угорское и нижнекамское (эсегельское?) население при определяющей роли булгаро-барсилского населения из Западного Закамья. Взаимовлияние и взаимопроникновение этих этнических групп привели к складыванию своеобразной материальной культуры позднесредневекового Предкамья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Нигаматов А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. – С.36–56.

² *ПСРЛ. Т. VII.* Летопись по Воскресенскому списку. – СПб., 1856.Х. – С.72

³ *Казанская история.* Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н.Моисеевой/ Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 48, 49.

⁴ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1988.

⁵ *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – С. 78, 79.

⁶ *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. – Казань: Изд-во «Заман», 2001. – С. 6–9.

⁷ *Нигаматов А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – С. 82.

⁸ *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // Камский торговый путь: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С.18.

⁹ *Казанская история.* – С. 91; Из «Булгарских повествований» Хюсам-Эддина Булгарского // История Татарии в документах и материалах. – М.: Соцэргиз, 1937. – С. 44; *Амирхан Х. Таварихэ Болгария* // Мирас. – 1992. – № 10. – С. 110.

¹⁰ *Нигаматов А.З.* Болгарские города Предкамья..., с. 55.

¹¹ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии..., с. 169.

Аннотация

Многочисленные археологические материалы, добытые за многие годы раскопок на поселениях Кирменского округа, позволяют рассмотреть сложные этнокультурные процессы, происходившие на востоке Западного Предкамья в XI–XIV вв. Опираясь на такой многочисленный археологический материал, как керамика, в статье рассматривается степень участия каждого этнического компонента в сложении своеобразного населения древней Кирмени.

Ключевые слова: культура, городище, селища, керамика, орнамент, сосуды, население.

Summary

Numerous archaeological materials obtained as a result of diggings in the settlements of Kirmenski area allows considering complicated ethno-cultural processes which took place in the east of Western Predkamie in the XI-XIV centuries. On the basis of such archaeological material as ceramics the author of the article considers the level of participation of every ethnic component in composing the original population of ancient Kirmen.

УДК 391: 391.7

УКРАШЕНИЯ ИЗ МАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ IX-XI ВВ. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (к методике изучения)*

Т.Б. Никитина, доктор исторических наук

Известный российский этнограф П.Г. Богатырев, разработавший теорию народного костюма, выделил следующие функции костюма: эстетическую, обрядовую, праздничную, функцию национальной или региональной принадлежности, сословную, практическую¹. Эти же функции выполняют и украшения как одна из деталей костюма, содержащих многоплановую информацию относительно различных сторон жизни общества.

Функция национальной принадлежности основана на том, что определенные украшения являются этническим индикатором, характеризующим принадлежность их носителей не только к конкретному народу, но и к этнографической группе. Например, по головному убору узнавали женщин различных этнографических групп марийского народа: «шымакшан-мари», «шарпан-мари», «сорокан-мари».

Использование украшений в качестве этноопределяющего индикатора для выводов исторического характера возможно при соблюдении соответствующей методики исследования. В противном случае они пре-

вращаются в эластичный материал, благодаря которому возможно иллюстрировать любые, иногда некорректные, несоответствующие исторической действительности построения.

Являясь наиболее привлекательным в эстетическом плане элементом материальной культуры, а поэтому постоянным предметом обмена и торговли, украшения способны перемещаться на достаточно удаленные от места изготовления территории. Не случайно в Среднем Поволжье и Прикамье мы находим изделия из Прибалтики, стран Скандинавии, Средней Азии. Не приходится удивляться, если в костюме марийской женщины увидишь раковины-каури, родиной которых является побережье Индийского океана.

Для выяснения этнического своеобразия костюма необходимо из общей массы украшений, которые имели декоративное или узкофункциональное назначение, выделить элементы, характерные для костюма определенного народа; именно они выполняли роль этнического индикатора и, как правило, производились на территории проживания этноса. В

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Погребальные памятники IX–XII вв. Волго-Вятского междуречья» (№ 09-01-24102 а/В).

исключительных случаях такие вещи тоже могли перемещаться в другие регионы к представителям иноплеменных объединений. Попадая в чуждую среду, они, как правило, использовались не по их прямому назначению и занимали иное место в костюме, чем на своей родине. Наглядной иллюстрацией могут служить ажурные трапецевидные коньковые подвески из древнемарийских могильников IX–XI вв. (рис. 1, 1–3). В марийском костюме они носились парно на груди, были соединены цепочкой и являлись этноопределяющей деталью костюма. Иногда аналогичные украшения встречаются в муромских и мордовских могильниках², где утратили свое первоначальное назначение, поэтому занимают неопределенное место: включены в состав ожерелья или поясных привесок. Такая же картина произошла с рубчатыми славянскими кольцами-перстнями, которые попали в Прикамье и использовались в мужском удмуртском костюме в качестве височных колец³. В марийских могильниках Поветлужья также наблюдаются случаи нахождения рубчатых височных колец в районе черепа, вероятно, в роли височного кольца: погр. 7 Починковского могильника, погр. 24 Выжумского III могильника⁴. Примеры аналогичного характера многочисленны. Поэтому использовать украшения как источник для этнических построений возможно лишь в составе конкретного костюмного комплекса с выяснением его точного местоположения.

Особенно ярко этническое лицо народа проявляется в украшениях головы. По височным кольцам А.В. Арциховский картографировал расселение славянских племен⁵, огромное внимание этой категории источников в качестве этнического индикатора

уделял В.В. Седов⁶. А.П. Смирнов выделил височные кольца поволжских финнов⁷. Нахождение отдельных типов височных украшений на той или иной территории приводит зачастую к выводам об обязательном присутствии носителей этих изделий. Например, по находкам в средневековых марийских захоронениях височных колец-серег так называемого постсалтовского типа и калачевидных высказано мнение о том, что в IX–XI вв. происходила миграция населения из Пермского Предуралья в Волго-Вятский регион⁸.

Мне кажется преждевременным делать выводы о миграциях населения по отдельным находкам, даже таким выразительным, как височные кольца. Не подвергая сомнению неоднократно доказанный вывод об этнической функции височного кольца, все же считаю, что для серьезных обобщений исторического порядка недостаточно наличие самого артефакта, т. е. височного кольца того или иного типа, но важно место этого изделия в составе костюмного комплекса, совместимость изделия с другими этническими индикаторами в костюме, соотношение украшения с различными сторонами материальной и духовной культуры.

Обратимся к материалам Веселовского могильника, расположенного в Шахунском районе Нижегородской области, который всеми исследователями относится к культуре средневековых мари и датируется IX–XI вв. Височные кольца общим количеством 66 экз. обнаружены в 20 погребениях из 34 исследованных на памятнике. Украшения очень разнообразны в типологическом отношении и имеют аналогии на различных территориях лесостепной полосы Восточной Европы: браслетообразные височные

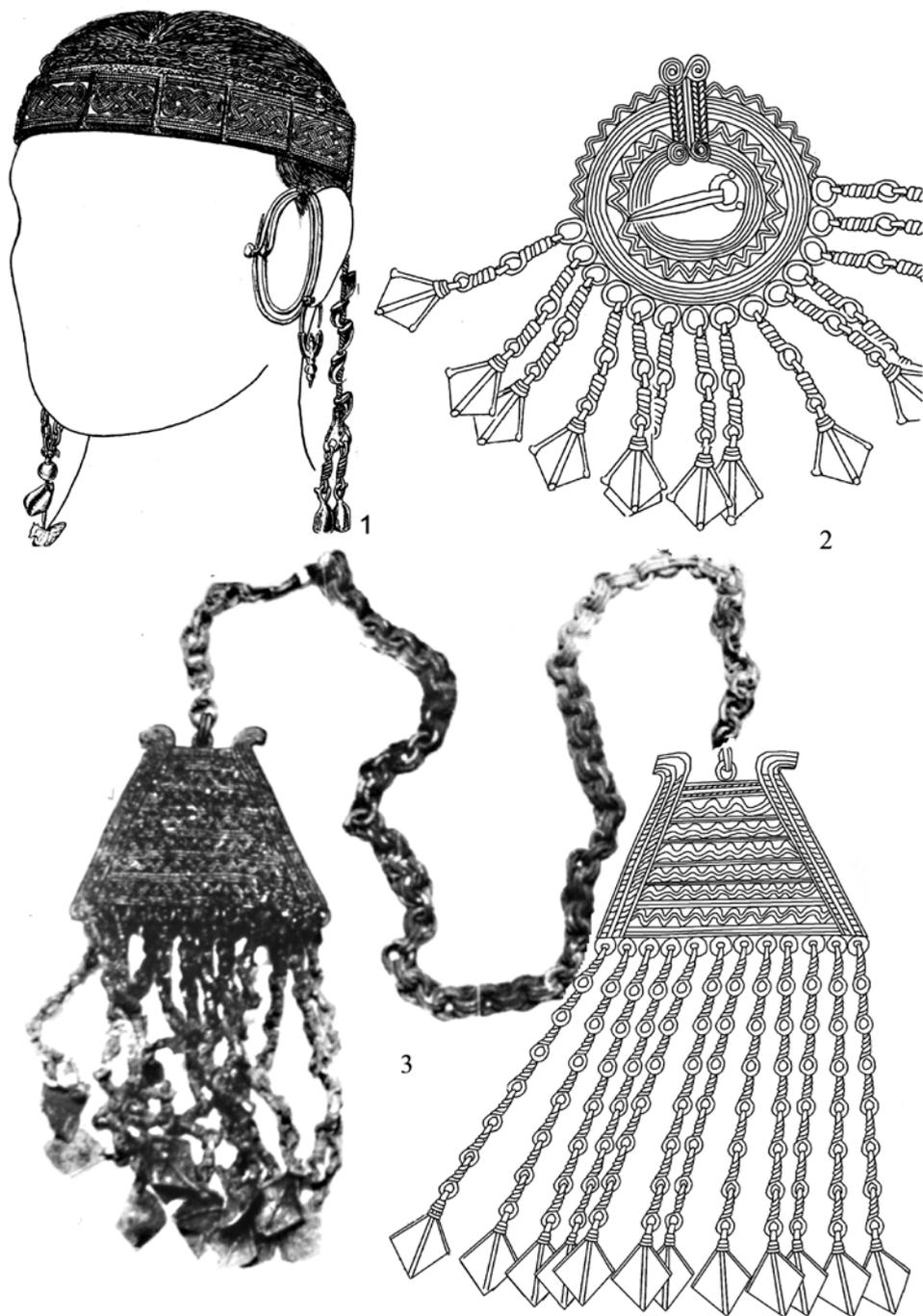

Рис. 1. Этноопределяющие украшения из мари́йских могильников IX–XI вв.
 1 – Веселовский могильник, погр. 12 (реконструкция Е.А. Безуховой-Халиковой),
 2 – могильник «Черемисское кладбище», погр. 14; 3 – Веселовский могильник, погр. 6.

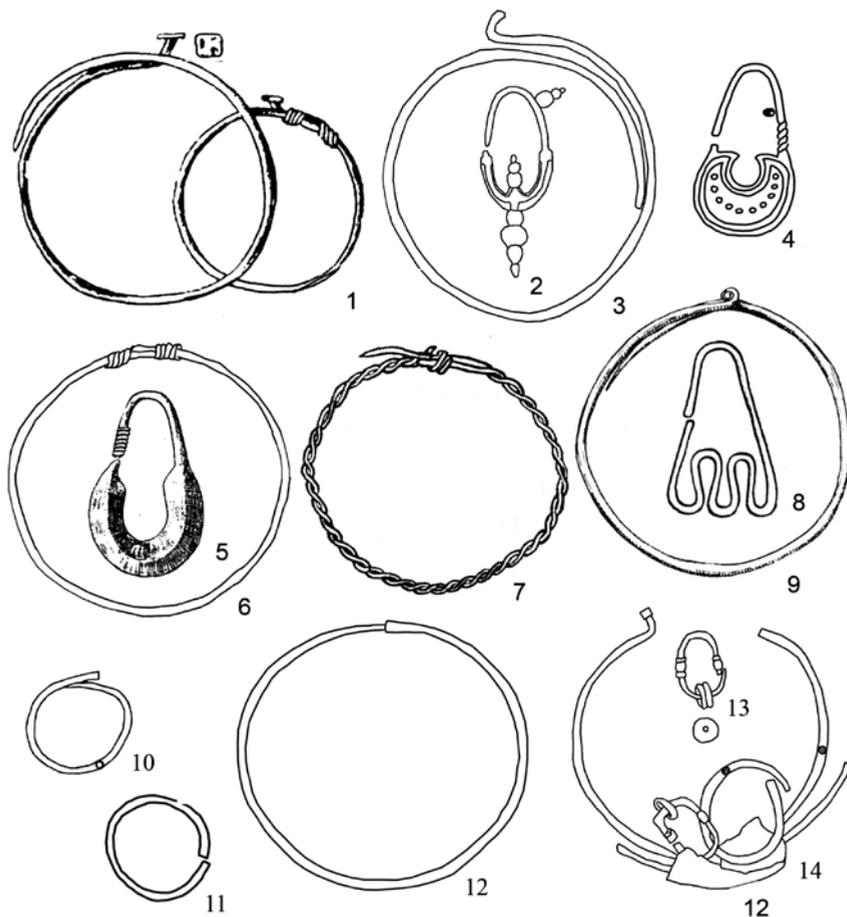

Рис. 2. Височные украшения из марийских могильников IX–XI вв.

Веселовский могильник: 1, 4 – погр. 16; 2, 3 – погр. 4; 5 – погр. 8; 6 – погр. 27; 7 – погр. 1; 8 – погр. 13; 9 – погр. 3; 13, 14 – погр. 10. Дубовский могильник: 10 – погр. 7; 11 – погр. 17. Могильник «Нижняя Стрелка»: 12 – погр. 18

кольца с одним отогнутым кольцом, наиболее яркие марийские этномаркеры этой эпохи, составляют 38,2%* (рис. 2, 1, 3), браслетообразные проволочные височные кольца с завязанными концами – 5,9% (рис. 2, 6), браслетообразные витые височные кольца с завязанными концами – 5,9% (рис. 2, 7), браслетообразные проволочные височные кольца с концами, связанными проволокой, – 2,9%, браслетообразные височные кольца с завитком на одном конце –

2,9% (рис. 2, 9); перстневидные проволочные височные кольца – 2,9% (рис. 2, 10, 11), кольца-серьги постсалтовского типа – 11,7% (рис. 2, 2), кольца-серьги калачевидные – 8,8% (рис. 2, 4, 5), кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика, предназначенного для дополнительных подвесок, – 2,9% (рис. 2, 13), серьги треугольные со змеевидным основанием – 5,9% (рис. 2, 8). В настоящее время в научной литературе существует достаточно устойчивое

* Подсчет производился от общего количества захоронений в могильнике.

мнение, что браслетообразные кольца с завязанными концами связаны с кривичами⁹. Кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика, предназначенного для дополнительных подвесок, характерны для древностей алан¹⁰. Ряд исследователей считают калачевидные серьги и серьги так называемого постсалтовского типа принадлежностью костюмного комплекса средневекового населения Пермского Предуралья¹¹.

Если поставить в прямую зависимость находки височных колец с обязательной миграцией населения, то в Ветлужско-Вятском междуречье в IX–XI вв., судя по материалам Веселовского могильника, присутствовали наряду с марийским населением, которое является преобладающим, славяне из различных уголков Древней Руси, угры из Пермского Предуралья, переселенцы с Северного Кавказа. Этническую мозаику населения Ветлужско-Вятского междуречья по материалам могильников, аналогичных Веселовскому, можно добавить представителями мерянских (втульчатые височные кольца) и муромских (височные кольца со щитком на одном конце и заостренным вторым концом) племен.

В материалах средневековых марийских могильников большинство из перечисленных выше типов височных колец обнаружены в составе комплексов с ярко выраженными индикаторами марийской культуры, более того, они всегда находятся совместно с традиционными марийскими височными кольцами, иногда привязаны к последним и являются их дополнением (пп. 3, 4, 5, 10, 12 Веселовского могильника). Кроме того, население Ветлужско-Вятского междуречья имело свою традицию ношения височных колец-серег: они чаще

встречаются в мужских погребениях обычно по 2 экз., а в женских по два или одному в зависимости от типа изделия. Браслетообразные височные кольца найдены только в женских захоронениях. Погребальный обряд захоронений, в которых обнаружены указанные украшения, также ничем не отличается от погребального обряда марийского населения, сохраняет все особенности, включая этноопределяющие. Исходя из вышеизложенного, трудно предположить, что речь идет об ином населении, переселившемся в Ветлужско-Вятское междуречье с другой территории. В таком случае носители какого-то из височных колец, переселившиеся с другой территории, должны были перенести с собой не только височные или другие украшения, но и костюм в целом, а также на новом месте жительства сохранять свою культуру, во всяком случае, в первое время.

Особое положение занимают перстневидные проволочные височные кольца. Простая универсальная форма этих украшений наводит на первоначальную мысль об их бытовании на достаточно широкой территории. Однако в марийских средневековых захоронениях они обнаружены только в памятниках левобережья Волги: в Дубовском могильнике и могильнике Нижняя Стрелка. Для аналогичных могильников в верхнем течении Ветлуги данные украшения не характерны.

В отличие от упомянутых выше типов колец, которые представлены обычно единичными находками или небольшим количеством экземпляров, височные перстневидные кольца широко представлены: в Дубовском могильнике 26 экз. обнаружены в 16 захоронениях, что составляет 18,8% всех изученных могил. В могильнике

Нижняя Стрелка – 10 экз. (11,3 %). Перстневидные височные кольца в Дубовском могильнике обнаружены в 9 мужских и в 6 женских захоронениях. Одно погребение (п. 59) автор раскопок Г.А. Архипов интерпретировал как женское, но, судя по инвентарю, это погребение может быть и мужским. Следует признать, что выразительных индикаторов, позволяющих делать однозначные оценки, нет; антропологический анализ также не проводился. По совокупности признаков я его считаю мужским. Все мужские захоронения с височными кольцами представлены ингумацией, несмотря на то, что погребальный обряд биритуален (ингумация, кремация): ориентированы головой на ССЗ–СЗ. В мужских погребениях височные кольца обнаружены по одному с каждой стороны. В женских погребениях височные кольца представлены, как правило, 1 экземпляром и обнаружены с левой стороны от черепа (пп. 7, 36, 58), в ногах (п. 56). Женские захоронения ориентированы головой на С–ССЗ, имеют костюмный комплекс с этноопределяющими марийскими украшениями: головными цепочками, браслетообразными височными кольцами с заходящими концами, один из которых отогнут, и т.д. Только в погр. 7 Дубовского могильника нет браслетообразных височных колец, но это погребение детское и, вероятно, по этой причине не имеет полного костюмного набора. Погребения с

перстневидными височными кольцами расположены в разных частях могильника, но обязательно в соседстве с аналогичными погребениями.

В могильнике Нижняя Стрелка захоронений с перстневидными кольцами меньше, принадлежат мужчинам, которые их носили по одному с каждой стороны от черепа.

На основании перстневидных височных колец можно предположить, что в Среднее Поволжье пришли носители этих украшений, в основном мужчины, которые брали в жены мариек. Свидетельством этого являются женские костюмные комплексы с марийскими этноопределяющими украшениями и одним перстневидным кольцом (знак рода мужа). Пока остается открытым вопрос, откуда пришла новая волна переселенцев, но все погребения в составе комплекса погребального инвентаря содержат вещи западного облика. Указанные выше могильники укладываются в хронологические рамки X–XII вв. Безусловно, датировка погребений с перстневидными кольцами будет уточнена и, вероятно, значительно сужена, но это не является темой настоящего сообщения.

Таким образом, на примере височных колец очевидно, что украшения являются сложным объектом исследования и для изучения этнокультурных процессов могут быть использованы только в совокупности с другими признаками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1981. – С. 307–308.

² Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. – С. 108.

³ Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрОРАН, 1992. – С. 40.

⁴ Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поволжья. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. – С. 101, 102.

⁵ *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. — М.: РАНИОН, 1930.

⁶ *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. — М.: Языки русской культуры, 1999.

⁷ *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. — 1952. — № 28. — С. 145.

⁸ *Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Калачевидные височные украшения как маркер переселений средневекового населения Пермского Предуралья // Материалы науч.-практич. конф. «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. — Казань: Институт истории АН РТ, 2009; *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. — Пермь, 2009. — С. 158–159.

⁹ *Левашова В.П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Тр. ГИМ. — 1967. — Вып. 43). — С. 16; *Подосенова Ю.А.* Височные украшения..., с. 55.

¹⁰ *Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. — Владикавказ: Северо-Осетин. ин-т гуманитар. исследований, 1995. — Рис. 7.

¹¹ *Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Калачевидные височные украшения...; *Подосенова Ю.А.* Височные украшения..., с. 158–159.

Аннотация

Украшения как одна из деталей костюма содержат разнообразную историческую информацию об их носителях и используются часто в качестве этноопределяющего индикатора. Однако использование украшений для реконструкции этнических процессов возможно лишь при соблюдении соответствующей методики исследования. По мнению автора, в целях этнических построений отдельные категории украшений должны рассматриваться в составе конкретного костюмного комплекса.

Ключевые слова: древнемарийские могильники, украшения, костюмный комплекс, этнические процессы.

Summary

Adornment being one of the details of the dress contains different historical information about its owners, and it is often used as the index of the ethnic group which the owner belongs to. However, the use of adornments for reconstruction of ethnic processes is possible only if one follows the proper system of investigation. According to the author's viewpoint some separate categories of adornments must be considered as a part of the concrete costume complex for ethnic formation.

УДК 902:393.05.1

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ГРУНТОВОМ МОГИЛЬНИКЕ ГОРОДИЩА МОШАИК

С.А. Пантелеев, соискатель

На восточной окраине города Астрахани, в черте современного поселка Мошаик на правом берегу р. Прямая Болда, находится памятник археологии – городище Мошаик. Этот памятник известен достаточно давно, в экскурсии В.Л. Егорова он упоминается как поселение золотоордынского времени¹. По приблизительным оценкам, площадь его составляет около 250 га.

Археологические исследования на памятнике были проведены Е.В. Шнайдштейн еще в 1978 г. Тогда же были обследованы первые разрушаемые погребения. Обнаружены они были на бэровском бугре «Татарский», расположенном в Приволжском районе Астраханской области в 1 км к юго-востоку от выезда по улице Соколова из поселка Мошаик (рис. 1).

В конце 70-х гг. прошлого века бугор «Татарский» выглядел по-иному, чем в наше время, и был еще относительно целым, хозяйственные работы и разработка карьера тогда только начинались.

После достаточно длительного промежутка времени с 1999 г. начинается новый этап в изучении грунтового могильника городища Мошаик. Тогда были проведены исследования под руководством Д.В. Рябичкина. В 2004, 2005 и 2006 гг. исследования были продолжены С.А. Пантелеевым

и в 2009 г. Э.Ю. Мирсияповым. За этот промежуток времени исследованиям подвергался останец, являющийся вершиной бугра, на которой установлен триангуляционный знак. При этом применялась сквозная нумерация погребений, ведущая начало с 1978 г. Поскольку почти всю западную часть бугра «Татарский» занимает действующее современное мусульманское кладбище, а восточную часть – ГРС (газовая распределительная станция), для исследований они в значительной степени недоступны. Как уже было сказано выше, археологические исследования были сосредоточены на останце в той части, где бугор оказался срытым до самого основания. Исследования носили в основном спасательный характер. Это было связано с естественными эрозивными процессами, которым подвергается останец, в виде размывания и раздува склонов, сложенных из легких супесей и суглинков, в результате чего происходит обнажение останков костей человеческих скелетов и дальнейшее разрушение погребений.

Не вызывает особых сомнений тот факт, что грунтовый могильник занимал раньше гораздо более обширную площадь. Об этом можно судить по тем наблюдениям, которые производились на неразрушенных частях бугра, занимаемых кладбищем и ГРС.

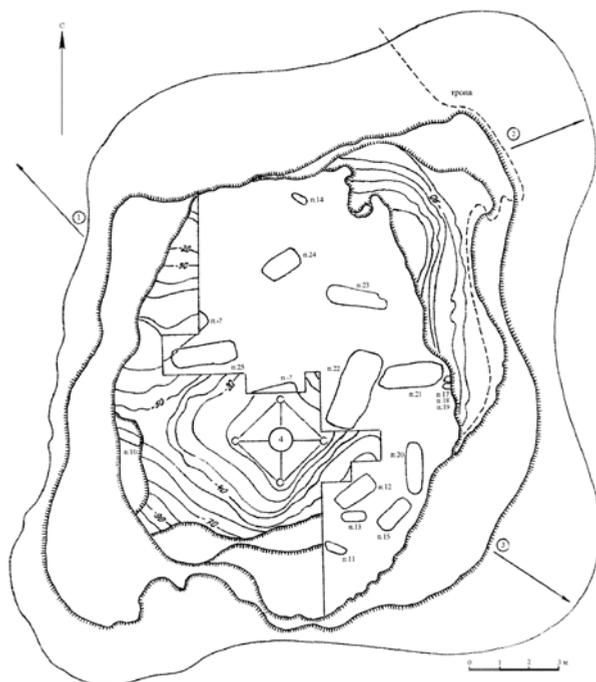

Рис. 1. Останец бугра «Татарский». Грунтовый могильник городища Мошаик

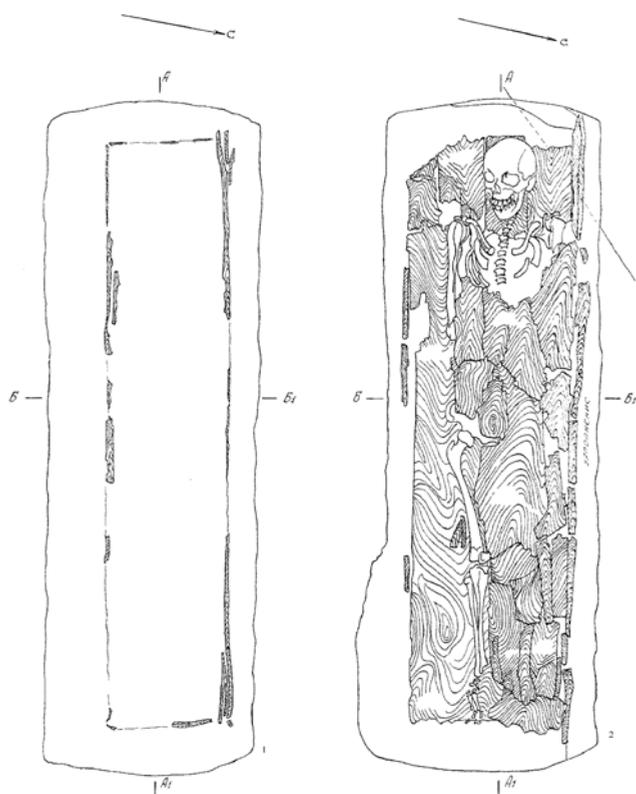

Рис. 2. Бугор «Татарский», 2009 г. Погребение 25 (ситуация 1, 2)

Они представляют собой остатки размытых или раздутых погребений с выступающими фрагментами костей человеческих скелетов.

Исследования 1978 года. Почти все исследованные погребения полуразрушенные, они концентрировались в 30–70 метрах к западу от триангуляционного знака. Судя по всему, погребения эти мусульманские эпохи средневековья (XIV в.).

Погребение 1 располагалось в 32 м к ЗЮЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Сохранилась верхняя часть человеческого скелета с раздавленным черепом. Скелет лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Около черепа обнаружены кованые гвозди со шляпками.

Погребение 2 обнаружено в 32,5 м к ЗЮЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Сохранилась верхняя часть скелета ребенка с раздавленным черепом. Скелет лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 располагалось в 34 м к ЗЮЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Сохранилась нижняя часть человеческого скелета. Череп, а также правая сторона скелета с рукой и бедренной костью отсутствуют. Скелет лежал головой на северо-запад, вытянуто на спине. Около ног обнаружены кованые гвозди со шляпками.

Погребение 4 располагалось в 60 м к западу от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Сохранились нижняя часть скелета и правая рука. Скелет лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Инвентарь отсутствует.

Погребение 5 обнаружено в 70 м к ЮЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет ребенка лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Череп, стопы ног и тазовые кости не сохранились. Инвентарь отсутствует.

Погребение 6 обнаружено в 58 м к ЗСЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Кисти рук и кости ног, кроме правой бедренной кости, не сохранились. Инвентарь отсутствует.

Погребение 7 обнаружено в 70 м к ЮЗ от триангуляционного знака. Глубина 0,55 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет лежал головой на СЗ вытянуто на спине. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте почти под прямым углом. Ноги вытянуты, стопы сближены. Инвентарь отсутствует.

Погребение 8 располагалось в 58 м к западу от триангуляционного знака. Глубина 0,35 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет лежал головой на СЗ вытянуто на спине. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть ее лежала на тазовых костях. Ноги вытянуты и слегка согнуты в коленях. Инвентарь отсутствует.

Примечание. В иллюстративном отчете «Альбом иллюстраций к отчету о раскопках истфака АГПИ в 1979 г.» было продублировано погр. 8, оно же 7 за номером 9, в результате чего появилось одно лишнее погребение. Таким образом, в 1978 году на бугре «Татарский» было исследовано не 9, а 8 погребений. Тем не менее, чтобы окончательно не запутаться в этой нумерации погребений, мы будем пользоваться той, которая уже

сложилась за много лет, при этом зная, что одно погребение несуществующее.

Исследования 1999 года. Исследования проводились на останце, являющемся вершиной бугра «Татарский», на котором триангуляционный знак.

Погребение 10 обнаружено по обнажившимся костям черепа в борту карьера вне раскопа в 470 см к западу от основания триангуляционного знака. Прослежена яма прямоугольной формы с закругленными углами. Ширина ямы составила 50 см, длина сохранившихся стенок 160–180 см, ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Дно ямы достаточно ровное с незначительным понижением на восток. В заполнении ямы встречалась алебастровая и кирпичная крошка с кусочками илового сырцового кирпича, также попадались очень мелкие фрагменты лепной черноглиняной керамики.

На дне могилы расчищен костяк немолодой женщины, положенной головой на запад с небольшим отклонением к югу. Погребенная уложена на спину с выраженным доворотом на правый бок. Лицевыми костями череп влоборота развернут к югу. Правая половина грудной клетки раскрыта, левая сложена. Правая рука вытянута вдоль тела, слегка согнута в локте, кисть в положении на «ребре». Левая рука согнута в локте, кисть разрушена, видимо, находилась на левом тазобедренном суставе. Ноги вытянуты параллельно, пятки стоп сведены носками в разные стороны. Вещевой инвентарь отсутствует.

Погребение средневековое, мусульманское X–XI вв.

Погребение 11 обнаружено по обнажившимся костям ног из борта карьера в раскопе № 1 в 3,8 м к ЮЮЗ от основания триангуляционного

знака. Яма подпрямоугольной формы ориентирована с ЗСЗ на ВЮВ. Длина ямы 175 см, ширина в средней части 55 см, дно с заметным понижением на восток. В заполнении присутствуют мелкие комочки зеленого сырцового кирпича.

Расчищен костяк немолодого мужчины, головой ориентированный на ЗСЗ. Лицевыми костями череп развернут вправо. Нижняя челюсть отпала. Погребенный был уложен на спину с доворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль корпуса, кисть лежит на правом крыле таза. Левая рука согнута в локте, кисть находилась на крестце. Ноги вытянуты параллельно. Кости стоп отсутствовали. Костяк плохой сохранности. Вещевой инвентарь отсутствует.

Погребение средневековое, мусульманское XIII–XIV вв.

Погребение 12 обнаружено в раскопе 1 в 2,5 м к ЮВ от основания триангуляционного знака. Яма прямоугольной формы (234 x 74–82 см) ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Вдоль длинных стенок зафиксированы неровные ступеньки; ширина северо-западной ступеньки 13–19 см, ширина юго-восточной – 6–11 см. Заполнение ямы – серый рыхлый песок. Во время расчистки погребения в северо-восточной части ямы обнаружены зубы верхней челюсти лошади. Чуть ниже по уровню в юго-западной части ямы зафиксированы обломки сырцового кирпича и ниже – оплывшая сырцовая масса. В ходе дальнейшей расчистки выяснилось, что вся эта масса представляет собой заполнение грабительской ямы, которая затронула большую часть ямы погребения. Размеры грабительской ямы в верхней части составили с юго-запада на северо-восток 155 см, она воронкой сужается ко дну. В заполнении

грабительской ямы на разных уровнях встречались разрозненные кости человеческого скелета. Погребение имело плахи перекрытия толщиной 2–4 см и шириной 7–10 см, которые опирались на ступеньки вдоль длинных бортов могильной ямы. Неповрежденным перекрытие сохранилось только в северо-восточной части могильной ямы, где под ним на дне расчищены остатки гроба, сколоченного железными гвоздями из отдельных широких плах, и остатки некогда цельной крышки, сохранившейся в районе большеберцовых и малоберцовых костей ног. Длина гроба 185 см, ширина в юго-западной части 49 см, северо-восточной – 42 см, высота гроба 35 см, толщина нижней доски 4,5–5 см. В гробу расчищены костные останки человеческого скелета. Погребенный мужчина, судя по общему положению, был ориентирован головой на юго-запад, череп отсутствует. Однако, судя по положению *in situ* сохранившегося изгиба шейных позвонков, череп был обращен влево. Погребенный уложен на спину, руки вытянуты вдоль тела, кисти рук сохранились не полностью, вероятно, были уложены «ладонями вниз», ноги вытянуты параллельно. Носки разведены в разные стороны. Отсутствуют кости нижней части грудной клетки, весь позвоночник, кроме шейного отдела, тазовые и бедренные кости и правая кисть. Слева от шейных позвонков на дне гроба обнаружена кольцевидная серьга, покрытая зелеными окислами. Поверх левой руки расчищены остатки берестяного колчана, внутри обнаружены остатки древков стрел, окрашенных в малиновый цвет. Наконечники зафиксировать не удалось ввиду плохой сохранности. Колчан был покрыт сильно коррозированными железными пластинами очень

плохой сохранности – возможно, накладки. На месте грудины погребенного обнаружен фрагмент оселка из серого камня, явно смещенного со своего места. В дальнейшем вдоль левой голени были обнаружены остатки длинного кожаного мешочка (чехла), возможно, налущья. На коже имелись бронзовые клепки.

В юго-западном углу могильной ямы расчищена ниша в виде подбоя размером 40 x 40 см. В ней обнаружены красноглиняный гончарный кувшин с уплощенной ручкой и выделенным сливом, украшенным двумя горизонтальными линиями по тулову в той части, где сосуд максимально расширяется, и по всей высоте нанесено вертикальное лощение (рис. 3, 2); остатки истлевшей деревянной полусферической миски, стоявшей на боку, а также бедренная кость молодой свиньи.

Погребение болгарское, датируется IX–X вв.

Погребение 13 обнаружено в раскопе 1 в 3 м к ЮВ от основания триангуляционного знака. Была выявлена прямоугольная (137 x 59 см) яма с закругленными углами, ориентированная длинными сторонами по линии ЮЗ – СВ. В заполнении встречались кирпичная и алебастровая крошка и мелкие кусочки сырцового кирпича, обнаружен небольшой фрагмент ручки гончарного сосуда. На дне прослежены остатки трапециевидного гроба из тонких досок толщиной 2–3 см, сбитых железными гвоздями. Крышка гроба не сохранилась. Размеры сохранившейся части гроба: длина 117 см, ширина по юго-западной стенке 43 см, северо-восточной – 36 см, при этом стенки сохранились на высоту до 21 см. На дне гроба обнаружены костные останки ребенка, ориентированного головой на ЮЗ с наклоном к

правому плечу и уложенного вытянуто на спине. Обе руки присогнуты слегка, разведены в локтях относительно тела. Кисти правой и левой рук лежат «ладонями вниз» чуть выше крыльев таза. Ноги в коленях разведены, стопы сведены костями пяток вместе. При расчистке костяка встречались мелкие фрагменты ткани и нитей на костях, имелись отпечатки ткани (одежда) от шейных позвонков до колен. Вещевой инвентарь отсутствует.

Погребение средневековое, мусульманское X—XI вв.

Погребение 14 выявлено вне раскопа по обнажившемуся черноглиняному лепному горшку в 7,7 м к ССВ от основания триангуляционного знака. Могильная яма сориентирована по линии ЮВ — СЗ. Северо-западная часть разрушена карьером. Размеры ямы: длина 80 см, ширина 28 см, в юго-западном борту могильной ямы сооружен подбой шириной 20 см. Длина камеры в подбое 70 см, дно на 10 см ниже дна входной ямы, высота свода подбоя около 20 см. В заполнении присутствовала кирпичная и алебастровая крошка.

В ходе зачистки на дне подбоя выявлены костные останки младенца плохой сохранности. Погребенный уложен вытянуто на спине с незначительным доворотом вправо, головой ориентирован на северо-запад, левыми костями черепа развернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута, кистью покоилась на тазовых костях, ноги вытянуты параллельно друг другу. В районе головы на дне входной ямы обнаружен лепной черноглиняный горшок баночной формы с резко выступающим венчиком, по краю которого нанесен орнамент в виде пальцевых зашипов. Дно горшка с внешней стороны слегка вдавлено (рис. 3, 1).

Погребение средневековое, мусульманское X—XI вв.

Погребение 15 выявлено в раскопе 1 в 3,9 м к ЮВ от основания триангуляционного знака. Обнаружено по остаткам обнажившейся в борту карьера конструкции из сырцового кирпича. Конструкция сохранилась по северо-западной стенке ямы и представляла собой сильно фрагментированные иловые кирпичи размером 41 x 22 см. Могильная яма овальной формы (191 x 75 см) ориентирована длинными сторонами по линии ЮЗ — СВ. В заполнении встречались кирпичная и алебастровая крошка и мелкие кусочки сырцового кирпича.

Вдоль длинных стенок имелись ступеньки: ширина северо-западной 12—19 см, юго-восточной — 17—19 см. В северо-восточной части погребения ступени сходились, а в юго-западной имелся разрыв. Юго-восточная стенка ямы при этом имела отрицательный угол наклона. На ступеньки опирались поперечно уложенные, распущенные пополам жерди толщиной 3 см и шириной 4—6 см, просевшие внутрь. В ходе дальнейшей зачистки после снятия остатков перекрытия выяснилось, что вдоль стенок ступеней в дно и стенки могильной ямы были вбиты наискосок десять деревянных столбиков, на которые, по мнению исследователя Д.В. Рябичкина³, опиралось перекрытие. Но столбики, скорее всего, прижимали к стенкам не сохранившуюся органическую обкладку и не могли служить опорой для перекрытия ввиду малого количества и большого расстояния между ними, да и само их расположение не отвечает идее нести какую-то опорную нагрузку.

На дне могильной ямы расчищены костные останки человеческого скелета: погребенная молодая женщина

Рис. 3. Керамика из погребений № 14, 12, 15

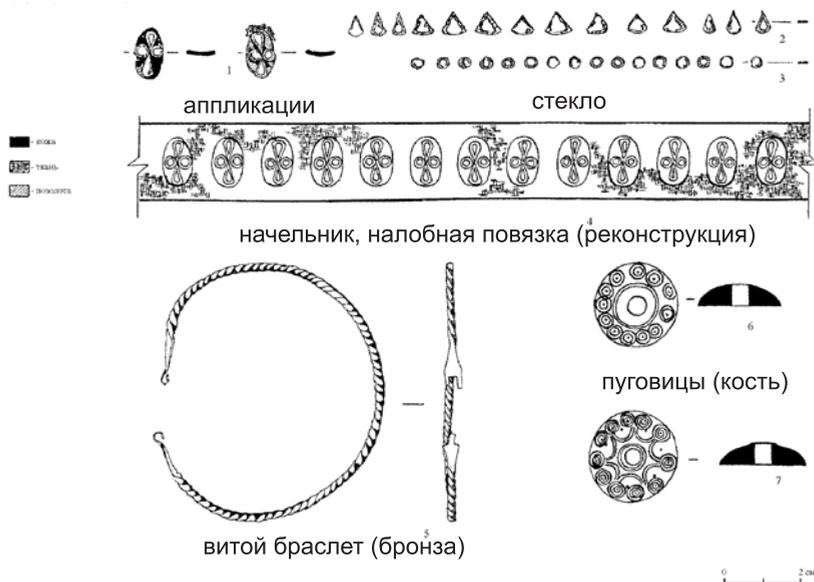

Рис. 4. Комплекс вещей из погребения № 15

уложена вытянуто на спине, головой ориентирована на юго-запад и лицами костями развернута вполоборота влево. Руки вытянуты вдоль корпуса «ладонями вниз», ноги вытянуты, стопы сведены. В ходе расчистки выявлены фрагменты кожи в районе лопаток, тазовых и берцовых костей от одежды и обуви. За черепом слева расчищен красноглиняный гончарный кувшин с уплощенной ручкой и выделенным сливом; по тулову и под ручкой в верхней части прилепа имеется орнамент в виде двух горизонтальных линий, между ними — ор-

намент в виде вертикальных полос лощения (рис. 3, 3). Рядом обнаружен фрагмент венчика деревянной миски, на котором имела медная обкладка. Последняя представляет собою обогнутый вокруг края миски по венчику лист меди, скрепленный двумя сквозными тонкими заклепками. Аналогии подобным находкам имеются в раннебулгарских погребениях: серебряные и медные обкладки на деревянной посуде представлены в Танкеевке (19% могил от их общего количества), Больших Тарханах (6%), Тетюшах (14%)⁴. Остатки плохо сохранившей-

из деревянной миски были расчищены за черепом справа. Под ними были обнаружены следующие предметы: один витой бронзовый браслет диаметром около 5,8–6,7 см (рис. 4, 5); две костяные пуговицы, украшенные циркульным орнаментом диаметром 2,4 см и 2,2 см (рис. 4, 6, 7); две крупные плоские гешировые бусины диаметром 1,7 см и 1,6 см, толщиной 1 и 0,7 см; две шарообразные гешировые бусины диаметром 1,5 и 1,7 см; две стеклянные треугольные подвески, украшенные горизонтальными белыми линиями, размером 1,5 x 1 x 0,4 см, толщиной от 0,3 до 0,4 см; мелкие гешировые бусы бочонковидные 24 шт., круглые уплощенные 6 шт., цилиндрические 14 шт. (рис. 14, 3). Был зафиксирован также кусочек мела.

На черепе погребенной, на глазницах и лбу зафиксированы остатки матерчатой ленты (начельника) с аппликацией из кожаных эллипсов, на которые были наклеены позолоченные каплевидные и круглые вставки в виде крестообразного орнамента (рис. 4, 1, 4).

Погребение IX–X вв., болгарское.

В связи с тем, что формат исследований 1999 г. не позволял производить дальнейшие раскопки, раскоп 1 был законсервирован вместе с выявленным пятном могильной ямы, уходящим в северный борт раскопа в 4 м к ВЮВ от основания триангуляционного знака (условный порядковый номер 16).

Исследования 2004 г. В ходе проводимого мониторинга и осмотра памятника и прилегающей к нему территории было выявлено разрушавшееся погребение на северном склоне северо-восточной части бугра, где расположена ГРС.

Погребение 16 обнаружено вне раскопа по обнажившимся в борту карьер

ера костям ног в 265 м к северо-западу от ГРС в северном борту восточной части бугра. В ходе расчистки выявлена прямоугольная яма с закругленными углами, северная часть ямы срезана карьером. Длина сохранившейся части ямы (по южной стенке) 180 см, ширина приблизительно 58 см. Дно ровное, плавно понижающееся к востоку. Заполнением являлась коричневая комковатая супесь с комочками материкового грунта.

На дне могильной ямы расчищены костные останки человеческого скелета, погребенная женщина средних лет ориентирована головой на запад, лицевыми костями обращена к югу. Погребенная уложена вытянуто на спине с выраженным поворотом на правый бок с характерным S-образным выгибом позвоночника. Правая рука вытянута вдоль корпуса, слегка согнута в локте, кисть располагалась на правом крыле таза, левая рука согнута в локте почти под 90°, кисть находилась на крестце. Ноги вытянуты параллельно, стопы сведены вместе. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (XIV в.).

Исследования 2005 г. Раскопкам подвергался останец, являющийся вершиной бугра, на которой установлен триангуляционный знак. В ходе проводимых исследований был разбит раскоп № 2.

Погребение 17 было обнаружено вне раскопа в 5 м к ВСВ от основания триангуляционного знака по обнажившимся в борту карьера костям рук и фрагментам дерева (гробовые доски). Восточная часть погребения разрушена карьером. В ходе зачистки выявлена яма погребения, ориентированная по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу. Размеры сохранившейся части состави-

ли 60 см (по северной стенке) и 50 см (по южной стенке), при этом имели отрицательный угол наклона. В заполнении встречались алебастровая и кирпичная крошка и мелкие фрагменты сырцового кирпича. На дне могильной ямы расчищены остатки деревянного гроба из тонких досок толщиной от 1,5 до 2 см. На дне гроба обнаружены костные останки скелета ребенка возрастом около 3 лет. Погребенный ориентирован головой на запад, лицевыми костями развернут к югу, уложен вытянуто на спину с поворотом на правый бок. Правая сторона грудной клетки раскрыта, левая половина сложена. Позвоночник с характерным S-образным выгибом. Правая рука вытянута вдоль корпуса, левая слегка согнута в локте. Остальная часть погребения разрушена. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

Погребение 18 выявлено вне раскопа к северу от погребения 17 по обнажившимся в борту карьера фрагментам костей человеческого скелета и кусочкам дерева (гробовые доски). Могильная яма сильно разрушена, скорее всего, она имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии запад – восток с незначительным отклонением к югу. Размеры сохранившейся части ямы по северной стенке 48 см, по южной стенке 43 см, ширина 40 см, стенки ровные. В заполнении присутствовали алебастровая и кирпичная крошка и мелкие фрагменты сырцового кирпича. На дне ямы зафиксированы остатки деревянного гроба из тонких досок толщиной от 1 до 1,5 см.

На дне гроба в разрозненном положении расчищены фрагменты ребер, затылочная часть черепа, правый фрагмент нижней челюсти и позвон-

ки. Судя по общему положению костей, погребенный ребенок возрастом около 1,5 лет был положен головой на запад. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

Погребение 19 также обнаружено вне раскопа после прокопки дна погребения 17. Была расчищена яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии запад – восток с небольшим отклонением к югу. Размеры ямы составили по северной стенке 70 см, южной 105 см, ширина 37 см. Стенки ровные, в заполнении отмечены наличие алебастровой и кирпичной крошки и мелкие фрагменты сырцового кирпича. На дне могильной ямы был расчищен скелет ребенка возрастом около 3 лет.

Погребенный был уложен вытянуто на спину с поворотом на правый бок, головой ориентирован на запад, лицевыми костями черепа развернут к югу. Правая сторона грудной клетки раскрыта, левая половина сложена, от обеих рук остались лишь плечевые кости, при этом правая вытянута вдоль корпуса, а левая лежит поверх ребер. Крылья таза раскрыты, кости обеих ног срезаны карьером. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

Погребение 20 еще в 1999 г. было законсервировано вместе с раскопом 1. Тогда пятно могильной ямы уходило в северный борт раскопа и получило условный номер 16. В ходе исследований 2005 г. была осуществлена прирезка к северному борту раскопа 1, и погребение получило последующий порядковый номер 20. В результате проведенной зачистки была выявлена яма погребения, ориентированная

по линии север — юг. Яма овальная (194 x 62 см), восточная и северная стенки имеют отрицательный угол наклона. В заполнении рыхлая коричневая супесь с мелкими и крупными материковыми комьями. Дно ямы ровное, имеет незначительное понижение к северу.

На дне могильной ямы расчищены костные останки человеческого скелета. Погребенная — женщина возрастом около 25–30 лет уложена вытянуто на спину головой на юг. Череп покоится на затылочных костях с легким наклоном влево. Обе руки вытянуты вдоль корпуса «ладонями вниз», кисти рук частично разрушены грызунами, грудная клетка раскрыта, левое крыло таза ровно лежит на дне ямы, правое развернуто вертикально. Ноги были согнуты в коленях, левая — под углом 70°, правая нога под углом 90°, при этом правая нога лежит поверх левой. На обеих ногах до колен фрагменты кожи плохой сохранности, вероятно, остатки сапог.

Это погребение является в своем роде реперным, поскольку оно самое раннее на этом могильнике. В ходе стратиграфических наблюдений и по заполнению ямы было отмечено, что отсутствуют признаки культурного слоя, а заполнение ямы чистое и в отличие от других не имеет включений искусственного происхождения. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение эпохи раннего (?) средневековья.

Погребение 21 выявлено в ходе зачистки дна раскопа 2 в 3,2 м к северо-востоку от основания триангуляционного знака. Яма представляет собой неправильный прямоугольник (220 x 90 см), ориентированный по линии запад — восток. Стенки ровные, в северном борту почти на всю длину имеется подбой шириной 9 см

и высотой около 20 см. Дно неровное с просадом по центру и смещением к западу. Вдоль южного борта имеется слабо выраженный подъем. В заполнении присутствуют алебастровая кирпичная крошка и мелкие фрагменты темно-коричневой керамики. На дне могильной ямы расчищены костные останки человеческого скелета.

Погребенный мужчина возрастом около 50 лет, судя по общему положению костей, был ориентирован головой на запад. В положении *in situ* сохранились лишь вытянутые параллельно кости ног, без обеих стоп. Череп плохой сохранности был обнаружен между бедренных костей ног, далее были расчищены левое плечо, фрагменты ребер и разрозненные позвонки, правое крыло таза с крестцом и правое плечо с левым предплечьем. На правом бедре ближе к черепу расчищены лежащие крестом кости правой руки, на левом бедре — левое крыло таза. При расчистке среди костей попадались мелкие фрагменты дерева, между ног в районе колен на дне обнаружен фрагмент плетеной камышовой подстилки (циновки). Далее в северо-западной части подбоя обнаружены кости барана: череп и нижняя челюсть во фрагментах, метаподии, астрагалы, правая пяточная кость и др. Возраст забоя животного определялся по состоянию зубной системы нижней челюсти (1,5 года), порода предположительно степная обычная (аналитик к.и.н. Л.В. Яворская). По совокупности физиологических и возрастных признаков животного можно предположить, что забито оно было осенью (т.е., вероятно, и погребение было совершено в осенний период).

В результате дальнейшей зачистки в юго-западном углу погребения об-

наружен сероглиняный кувшин с выделенным сливным носиком и уплощенной ручкой. По основанию горла кувшина нанесен орнамент в виде двух горизонтальных линий, выше которого произведено вертикальное лощение, по тулову сосуда сделано лощение косыми линиями. При осмотре кувшина на внутренней части дна были обнаружены линии (символы или знаки (?), которые были прочерчены по еще сырому тесту. По наблюдениям, эти линии наносились, видимо, длинной палочкой (на конце каждой линии имеется валик, образовавшийся в результате прочерчивания по еще сырой глине) через горло кувшина.

Данное погребение, по типологии С.А. Плетневой⁵, очень близко варианту салтово-маяцкой культуры, который локализуется в степной зоне Подонья.

Погребение середины IX века, болгарское.

Исследования 2006 г. Исследованиям подвергался останец, являющийся вершиной бугра, на которой установлен триангуляционный знак. Был разбит раскоп 3, примыкающий к западному борту раскопа 2. Это было связано с тем, что в западный борт раскопа 2 уходили два пятна предполагаемых могильных ям.

Погребение 22 было выявлено в ходе зачистки поверхности дна раскопа 3 в 1,1 м к северо-востоку от основания триангуляционного знака. Яма погребения имеет неправильную прямоугольную форму (247 x 112 см) с закругленными углами, ориентирована по линии ЮЮЗ – ССВ. Дно ямы неровное с понижением на север и смещением на юго-восток вдоль длинной стенки ямы. Стенки пологие. В заполнении присутствует алебастровая и кирпичная крошка. На дне расчи-

щены костные останки двух человеческих скелетов, ориентированных головами на ЮЮЗ. Поверх них в юго-западной части ямы были расчищены череп жеребенка и нижняя челюсть взрослой лошади. Между ними обнаружен фрагмент деревянной плашки (остатки перекрытия). К востоку от черепа жеребенка вдоль длинной юго-восточной стенки были расчищены большеберцовая и малоберцовая кости левой ноги человеческого скелета. Рядом пястная кость лошади, далее к северу вдоль борта массивная костяная пряжка, копыта, пястные и путовые кости ног взрослой лошади и жеребенка, баранья кость, и кости правой большеберцовой и малоберцовой ноги человеческого скелета

Костяная (подпружная) пряжка имеет вытянутую округлую слегка заостренную впереди рамку и трапециевидный щиток. Обратная сторона пряжки вогнутая, лицевая – выпуклая. В корпусе пряжки имеются два выреза, овальный в щетке, и Т-образный в рамке. Длина пряжки 8,6 см, ширина 4,8–3,3–4,3 см, толщина 1,2 см. Сохранился сильно раздутый железный язычок. Пряжка такого типа характерна для древнетюркских памятников, подобные находки известны в степях Восточной Европы⁶.

В процессе дальнейшей расчистки на дне могильной ямы вдоль юго-восточного борта обнаружены кости скелета женщины возрастом около 40–45 лет. Погребенная уложена вытянуто на спине, череп лежит на левом боку; в родничковой части имеется след от удара в виде вмятины размером 5x3 см с отверстием посередине. Возле левого плеча обнаружена баранья лопатка, а на левой половине грудной клетки – нога барана. Руки вытянуты вдоль корпуса и слегка согнуты в локтях, кисти рук покоятся

частично на тазовых костях и между ног «ладонями вниз». Ноги вытянуты ровно, при этом отсутствуют большеберцовая и малоберцовая кости правой ноги и ступни. Чуть восточнее правого колена обнаружено копыто и путовая кость лошади, и разрозненные фаланги пальцев левой ступни погребенной. Под костными останками встречались фрагменты тонких деревянных плашек плохой сохранности толщиной 1,5 см.

Слева от женского скелета был расчищен скелет мужчины в возрасте около 50–55 лет. Череп сдвинут со своего первоначального места и лежит на левом боку. Но, судя по положению *in situ* шейных позвонков, он располагался на правом боку и был развернут в сторону женского скелета. Погребенный уложен вытянуто на спине с легким поворотом направо. Правая рука сдвинута со своего места, левая согнута в локте почти под углом в 90°, кистью лежит поверх костей женского скелета в районе локтя левой руки. Ноги вытянуты ровно, в коленях сближены кости большеберцовой и малоберцовой левой ноги и ступни отсутствуют. Между ног возле таза ближе к левой ноге расчищена путовая кость лошади. Левее правой ступни находилось копыто жеребенка. Под костными останками встречались фрагменты тонких деревянных плашек плохой сохранности толщиной 1,5 см.

В районе грудной клетки были обнаружены фрагменты костяной накладке на лук, центральной фронтальной пластины, сужающейся по центру. С лицевой стороны в нижней части покрыта насечками, размер пластины составил 9,4 x 1 x 1,3 x 0,35 см. Возле левого крыла таза найдена обработанная кремневая пластина размером 2,2 x 1 x 0,5 см, которая,

возможно, вставлялась в кресало. Левее таза находился фрагмент железного ножа размером 6,4 см, представляющий собой часть лезвия и плоского клиновидного черешка. Возле левого бедра обнаружены две костяные накладки на лук. Первая представляет собой фрагмент концевой боковой пластины, с левой стороны которой имеется вырез для крепления тетивы. С тыльной стороны пластина покрыта насечками. Размер пластины 8,3 x 1,7 x 0,25 см. Вторая является фрагментом боковой серединой пластины, лицевая и тыльная стороны покрыты насечками. Размер пластины составил 6,8 x 2,1 x 0,3 см.

Даже по неполному набору пластин и их фрагментированности становится понятно, что речь идет о сложносоставном луке восточноевропейских степей. Подобные пластины встречаются в алано-болгарских древностях салтово-маяцкой культуры и в погребениях печенего-огузского типа⁷.

Погребение потревожено и несет следы повторного вскрытия, возможно, для проведения ритуала обезвреживания. Данный материал очень хорошо перекликается с выводами работ В.А. Кригера и Е.В. Круглова⁸. Наличие подобного погребения на грунтовом могильнике городища Мошаик вызывает интерес, но не является чем-то неординарным.

Погребение X–XI вв., печенего-огузского круга.

Погребение 23 было выявлено в ходе зачистки дна раскопа 3 в 4,6 м к ССВ от основания триангуляционного знака, частично уходило на участок законсервированного раскопа 2. Могильная яма имеет прямоугольную форму 214 x 70 см с закругленными углами, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Дно ровное с незначительным уклоном на восток. Стенки ровные,

только длинная южная сторона имеет отрицательный угол наклона. Видимо, таким образом был оформлен подбой шириной около 5 см. Западная стенка имела ступеньку шириной 9 см. Вдоль северной стенки также имелась ступенька шириной 13–17 см, плавно повышающаяся на восток. На эту ступень опиралось поперечное деревянное перекрытие, в свою очередь упиравшееся в верхний край южной стенки. Перекрытие состояло из плашек толщиной 2–2,5 см и шириной от 10 до 25 см. В заполнении отмечено наличие алебастровой и кирпичной крошки.

На дне могильной ямы были расчищены костные останки человеческого скелета — мужчины в возрасте около 25–30 лет. Головой ориентирован на северо-запад, лицевыми костями черепа развернут на юг. Погребенный был уложен вытянуто на спине с выраженным поворотом на правый бок, при этом позвоночник имеет S-образный изгиб. Правая рука вытянута вдоль корпуса, левая слегка согнута кистью на крестце и правом бедре. Правое крыло таза ровно лежит на дне ямы, левое стоит вертикально. Ноги вытянуты ровно, стопы сведены вместе. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

Погребение 24 выявлено при зачистке дна раскопа 3 в 5 м к северу от основания триангуляционного знака. Яма погребения неправильной прямоугольной формы (121 x 64 см) с закругленными углами, ориентирована по линии ЮЗ — СВ. Стенки ровные, с южной стороны вдоль длинной стенки имеется подбой шириной 4 см, высотой 17 см. Вдоль противоположной северной стенки имелась округлая ступень шириной около 20 см. Дно

имело в середине незначительное понижение. В заполнении отмечено наличие кирпичной и алебастровой крошки.

На дне могильной ямы расчищены костные останки человеческого скелета, погребенный — ребенок в возрасте около трех с половиной лет. Головой ориентирован на юго-запад, лицевыми костями черепа развернут вправо, уложен вытянуто на спине с поворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль корпуса «ладонью вниз», левая рука присогнута в локте, кистью покоится на левом крыле таза «ладонью вниз». Ноги вытянуты, при этом отсутствуют обе стопы и большеберцовая и малоберцовая кости правой ноги. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

Исследования 2009 г.

Погребение 25 (рис. 2) было обнаружено в ходе зачистки дна раскопа 4 в 2,7 м к северо-востоку от основания триангуляционного знака. Яма погребения прямоугольной формы (224 x 70 см) с закругленными углами, ориентирована по линии ЗЮЗ — ВСВ. Был расчищен контур погребения с выступающими частями деревянного гроба или ящика. Размеры выступающей части гроба (смещенной к длинной северной стенке могильной ямы): длина 195 см, ширина 40 см. Стенки ямы ровные, кроме северо-западного угла, который вошел в рыхлое заполнение более раннего погребения.

После полной расчистки дно ямы относительно ровное. Заполнением ямы являлись мелкие комья сырца и материкового грунта, алебастровая и кирпичная крошка.

Большая часть скелета была перекрыта остатками крышки гроба. Толщина фрагментов досок гроба от 1,5

до 2 см. После фиксации ситуации остатки крышки гроба были удалены и продолжена дальнейшая расчистка погребения. В ходе исследования выяснилось, что длинная стенка гроба в нижней части сместилась в сторону длинного южного борта могильной ямы. Погребенная — женщина, в возрасте около 30–35 лет лежала вытянуто на спине головой на ЗЮЗ, череп покоился на затылочных костях с легким завалом вправо. Руки вытянуты вдоль тела, прикистевой частью покоятся на крыльях таза, правое крыло таза равномерно раскрыто, а левое крыло слегка развернуто вправо, лучевая кость правой руки сдвинута со своего места и находится в районе живота между локтевыми суставами рук. Фаланги пальцев рук отсутствуют, они попадались при зачистке погребения в разных частях могильной ямы и на разных уровнях, что явилось следствием деятельности грызунов. Ноги погребенной вытянуты параллельно друг другу, кости стоп сведены вместе. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение мусульманское, эпохи средневековья (X–XI вв.).

* * *

Подведем некоторые итоги.

В ходе проводимых исследовательских работ на останце бугра было обращено внимание на присутствующую в стратиграфии и планиграфии бесформенную массу обломков обожженного кирпича и алебастровой крошки, являющейся остатками разрушенной конструкции, скорее всего, домонгольского времени. Самым ранним в исследованной части могильника является погребение 20, заполнение ямы которого состояло из чистой супеси без посторонних включений. Оно было совершено до

постройки кирпичного сооружения. Следующими по времени идут ранние болгарские погребения 12, 15, 21, датируемые серединой IX–X вв., и погребение 22, относящееся к печенего-огузскому кругу (X–XI вв.). Такое заключение подкрепляется еще тем фактом, что на городище Мошак присутствует лепная керамика, которая типологически сопоставима с посудой памятников кочевнической группы салтово-маяцкой культуры⁹. Подобные погребения имеют большое географическое распространение в Приазовье, Подонье, Среднем Поволжье.

В засыпи могильных ям некоторых мусульманских погребений присутствует кирпичная и алебастровая крошка (погр. №№ 10, 13, 14, 17, 18, 19, 23, 24, 25). Обращает на себя внимание обрядовая нестандартность (поза, гроб, горшок) некоторых погребений, т.е. отклонения от норм ортодоксальной мусульманской погребальной обрядности (погр. №№ 13, 14, 17, 18, 25). Подобные погребения выявлены при исследовании Танкеевского, Больше-Тарханского, Тетюшского могильников раннеболгарского времени, Такталачукского и I Азметьевского могильников в центральных и восточных районах Татарстана. По мнению исследователей, в раннемусульманских захоронениях волжских болгар отразились процессы утверждения мусульманского обряда среди населения, отражающие борьбу мусульманства с язычеством на рубеже X–XI вв.¹⁰ Отступления от норм ислама в них очевидны: это отсутствие лягда-подбоя, несоблюдение положенной ориентировки на Мекку, наличие в ряде случаев погребального инвентаря. Такого типа раннемусульманские погребения, как видим, впервые зафиксированы и на территории Астраханской области.

Исследования, проводившиеся на могильнике, позволяют сделать ряд косвенных предположений и относительно городища Мошаик. Представляется, что крупное поселение (городище) существовало уже в IX в., а наличие на могильнике массива из фрагментов обожженного кирпича и алебастровой крошки позволяет предположить наличие кирпичных сооружений на городище еще в доордынское время.

Находки, которые были сделаны в ходе исследований как на могильнике, так и на городище Мошаик, во многом аналогичны находкам с Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области. Дальнейшие исследования данного комплекса памятников (могильника и городища) могут дать много интересной информации по средневековой истории региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. – М., 1985. – С. 118.

² *Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Астрахань, 2001. – С. 49.

³ *Рябичкин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 г. // Архив АГОИАМЗ, № НВ 15499; см. также: Васильев Д.В. Новые исследования..., с. 51.

⁴ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань, 1986.

⁵ *Плетнева С.А.* Хазары. – М., 1976.

⁶ *Круглов Е.В.* Погребение раннехазарского времени у с. Сидоры // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара, 2004. – С. 293–302.

⁷ *Круглов Е.В.* Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2003. – Т. 3. – С. 13–69.

⁸ Там же.

⁹ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М., 1984. – С. 216.

¹⁰ *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М., 1978; *он же.* Культура ранней Волжской Болгарии. – М., 1992. – С. 89, 103.

Аннотация

В статье публикуются материалы исследованного в 1978, 1999, 2005, 2006 и 2009 гг. могильника у городища Мошаик (г. Астрахань). По мнению автора, могильник оставлен полиэтничным раннемусульманским населением IX–XI вв. Встречаются также погребения золотоордынского времени. Публикуемые материалы косвенно свидетельствуют о существовании городища еще в IX в.

Ключевые слова: Бугор Татарский – могильник у городища Мошаик, раннемусульманские погребения, болгары, огузы и печенеги.

Summary

The article is concerned with the material of investigated in 1978, 1999, 2005, 2006 and 2009 the burial ground at the site of an old town Mashaik (Astrakchan). According to the author's viewpoint the burial ground was left by polyethnic early Muslim population in the IX–XI centuries. The burial of the Golden Horde period can also be found. The published material can serve the indirect evidence of the existence of the site of an old town in the IX century.

УДК 902(571.1/5):069

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ТГУ*

*А.А. Тишкин, доктор исторических наук;
Ю.И. Ожередов, кандидат исторических наук*

Археологическое собрание Музея археологии и этнографии им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ) насчитывает значительное количество различных предметов, среди которых имеется более 170 экз. древних и средневековых металлических зеркал. История формирования такой коллекции уже частично изложена в одной из недавних статей¹. Необходимо указать, что в музее есть два фрагмента зеркал (МАЭС. Археологический фонд, колл. № 1277), которые были найдены на территории Болгарского городища В.М. Флоринским и доставлены в Томск. Несколько интересующих нас изделий обнаружено Л.М. Плетневой в Томском Приобье на памятниках развитого средневековья². Имеются предметы из других закрытых комплексов. Большинство же экспонатов являются случайными находками.

Основной массив средневековых зеркал в музее ТГУ составляют так называемые китайские зеркала. Их детальное изучение еще предстоит выполнить. В настоящем исследовании

речь пойдет об экземпляре, который выделяется из такой серии. Публикуемое изделие (рис. 1, 1; иллюстрация подготовлена А.Л. Кунгуровым) поступило «...ко дню празднования первой годовщины Томского университета 22 октября 1889 г.» в составе коллекции «минусинских древностей» И.Г. Гадалова, который приобрел ее у швейцарского подданного П.А. Бойлинга в г. Енисейске³. Даритель в свое время написал следующее: «Коллекция г. Бойлинга состоит из 808 предметов, большинство которых – изделия из бронзы и меди». К наиболее ярким он причислил двадцать зеркал, собранных «...в пределах Минусинского округа»⁴. Все указанные предметы коллекции, при их широком хронологическом и культурном диапазоне, оказались абсолютно безадресными.

Стоит напомнить, что сведения о рассматриваемом в статье зеркале кратко приведены в известной монографии Е.И. Лубо-Лесниченко «Привозные зеркала Минусинской котловины...»⁵. Поводом для специальной публикации изделия стали выявлен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ–МикОКН Монголии в рамках научно-исследовательского проекта «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии» (№ 10-01-00620а/Г).

ные в указанной книге неточности и ошибочная датировка, предложенная известным специалистом, а также осуществленный анализ металлического сплава этого и двух других аналогичных предметов.

В указанной монографии Е.И. Лубо-Лесниченко написал о том, что томский образец связан с деревней Колмаково. Однако в рукописном каталоге коллекции П.А. Бойлинга, составленном И.Г. Гадаловым при участии директора Енисейской гимназии Фалеева и П.П. Кытманова, таких данных нет. Соотнесение места находки зеркала из МАЭС с обозначенным селом неправомерно, но оно возможно для аналогичного экземпляра из Минусинского музея, описанного Е.И. Лубо-Лесниченко. Замеченная неточность могла появиться в ходе подготовки книги. Об этом свидетельствует еще одна неувязка. Опубликованная фотография была призвана продемонстрировать зеркало, происходящее из Минусинского музея. Однако на самом деле приводится изображение томского экземпляра. Об этом свидетельствует ряд индивидуальных показателей в виде отметин, полученных в ходе изготовления и использования зеркала: заметные трещины, две «выбоины» у края и четыре насечки, сделанные в ряд на украшенной поверхности и напоминающие разметку для разлома диска на две части. Такие особенности видны на приводимой в статье фотографии (рис. 2, фотоснимок сделан А.А. Тишкиным), а также обнаруживаются на рис. 10 монографии Е.И. Лубо-Лесниченко.

Публикуемое изделие представляет собой круглый диск диаметром 9,1 см (в книге Е.И. Лубо-Лесниченко указан такой параметр — 8,8 см). Одна сторона его гладкая, а другая украше-

на низким рельефным орнаментом (рис. 1, 1; 2) и имеет небольшую плоскую петлю, принципиально отличающуюся от массивной шишки-петли «китайских» образцов. Вес изделия составляет 80,74 грамма. Орнамент организован в несколько зон. Последовательность всей композиции следующая. По периметру диска выделен гладкий ободок с маленьким рельефным валиком по внутреннему краю. Затем идет полоса чередующихся элементов, состоящих из полукружий с точками внутри и причудливых по форме завитков, по всей видимости, связанных с символикой лошади. Внутренняя орнаментальная зона состоит из таких же симметрично расположенных четырех изображений. Она отделена от предыдущего ряда полосой двойных валиков. Орнамент нечеткий, местами сильно стерт. Петля расположена по центру и, можно сказать, вписана в орнаментальную схему, которая отражает определенный смысл.

Представленное зеркало изучалось одним из авторов статьи с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (АлтГУ).

Сначала были получены результаты с поверхности гладкой стороны диска в центре. Механическое снятие окислов не осуществлялось. Показатели оказались следующими: Cu (медь) — 84,5%; Pb (свинец) — 7,68%; Sn (олово) — 6,16%; Fe (железо) — 0,53%; Sb (сурьма) — 0,7%; Zn (цинк) — 0,25%; Ni (никель) — 0,09% (тест № 3221-12-2009).

Затем аналогичным образом исследовалась петля и выявлен такой

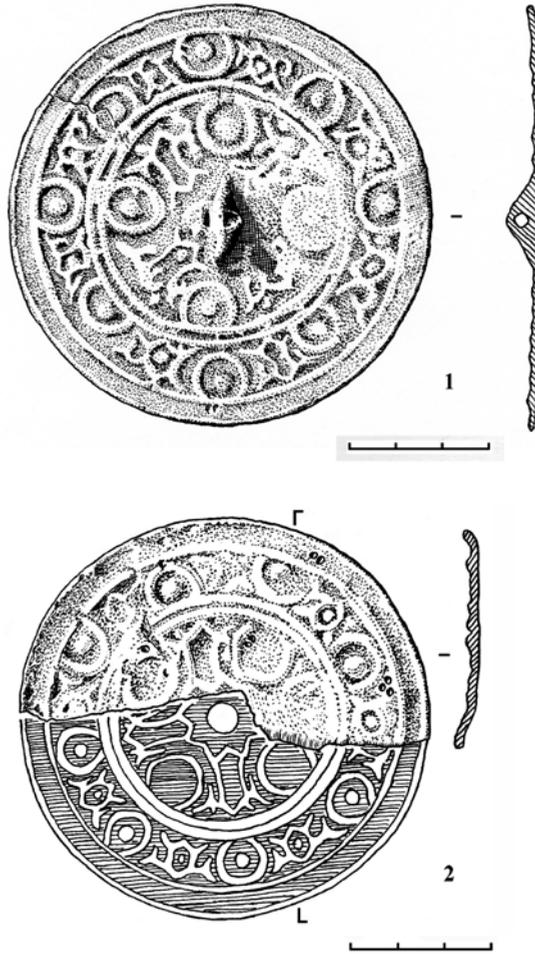

Рис. 1. Средневековые металлические зеркала: 1 – из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ; 2 – из Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ

Рис. 2. Вид зеркала золотоордынского времени из МАЭС ТГУ

поэлементный состав: Cu – 62,6%; Pb – 26,69%; Sn – 8,75%; Sb – 1,02%; Fe – 0,65%; Zn – 0,23%; Ni – 0,06% (тест № 3321–12–2009).

Для получения контрольных данных было произведено механическое снятие окислов на очень маленьком участке края диска у трещины. Полученные сведения не изменили качественные характеристики, но уточнили количественные показатели: Cu – 75,88%; Pb – 16,4%; Sn – 6,6%; Sb – 0,66%; Fe – 0,46% (тест № 3421–12–2009).

Основываясь на результатах рентгенофлуоресцентного анализа, можно сказать, что зеркало имеет медно-свинцово-оловянный сплав и ряд характерных рудных примесей. Выявленное количество сурьмы (Sb) в определенной мере демонстрирует особенность состава.

Полученные свидетельства позволили продолжить начатое исследование путем привлечения для анализа аналогичных изделий. Одно такое же зеркало оказалось в МАЭС ТГУ (Археологический фонд, колл. № 7592/389). Однако его сохранность значительно хуже, чем у предыдущего предмета. Вещь сильно покрыта окислами, края диска местами обломаны. Но орнамент, параметры и другие характеристики аналогичны. Зеркало происходит из раскопок на Астраханцевском курганном могильнике⁶. Фиксируемый диаметр его – 9,05–9,1 см. В ходе сравнения двух изделий из МАЭС выяснилось, что у них одинаково плохо проработан один и тот же участок центральной орнаментальной зоны. Дефект на обоих экземплярах одинаково ориентирован относительно петли и имеет аналогичные показатели, свидетельствующие о том, что причина его появления не в износе изделий (потертости), а в

использовании при плавке литейной формы, снятой с уже изношенного образца. В таком случае не стоит исключать, что для изготовления рассмотренных изделий образцом мог служить один и тот же предмет.

Исследование зеркала из Астраханцевского курганного могильника осуществлялось рентгенофлуоресцентным спектрометром трижды. Сначала изучалась поверхность в центре гладкой стороны диска, который оказался покрыт толщей окислов и разводами патины. Поэтому результат претендует лишь на демонстрацию качественных показателей: Cu – 27,45%; Pb – 63,18%; Sn – 6,67%; Sb – 1,36%; Zn – 0,75%; Fe – 0,5%; Ni – 0,08%; As – следы (?) (тест № 3921–12–2009). Данное обстоятельство потребовало механического снятия коррозии рядом с одним из сломов края диска. Полученные данные существенно прояснили реальный состав сплава: Cu – 61,71%; Pb – 30,42%; Sn – 5,05%; Sb – 1,29%; Zn – 1,07%; Fe – 0,31%; Ni – 0,15% (тест № 4021–12–2009). В этом перечне аномальным выглядит содержание свинца, что, вероятнее всего, связано с активным процессом разрушения изделия, в котором этот металл играет значительную роль, способствуя усилению коррозии.

Еще один результат был получен при исследовании орнаментальной поверхности зеркала без снятия окислов. Полученные данные подтвердили уже обозначившуюся тенденцию искажения количественных показателей вследствие активных окислительных процессов: Cu – 21,18%; Pb – 56,43%; Sn – 15,08%; Sb – 2,85%; Zn – 2,61%; Ag – 1,01%; Fe – 0,74%; Ni – 0,09%. As – следы (тест № 4121–12–2009).

В зафиксированной ситуации необходимо при учете всех качествен-

ных характеристик ориентироваться на тест № 4021–12–2009, который демонстрирует медно-свинцово-оловянный сплав. Он практически идентичен данным по предыдущему зеркалу. Дополнительным индикатором такого соответствия выступает сурьма. Полученные данные могут свидетельствовать о серийном производстве рассматриваемого типа зеркал. Это подтверждается и существующими на сегодняшний день аналогиями. Из них наиболее детально изучена половина сломанного зеркала, обнаруженная на памятнике Телеутский Взвоз-I в Лесостепном Алтае (рис. 1, 2). находка происходит из кургана № 1, который оказался ограбленным⁷. Изделие хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ и неоднократно изучалось с помощью указанного рентгенофлуоресцентного спектрометра. Результат в обобщенном виде выглядит следующим образом: Cu (медь) – основа (>85%); Sn (олово) – 6,5–8%; Pb (свинец) – 2,5–4,3%; As (мышьяк) – <1%; Sb (сурьма) – >0,5%; Zn (цинк) – около 0,3%; Fe (железо) и Ni (никель) – следы. Он качественно не отличается от предыдущих показаний, но имеется специфика в количественных данных. Наличие сурьмы подтверждает вышеотмеченную тенденцию.

Приведенные показатели состава сплавов, а также морфологические и декоративные особенности рассмотренных изделий демонстрируют традицию изготовления металлических зеркал, отличающуюся от так называемой китайской. Изученный фрагмент зеркала из памятника Телеутский Взвоз-I датируется последней третью XIII – началом XIV вв.⁸

Идентичный предмет происходит из погребения монгольского времени памятника Сутуу-Булак-I на Тянь-

Шане⁹. Такое же зеркало, как уже сказано, имеется в Минусинском музее¹⁰. Другие аналогии представленным изделиям найти сейчас нетрудно. Круглые металлические зеркала или их обломки являются довольно частой находкой в погребениях кочевников монгольского или золотоордынского времени периода развитого средневековья¹¹.

Исследователи, которым удается обнаружить металлические зеркала в погребениях, часто при датировке памятника обращаются лишь к монографии Е.И. Лубо-Лесниченко¹², не привлекая для анализа археологического материала другой многочисленной литературы. В результате такого одностороннего подхода их могут подстергать существенные ошибки¹³. Подобное замечание высказал и К.Ш. Табалдиев¹⁴, обращая внимание на то, что аналогичные для зеркала монгольского времени из памятника Бел-Саз-I детали орнамента прослеживаются в бронзовом изделии, датированном Е.И. Лубо-Лесниченко III–V вв. н.э.¹⁵ Данное хронологическое несоответствие почти в 1000 лет может возникать из-за визуального сходства найденных изделий с так называемыми медалевидными и другими подобными зеркалами скифо-сарматского времени. При этом не исключено, что именно с того времени возникает и развивается традиция изготовления такого вида изделий. Однако в данном случае оба зеркала, опубликованные Е.И. Лубо-Лесниченко в монографии «Привозные зеркала Минусинской котловины» под № 14 (II 8) и № 17 (II 9)¹⁶, датированы им III–V вв. по сути дела ошибочно. Это подтверждается приводимыми образцами и многочисленными находками почти идентичных зеркал на памятниках монгольского времени¹⁷,

а также результатами рентгенофлюоресцентного анализа.

Таким образом, представленное изделие из МАЭС ТГУ демонстрирует традицию изготовления зеркал,

существовавшую в золотоордынское время. Дальнейшее изучение таких материалов обеспечит прояснение многих актуальных вопросов современной средневековой археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // *Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения*. – Томск, 2008. – С. 136–157.

² Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997. – С. 90–92.

³ Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. – Томск, 1890. – С. 186, 196.

⁴ Заявление И.Г. Гадалова, направленное В.М. Флоринскому. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 126. Оп. 1. Д. 381. Л. 221.

⁵ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975. – С. 13, 41.

⁶ Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997. – С. 26.

⁷ Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002. – С. 43.

⁸ Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002. – Рис. 5.-1. – С. 92–93, 100.

⁹ Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Suttu-Bulak, Raj. Kockorka, Kyrgystan // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. – Berlin, 1997. – Band 3. – S. 513–570. – Abb. 6.-15.

¹⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975. – С. 41.

¹¹ Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7: Археология*. – Алма-Ата, 1959. – С. 248–261; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М., 1966. – 274 с.; Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // *По следам древних культур Казахстана*. – Алма-Ата, 1970. – С. 42–53; Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // *По следам древних культур Казахстана*. – Алма-Ата, 1970. – С. 54–59; Заднепровский Ю.А. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане // *Советская археология*. – 1975. – №4. – С. 276–280; Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М., 1981. – С. 194–200; Семькин Ю.А. Изделия из цветных и драгоценных металлов // *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. – Казань, 1996. – С. 154–268; Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997. – С. 90–92; Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 78–81; Руденко К. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // *Татарская археология*. – 2004. – №1–2 (12–13). – С. 111–156; и др.

¹² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975.

¹³ Казаков А.А. Аварийные работы в Павловском районе // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. – Барнаул, 1995. – Вып. V. – Ч. II. – С. 185.

¹⁴ *Табалдиев К.Ш.* Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 78.

¹⁵ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975. – С. 41–42.

¹⁶ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975. – С. 41–42. – Рис. 10–11.

¹⁷ *Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S.* Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Suttu-Bulak, Raj. Kockorka, Kyrgystan // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens.* – Berlin, 1997. – Band 3. – S. 513–570; *Табалдиев К.Ш.* Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 78–81; *Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002; *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул, 2009; и др.

Аннотация

В статье представлены результаты изучения металлического зеркала золотоордынского времени, которое хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Привлеченные аналогии и рентгенофлюоресцентный анализ позволили зафиксировать присутствие в ряде регионов изделий, изготовленных по технологии, отличной от китайской. Эти данные уточняют датировку археологических комплексов.

Ключевые слова: металлическое зеркало, золотоордынское время, музей, рентгенофлюоресцентный анализ.

Summary

The article represents the results of the study of the metallic mirror of the Golden Horde period which is kept in the Museum of archaeology and ethnography of Siberia of Tomsk State University. Attracting analogies and realization of X-ray fluorography analysis allowed defining that some mirrors in several regions were produced by the technology, which differs from the Chinese technology. These facts allow making more precise date of archaeological monuments.

УДК 94(3)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСЕДЛОСТИ У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

*Ф.Ш. Хузин, доктор исторических наук,
член-корреспондент АН РТ*

В археологии Волжской Булгарии появилась еще одна дискуссионная проблема, связанная с недостаточной изученностью ранних этапов археологии булгар, переселившихся из восточноевропейских степей на Волгу в течение VIII–IX вв. Суть дискуссии заключается в пересмотре хронологических рамок так называемого раннебулгарского («догосударственного, кочевнического и языческого») периода в истории Булгарского государства.

Еще в 1920-х гг. проф. В.Ф. Смолин предложил стройную, логически продуманную периодизацию истории волжских булгар, выделив в ней «начальный период булгарской культуры», который он считал временем оформления государственных институтов, постепенного перехода от преимущественно кочевого образа жизни к оседлости, появления первых стационарных поселений, сложения своеобразной культуры со значительными местными финно-угорскими и восточными элементами. Согласно представлениям В.Ф. Смолина, ранние булгары на Волге, в достаточной степени знавшие уже земледелие и ремесла, «меняют свои степные палатки-юрты на деревянные дома, случайные становища — на города, укрепленные валами и рвами»; по-

являются города Булгар («в пределах нынешнего пригорода Билярска»), ставший столицей страны, и Сувар, расцвет которых приходится уже на второй, домонгольский период (X — начало XIII в.)¹. Данная концепция была принята последующими исследователями практически безоговорочно и до сих пор господствует в историко-археологической литературе².

Многолетние работы Е.П. Казакова по изучению раннебулгарских могильников, в частности, Танкеевского некрополя второй половины IX–X вв., и некоторых поселений, в особенности Измерского селища X–XI вв., привели его к убеждению, на мой взгляд, весьма спорному, о кочевом характере булгарского общества до третьей четверти X столетия³. Заметим, что в более ранних работах конец раннебулгарского периода ученый доводил вплоть до XI в., определив весь X век как догосударственный, переходный этап от кочевания к оседлости, сопровождавшийся сменой булгарской языческой религии исламом⁴. Свою точку зрения, поддерживаемую в настоящее время и рядом других исследователей (см., напр., работы П.Н. Старостина⁵, Е.А. Беговатова⁶ и К.А. Руденко⁷), он изложил так: «В настоящее время выявлено, что ранние слои большинства поселений, в том числе и столичных

центров, относятся к 60-м гг. X в., когда из Приазовья, из гибнущей под ударами печенегов и Святослава Хазарии в Среднее Поволжье переселяются мусульманизированные группы — потомки «черных болгар» Батбая, которые принесли элементы культуры, неизвестные у волжских болгар, но с IX в. характерные для развитых районов салтово-маяцкой культуры: постантичную круговую посуду, развитое ремесло, земледельческие орудия (прогрессивные формы серпов, кос, лемехов, резаков) и т.д. С этого времени все, даже сельские некрополи, становятся мусульманскими, а культура страны приобретает те черты, которые существуют весь домонгольский период»⁸. Таким образом, согласно концепции Е.П. Казакова, население ранней Булгарии вплоть до 960-х гг. оставалось кочевниками, не знало ни земледелия, ни ремесел и продолжало поклоняться своим языческим богам. Полномочия Алмуша — правителя формирующегося государственного образования болгар странном образом сопоставляются Е.П. Казаковым «с властью франкского короля Хлодвига начала VI в.»⁹. В одной из последних работ основание Булгара на Волге и Суvara он относит, в виде исключения, к 40-м гг. X в., а ранний Биляр датирует почему-то более поздним временем¹⁰, не обращая внимания на полную идентичность их материальной культуры, представленной находками из ранних слоев этих поселений.

Изложенная концепция не может быть принята по ряду причин.

Начну с того, что климатические, природно-географические условия Среднего Поволжья (особенно холодные зимы с глубоким снежным покровом) не были благоприятными для круглогодичного кочевания.

Кочевники здесь подолгу никогда не жили — ни до появления болгар, ни после них. Поэтому можно полагать, что почти сразу же после «обретения родины» на Средней Волге часть болгарского населения, в первую очередь беднейшая, должна была постепенно оседать на землю и заняться земледелием и ремеслами.

Обратимся к письменным сведениям восточных авторов, которых наши оппоненты игнорируют под видом того, что они якобы подвергались позднее неоднократным редакциям, а археологи должны оперировать своими, вещественными источниками. Однако в историографии не было еще случая столь пренебрежительного отношения даже к кратким, малоинформативным сведениям современников. Мы тоже не можем их игнорировать.

Так, по сведениям арабского географа начала X в. Ибн Русте, труд которого был написан в период между 903—913 гг. и, естественно, описывает реалии конца IX в., большая часть болгар уже исповедовала ислам, в их селениях были мечети, а при них — начальные религиозные школы с муэдзинами и имамами¹¹. «Булгары — народ земледельческий, — продолжает он далее, — и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и другие»¹².

То же самое, по сути, повторяет Ахмед Ибн Фадлан в своих «Записках» о путешествии в составе Багдадского посольства в Булгарию (922 г.). Он говорит, что видел в этой стране мусульман-баранджар в количестве пяти тысяч душ мужчин и женщин, у которых имелись мечети¹³. По наблюдениям Ибн Фадлана, «пища их (булгар) — просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя»¹⁴.

Как отмечал в свое время акад. Б.Д. Греков, комментируя слова Ибн Фадлана, у болгар, безусловно, к тому времени было уже «налаженное земледелие и индивидуальное освоение земли»¹⁵. Несмотря на отсутствие в этих источниках каких-либо указаний на наличие у них городов, трудно представить, что арабские авторы речь ведут о мусульманах-кочевниках, не имеющих постоянных поселений.

Как свидетельствуют источники, земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, но и создавало значительный прибавочный продукт, шедший на экспорт. В Лаврентьевской летописи 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле отправились русские по Волге в Болгар, «привезоша жито и тако ожиша»¹⁶. Вряд ли болгары, едва освоив земледельческую отрасль хозяйства в третьей четверти X в. (если принять точку зрения Е.П. Казакова), начали бы так скоро вывозить хлеб за пределы страны. Для этого необходимо, чтобы у населения были длительные и устойчивые традиции земледелия. А они были, о чем свидетельствуют археологические данные.

* * *

В восточноевропейских степях, как сообщают достоверные источники, болгары появляются в V в., а скорее, еще раньше – в составе гуннских орд¹⁷. Как раз к этому времени относятся первые следы оседлости в лесостепном Подонье, представленные уникальным юртообразным жилищем «выходцев из степей» на поселении Ксизово-19 в Липецкой области¹⁸. Им не требовалось столетий, чтобы начать оседлый образ жизни, когда для этого были соответствующие условия. А уже в VI в. сирийский автор Захарий

Ритор писал о наличии у болгар городов¹⁹, хотя это сообщение пока не находит подтверждения в археологии.

В конце VI в. болгары попали в зависимость от Западно-Тюркского каганата, после распада которого в 30-х гг. VII в. на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье образовалась Великая Болгария хана Кубрата. Подавляющее большинство населения этого государства было кочевым, тем не менее остатки стойбищ и даже следы оседлых поселений, принадлежавших, по мнению С.А. Плетневой, собственно болгарам, обнаруживаются археологами повсеместно²⁰.

Начальный период в истории ранней Болгарии Е.П. Казаков связывает «с приходом болгар (первая волна) на Волгу из районов салтовской культуры в конце VIII–IX вв.»²¹. Между тем первую волну переселений болгар самарские археологи вполне обоснованно относят ко времени распада Великой Болгарии Кубрата. Археологически это подтверждается курганными и грунтовыми могильниками новинковского типа на территории Самарско-Ульяновского Поволжья, которые, по мнению их исследователей, оставлены болгарскими переселенцами в конце VII – первой половине VIII в.²² Антропологи считают, что новинковцы входили, скорее всего, «в круг болгарских племен Подонья»²³. Очевидно, правы Г.И. Матвеева и С.А. Плетнева, полагавшие, что носители новинковской культуры переселились в Среднее Поволжье одновременно с миграцией болгарской орды Аспаруха на Нижний Дунай²⁴. Ради справедливости отметим, что не все исследователи признают новинковцев болгарскими, но никто не сомневается в их принадлежности к тюркским племенам «южного» (Северное Приа-

зовье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ) и «восточного» (Южная Сибирь, Алтай) происхождения, вошедшим в состав населения формирующейся Волжской Булгарии²⁵.

Следующая миграционная волна болгар из районов Подонья на Среднюю Волгу маркирована рядом памятников, расположенных в Самарской, Ульяновской областях и в Республике Татарстан. Среди них выделяется хорошо изученный археологами Больше-Тарханский могильник, датированный серединой VIII – первой половиной IX в.²⁶ По общепринятому мнению, толчок к данному переселению дали арабо-хазарские войны, точнее, крупное поражение Хазарского каганата от войск Мервана в 737 г., результатом которого явилось принятие каганом ислама²⁷. Впрочем, до IX в. и даже в первой его половине ислам вряд ли был широко распространен среди рядового населения Хазарии²⁸. Об этом свидетельствует и языческий характер средневожских могильников ранних болгар этого времени. Большинство исследователей считает основной территорией, из которой происходило распространение ислама в Хазарии, Среднюю Азию, в частности, Хорезм²⁹. Археологические раскопки последних десятилетий показывают значительную мусульманизацию населения каганата, конкретно региона Среднего Донечья, только со второй половины IX столетия³⁰.

По утверждению С.А. Плетневой, сами хазары оставались кочевниками до самой гибели каганата, но другие этнические группы, в том числе и болгары, аланы, савиры, были полуоседлыми и оседлыми. В VIII–IX вв. у них были города и крепости, обитали они не в переносных юртах, а в полуземлянках и стационарных юртообразных жилищах. Занимались земледе-

лием и виноградарством, различными видами ремесла, торговлей. Как справедливо подчеркивает С.А. Плетнева, «общая оседлость населения каганата и в основном земледельческий характер его экономики» не подлежат сомнению³¹. Нет оснований полагать, что болгары, переселившись на Среднюю Волгу в середине VIII в., вновь перешли на кочевой образ жизни.

В рассматриваемое время на Средней Волге и Нижней Каме появляются племена, отличные по этносу от тюркоязычных болгар. Им принадлежит уникальный Больше-Тиганский могильник (Алексеевский р-н РТ), оставленный ранними венграми на пути их движения в Паннонию³². Следы контактов ранних болгар и венгров-мадьяр четко прослеживаются на археологических материалах³³.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла, как полагают исследователи, во второй половине IX в., и она продолжалась практически до начала X столетия. Причиной новой миграции стали смуты среди болгар, связанные с принятием в Хазарии иудейской религии, и мощное наступление печенегов, вызвавшие неспокойную обстановку в стране. По этому поводу С.А. Плетнева писала: «Большинство неукрепленных степных поселений были разгромлены и сожжены в начале X в. Снова поднялось и большими группами стало отходить из степей Донского бассейна заселявшее их население в начале X в. Шли уже по проторенным дорогам: на Дунай, в лесостепи, в лесные славянские земли и в Волго-Камье. Все это подтверждается, прежде всего, археологически»³⁴.

Как отмечено выше, одной из серьезных причин отхода болгар на Среднюю Волгу С.А. Плетнева считала волнения среди населения, вы-

званные принятием привилегированной верхушкой каганата иудаизма. При этом она утверждает, что «менее всего в Хазарии пользовался популярностью ислам»³⁵. Между тем никаких следов иудейской религии среди археологических памятников Хазарии до сих пор не обнаружено³⁶, тогда как весьма выразительны погребения, причем достаточно многочисленные, совершенные по канонам ислама³⁷. Среди переселенцев-булгар, нашедших вторую родину на Средней Волге, были, конечно, и мусульмане, о чем сообщают, как уже упоминалось, Ибн Русте и Ибн Фадлан, зафиксировавшие их до 922 г. Эти булгары принесли с собой и руническую письменность, употреблявшуюся, наряду с арабской графикой, практически до XI–XII вв.³⁸

Эталонным памятником волжских булгар этого времени является знаменитый Танкеевский могильник, начавший функционировать во второй половине IX в. – крупнейший из раннесредневековых некрополей Восточной Европы, в изучении которого следует отметить огромную заслугу Е.П. Казакова и Е.А. Халиковой³⁹. Понятно, что кочевники не могли оставить такой огромный некрополь, содержащий, по предварительным оценкам, более 5 тысяч могил, поздние из которых совершенны по мусульманскому обряду. Кочевникам принадлежат, как правило, одиночные могилы, разбросанные по огромным степным пространствам, или впускные могилы в курганах эпохи бронзы. В округе Танкеевского могильника проживало, несомненно, значительное количество оседлого населения. К сожалению, их поселения пока не обнаружены. О том, что стационарные поселения уже появились, по крайней мере, с конца IX

столетия, может косвенно свидетельствовать начало чеканки булгарским ханом Джафаром ибн Мухаммадом, принявшим уже ислам (языческое имя – Алмуш), собственных монет в 902–908 гг.⁴⁰

Погребальный обряд и богатый вещевой инвентарь танкеевского населения во многом близки больше-тарханским и большеитиганским, но имеют и свою специфику, которая проявляется главным образом в керамике, характерной для памятников полемской, ломоватовской и ранне-родановской культур Верхней Камы, Чепцы, и является, несомненно, результатом проникновения на Среднюю Волгу угро-финских, сильно тюркизированных племенных групп⁴¹. Эти племена на прежней своей территории вели оседлый образ жизни⁴².

Последнюю волну переселений болгарского населения из районов Подонья Е.П. Казаков относит к концу X столетия⁴³, что вполне вероятно. Логично увязать причину данной миграции с распадом Хазарского каганата в 960–970-х гг. Одновременно⁴⁴, а скорее даже несколько раньше, еще в начале X в.⁴⁵, с территории Верхнего Прикамья спускается на Волгу полукочевое угорское население, археологическим отражением которого является круглодонная с цилиндрической шейкой посуда, украшенная гребенчато-шнуровым орнаментом (керамика типа «постпетрогром»). Именно в это время, т.е. в последней четверти X столетия, по мнению авторов новой концепции переходного периода, происходит окончательное формирование у булгар государственности, сопровождаемое массовым оседанием прежде кочевого населения, возникновением сельских (земледельческих) и городских (торгово-ремесленных) поселений с материальной культурой,

характерной для последующих XI — начала XIII вв., а также почти полной победой ислама над язычеством. Коротче говоря, болгары последней волны миграции принесли на Среднюю Волгу все основные элементы культуры, ставшие классическими в домонгольский период.

Эту культуру принесли, по утверждению Е.П. Казакова, потомки «черных болгар» Котрага, обитавшие в приазовских степях. Несомненно, в передвижении участвовали и болгары степных и лесостепных районов Подонья, о чем свидетельствует лепная с подправкой на круге и гончарная посуда шамотного или песочного теста, волнистым и сплошным линейным орнаментом (рифлением) по тулову, характерная для указанных регионов салтово-маяцкой культуры и встречающаяся в слоях ранних поселений волжских болгар. Но такая посуда известна еще с конца IX — начала X вв. и ее появление связано, безусловно, с предыдущей волной переселений болгар⁴⁶. Любопытно, что на болгарских поселениях, возникших в конце X — начале XI вв., например, в материалах пензенской группы памятников, керамика салтово-маяцких истоков отсутствует⁴⁷. Что касается так называемой «постантичной», по терминологии Е.П. Казакова, посуды приазовских болгар, якобы идентичной красноглиняной керамике поселений домонгольской Булгарии, то ни в памятниках Приазовья, ни в памятниках степного и лесостепного Подонья она не зафиксирована⁴⁸. Поэтому причины кардинальных изменений, наблюдаемых в материальной культуре волжских болгар при переходе от догосударственного к государственному периоду их истории, вряд ли следует искать исключительно в передвижениях населения. Постепенная

модификация культуры, в частности, гончарства связана, безусловно, с развитием прогрессивных технологий производства. Прогресс в области земледелия в новых природно-географических условиях Среднего Поволжья способствовал появлению усовершенствованных орудий обработки почвы и уборки урожая. Более суровые, чем на юге, климатические условия требовали замены юртообразных жилищ срубными домами. И, наконец, в сложении специфичной культуры домонгольских болгар нельзя отрицать роли государственной идеологии в виде ислама, культурных контактов с соседними народами, странами Востока и Запада.

Новые археологические открытия последних лет с несомненностью свидетельствуют о начале седентаризации волжских болгар задолго до возникновения у них государственности.

Г.И. Матвеева, изучавшая новинковские памятники Самарского Поволжья, рассматриваемые ею как древности болгар первой волны переселений, полагала, основываясь на ряде находок из погребений, в числе которых был и плужный резак, что оседание их на землю начиналось еще в первой половине VIII в.⁴⁹ Более выразительные материалы, подтверждающие данное заключение, были получены Г.И. Матвеевой и С.Ф. Ермаковым при исследовании Севрюкаевского II поселения. Здесь были обнаружены лепная и гончарная керамика салтово-маяцкого типа, обломки амфор, каменных жерновов, предметы из железа, кости и пр. находки. «Таким образом, — заключают исследователи, — новинковцев следует считать не кочевниками, а оседлыми племенами, знакомыми с земледелием»⁵⁰.

К аналогичному выводу пришел Д.А. Сташенков, исследовавший вещевой комплекс Пролетарского городища на Самарской Луке: «Впервые в регионе на поселенческом памятнике в значительном количестве обнаружены фрагменты амфор и круговой салтово-маяцкой керамики, маркирующие начало процесса седентаризации кочевников хазарского времени»⁵¹.

В середине 1980-х гг. Ю.А. Семькиным было изучено Абрамовское поселение VIII в. в Ульяновской области, в культурном слое которого заметное место занимали материалы раннеболгарского времени. Среди находок представляет интерес фрагмент кувшина, прямые аналогии которому автор находит в керамической коллекции Больше-Тарханского могильника второй половины VIII – первой половине IX вв. Металлографический анализ предметов из железа выявил технологию, характерную опять же для кузнечного комплекса из Больших Тархан. По мнению исследователя, средневековый комплекс Абрамовского поселения «является сезонной кратковременной стоянкой группы раннеболгарского населения, в составе которой были специалисты-металлурги, проводившие на базе местных выходов луговой железной руды металлургические эксперименты по получению сыродутного железа»⁵².

Результативными оказались исследования Ю.А. Семькина на городище «Чертов городок», в материалах которого были обнаружены раннеболгарская керамика, имеющая близкие аналогии в том же Больше-Тарханском могильнике, а также фрагменты сосудов финно-угорского населения Верхнего Прикамья. В высшей степени интересным представляется заключение Ю.А. Семькина о совместном

проживании в этом городке ранних болгар и поздних именьковцев, совместными усилиями которых были сооружены оборонительные укрепления данного поселения. Вопреки сложившимся представлениям, исследователь обоснованно считает, что уже в начале раннеболгарского периода на территории Среднего Поволжья существовали поселения в виде сезонных стоянок типа Абрамовского селища с бедным культурным слоем и стационарных укрепленных поселений типа «Чертова городка», на которых жили круглогодично⁵³.

Еще в 1954 г. Т.А. Хлебниковой проводились раскопки Малопальцинского селища в Ульяновской области. Керамический комплекс данного памятника весьма своеобразен – лепная посуда в нем составляет до 60% от общего количества всех находок. Заметим, что такой большой процент архаичной посуды не содержит ни одно из известных нам по раскопкам болгарских поселений. Видимо, поэтому Г.А. Федоров-Давыдов, говоря о процентном соотношении лепной и гончарной керамики как о наиболее важном хронологическом критерии при датировке поселений, склонен был относить время существования Малопальцинского селища к VIII–X вв.⁵⁴ Автор раскопок Т.А. Хлебникова датировала его X–XI вв., указав одновременно, что возникновение поселения произошло на рубеже IX–X вв.⁵⁴ Представляется, однако, что в этом вопросе более прав был Г.А. Федоров-Давыдов. Основную группу лепной керамики поселения исследователи сопоставляют с кочевнической посудой салтово-маяцкой культуры районов Подонья, особенно ярко представленной в хазарской крепости Саркел⁵⁵. Нельзя не заметить определенного сходства малопаль-

цинской керамики с группой посуды Больше-Тарханского могильника и Севрюкаевского II селища⁵⁶. Есть все основания считать, что на этом поселении жили оседающие на землю болгары, недавно переселившиеся из южных областей.

Кроме вышеупомянутых памятников, археологами обнаружены десятки местонахождений, отдельных вещей в слоях домонгольских поселений, свидетельствующих о процессе седентаризации, происходившем в VIII—IX вв. на всей территории расселения ранних булгар⁵⁷. Среди них огромный интерес представляют два селища, исследованные в 1980—1990-х гг. П.Н. Старостиным за пределами северо-восточных укреплений Болгарского городища в низовьях Малоиерусалимского оврага⁵⁸. Материалы обоих памятников имеют исключительное значение для изучения вопросов, связанных не только с происхождением города Болгара, но и временем появления ранних поселений волжских булгар.

Более ранним является Малоиерусалимское II, расположенное на склоне левого берега оврага. В культурном слое мощностью около 20—30 см вскрыты остатки четырех жилищ типа полуземлянки подпрямоугольной формы (3,6 x 2,7 м), хозяйственные ямы-кладовки, зернохранилища, столбовые ямки. В них обнаружены железные ножи, топор, коса-горбуша, обломки каменных жерновов, стеклянные бусы, медные браслеты, костяные изделия. Основную часть находок составляет гончарная и лепная керамика. В первой группе посуды выделяется кувшин с расширением тулова в нижней части, близкий по всем параметрам данной категории сосудов из раннебулгарских могильников. В численно преоб-

ладающей группе лепной керамики значительное место занимает посуда, характерная для памятников полемской и ломоватовской культур Верхнего Прикамья. Часть сосудов имеет южные, салтово-маяцкие истоки⁵⁹. Редкими для культурного слоя поселений являются саманидские дирхемы в количестве 5 экз. Самая ранняя из них чеканена в 894/895 гг. В одном из жилищ обнаружена монета 898/899 гг. Поздние монеты относятся к 913—932 гг.⁶⁰

Основываясь на вышеперечисленных материалах, П.Н. Старостин, а вслед за ним и Е.П. Казаков датируют время существования левобережного Малоиерусалимского поселения первой третью X столетия, называя его ранним Болгаром. Мне представляется, что в указанное время поселение еще функционировало, но возникновение его относится к более раннему времени, скорее всего, ко второй половине IX в. При датировке поселенческих памятников ориентироваться лишь на находки монет не совсем корректно, ибо они могли появиться позднее, а не в момент основания поселения. Кроме того, следует учесть, что вышеописанный весьма специфичный керамический комплекс совершенно не характерен для раннего, VI слоя Болгарского городища, возникшего, по единодушному признанию исследователей, в начале X в.⁶¹ Заметим попутно, что до сих пор ранний Булгар археологически локализовали в пределах современного городища, в северной его части, примерно там, где сегодня находятся остатки Соборной мечети, построенной в золотоордынское время. Он занимал в X—XI вв. небольшую площадь (около 9 га), укрепленную деревянной стеной и глубоким рвом⁶². Мои же оппоненты пытаются дока-

зять, что ранний Болгар располагался в Малоиерусалимском овраге, т.е. за пределами городища, и лишь в третьей четверти X в. было основано новое поселение, вошедшее в историко-археологическую литературу под названием Болгарское городище. Трудно представить, что Багдадское посольство 922 г. было принято болгарским ханом Джафаром ибн Абдаллахом (Алмушем) в небольшом поселении, располагавшемся в глубоком овраге, где якобы состоялось официальное признание Болгарии страной ислама.

В некоторых своих работах Е.П. Казаков в виде исключения относит возникновение двух городов — Болгара и Суvara — к 40-м гг. X в., очевидно, с учетом сведений восточных авторов, упоминавших их в своих трудах, написанных в первой трети этого столетия⁶³ По мнению исследователя, население Болгара, «как язычники, так и мусульмане, могли хоронить своих умерших на древнем кладбище своих предков, возникшем как культовый центр одного из этнокультурных объединений еще в IX в.», т.е. в Танкеевском некрополе⁶⁴. Биляр, как и другие постоянные поселения, был основан, по утверждению Е.П. Казакова, лишь в «измерское время», которое начинается с 960-х гг.

Огромное по своим размерам (более 60 га) Измерское и расположенное всего в 3 км от него Семеновское поселения изучаются Е.П. Казаковым начиная с 1960-х гг. Работы его носили охранно-спасательный характер и сводились в основном к сбору подъемного материала. Поражает обилие находок из разрушаемого Куйбышевским водохранилищем культурного слоя поселений, особенно предметов торговли (десятки весов и их деталей, сотни гирек разного типа, огромное количество монет, в том числе и за-

падноевропейских), изделий ювелирного производства, предназначенных для торговли. Время существования этих поселений с торгово-ремесленным уклоном Е.П. Казаков определяет последней четвертью X—XI вв. Мне кажется, есть основания датировать время их возникновения первой половиной X в. Керамическая коллекция, судя по скудным публикациям, содержит, наряду с общеболгарской гончарной, группы лепной посуды салтово-маяцких и прикамско-приуральских истоков. Отдельные типы стеклянных бус, накладок, подвесок, пряжек и других предметов датируются в целом X—XI вв., но часть из них выходит из употребления к середине X в.⁶⁵ Среди нумизматических находок с Измерского поселения имеется саманидский дирхем 902—908 гг.⁶⁶ Там же обнаружена и более ранняя монета — серебряный дирхем из Герата, чеканенный в 814 г.⁶⁷ Думаю, не случайно оказались они в культурном слое — все это свидетельствует о более раннем времени возникновения поселения. В первой четверти X в. Измерское и Семеновское торгово-ремесленные поселения уже успешно функционировали.

Классическими памятниками, время возникновения которых, на мой взгляд, не подлежит никакому сомнению, являются Болгарское, Суварское и Билярское городища, домонгольские слои каждого из которых содержат почти идентичный, хронологически не отличающийся друг от друга материал. Болгар и Сувар упоминаются в письменных источниках первой половины X столетия, начиная с 920-х гг., как крупные города, имеющие до 10 тысяч жителей⁶⁸. Судя по некоторым находкам, обнаруженным на территории Билярского городища, оно возникло, скорее все-

го, на месте более ранних поселений, существовавших уже в конце IX — начале X вв. Любопытно, что количество лепной посуды в культурном слое Биляра больше (в среднем 3–5% от общего количества керамики), чем на Суваре (менее 1%). Среди находок из нижнего горизонта культурного слоя имеются вещи (наконечники стрел, стеклянные бусы, украшения из цветного металла и т.п.), бытовавшие в IX — начале X вв.⁶⁹ Значительное количество находок этого времени, известных из старых коллекций, было раньше опубликовано А.Х. Халиковым⁷⁰.

Таким образом, мы не видим достаточных оснований для расшире-

ния верхней хронологической границы раннебулгарского периода почти до конца X в. Конец IX — первая четверть X столетия — это, безусловно, завершающий этап оседания волжских булгар на землю, время массового появления стационарных поселений, в том числе и городов. Эти процессы происходили на фоне сложения новых форм общественных порядков, формирования государственности, налаживания связей с соседними народами, установления дипломатических отношений с Багдадским халифатом, результатом которого стало вхождение Волжской Булгарии в число стран исламской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Смолин В.Ф.* Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. — Казань, 1925. — Вып. 2. — С. 32–34.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Часть 1. (IX–XIII вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова и др. — М., 1953. — С. 720–723; *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X — начале XIII в. — Казань, 2001.

³ *Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Булгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. — М., 1999. — С. 96–99; *он же.* Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. — Ижевск, 2000. — С. 152–156; *он же.* Актуальные проблемы археологии Волжской Булгарии // XV Уральское археологическое совещание. Тез. док. Международ. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 21.

⁴ *Казаков Е.П.* Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. — Казань, 1982. — С. 36.

⁵ *Старостин П.Н.* О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. — М., 1999. — С. 99–101.

⁶ *Беговатов Е.А.* Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. — СПб., 2006. — С. 146; *он же.* Второе Билярское селище — торгово-ремесленный комплекс Волжской Булгарии рубежа X–XI вв. // Форум «Идель — Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. — Казань, 2009. — С. 184–186.

⁷ *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI — начале XIII вв.: поселения и материальная культура. — Казань, 2007. — С. 37.

⁸ *Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи..., с. 98.

⁹ *Казаков Е.П.* О становлении государственности Волжской Булгарии в IX–XI вв. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. — Казань, 2000. — С. 23.

¹⁰ *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Булгарии // Finno-Ugrica. — Казань, 2008. — № 11. — С. 34–39.

¹¹ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада. — СПб., 1869. — С. 23.

¹² Там же.

¹³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. — Харьков, 1956. — С. 138.

¹⁴ Там же. — С. 136.

¹⁵ Греков Б. Д. Волжские булгары в IX–X вв. // Исторические записки. — М., 1945. — Т. XIV. — С. 4.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. — М., 1962. — С. 147.

¹⁷ Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV–VII вв. // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. — 1961. — Т. XX, вып. 4. — С. 14 и сл.; Плетнева С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. — 1997. — № 1. — С. 31.

¹⁸ Обломский А. М. Юртообразная постройка V века н.э. на территории Верхнего Подонья // Средневековая археология евразийских степей. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. — Вып. 3). — М.; Йошкар-Ола, 2006. — С. 40–52; он же. Краткие сведения о результатах исследования поселения и могильника Ксизово-19 Задонского района Липецкой области // Форум «Идель — Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. — Казань, 2009. — С. 184–186.

¹⁹ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. — М.; Л., 1941. — С. 165.

²⁰ Плетнева С. А. Древние болгары..., с. 37.

²¹ Казаков Е. П. О становлении государственности..., с. 22.

²² Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). — Самара, 1998; Матеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара, 1997.

²³ Рудь М. Н. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. — Куйбышев, 1987. — С. 141.

²⁴ Матеева Г. И. Могильники ранних болгар..., с. 98; Плетнева С. А. Древние болгары..., с. 42.

²⁵ Зубов С. Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте). Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. — С. 17.

²⁶ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. (Больше-Тарханский могильник). — М., 1964.

²⁷ Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 262; Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989. — С. 74.

²⁸ Кравченко Э. Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. — Донецк, 2005. — С. 168.

²⁹ Артамонов М. И. История хазар..., с. 226; Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX веках // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. — Вып. III. — С. 60 и сл.; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. — М., 1990. — С. 21 и сл.

³⁰ Копыл А. Г., Татаринов С. И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 52–71; Кравченко Э. Е. Мусульманское население..., — С. 153–186.

³¹ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 2000. — С. 207; Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М., 1996.

³² Chalikova E. A., Chalikov A. H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. — Budapest, 1981.

³³ Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. — Казань, 2007. — С. 31 и сл.

³⁴ Плетнева С. А. Древние болгары..., с. 48–49.

- ³⁵ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. — С. 214.
- ³⁶ *Флеров В.С., Флерова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // *Хазары. (Евреи и славяне. Т. 16).* — Иерусалим; М., 2005. — С. 185–206.
- ³⁷ *Кравченко Э.Е.* Мусульманское население..., — С. 153–186.
- ³⁸ *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // *Советская тюркология.* — Баку, 1985. — № 4; *Халиков А.Х.* Рунические знаки и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // *Археология.* — София, 1988. — № 2. — С. 36 и сл.; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. (Опыт палеографического анализа) — М., 1990. — С. 56.
- ³⁹ *Khalikova T.A., Kazakov E.P.* Le cimetiére de Tankeevka // *Les ansiens hongrois et les ethnies voisines a l'Est.* — Budapest, 1977.
- ⁴⁰ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // *МИА.* — 1962. — № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV). — С. 179–204.
- ⁴¹ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. — М., 1992. — С. 234 и сл.
- ⁴² *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985. — С. 64 и сл.; *она же.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999. — С. 346.
- ⁴³ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии..., с. 304.
- ⁴⁴ *Казаков Е.П.* Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // *Четвертые Берсовские чтения.* — Екатеринбург, 2004.
- ⁴⁵ *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // *Камский торговый путь. Материалы Всерос. науч. конф.* — Елабуга, 2008.
- ⁴⁶ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984. — С. 221, 228.
- ⁴⁷ *Белорыбкин Г.Н.* Посуда памятников XI–XIII вв. Пензенского края // *Из истории области. Очерки краеведов.* — Пенза, 1990. — Вып. 2. — С. 74–91.
- ⁴⁸ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии..., с. 24 и сл.
- ⁴⁹ *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар..., с. 99.
- ⁵⁰ *Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И.* Севрюкаевское селище // *Вопросы древней истории Волго-Камья.* — Казань, 2002. — С. 49.
- ⁵¹ *Сташенков Д.А.* Самарское пограничье: к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья // *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф.* — М., 1999. — С. 76.
- ⁵² *Семыкин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф.* — Самара, 1996. — С. 67.
- ⁵³ Там же. — С. 74; см. также: *Семыкин Ю.А.* Исследования на территории Чертова городка // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии).* Тез. науч. конф. — Самара, 1997. — С. 56–58.
- ⁵⁴ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище. (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // *МИА.* — 1962. — № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. — Т. IV). — С. 76, прим. 24.
- ⁵⁵ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии..., с. 75.
- ⁵⁶ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге..., табл. VII, 6–10, 15, 16; *Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И.* Севрюкаевское селище..., с. 49.
- ⁵⁷ *Хлебникова Т.А., Казаков Е.П.* К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // *Из археологии Волго-Камья.* — Казань, 1976. — С. 109–136.
- ⁵⁸ *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // *Археология Волжской Болгарии: проблемы, поиски, решения.* — Казань, 1993. — С. 53–63; *он же.* О новых ранних поселениях болгар на Волге // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф.* — Самара, 1995. — С. 81–83; *он же.* Ранние напластования в северо-восточной части Болгарского городища // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф.* — М., 1997. — Т. 3. — С. 108–110.
- ⁵⁹ *Старостин П.Н.* Раннее поселение..., с. 56 и сл.
- ⁶⁰ *Старостин П.Н.* О раннем Болгаре..., с. 101.

⁶¹ *Хлебникова Т.А.* Ранний Булгар // СА. – 1975. – № 2.; *она же.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Булгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 50–51.

⁶² *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город..., с. 121–122.

⁶³ *Казаков Е.П.* Актуальные проблемы..., с. 161.

⁶⁴ *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов..., с. 36; *он же.* К проблеме датировки столичных центров домонгольской Булгарии по археологическим материалам // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003. – С. 93–94.

⁶⁵ *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 27, 86, 105, 107, 120, 127, 149.

⁶⁶ Там же. – С. 29.

⁶⁷ *Беговатов Е.А.* Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура // Finno-Ugrica. – 1999. – № 1 (3). – С. 31.

⁶⁸ *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город..., с. 138 и сл.

⁶⁹ *Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане. – Казань, 1995. – С. 106–118.

⁷⁰ *Халиков А.Х.* О столице домонгольской Булгарии // СА. – 1973. – № 3. – Рис. 5.

Аннотация

Временем окончательного перехода переселившихся на Среднюю Волгу болгар-кочевников к полной оседлости традиционно считался рубеж IX–X вв., когда у них сложилось государство, возникли города и поселения сельского типа, началась чеканка монет и т.д. Недавно появилась новая концепция, авторы которой (Е.П. Казаков, К.А. Руденко, Е.А. Беговатов и др.) появление стационарных поселений болгар относят лишь к третьей четверти – концу X столетия, считая раннюю Булгарию на Волге кочевническим государством. В предлагаемой статье приводятся данные письменных, археологических и нумизматических источников, свидетельствующие о начале седентаризации болгар еще в VIII в. По мнению автора, время основания городов Булгара, Сувара, Биляра (Великого города), а также ряда торгово-ремесленных поселений первой четверти X в. находит подтверждение в археологических материалах.

Ключевые слова: ранние болгары, седентаризация, Малоиерусалимское поселение, Булгар, Сувар, Биляр, торгово-ремесленные поселения.

Summary

The period of the final transfer of the nomadic Bulgars, who moved to the area of the Middle Volga, to settled life was considered the end of the IX and the beginning of the XX century, when the state was formed, the cities and settlements appeared, coining of money began. A new conception has recently appeared, and its authors relate the appearance of permanent settlements of the Bulgars only to the third quarter – the end of the XX century, considering early Bulgaria on the Volga to be the nomad state. The article represents some data from written, archaeological and numismatic sources which are the evidence of the beginning of settling of the Bulgars in the VIII century. According to the author's viewpoint the time of the foundation of such cities as Bulgar, Suvar, Bilyar and the range of trading settlements of the first quarter of the X century finds its confirmation in archaeological materials.

УДК 902/904

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ БОРИСОГЛЕБСКОЙ СТОЯНКИ НА р. КАЗАНКЕ

*А.А. Чижевский, кандидат исторических наук;
М.Ш. Галимова, кандидат исторических наук*

Борисоглебская стоянка располагается на песчаной дюне в пойме р. Казанки, в 400 м от ее современного русла, к югу от устья реки Сухая. Памятник находится в 1200 м к юго-востоку от с. Борисоглебское и в 1000 м от д. Малые Дербышки на территории, которая относится к Высокогорскому району Республики Татарстан. Высота дюны в сохранившейся части составляет 2–3 м, она вытянута по длинной оси с севера на юг, в 10 м к западу от нее располагается серия озер, оконтуривающих старицу р. Казанки. Судя по распространению подъемного материала, площадь поселения совпадала с территорией дюны и составляла 140×60 м. В настоящее время большая часть территории памятника разрушена карьером для добычи песка (рис. 1).

По информации ведущего специалиста ФГУ «Средволгаводхоз» А.А. Хисаметдиновой, изучающей геолого-геоморфологические условия расположения стоянки и прилегающего Борисоглебского торфяника, дюна образовалась путем эолового перемещения песчаных осадков на поверхности второй террасы р. Казанка. В период голоцена этот участок долины р. Казанка был прорезан изменяющимся руслом реки Сухая и заболочен. В период около 3–4 тыс.

лет назад, во время понижения базиса эрозии и вреза русел рек Сухая и Казанки, торфяник осушился, появились протоки и озера, что сделало данный район весьма удобным для поселения и хозяйствования первобытных коллективов. Кроме того, положительным фактором для поселения стало залегание в основании песчаной дюны толщи коричневых (т.н. «шоколадных») глин, пригодных для изготовления керамической посуды.

Борисоглебская стоянка была открыта М.Ш. Галимовой и К.Э. Истоминым в 2002 г. и впоследствии ежегодно осматривалась М.Ш. Галимовой и А.А. Чижевским. В центре стоянки был зафиксирован сливной колодец, который является частью водовода, связанного с аэродромом КАПО им. Горбунова. Уже при первом осмотре на памятнике были собраны большая коллекция керамики с «текстильными» отпечатками и сколы кремня, причем площадь распространения подъемного материала примерно совпадала с территорией самой дюны. Вплоть до 2003 г. поверхность памятника распаивалась.

В 2007 г. на дюне, на которой располагается Борисоглебская стоянка, был заложен карьер по добыче песка. В настоящее время работы на

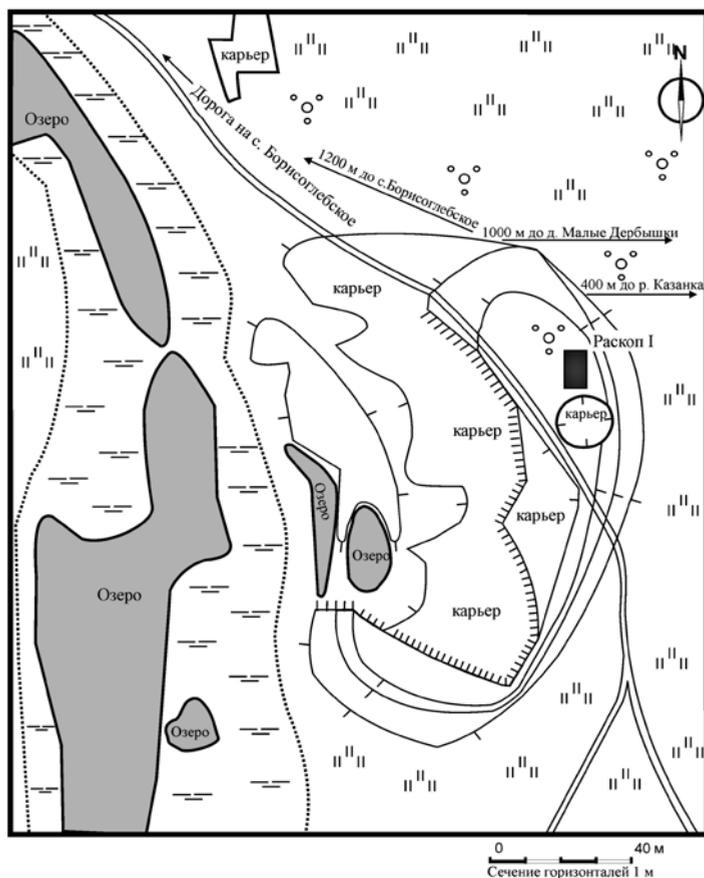

Рис. 1. Борисоглебская стоянка. Общий план

нем прекращены, однако карьером уничтожено до 90% территории памятника. В 2008 г. в связи с угрозой расширения песчаного карьера и начавшимися процессами ветровой эрозии на Борисоглебской стоянке были проведены охранно-спасательные работы.

Раскоп площадью 60 кв. м был заложен в северо-восточной части стоянки (рис. 1). Стратиграфия раскопа несложна: сверху – дерн мощностью 6–8 см; под ним залегает слой светло-коричневой гумусированной супеси с включениями глины, мощностью 6–40 см. В юго-западной части раскопа этот слой перекрывает коричневая супесь с обильными включениями глины мощностью 6–26 см, а под ним

залегает плотная серая супесь толщиной 4–32 см; ниже располагается светло-серая гумусированная супесь мощностью 5–40 см, подстилающая почти весь раскоп, кроме участков, затронутых плотной серой супесью. Еще ниже располагается материк – белый песок. находки, имеющие археологическую ценность, содержатся во всех выявленных слоях. Однако два слоя – плотная серая супесь и коричневая супесь с обильными включениями глины имеют современное происхождение и не рассматривались в данной статье.

В результате работ 2008 г. каких-либо сооружений, связанных со временем существования стоянки, выявлено не было.

В процессе работ в верхней части слоя светло-серой гумусированной супеси была обнаружена лепная керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 2) и посуда культуры «текстильной» керамики (рис. 3, 4), а также немногочисленные кости животных. Данный слой располагается непосредственно над слоем материкового песка, он не затронут распашкой и является, вероятно, самой нижней сохранившейся частью культурного слоя, по сути – предматериком. По всей вероятности, в самый ранний период существования стоянки верхняя часть этого слоя была дневной поверхностью Борисоглебской стоянки.

Слой светло-коричневой гумусированной супеси с включениями глины образовался в результате распашки культурного слоя стоянки. Местами, особенно в северной части раскопа, слой распашки достигал непосредственно материка и содержал лепную посуду культуры «текстильной» керамики (рис. 4), кости животных, а также лепную керамику постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области (рис. 5).

Вещевой комплекс из раскопа был представлен фрагментами глиняной посуды с примесями раковины и мелкого шамота в глине (232 экз.), кремневыми (29 экз.) и кварцевыми изделиями (4 экз.).

Наиболее представительная коллекция предметов с Борисоглебской стоянки относится к керамике. Всего удалось атрибутировать 102 фрагмента, которые подразделяются на три группы: 1) относящиеся к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (8 экз.) (рис. 2); 2) к культуре «текстильной» керамики (87 экз.) (рис. 3, 4); 3) к постмаклашеевской культуре (7 экз.) (рис. 5).

Небольшая коллекция (8 экз.) пористой керамики желто-оранжевого цвета с примесью раковины относится к керамике атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 2). Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 5–7 мм. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным валиком – приостренным (рис. 2, 2, 4, 5, 8) или плоским (рис. 2, 3, 7), иногда валик отсутствует (рис. 2, 6). Внешняя поверхность сосудов гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине. Атабаевская керамика происходит преимущественно из нижней части культурных напластований (табл. 1).

Судя по аналогиям, керамика данной группы плоскодонная, в орнаментации преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа, встречаются неглубокие ямочные отпечатки. Основной композицией орнамента являются горизонтальный зигзаг (рис. 2, 6), иногда обрамленный прочерченными одиночными линиями, а также одиночные ямочные вдавления, которые размещались на горловине сосуда (рис. 2, 4, 7, 8).

Ввиду отсутствия индивидуальных находок датировка атабаевского керамического комплекса Борисоглебской стоянки основывается на общей дате атабаевской культуры, которая относится к рубежу XIV/XIII – XII вв. до н.э.¹

Ко второй группе относится глиняная посуда культуры «текстильной» керамики (87 экз.). Отличительной особенностью керамики данной группы являются «текстильные» рябчатые отпечатки (рис. 3, 4), которые покрывают поверхность сосуда с внешней стороны, в основном по днищу и тулову, однако в ряде случаев отмечены отпечатки на горловине сосуда.

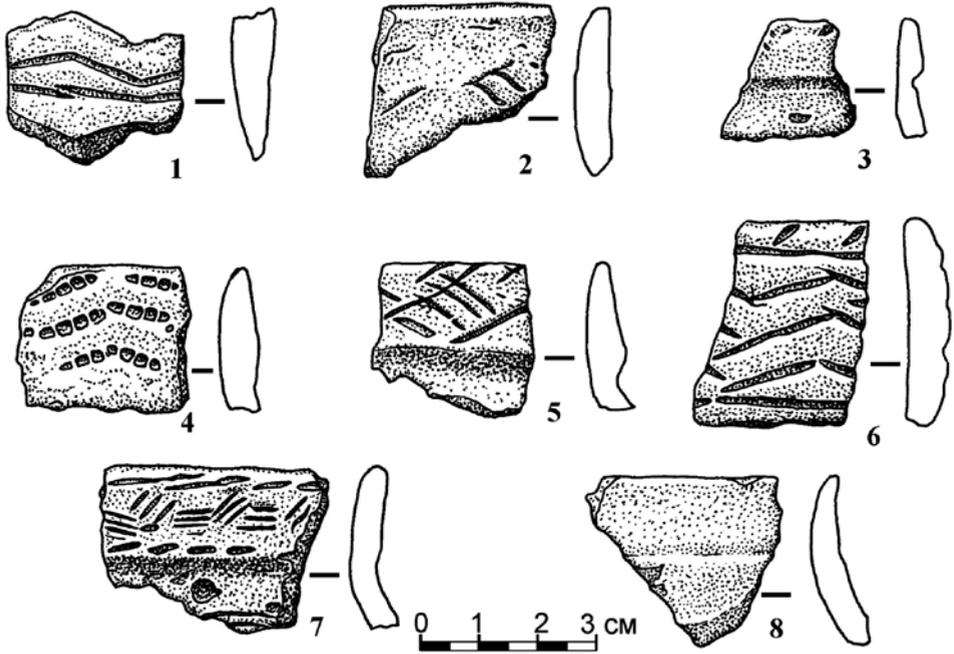

Рис. 2. Керамика атабаевского этапа маклашевской культуры

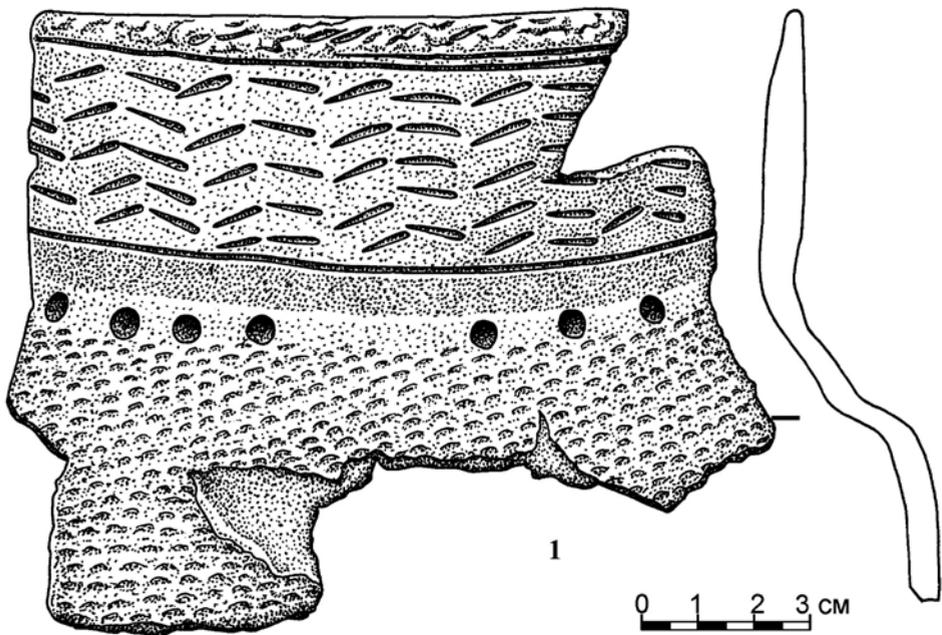

Рис. 3. Керамика с текстильными отпечатками

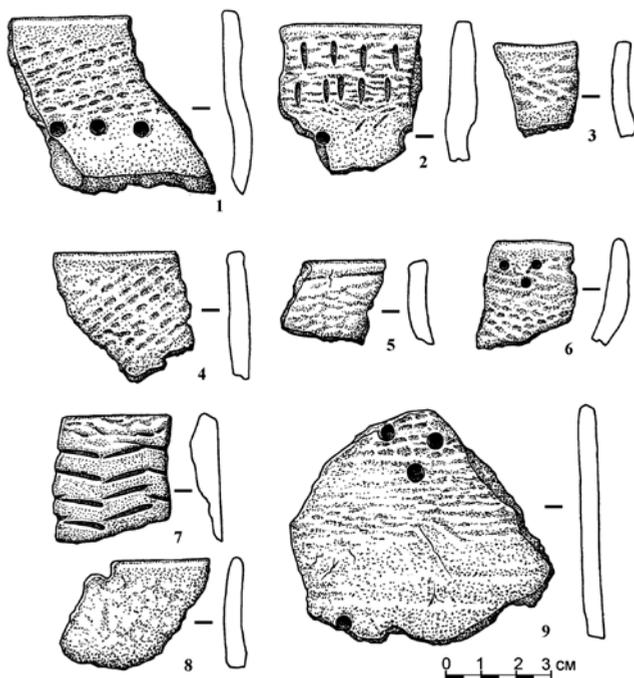

Рис. 4. Керамика с текстильными отпечатками

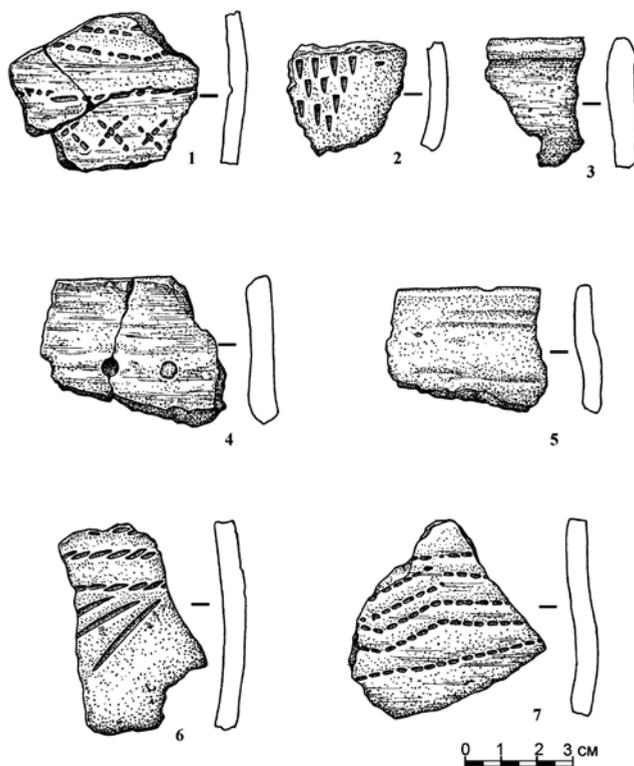

Рис. 5. Керамика постмакляшевской культуры

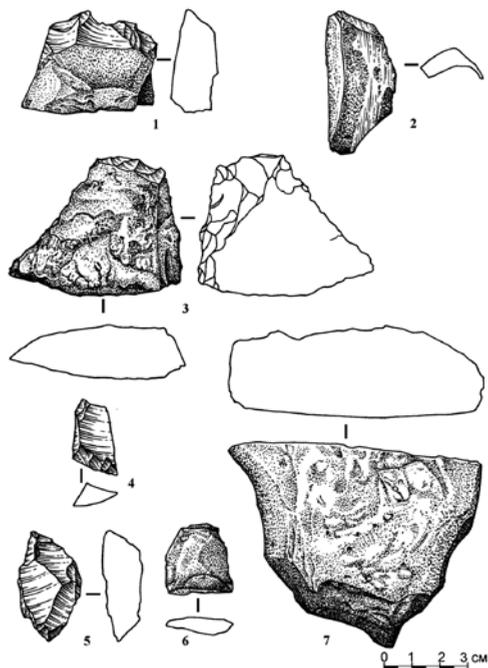

Рис. 6. Каменный инвентарь. 1 – заготовка торцевого нуклеуса; 2 – скол со следами скобления по краю; 3 – заготовка бифаса; 4 – отщеп-проколка; 5 – рабочая часть скребка; 6 – проксимальный фрагмент скола; 7 – пренуклеус, из кварца

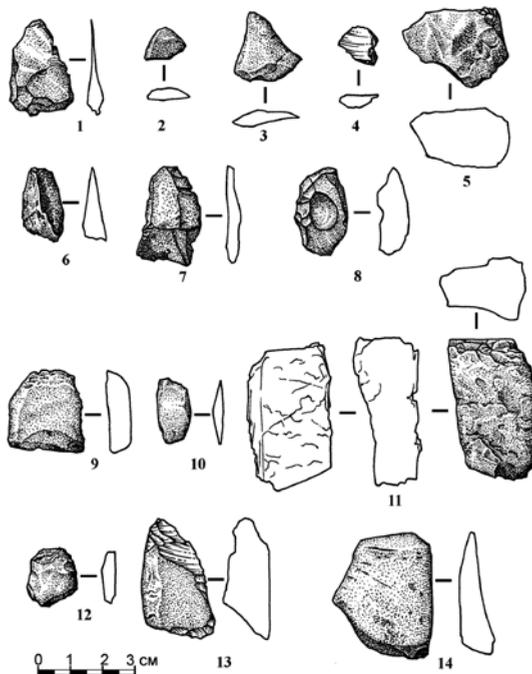

Рис. 7. Кремневый инвентарь. 1 – отщеп с ретушью; 2 – скребок или скобель; 3 – отщеп с ретушью; 4 – отщеп; 5 – заготовка микро-нуклеуса; 6 – отщеп; 7 – скол с отсеченным концом; 8 – резчик на углу массивного скола; 9 – фрагмент пластины; 10 – чешуйка; 11 – нуклевидный кусок; 12 – отщеп с ретушью по краю; 13 – скол с ретушью; 14 – стамеска

«Текстильная» керамика зафиксирована в культурных напластованиях стоянки, начиная с глубины 10 см и до материка (табл. 1). Она изготовлена из глины с примесью песка, мелкого шамота и органики. Цвет черепков серый и оранжево-желтый, обжиг сосудов неравномерный, вследствие чего многие сосуды окрашены в серый с желтыми пятнами цвет. Толщина стенок 4–8 см. Реконструированные сосуды в основном горшковидной формы, с цилиндрической и блоковидной горловиной, но встречаются и чаши (рис. 4, 6).

Вся керамика данной группы круглодонная. Она орнаментирована в основном по горловине, но встречается орнаментация также на тулове сосуда (рис. 4, 9). Преобладают глубокие ямочные отпечатки, образующие выпуклости на внутренней стороне, а также гладкий штамп. Основной композицией орнамента являются строенные ямочные отпечатки, размещающиеся на горловине и тулове (рис. 3, 1; 4, 1, 6, 9), горизонтальный зигзаг (рис. 3, 1; 4, 7), иногда обрамленный прочерченными одиночными линиями (рис. 3), а также овальные вдавления, которые размещались на горловине, образуя ряды прямых или наклонных поясков (рис. 4, 2).

Комплекс культуры «текстильной» керамики появился на территории Казанского Поволжья в конце атабаевского этапа маклашеевской культуры XII–XI вв. до н.э.² и дожил до начала VI в. до н.э.³ Однако облик керамики, происходящей из Борисоглебской стоянки, архаичен и не может связываться с материалами раннего железного века. Наиболее близкие и полные аналогии данному керамическому комплексу прослеживаются в материалах Казанской стоянки⁴, поселения Курган⁵ и Ивановский Бор X⁶, где отмечена круглодонная керамика, покрытая «текстильными» рябчатыми отпечатками с орнаментацией, сходной с орнаментом на керамике из Борисоглебской стоянки. Датировка этих поселений укладывается в пределы финала бронзового века XII/XI – первой половины IX вв. до н.э. и совпадает во многом со временем существования маклашеевской культуры⁷.

К третьей группе посуды из раскопа на Борисоглебской стоянке относится керамика постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области (7 экз.) (рис. 5). Данная керамика зафиксирована в верхней части культурных напластований. Она изготовлена из глины с примесью раковины. Цвет черепков

Таблица 1

Распределение керамики по пластам

Глубина, см	Атабаево	Текстиль	Постмак	Итого
0–10	0	0	0	0
10–20	0	19	3	22
20–30	0	24	1	25
30–40	0	13	3	16
40–50	6	29	0	35
50–60	2	1	0	3
60–70	0	0	0	0
70–80	0	1	0	1
Итого	8	87	7	102

серый и оранжево-желтый. Толщина стенок составляет 5–7 см.

Вся керамика постмакляшевской культуры круглодонна. Орнаментация размещена в верхней трети сосуда. Наиболее распространенные элементы орнамента: гребенка, отпечатки шнура (рис. 5, 6), круглая глубокая ямка, образующая выпуклость на внутренней стороне, уголкового штампа. Основными орнаментальными композициями являются одиночные ямочные вдавления (рис. 5, 3, 4), зигзаг и горизонтальные линии, образуемые отпечатками гребенчатого штампа (рис. 5, 1, 7), а также треугольные фартучки, выполненные уголкового штампом (рис. 5, 2). Постмакляшевская керамика зафиксирована в верхней части культурных напластований стоянки (табл. 1).

Аналогии данному керамическому комплексу фиксируются на многочисленных поселениях постмакляшевской культуры ананьинской культурно-исторической области⁸. Отсутствие здесь сосудов, орнаментированных узорами из сдвоенных и строенных шнуровых горизонтальных линий, свидетельствует об относительно ранней дате постмакляшевской керамики Борисоглебской стоянки⁹. Уточняет дату данного комплекса факт отсутствия цилиндрической керамики, характерной для самого раннего этапа постмакляшевской культуры. Ближайшие аналогии данной керамике прослеживаются в материалах основного слоя городища Гремячий Ключ и нижнего слоя городища Сорочьи Горы, отражающие вторую фазу развития постмакляшевской керамики¹⁰.

Каменные артефакты, найденные в раскопе, представляют собой довольно однородный комплекс кремневых предметов. Особенности

этого комплекса можно считать невысокое качество сырья — кремневых плиток, и, вероятно, связанный с этим непластинчатый характер его расщепления. Единичны невыразительные изделия из некремневых пород камня, среди которых отметим крупный пренуклеус (либо заготовку бифаса), выполненный из половины конкреции кварцита (рис. 6, 7).

В числе кремневых изделий: заготовка бифасиального (двухсторонне обработанного) изделия (рис. 6: 3); фрагмент (рабочая часть) скребка (рис. 6, 5); скобель на краю технического скола (рис. 6, 2); проколка (диагностирована трасологическим методом) на углу отщепа без вторичной обработки (рис. 6, 4); стамеска без вторичной обработки (диагностирована трасологически) на конце отщепа (рис. 7, 14). Основную массу изделий составляют отщепы, технические сколы и фрагменты аморфных сколов с участками ретуши утилизации (рис. 7, 1, 2, 6–8, 12, 13), а также заготовки нуклеусов (рис. 6, 1; 7, 5, 11). Учитывая морфологически невыразительный характер инвентаря и слабо развитую технологию расщепления кремневого сырья, а также тот факт, что каменные артефакты не были зафиксированы в раскопе стратиграфически ниже культурных напластований с керамикой, представляется возможным относить каменные изделия к культуре «текстильной» керамики и к атабаевскому этапу макляшевской культуры. В связи с большими разрушениями культурного слоя стоянки выделить отдельные комплексы каменных артефактов, принадлежащие этим культурам, не представляется возможным.

Аналогичный невыразительный и «упадочный» облик имел каменный инвентарь, найденный на упомянутой выше Казанской стоянке Н.Ф.

Калининым и А.М. Ефимовой. Из обнаруженных в раскопе 1938 г. 165 кремневых предметов лишь единичные находки были морфологически выраженными — пластины (5 экз.), резцы и скребочки (9 экз.), а также одно орудие неясного назначения¹¹.

Между тем совершенно иной характер имеет каменный инвентарь, обнаруженный при раскопках на городище Казанка II, находящемся на коренной террасе левого берега р. Казанки, напротив места расположения ныне разрушенной Казанской стоянки. В небольшом рекогносцировочном раскопе, исследованном в 2004 г. К.А. Руденко и М.Ш. Галимовой в мысовой части городища, был выявлен нижний культурный слой, содержащий фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом и выразительные каменные орудия, отнесенные к позднему неолиту — энеолиту¹². Инвентарь поселения Казанка II отличается широким использованием пластинчатой и бифасиальной технологий, базирующихся на расщеплении разного по качеству и форме кремневого сырья. В комплексе имеются не только разнообразные кремневые орудия на ножевидных пластинах, наконечники и разнотипные ножи, но и совершенные по технике обработки шлифованные рубящие орудия. Практически единственным технологическим моментом, сближающим каменные индустрии Борисоглебской стоянки и городища Казанка II, является традиция расщепления плиточного кремневого сырья в целях производства бифасиальных орудий.

Остеологический материал, происходящий из раскопа на Борисоглебской стоянке, согласно определениям д.б.н. А.Г. Петренко и к.б.н. И.В. Аськеева, представлен костями крупного рогатого скота (четыре кости от трех особей), лошади (13 костей

от четырех особей), лося (шесть костей от одной особи) и бобра (один зуб — 3-й (заднекоренной зуб) верхней челюсти)¹³. Преобладание костей домашних животных над костями диких свидетельствует о скотоводческой специализации Борисоглебской стоянки. Возможно, это было временное летнее поселение или карда (скотный двор в поле, загородка для скота).

Реконструируя историю существования Борисоглебской стоянки, необходимо отметить, что она испытала несколько этапов заселения.

Судя по находкам из нижней части культурного слоя, наиболее раннее заселение данной дюны связано с носителями культуры «текстильной» керамики и раннемаклашеевским (атабаевским) населением. Именно эта керамика фиксируется в самых глубоких слоях поселения, однако атабаевской керамики значительно меньше, и она встречается в виде примеси к основному текстильному керамическому комплексу. Подобное сочетание атабаевской и «текстильной» керамики могло иметь место лишь в XII в. до н.э.

Стоянка раннего этапа заселения существовала вплоть до конца бронзового века, об этом свидетельствует керамика с «текстильными» отпечатками, декорированная типично маклашеевским орнаментом (рис. 3, Л), существовавшим вплоть до первой половины IX в. до н.э.

Наличие в верхней части культурного слоя незначительного количества постмаклашеевской керамики свидетельствует о продолжении бытования памятника в эпоху раннего железного века. По всей вероятности, ранняя стоянка к этому времени уже была заброшена, так как, судя по аналогиям, встреченная здесь керамика относится уже ко второй фазе развития постмаклашеевской керамики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чижевский А.А.* Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург – Сургут, 2007. – С. 173–176; *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009. (Археология Евразийских степей. – Вып. 8). – С. 32.

² *Чижевский А.А.* Финал бронзового века..., с. 173–176.

³ *Марков В.Н.* Антоновское городище: (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Археология и этнография Марийского края. – Вып. 21. – Йошкар-Ола, 1992. – С. 102, 103; *он же.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). (Археология Евразийских степей. – Вып. 4). – Казань, 2007. – С. 44, 45.

⁴ *Калинин Н.Ф.* Казанская стоянка // Историко-археологический сборник. – М., 1948. – рис. 4.

⁵ *Ишмуратова Г.Р.* Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – № 148. – Пермь, 1967. – С. 102, 104, 107–109, табл. 1, 2, 4, 6; *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху..., рис. 37.

⁶ *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир..., рис. 6, 8.

⁷ Там же. – С. 32.

⁸ *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху...

⁹ *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху..., с. 29.

¹⁰ *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху..., с. 28–36, рис. 1–6.

¹¹ *Калинин Н.Ф.* Казанская стоянка..., с. 180–183.

¹² *Галимова М.Ш., Руденко К.А.* Новые находки с городища Казанка II // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала (материалы III Халиковских чтений). – Казань, 2006. – С. 87–99.

¹³ *Петренко А.Г., Аськеев И.В.* Видовой состав животных Борисоглебской стоянки // М.Ш. Галимова. Отчет о раскопках Борисоглебской стоянки в Высокогорском районе Республики Татарстан в 2008 г. – Казань, 2010. – С. 22.

Аннотация

В результате исследований Борисоглебской стоянки было выявлено три группы керамики: атабаевской, культуры «текстильной» керамики и постмаклашеевской. Стоянка существовала на протяжении всего финала бронзового века с XII по I пол. IX вв. до н.э. Небольшая коллекция керамики свидетельствует, что стоянка существовала и в эпоху раннего железного века. Преобладание костей домашних животных над костями диких свидетельствует о скотоводческой специализации Борисоглебской стоянки.

Ключевые слова: финал бронзового века, ранний железный век, атабаевский этап маклашеевской культуры, культура «текстильной» керамики, постмаклашеевская культура.

Summary

The results of recent field investigation of the Borisoglebskaya site on the bank the Kazanka river are presented in the article. Three groups of pottery have been singled out among the archaeological finds dated to the Late Bronze Age: ceramics of the Atabaev culture; the “textile” pottery and the ceramics of Postmaklashevskaya culture. The Borisoglebskaya site existed during the Final of the Bronze Age since the XIIth century BC till the first half of the IXth century BC. Small assemblage of the Early Iron Age pottery proved that the site was inhabited during this archaeological period as well. The prevalence of the bones of domestic animals over the wild ones makes the authors suggest of a cattle-breeding specialization of the Borisoglebskaya site.

УДК 94(47)+929.5

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ГЕНЕАЛОГИИ КНЯЗЕЙ ЕНГАЛЫЧЕВЫХ

А.В. Беляков, кандидат исторических наук, доцент

Территория Шацкого края в разные времена подвергалась серьезным колебаниям. В XVI–XVII вв. Шацкий уезд зачастую рассматривался как вся Мещера и включал в себя собственно Шацкий уезд, а также Касимовский, Елатомский, территории Кадома и Темникова. Постепенно, на протяжении XVIII–XX вв., она сократилась до размеров нынешнего Шацкого района Рязанской области. Но его история по-прежнему генетически связана с рядом сопредельных территорий. В данной статье мы рассмотрим раннюю историю (XVI–XVII вв.) рода кадомских князей Енгальчевых, в первую очередь ветвей, не принявших православия и связанных с Мещерским краем (Кадомский и Шацкий уезды). Генеалогия крестившихся ветвей разработана достаточно полно¹.

Прежде чем приступить к родословной князей Енгальчевых, следует сказать несколько слов об особенностях пожалования титула «князь» в Кадомском уезде XVI в. Источники не дают однозначного ответа на вопрос о наличии у кадомских татар постоянного лидера как в Темникове или же Романове. Известно, что некоторым княжеским родам предоставлялись в кормление право сбора ясака с местной мордвы: князья Мансыревы, Илешмяковы (Бутаковы), Енгальчевы (Бедишевы), Аганины (Девлеткилдеевы, Бибарсовы)². Наблюдения над правилами наследования княжеского титула среди целого ряда мещерских княжеских родов (Девлет-Килдеевы, Аганины, Енгальчевы

и др.) дают возможность сделать некоторые предположения. Судя по всему, княжеский титул наследовался старшим в роде вместе с «княжением» над мордвой, то есть правом сбора ясака и судебных пошлин. Остальные члены рода иногда сохраняли права на часть мордовского ясака и могли передавать его по наследству, но всегда именовались только мирзами (князь Еналей князь Енгилдеев сын князь Енгальчев но Досай мирза Ак-Мухаммедов мирзин сын князь Енгальчев)³. Когда княжением жаловалось сразу два представителя рода (жаловалось иное княжение), младший становился родоначальником новой княжеской ветви. Но данное правило распространялось далеко не на все роды, известные в регионе⁴. Таким образом, титул «князь» в данном случае превращается фактически в должность. Быть может, за это князь вначале обязывался за свой счет содержать какое-то количество казаков, по своему положению близких военным холопам. В первой половине XVII в. пожалование ясаком отменили. Служилые татары (казаки – военные холопы) стали испомещаться московским царем. Или же, что ближе к истине, из-за постоянного разрастания рода и дробления источников дохода (поместья и ясак) подобные князья уже не могли выставлять даточных людей. С этого момента исчезают и князья. Однако все представители этих семей имели право на приставку «князь» перед родовым прозвищем. С принятием христианства во второй половине

XVII в. они жаловались княжеским достоинством, передающимся всему мужскому потомству. А позднее за крещение жаловались и в стольники. Показательно и то, что в XV в. в Мещере зафиксированы мордовские кормления, раздаваемые православным. Хотя они по своему статусу скорее являлись волостетельями⁵.

Говоря о происхождении подобных князей, можно выдвинуть две версии. По одной из них это могли быть принявшие мусульманство местные мордовские старшины. По другой, к настоящему времени официальной, – это потомки золотоордынских феодалов. Большинство местных княжеских фамилий начиная с XVIII в. выводили свое происхождение от князя Бехана, появившегося в Восточной Мещере в XIV в. Однако подтвердить это документально на настоящий момент не представляется возможным.

Родоначальником Енгальчевых признан князь Бедиш⁶, проживавший в Мещере на рубеже XV–XVI вв. и княживший над сталдемской (талдемской, тюлдемской беляк?) мордвой, проживавшей в начале XVII в. в деревнях Пашатово, Шапкино, Подлясово, Селище, Парамзина, Анаива, Каргашина (ныне Сасовский район), Жеравкина, селе Авдалово. В основном они располагались по рекам Вад (левый приток р. Мокши), Лиса, Шлея, Санклея⁷. Бортные ужожи могли простираться на значительно более обширные территории. Но их точная привязка к современной административной карте на настоящий момент достаточно проблематична из-за изменения большинства мордовских названий на русские. Данные земли находились в непосредственной близости с нынешним Шацким районом или же частично на его территории (северная часть района). Мы не знаем, что включало в себя понятие «княжение» в полном объеме. Известно, что князья собирали ясак с мордовского населения и обладали, по крайней мере, в первой половине XVI в., правом суда над ним. За это,

скорее всего, они должны были содержать свой военный отряд.

У Бедиша (умер до 1539 г.)⁸, судя по всему, имелось 2 сына. При этом оба Янгальча (Енгальча). От первого, унаследовавшего княжеское «достоинство» и пошли собственно князья Енгальчевы (умер между 1580–1589 гг.). О второй ветви нам известно достаточно мало. Янгальч (умер до 1564/65 г.) имел сына Богдана (до 1580 г. был взят в поле крымскими людьми). Богдан получал с талдемской мордвы свою часть ясака (7,5 руб.), которую после него в 1580 г. отдали его сыну Ишею. С этих же денег его обязали содержать до замужества свою сестру⁹.

У князя Янгальча известно 5 сыновей: Емикей (Еникей?) (умер в 1586/87 г.), Енгилдей, Ураз (Ураз-Мухаммед?), Ак-Мухаммед, Кереш. Помимо этого упоминается племянник Девлет-Килдей. С конца XVI в. нам известны первые данные о землевладении рода в сельце Павликове, «Бедишево тож» (ныне Ермишинский район Рязанской области), деревне Жданове и трети деревни Чермных. Первоначально всем братьям и племяннику выделили по 41 чети в поле. После смерти Емикей его долю (41 четь земли и 186,5 копен сена) унаследовал князь Енгилдей¹⁰. Таким образом, мы можем предположительно восстановить размеры поместья князя Янгальча. Оно должно было составлять не менее 246 четей в одном поле.

Дальнейшая генеалогия рода запутана еще больше. У Енгилдея известен сын Яналей (Еналей) (умер между 1667 и 1673 г.). У него, в свою очередь, были сыновья Исянь (Бибай), Айдыш, Сюнбай и дочь Нелиш, замужем за неким Беркут мирзой. У Исяня упоминаются сыновья Давыд (в крещении Яков, которые исследователи называют его Сулейманом) и Ибрагим (Семен), принявшие православие в 1682 г.¹¹. После этого они стали стольниками¹². Супруга Якова, Федора Осиповна, в 1698 г. названа вдовой. Тогда же она выдает свою дочь, Ульяну, за князя Михаила

Петровича Кугушева¹³. Помимо этого имелись сыновья Алексей, имевший чин капитана¹⁴, Иван, Семен (? – 1748) и Муртаза, единственный сохранивший верность исламу в семье. Сюнбай имел трех сыновей: Никиту, Ивана и Ибрагима (Платона). Скорее всего, имена Никиты и Ивана до крещения были Будалей и Сафар (см. ниже).

У Айдыша известно два сына: Аймаш (Андрей с 1682 г.) и Смальяк (Смолян). В 1701 г. они устроили обмен поместьями¹⁵ [13, с. 71. № 246]. Сына Смальяка звали Сюналей. В 1713 г. за Смальяком в д. Тимошино Симбирского уезда имелось 13 крестьянских дворов, а за его сыном – 8¹⁶.

У Ураза (умер между 1641 и 1652 г.)¹⁷ известны сын Бигилдей (в службе с 1623/24 г., умер после 1673 г., имел поместный оклад 300 четей, денежное жалованье 12 рублей)¹⁸ и внук Мамадалей. У Мамадалея в свою очередь известны дети: Розмамет (Ураз-Мухаммед, скорее всего он же Умралей) (служил в рейтарах с 1659 и после 1673 г., поместным окладом не верстан)¹⁹, Дмитрий (умер в 1708 г.), Иван, Семен (умер в 1708 г.), Терентий (умер в 1708 г.). У Дмитрия в начале XVIII в. известен сын Иван. Все они крестились в 1680 г. За это им пожаловали наследственное княжеское достоинство и произвели в стольники²⁰.

Умралей и его потомство было положено в подушный оклад. Известна родословная его правнука Сафара, перешедшего на жительство в Уфимскую губернию: Умралей – Менделей – Митрей – Сафар. В литературе можно встретить и иную роспись: Бигилдей – Мамадалей – Умралей – Мустафа (род. 1763) – Хамза – Хамидулла – Идрис – Абубакир – Рифкат – Равиль²¹. Скорее всего, у Ураза имелся еще один сын, Молкей. Он упоминается в документах в 1623 и 1667 г. У него имелся сын Давыд и внук Степан, имевший поместье в Кадомском уезде. Последний был женат на Матрене Семеновне Бигловой, вторым браком она замужем за князем Алексеем Яковлевичем Ен-

галычевым, сыном Якова (Сулеймана) Исинеева²².

Следующие построения носят предположительный характер. Версию о том, что Ак-Мухаммед стал родоначальником князей и мирз Маматовых, следует признать ошибочной²³. Сыновьями Ак-Мухаммеда (умер после 1652 г.²⁴ или даже 1661 г.)²⁵, скорее всего, были Досай (Дос-Мухаммед) и Нораша (Окмашевы). Владели поместьями в д. Старый Кадом и на Кожбохтинском поле²⁶. У Досая известны сыновья Иван (с 1659 после 1673 г. служил в рейтарах, имел поместный оклад 300 четей, денежное жалованье 12 рублей)²⁷ и Илья. Иван женат на некоей Домне. Их дочь Татьяна замужем (1689 г.) за Кузьмой Уразовым сыном Булаевым. В приданое он получил прожиточное поместье вдовы Домны в сельце Павликове с деревнями²⁸. Брак оказался не совсем удачным. За ним последовали постоянные судебные разбирательства по различным поводам²⁹. О жизни Ивана Досаева нам известно несколько больше, нежели об остальных. В 1662 г. он находился в Москве и принял участие в событиях Медного бунта, ходил со всеми в село Коломенское. За это его сослали в Псков. Однако, судя по всему, там он находился недолго. К началу крестьянской войны под предводительством С. Разина он находился уже в своих поместьях (жеребей в с. Бедишеве, Павликове тож и д. Чермных, всего 23 чети в одном поле). В 1673 г. жилец Герасим Кузьмин Слепцов подал челобитную, в которой утверждал, что по приходе воровских людей в уезд Иван присоединился к ним. На основании этого Слепцов просил отписать на себя поместье Ивана Енгальчева. Последний отрицал факт измены и утверждал, что бунтовщики держали его силой и чуть не убили. Конец дела не сохранился, но, судя по более поздним документам, Енгальчеву удалось оправдаться³⁰.

Сыновьями Кереша, скорее всего, являлись Ивакай и Елизар. У Ивакай известны дети Тимофей (в службе

с 1670/71 г.)³¹ и Алмакай³². У Алмакая упоминается сын Чинай³³. У Елизара известны следующие потомки: Елизар – Аюкай – Чапкун – Тохтар – Аюп – Абдула и Яхъя. Возможно, у Аюкая был еще один сын, в крещении Александр (в рейтарской службе с 1670/71 г.)³⁴.

Помимо этого известно значительное число упоминаний отдельных представителей рода, которые выстраиваются в короткие цепочки в 2–3 поколения. Приведем их. Так, у Сюнбая (можно предположить, что это сын Еналея ибн Енгиля ибн Янгальча) известны дети Будалей (упомянут в 1690 г.)³⁵ и Сафар. Сафар являлся вторым мужем Ураз-Салтавы (1679 г.)³⁶, дочери Умрая (Умракей, Урмаш) мирзы Нураева (Муралеева) сына князя Енгальчева и его жены Кудафы³⁷. Первым ее мужем был Давыд мирза Макшеев³⁸ (Манькеев?) сын Енгальчев³⁹. Поступил на службу в 1673 г.⁴⁰. Возможно, у Давыда имелся брат Елисей⁴¹. Урмаш (Умрай) Муралеев поступил в службу в 1651/52 г.⁴². Убит под Чигирином в 1678 г. Его вдова получила прожиточные поместья в Кадомском и Керенском уездах⁴³. У него известен брат Илья (в рейтарах с 1659 г.)⁴⁴. При определенном желании эти данные можно присоединить к той или иной упомянутой ветви рода, сославшись на ошибку писца в передаче того или иного имени. Однако подобный подход чреват серьезными ошибками. Известен некий Сюнбай Исламов, служивший по Кадому с 1659 г. и умерший после 1673 г.⁴⁵. В 1690 г. упоминается также некий князь стольник Михаил Ильин (новокрещен с 1680 г.)⁴⁶. Но мы не можем утверждать, что его отец это Илья Муралеев. В свою очередь, у Михаила упоминаются братья Петр (стольник, князь новокрещен с 1680 г.) и Федор. В конце XVII в. отмечены также стольники князя Семен Мердяшев и Петр Баймашев (новокрещен с 1680 г.). 5 июня 1687 г. некий Ак-Мухаммед ибн Килмамет князь Енгальчев был назначен ротмистром над шацкими мирзами

и татарами (97 человек)⁴⁷. Высказывается мнение, что это представители боковой ветви, восходящей ко второму Янгальчу ибн Бедишу. Это возможно, но абсолютно непонятно, почему не сохранилось никаких упоминаний о представителях 2–4 промежуточных поколений. Скорее всего, данные лица все-таки имеют отношение к основной линии рода. Логичнее предположить, что к боковой ветви относятся мирзы Енгальчевы без прибавления «князь» перед родовым прозвищем. Возможно, при последующем изучении фондов Темниковской (Ф. 1167) и Темниковской (1122) приказных изб, а также отдельных документов Разрядного приказа (Ф. 210) в собрании РГАДА, наши знания о ранней генеалогии рода со временем расширятся.

Таким образом, мы видим, что Енгальчевы достаточно долго были связаны исключительно с Кадомским уездом. Однако разрастание рода и, как следствие, хроническое малоземелье требовали приискания новых поместий. В результате этого отдельные представители рода были испомещены на территории нынешнего Шацкого района. Они принимали самое активное участие практически во всех войнах России второй половины XVI – XVII вв. Однако в первую очередь из-за своего малоземелья не смогли достичь сколь-либо видного положения. В XVII в. это верхушка (судя по размерам денежного жалования и поместного оклада) кадомских татар и рейтары в полках иноземного строя. Кардинально изменить свое положение смогли только те представители рода, что приняли православие.

На этом наши знания о представителях данного рода ограничиваются. Данные по XVIII в. на настоящий момент отсутствуют. По XIX в. имеются только отрывочные сведения.

12 июля 1715 г. по указу Петра I все отказавшиеся креститься служилые татары были переведены в разряд государственных крестьян. Енгальчевы не были исключением. Представители

ли данного рода, оставшиеся верными исламу, известны в деревне Тархань (ныне Шацкий район). В 1845 г. здесь упоминаются недавно рожденные дети мирз, претендующих на дворянство: Изигалей и Ифейзулла Кадралеевы, Енгалычевы (15 декабря 1838 г. рождения), Огубай (Губай) Усманов Енгалычев (1840 г. рождения). Помимо этого в деревне Резанова упомянут некий Усман Ахмятев Енгалычев⁴⁸. В конце XIX в. в д. Тархани известен Азиз Маджитович Енгалычев (1890–1963 гг.) и две его сестры, Заида и Саджида, дети Маджита и Гульбухар. Азиз был женат на Сафии, дочери Хасана Адельшаевича Енгалычева (староста мечети и села) и Айши. У Сафии имелись сестры Раиса, Нафиса и Хайриса. Это были достаточно зажиточные семьи. На настоящий момент автору известны только представители данной ветви рода. По устным рассказам ныне живущих представителей данного рода во время раскулачивания 30-х гг. XX в. и последующих событий Енгалычевы

вынуждены были покинуть д. Тархань. Через какое-то время некоторые из них оказались в республиках Средней Азии и селе Бастанове⁴⁹ (Сасовский район Рязанской области). В настоящее время большинство из них проживают в г. Сасово. Некрополь рода находится на старом татарском кладбище в с. Бастанове.

К сожалению, восстановить полную генеалогию рода на настоящий момент не представляется возможным. Для этого нужны последующие серьезные изыскания. В первую очередь нам могут помочь дела о дворянстве, хранившиеся в Тамбовском Дворянском Депутатском собрании. Хотя, как видно из дел Тверского Дворянского собрания, интерес могут представлять подобные архивы всех губерний (Владимирская, Казанская, Московская, Пензенская, Рязанская), в родословные книги которых были внесены представители православных ветвей рода князей Енгалычевых. Но это тема следующих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернявский П. Генеалогия господ дворян внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. Т. I. Б.м., Б.г. – Л. 67. – № 377; Думин С.В., Гребельский П.Х. Князья Енгалычевы // Дворянские роды Российской империи. Князья. – Т. III. – М., 1997. – С. 136–143; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М.: Б.м., 2006. – С. 154–155; Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 3: Давыдовские – Иллиневы // Труды и исследования по рязанскому краеведению. – Т.10. – Рязань, 2008; Хамомото Мами. Русификация мусульманской верхушки и русская аристократия (На примере родословия Нарбековых) // Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С.213–223.

² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Т. III / Сост. А.В. Антонов. – М.: «Древлехранилище», 2002. – С. 4–5. № 1, 22–23. № 26, 50. № 64, 190. № 232; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. I. – Саранск: Изд. Мордов. научно-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при СНК МАССР, 1940. – С. 147–147. № 20; РГАДА. Ф. 1167. Темниковская приказная изба. Оп. 1. № 129. Л. 2–4; № 273; № 452; № 717. Л. 2–3.

³ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Т. III. / Сост. А.В. Антонов. – М.: «Древлехранилище», 2002. – С. 22–23. №26.

⁴ Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. – 2004–2005. – Рязань: «Край», 2006. – Вып. 2–3. – С. 358–380; Его же. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. – 2004–2005. – Рязань: «Край», 2006. – Вып. 2–3. – С. 381–405.

⁵ Пашикова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. – М.: «Древлехранилище», 2000. – С. 177. – № 154.

⁶ Это первый документально зафиксированный представитель рода. По поздним родословиям называется его отец – Мамат.

⁷ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Ч. 2. Кн. 6466.

⁸ Древняя российская вивлиофика. – Вып. 2. – М., 1790. – Ч. XV. – С. 14–15.

⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / Сост. А.В. Антонов. – М.: «Древлехранилище», 2002. – С. 22–23, №26.

¹⁰ Древняя российская вивлиофика. – Вып. 2. – М., 1790. – Ч. XV. – С. 14–15, 81–82; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. I. – Саранск: Изд. Мордов. научно-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при СНК МАССР, 1940; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Т. III / Сост. А.В. Антонов. – М.: «Древлехранилище», 2002. – С. 22–23, №26.

¹¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. II. – Саранск: Изд. Мордов. научно-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при СНК МАССР, 1940. – С. 59–62.

¹² Чернявский П. Генеалогия господ дворян внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. – Т. I. – Б.м., Б.г. 219 л.

¹³ Козляков В.Н. Две малоизвестные коллекции столбцов XVI–XVII вв. // Рязанская вивлиофика. – Вып. 2. – Рязань, 2001. – С. 69, №228.

¹⁴ Чернявский П. Указ. соч.

¹⁵ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 71, №246.

¹⁶ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М.: Б.м., 2006. – С. 154. Следует отметить, что данный автор приводит данные и об иных Енгальчевых, в первую очередь, по ряду причин оказавшихся за пределами Мещеры. Но в своем большинстве это только однофамильцы. Мы вынуждены проигнорировать данные по ряду представленных автором персоналий, в том числе и на территории Шацкого уезда (село Малый Студенец). К тому же исследователь не смог разобраться в природе титула «князь».

¹⁷ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 48, 50, № 18, 39.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1122 (Кадомская приказная изба). Оп. 2. Д. 2137. Л. 2

¹⁹ РГАДА. Ф. 1167 (Темниковская приказная изба). Оп. 1. 2088. Л. 25.

²⁰ Здесь и далее информация о стольниках новокрещенах 1680 г. дается по боярскому списку 1706 г. (zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=info).

²¹ Габдуллин И.Р. Указ. соч. – С. 154–155.

²² Чернявский П. Указ. соч. Следует отметить, что в семье Енгальчевых достаточно часто встречаются ситуации, когда браки, в том числе повторные, заключались между представителями разных ветвей одной семьи. Первоначально это делалось с той целью, чтобы земли не уходили из рода. Подобные браки известны среди сасовских татар уже в XX в. Но теперь это скорее следствие большой разветвленности рода. Хотя в мусульманских семьях по-прежнему не всегда одобряются браки с представителями иных конфессий.

²³ Думин С.В., Гребельский П.Х. Князья Енгальчевы // Дворянские роды Российской империи. Князья. Т. III. М., 1997. – С. 137.

²⁴ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 47–48, №9, 12.

²⁵ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 52, №53.

²⁶ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 48, №12.

²⁷ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 586. Л. 83.

²⁸ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 65, №180.

²⁹ Козляков В.Н. Указ. соч. – С. 66, 68, 70, №189, 213, 234.

³⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – Т. III. – М.: Наука, 1962. – С. 327–328.

³¹ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 2137. Л. 30.

³² РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 515.

³³ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 615.

³⁴ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 1422. Л. 4.

- ³⁵ *Козляков В.Н.* Указ. соч. – С. 66. № 189.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 521.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 653.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 653.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 521.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 585. Л.1.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1122. Д. 893.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 2137. Л. 29.
- ⁴³ *Козляков В.Н.* Указ. соч. – С. 58, № 115.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2088. Л. 43.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2137. Л. 12.
- ⁴⁶ *Козляков В.Н.* Указ. соч. – С. 65, № 186.
- ⁴⁷ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Вып. XXIV. – Тамбов, 1889. – С. 33–34.
- ⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф.285. Оп. 4. Д. 1324.
- ⁴⁹ Одно из древнейших сел Мещеры. Впервые упоминается в 1515 г. (РГАДА. Ф. 89 (Турецкие дела). Оп. 1. Д. 1. Л.). Уже тогда оно, судя по всему, играло более чем заметную роль. Можно предположить, что это был какой-то значительный татарский центр, возможно административный, предположительно ценских татар.

Аннотация

В статье освещается ранняя история (XVI–XVII вв.) рода кадомских князей Енгальчевых, прежде всего ветвей, не принявших православия и связанных с Мещерским краем (Кадомский и Шацкий уезды).

Ключевые слова: родословная, князя Енгальчевы, Мещерский край, служилые татары.

Summary

The article deals with the early history (XVI–XVII cc.) of the generation of the Kadomsky princes Engalychevy, first of all the branches which did not adopt Orthodoxy and those, connected with the Meshersky region (Kadomsky and Shatsky districts).

УДК 94+39

ПОЧЕМУ ЧИНОВНИЧЕСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НЕ СТАЛО БЮРОКРАТИЕЙ?

Р.Ю. Почекаев, кандидат юридических наук;

Л.Ф. Абзалов, кандидат исторических наук

Бюрократия определяется как «специфическая форма социальных организаций в обществе (политических, экономических, идеологических и др.), существо которой заключается, во-первых, в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации, во-вторых, в главенстве формы над содержанием деятельности этой организации, в-третьих, в подчинении правил и задач функционирования организации целям ее сохранения и укрепления»¹. Думается, применительно к историко-правовой сфере можно определить стиль управления как бюрократический в том случае, когда наблюдается расширение полномочий чиновничье-бюрократического аппарата, сопровождающееся формированием особой, замкнутой и иерархизированной прослойки общества, власть которой нередко носила характер, довольно автономный от воли монархов.

Бюрократический строй существовал и в тюрко-монгольских государствах. Примерами его являются Монгольская империя при ближайших преемниках Чингис-хана, империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране. Бюрократический строй в них характеризуется не только наличием сложной и разветвленной структуры чиновного аппарата, постоянно действовавшего в определенном месте (стационарно). Для этих государств была также характерна деятельность чиновников-временщиков (Елюй Чу-

цай, Рашид ад-Дин) и даже появление целых могущественных чиновных кланов, сосредоточивавших в своих руках крупные посты и передававших их по наследству (род Джувейни в Иране, династия Махмуда Йалавача в Чагатайском улусе, род Сейида Аджаля в Юань).

Ничего подобного не встречается в Улусе Джучи – Золотой Орде. Почему же в этом государстве, политико-правовое развитие которого во многом соответствовало развитию и империи Юань и, в особенности, государства ильханов в Иране, не сложилось собственной бюрократии, как в этих государствах? Почему нам неизвестны имена золотоордынских Елюев Чуцаев и Рашид ад-Динов?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проследить историю развития чиновного аппарата в Золотой Орде, проанализировать статус чиновников, их место в социальной структуре золотоордынского общества². Эти аспекты, насколько нам известно, до сих пор не привлекали внимания исследователей. Специалисты уделяли внимание изучению государственного аппарата (И.Д. Беляев, И.Н. Березин, Г.С. Саблуков), языку ханской канцелярии и формам делопроизводства (И. Вашари, А.П. Григорьев, М.А. Усманов, Ф.Ш. Нуриева), тогда как правовое положение чиновников и их роль в государстве чаще всего оставались за пределами их исследовательских интересов.

Полагаем, одной из главных причин отсутствия бюрократии в Золотой Орде стало *отсутствие бюрократических традиций в странах и регионах, которые вошли в состав Улуса Джучи*, – в первую очередь, в ключевых для нее Дешт-и Кипчаке и Волжской Булгарии. Учитывая достаточно высокий политический, социально-экономический и культурный уровень развития Волжской Булгарии, можно предположить наличие здесь определенных чиновничьих традиций. Однако по причине скудости письменных источников сказать что-либо определенное о бюрократических традициях Волжской Булгарии мы не можем³. Еще в меньшей степени можно говорить о развитом чиновном аппарате применительно к кипчакским ханствам – сама структура и социально-экономический уклад их кочевого общества не предполагали наличия формализованного аппарата управления⁴. Гораздо более развитым в этом плане был еще один стратегически важный для Золотой Орды регион – Хорезм, однако его отдаленность от центральных регионов Золотой Орды не позволила богатым и развитым хорезмийским традициям существенно повлиять на золотоордынскую государственность в целом.

Следует принять во внимание, что первоначально чиновники, исполнявшие управленческие функции в Золотой Орде и вассальных ей государствах, являлись служащими не золотоордынских правителей, а монгольского хана, являвшегося их верховным сюзереном⁵. В этих условиях становится понятным, почему в самой Золотой Орде изначально не был сформирован собственный многочисленный и разветвленный чиновный аппарат.

Позднее, когда Золотая Орда приобрела статус независимого государства и в составе ее аппарата управления появились собственные чиновники, их значение оставалось сравнительно небольшим, поскольку кочевая часть населения Улуса Джучи была преобладающей и ее представители пользова-

лись в государстве большим влиянием, нежели представители оседлой части населения. В связи с этим не было необходимости в наличии значительного штата чиновников с широкими полномочиями. Подтверждением этого нашего предположения служит тот факт, что когда в начале первой половине XIV в. городская инфраструктура Золотой Орды получила значительное развитие, в государстве, и в самом деле, начал функционировать мощный чиновный аппарат⁶. Однако уже во второй половине XIV в. Золотую Орду сотрясали сначала многолетняя гражданская война (в русских летописях – «замятня великая», 1360–1370-е гг.), а затем – и серия иноземных походов, которые привели к упадку городской инфраструктуры. В результате развитые традиции чиновнической деятельности в Улусе Джучи просто-напросто не успели сложиться.

Второй причиной отсутствия бюрократии в Золотой Орде мы считаем *иноземное происхождение золотоордынских чиновников, в силу которого они не смогли стать «своими» для золотоордынской знати и населения, сохранив обособленное положение*.

Представители тюрко-монгольской знати не имели возможности сформировать аппарат управления из числа своих сородичей, поскольку те в большинстве своем не знали грамоты и делопроизводства. В связи с этим им приходилось изначально привлекать в качестве чиновников выходцев из стран с развитой бюрократической традицией. Источники сообщают, что уже при первом золотоордынском правителе – Джучи, сыне Чингис-хана – были уйгуры-секретари (битикчи) (одним из них, в частности, был Куркуз, ставший впоследствии наместником великого хана в Иране⁷). Уйгуры составили значительную часть золотоордынского чиновничества. Впоследствии управленческий аппарат государства Джучидов пополнился за счет выходцев из мусульманских стран и регионов – в первую очередь, из Ирана и Хорезма⁸.

На протяжении всей истории этого государства чиновники так и не «срослись» ни с правящей верхушкой, ни с местным населением, по всей видимости, навсегда оставшись в их глазах «чужими», «пришельцами». Золотоордынское чиновничество представляло собой довольно замкнутую «корпорацию», базировавшуюся на системе собственных ценностей, можно даже сказать – имеющую собственную субкультуру. Это отражалось в сохранении определенных культурных и, возможно, религиозных ценностей, которые так и не были ассимилированы тюрко-монгольской культурой Золотой Орды, а также, возможно, и в преемственности чиновничьих постов. Есть основания полагать, что чиновничьи должности передавались от отцов к сыновьям, наследовавшим отцовские знания и ценностные ориентации. Сведения о передаче чиновничьей должности от отца к сыну, обладавшему соответствующими знаниями, содержатся у Джувейни (правда, случай, упомянутый персидским историком, имел место в Иране, а не в Золотой Орде)⁹.

Наиболее ярко сохранение «корпоративных» ценностей проявилось в уйгурской части чиновничества. Археологические исследования последних лет позволяют утверждать, что еще в XV в. в Золотой Орде существовала значительная буддийская диаспора – на территориях, некогда входивших в состав Улуса Джучи, обнаружено немало захоронений ордынского времени, выполненных в буддийских традициях. Вполне вероятно, что эти захоронения в большинстве своем могли принадлежать уйгурским чиновникам или членам их семей. Соблюдение буддийских канонов захоронения свидетельствует и об относительной замкнутости этой профессиональной группы¹⁰.

Высокий профессионализм уйгурских чиновников отмечается и современниками, и последующими исследователями. Их деятельность считалась своеобразным эталоном для чинов-

ников, примером для подражания. Так, например, Ата-Малик Джувейни писал (правда, осуждая современные ему нравы): «Они считают уйгурский язык и письменность вершиной учености»¹¹. В результате, несмотря на активное привлечение к управленческой деятельности мусульманских чиновников, делопроизводство Золотой Орды навсегда сохранило четкость, лаконичность и, можно сказать, некоторую сухость уйгурской делопроизводственной традиции и уйгурского канцелярского стиля. Примечательно, что этот стиль употребляется также и в документах постордынских государств (в частности, в сохранившихся до нашего времени актовых материалах Крымского, Казанского и Сибирского ханств), несмотря на то, что они в большей степени стали ориентироваться на мусульманский тип государственности.

Таким образом, на протяжении почти всей истории Золотой Орды ее делопроизводство базировалось на традициях, созданных чиновниками-уйгурами. При некоторых ханах (как например, при Токте и в начале правления Узбека) уйгуры-буддисты (по-видимому, представители духовенства и чиновничества) даже пользовались значительным влиянием и занимали видное положение при ханском дворе, что нашло отражение в восточных средневековых сочинениях. Так, например, арабский автор ал-Бирзали пишет, что Токта «любил уйгуров, т.е. лам и волшебников и оказывал им большой почет»; Ибн Касир также отмечает, что Токта «любил лам»¹². Хивинский автор XVI в. Утемиш-хаджи упоминает о «неверных колдунах и неверных жрецах», пользовавшихся влиянием в начале правления Узбека¹³. Когда хан Узбек установил ислам в качестве государственной религии Золотой Орды, позиции буддийского духовенства и видных чиновников-уйгуров, по-видимому, существенно пошатнулись, и многие из них подверглись преследованиям, о чем упоми-

нают средневековые арабские авторы. Так, например, вышеупомянутый ал-Бирзали сообщает, что Узбек «умертил большое количество уйгуров, т.е. лам и волшебников»¹⁴.

Однако уровень профессионализма уйгурских управленцев был столь высок и общепризнан, что чиновники-исполнители, по-видимому, сохранили должности и продолжали исполнять свои служебные обязанности и при Узбеке, и при его преемниках. В сохранившихся до нашего времени золотоордынских ярлыках, изданных при хане Узбеке и позднее, в качестве их составителей указаны как катибы (писцы-мусульмане), так и бахши (писцы-уйгуры).¹⁵ Документы уйгурского письма известны, как минимум, до 1420-х гг.: вспомним, например, забавный эпизод из истории золотоордыно-египетской переписки, когда в Египет было доставлено послание хана Улуг-Мухаммада, которое никто не смог прочесть, поскольку среди египетских чиновников не оказалось ни одного, владевшего уйгурским языком¹⁶.

Уйгуры, по-видимому, стали в какой-то степени заложниками собственного профессионализма: являясь превосходными «техническими исполнителями» (составителями документов, организаторами делопроизводственной работы), они практически никогда не привлекались к более широким управленческим функциям – управлению областями, сбору налогов и пр.¹⁷ Уйгуры же так и оставались служащими (или даже руководителями) канцелярии, управленцами среднего звена, тогда как более высокие должности занимали и более разнообразные функции выполняли чиновники-мусульмане или же представители тюрко-монгольской аристократии.

Что касается мусульманской части золотоордынского чиновничества, то у ее представителей было больше шансов выдвинуться, чем у их уйгурских коллег. Прецеденты головокружительной карьеры иностранных чиновников

в мусульманских государствах широко известны – так, высшие государственные посты в Багдадском халифате или Сельджукском султанате нередко занимали иностранные (чаще всего персидские) чиновники: можно упомянуть, в частности, сановную династию Бармакидов при халифе Харуне ар-Рашиде или везира Низам ул-Мулка при сельджукском султани Маликшахе. Чиновники-мусульмане играли заметную роль и в государствах Чингизидов. Нам хорошо известны имена хорезмийца Махмуда Йалавача и его сына Масуд-бека, создавших целую династию наместников Чагатайского улуса или бухарскую сановную династию Сейида Аджала, представители которой управляли рядом областей в империи Юань¹⁸.

Причины выдвижения мусульманских чиновников в мире ислама и в тюрко-монгольских государствах были различны. Так, в Халифате или государстве Сельджуков возвышение иноземных чиновников может быть объяснено тем, что они были, в первую очередь, мусульманами, а уже во вторую – персами, тюрками, арабами и пр. Таким образом, «чуждое» с национальной точки зрения происхождение иностранных чиновников с лихвой компенсировалось приверженностью к той же вере, к какой принадлежали правители и большинство населения этих стран¹⁹. В Монгольской же империи и империи Юань иноземные мусульманские чиновники делали значительную карьеру по той причине, что иностранцы в принципе пользовались преимуществами по сравнению с местным населением. Особенно ярко это проявилось в империи Юань, где китайское население официально имело статус «людей второго сорта» по сравнению с монголами и выходцами из мусульманских стран.

Такого не могло быть в Золотой Орде, несмотря на то, что и в ней иностранцам был предоставлен режим наибольшего благоприятствования²⁰. Впрочем, ислам в этом государстве даже

после религиозной реформы Узбека не стал основным объединяющим фактором, и местное население вплоть до падения Золотой Орды являлось совокупностью представителей монгольских, тюркских и иных племен, населявших ее территорию. И уже во вторую очередь они считали себя мусульманами, либо представителями других конфессий. Во-вторых, иностранцы в Золотой Орде не могли добиться такого влияния, как, например, в империи Юань, поскольку этого не допустила бы местная тюрко-монгольская аристократическая верхушка, которая отнюдь не собиралась делиться властью ни с кем, и в особенности – с иностранными чиновниками.

Тем не менее исламизация Золотой Орды, казалось, открыла чиновникам-мусульманам новые перспективы для карьерного роста и увеличения их влияния в государстве. После того как хан Узбек сделал ислам государственной религией, а к своему ханскому титулу добавил еще и мусульманский титул султана, исламские управленческие институты заняли значительное место в административной системе Золотой Орды. Это подтверждается, в частности, ханскими ярлыками, в которых наравне с представителями тюрко-монгольской администрации начинают упоминаться кадии, муфтии и другие представители мусульманских административных структур²¹. Упоминание их в ярлыках свидетельствует о том, что мусульманские чиновники получили определенные полномочия или привилегии в сфере управления и налогообложения – не случайно в тарханных ярлыках им предписывается воздерживаться от действий в отношении пожалованных лиц (тарханов), следовательно, в отношении непривилегированной части населения они такие действия могли совершать. Тем не менее и мусульманские чиновники не сумели добиться значительного влияния в политической жизни Золотой Орды, что объясняется третьей из выделенных нами причин – *полной зави-*

симостью чиновного аппарата от ханов Золотой Орды (или их областных наместников, если речь идет о региональной администрации).

Даже высшие представители чиновничества в Золотой Орде были в полной мере подчинены хану и целиком и полностью зависели от его расположения. Рассмотрим это на примере статуса везира, который являлся фактически министром финансов и начальником ханской канцелярии. До недавнего времени считалось, что пост везира обычно занимал один из карачи-беев – виднейших предводителей тюрко-монгольской кочевой аристократии, следующий по значению после бекляри-бека (военного министра Золотой Орды)²². Однако мы считаем такое мнение ошибочным: к везиру предъявлялись слишком специфические профессиональные требования, которыми не обладали степные аристократы. В персидском сочинении середины XIV в. «Дастан ал-Катиб» приводится образец ярлыка о назначении на должность визиря, содержащий довольно подробное описание его прав и обязанностей. Он осуществлял надзор за всеми диванами, особенно за диваном государственной казны, а также за ханскими мастерскими (карханэ), конюшней и кухней²³. Для исполнения таких обязанностей везир должен был обладать компетентностью в вопросах экономики и управления и поэтому, скорее всего, принадлежал не к военной знати, а к бюрократическим кругам. Кажется, единственным везиром тюркского или монгольского происхождения (судя по имени) был Сарай-Тимур, занимавший этот пост при хане Бердибеке, однако он получил свой пост благодаря близкому родству с ханским домом, поскольку являлся двоюродным братом хана Узбека (деда Бердибека) по материнской линии²⁴. Другие же золотоордынские везиры, имена которых нам известны, были мусульманскими чиновниками – у Берке везиром был перс Шараф эд-Дин ал-Казвини; у Джанибека – Хусам

эд-Дин Махмуд по прозвищу «Диванный»²⁵.

Однако занятие должности везира, несмотря на ее значимость, все же не означало, что чиновник, занявший ее, автоматически становился одним из самых влиятельных деятелей в Золотой Орде. Это прямо отмечается арабским энциклопедистом ал-Омари, который сравнивает значение везира в персидском государстве Хулагуидов и Золотой Орде. Так, согласно этому автору, в Иране «Решают же дело не иначе как через визиря, а визирь решает дело без них, отдает приказания наместникам их и вписывает имена их (в ярлыки). Визирь настоящий султан (sic! – *Р. П.*), единовластно распоряжается денежной частью, управлением и смещением их, даже в самых важных делах, (точно так) как беклярибек распоряжается единолично в деле войсковом»». Сравнивая Иран с Золотой Ордой, ал-Омари отмечает, что в последней «Управление султана... (такое же как) управление государством Ирака и Аджема, относительно числа эмиров, узаконений и службы, но здесь... у начальника улуса и у визиря нет (такого) права распоряжаться по своему усмотрению, как у начальника улуса и у визиря в том (Иранском) государстве...»²⁶.

Везиры (или чиновники, занимавшие аналогичные должности в государствах, где институт везирата отсутствовал) в ряде государств Чингизидов нередко становились всемогущими временщиками: примеры тому – Елюй Чу-цай и Абд ар-Рахман при Угедэе и Туракине в Монгольской империи, Сад ад-Доула и Рашид ад-Дин в государстве ильханов. В Иране такой статус везира был закреплен официально, в ханских ярлыках, в которых предписывалось «считаться с его мнением и совершенными мыслями в мероприятиях по устройству дел страны, в (установленных) правилах царства, веры и основ законов государства... (Нельзя) отклоняться ни на (один) волосок от его слов и совета в общественных де-

лах, в которых (заключено) благо для народов»²⁷. Помимо везира, в Иране весьма широкими полномочиями обладал и глава дивана – улуг-битикчи: гражданские и военные чиновники всех уровней обязаны были именно с ним (а не с ханом!) согласовывать свои управленческие решения²⁸. Совсем иная ситуация складывалась в Золотой Орде, особенности статуса канцелярской службы которой мы считаем еще одной причиной того, что джучидским чиновникам так и не удалось стать всемогущей бюрократией.

Ни один хан Золотой Орды не представлял везиру и тем более улуг-битикчи таких значительных полномочий, как правители Монгольской империи, Чагатайского улуса или Ирана. Вероятно, в первую очередь, это было связано с влиянием могущественных тюрко-монгольских кланов, глава которых, бекляри-бек, обычно и являлся фактическим правителем при слабом золотоордынском монархе (тогда как при сильном – вторым лицом в государстве). Кроме того, чиновный аппарат в Золотой Орде всегда являлся не самостоятельным управленческим институтом, а лишь группой профессионалов, обслуживавших управленческую деятельность хана или областных правителей.

Именно поэтому канцелярия всегда находилась при хане или наместнике области под их постоянным контролем и не вела дела в его отсутствие. Нормативные акты всегда также подписывались самим ханом или наместником, а не отдавались «на откуп» чиновникам, как это было, например, в Монгольской империи. Так, например, известно, что регентша Туракина выдавала временщику Абд ар-Рахману пустые бланки с уже поставленной на них ханской тамгой, и он мог вписывать туда какие угодно решения; а ее сын Гуюк даже не смотрел приносимые ему на подпись документы²⁹. В государстве Хулагуидов у везиров была даже собственная тамга, которой они заверяли документы³⁰. Золотоордынские ханы и

наместники всегда сами «визировали» документы, издававшиеся от их имени и, таким образом, именно они принимали окончательное законодательное или управленческое решение³¹. По некоторым сведениям, в ханской кочевой ставке даже имелся собственный монетный двор³², так что постоянное пребывание при ней и ханской канцелярии выглядит вполне логичным и последовательным. Таким образом, чиновный аппарат являлся «мобильным институтом», неразрывно связанным с ханом или наместником области и постоянно находившимся при нем. Нам не известно ни одного сообщения источников о том, что канцелярия или диван в Золотой Орде действовали в отсутствие хана или в период междуцарствия, когда ни хана, ни регента не имелось – а ведь это стало бы главным доводом в пользу существования бюрократии!³³ Напротив, согласно сведениям Ибн Баттуты, работа чиновников осуществлялась в приемной их начальника – арабский путешественник сообщает о том, как чиновники судебного ведомства работали в Хорезме: «... каждый день кади приходит в его (эмира Тимур-Кутлуга, наместника Хорезма. – *Р.П.*) приемную и садится на отведенное ему сиденье; вместе с ним [являются] праведы и писцы. Насупротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь [других] старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи [яргучи]; к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры»³⁴.

Как известно, каждый новый хан, вступая на трон, обычно менял весь высший аппарат управления путем издания ярлыков, которыми подтверждал или отменял назначения, сделанные его предшественником. Даже если сановники, назначенные прежним монархом, и сохраняли свой пост, все равно формально они заново утверждались в должности новым

ханом. Надо полагать, это относилось и к чиновникам – по крайней мере, к руководителям ханской канцелярии и диванов, т.е. везирам и битикчи: они должны были получить от нового хана свой пост и, следовательно, их карьера целиком зависела от расположения к ним хана. И «рычагов давления» на него, как у представителей кочевой аристократии, у чиновников не было по причинам, рассмотренным выше.

Мало исследован вопрос о том, как оплачивался труд золотоордынских чиновников³⁵. Однако полагаем, что и этот аспект делал их зависимыми от ханов и их воли. В Европе чиновники, независимо от положения властей, получали постоянно жалование³⁶. Чиновники Золотой Орды, по-видимому, существовали за счет вознаграждений, которые получали за свои действия от тех, в чьих интересах эти действия совершались³⁷. В европейской правовой традиции подобная практика считалась взяточничеством, однако на Востоке она была широко распространена и вполне легитимна³⁸. А поскольку окончательное решение по любому управленческому вопросу оставалось за ханом или наместником области, то те, кто готов был платить чиновникам за их действия, были заинтересованы в обращении к ним, если могли быть уверены, что хан (или наместник) одобрит действия чиновников. Соответственно, если хан отсутствовал или его просто не было (в период междуцарствия), чиновники не могли гарантировать просителям легитимность своих действий, а соответственно, не могли и рассчитывать на вознаграждение.

Тесную зависимость чиновничества от золотоордынских монархов подтверждает и тот факт, что с упадком централизованной ханской власти наблюдается и упадок чиновничества, кризис управленческих органов, снижение количества чиновников. Такие ситуации имели место во время длительной гражданской войны в Золотой Орде 1360–1370-х гг., а также во второй

трети XV в., когда Улус Джучи окончательно распался на ряд независимых государств. На это указывает, в частности, значительное снижение числа канцелярских актов, фактическое исчезновение из употребления целых категорий ханских ярлыков и других нормативных актов: с конца XIV – начала XV вв. ханские канцелярии составляют преимущественно тарханские и суйургальные грамоты³⁹. Когда же в 1380 г. на трон вступил хан Токтамыш, объединивший Золотую Орду после смуты, а на рубеже XIV–XV вв. у власти находился могущественный временщик Едигей, также борющийся за централизацию власти в Джучидском государстве, наблюдалось некоторое возрождение и чиновного аппарата,

увеличение числа его представителей. Однако с окончательным расколом и упадком Золотой Орды разрушается и его чиновный аппарат.

Что же касается статуса чиновничества в постордынских государствах, в частности в Казанском и Крымском ханствах, то оно сохранило значительную часть золотоордынских традиций канцелярии и делопроизводства (что, в первую очередь, отразилось на языке и стилистике актовых материалов этих ханств, но при этом было организовано и функционировало в большей степени в соответствии с мусульманской, а не тюрко-монгольской традицией, так что его статус существенно отличался от статуса чиновников Золотой Орды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая Советская энциклопедия. Т. 4. М., 1971. – С. 209.

² Сразу считаем целесообразным оговорить, что речь пойдет именно о чиновниках гражданских, т. е. канцелярских работниках ханов или наместниках областей, а не о военно-административном аппарате (бекляри-бек – темники – тысячники – сотники и пр.), который формировался и действовал на совершенно иных принципах.

³ История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006. – С. 139–150.

⁴ См.: *Плетнева С. А.* Половцы. – М., 1990. – С. 110 и след.

⁵ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – СПб., 2002. – С. 222–226.

⁶ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. – С. 101, 121–122.

⁷ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. – М.; Л., 1952. – С. 142.

⁸ См. подробнее: *Абзалов Л. Ф.* Формирование канцелярской службы в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. – С. 176.

⁹ Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. – М., 2004. – С. 374.

¹⁰ *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М., 2009. – С. 204 и след.

¹¹ Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. – С. 6.

¹² История Казахстана в арабских источниках. Т. I: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. Алматы, 2005. – С. 143, 205. Были высказаны предположения, что сам хан Токта и его тесть (по другим сведениям – дед) Салджидай-гурген сами были буддистами, см.: *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды. – С. 199–200.

¹³ *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Пер., примеч., исслед. В. П. Юдина. – Алма-Ата, 1992. – С. 105.

¹⁴ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 144.

¹⁵ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб., 2002. – С. 71, 74.

¹⁶ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 376.

¹⁷ Единственное, известное нам, исключение – карьера уйгура Куркуза, «секретаря» Джучи, который в правление Угедэя стал наместником Хорасана, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. – М.; Л., 1960. – С. 46, 123.

¹⁸ См.: История Казахстана в персидских источниках. Т. I: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введ., пер. с араб-перс., коммент. Ш.Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы, 2005. – С. 127–130; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. – С. 179, 194–195.

¹⁹ Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в средневековой Европе, где чиновники иностранцы могли добиться высоких постов в любом государстве, поскольку в большинстве своем являлись представителями католической церкви, пользовавшейся одинаковым авторитетом во всех странах Западной Европы. См.: *Kim K. Aliens in Medieval Law. The origins of modern citizenship.* Cambridge, 2000. P. 60 и след.

²⁰ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Статус иностранцев в Золотой Орде (XIII–XIV вв.) // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: Материалы VIII международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2007 года Ч. II. СПб., 2007. – С. 370–371.

²¹ Считаю необходимым отметить, что самое раннее упоминание мусульманских чиновников в сохранившихся до нашего времени ханских ярлыках присутствует лишь в ярлыке Токтамыша Бек-хаджи, датированном 1380 или 1381 г., т.е. более чем полвека спустя после того, как Узбек сделал ислам государственной религией (*Григорьев В.В., Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. № 1. 1844. С. 3; *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея. Казань, 1851. С. 15). В сохранившихся ярлыках и самого Узбека, и его преемников – Джанибека, Бердибека, Мухаммеда-Булака (Туляка) – мусульманские чиновники не фигурируют. Однако следует иметь в виду, что эти ярлыки сохранились лишь в переводах (латинских, итальянских, русских), тогда как ярлык Токтамыша – один из немногих золотоордынских документов, дошедших до нас в подлиннике. В связи с этим рискнем предположить, что в этих ярлыках также могли упоминаться кадии, муфтии и другие представители мусульманских административных институтов, но при переводе на иностранные языки они были объединены в одну группу с «писцами» в русских переводах и с «*officiali*» в итальянских, поскольку иностранные переводчики не видели необходимости выделять их среди других чиновников. Наше предположение подтверждается также и тем фактом, что в ярлыке Тимур-Кутлука, также дошедшем до нас на тюрки, представители мусульманских административных институтов также упоминаются (*Березин И.Н.* Тарханные ярлыки... С. 10; *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 20–21]. Аналогичные обращения к представителям мусульманских институтов мы находим в ярлыках персидского ильхана Газана, сделавшего ислам официальной религией в государстве Хулагуидов, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. – М.; Л., 1946. – С. 238, 256, 273.

²² См., например: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов... С. 129, 208; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 339–340; *Schamiloglu U.* The Qaraqz Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1984. Vol. 4. P. 289.

²³ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца при определении сановных степеней // Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII – XIV вв. – Ашхабад, 1986. С. 107–109. См. также: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 99; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – М., 1966. – С. 105.

²⁴ История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М.Х. Абусейтовой, Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. – С. 203.

²⁵ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 75, 257.

²⁶ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 169, 186.

²⁷ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца... – С. 109–110.

²⁸ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца... – С. 110–111.

²⁹ *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965. С. 86; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. – С. 120.

³⁰ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. – С. 276

³¹ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. С. 169. См. также: *Алишев С. Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. – Казань, 2009. – С. 114.

³² См.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 109; *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 36. Ср.: *Гончаров Е.Ю.* Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг. х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Тр. Междунар. нумизматических конф. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М., 2008. – С. 58–59.

³³ Ярким примером бюрократического института является парижский парламент эпохи Столетней войны, который в первой трети XV в. продолжал свою работу и при безумном Карле VI, и во время английской оккупации Парижа, и в период, когда во Франции вообще не было короля, см.: *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 32–36. Подобная ситуация в Золотой Орде была бы просто-напросто невозможной, поскольку никаких собственных властных полномочий у чиновного аппарата не было.

³⁴ Цит. по: *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988. – С. 76.

³⁵ Собственно, нам известна лишь одна работа, в которой предпринята попытка исследовать этот вопрос: *Пономарев А.Л.* Структура распределения доходов среди населения Золотой Орды в 14–15 вв. // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. – М., 2000.

³⁶ Примером может служить тот же парижский парламент, члены которого во время Столетней войны даже в период, когда столица Французского королевства переходила из рук в руки, не только продолжали ежедневно участвовать в заседаниях, но и получали жалование, см.: *Цатурова С.К.* Офицеры власти... С. 36–41.

³⁷ Так, например, в «платежной ведомости» ханши Тайдулы, приложенной к ее письму венецианскому дожу (1359), предусмотрена «алафа», т.е. жалование армянину-переводчику, участвовавшему в разборе запутанного судебного дела, см.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов... – С. 206, 216.

³⁸ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Взятка или официальный сбор? К вопросу о подношениях представителям власти в тюрко-монгольских государствах // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань, 2009. – С. 177–178.

³⁹ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – С. 65.

Аннотация

Авторы статьи задаются вопросом, почему чиновники в Золотой Орде не приобрели таких властных полномочий, какие были у чиновников в других государствах Чингизидов. Чтобы ответить на этот вопрос, авторы проводят исследование происхождения золотоордынских чиновников, их статуса и эволюции. Авторы приходят к выводу, что чиновники не смогли стать властной элитой в Золотой Орде по нескольким причинам: во-первых, на территории Золотой Орды не существовало развитой бюрократической традиции; во-вторых, сами чиновники были иностранцами; в-третьих, централизованная ханская власть и зависимость чиновников от нее также не позволяли им стать самостоятельной силой.

Ключевые слова: чиновники, бюрократия, статус, Золотая Орда, ильханы, империя Юань.

Summary

The authors of the article try to answer the question why the officials of the Golden Horde didn't have so much power as their colleagues in other Genghis Khanids' states. To answer it the authors examined the origin of the Golden Horde officials, their status and its evolution. As a result, authors name some reasons why officials didn't become authoritative elite of the Golden Horde: absence of bureaucratic traditions on the territory of the Golden Horde; foreign origin of officials; centralized power of the Golden Horde khans and strong dependence of officials from the khans.

УДК 94(47)

КАСИМОВСКИЕ ТАТАРЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Ф.Л. Шарифуллина, кандидат исторических наук, доцент

На территории Рязанской области, в городе Касимове и нескольких сельских поселениях Касимовского района проживает компактная, немногочисленная группа татар, с уникальной историей формирования и развития в составе Русского государства. Численность касимовских татар, стабильно державшаяся в течение нескольких столетий в пределах 5–6 тысяч человек, к концу XX в. сократилась до 1040 человек. Миграционные процессы способствовали тому, что они стали самой урбанизированной группой среди волго-уральских татар. В настоящее время большинство касимовцев проживает в крупных городах России – Санкт-Петербурге, Москве, Рязани, Казани, Челябинске и др., а также в Средней Азии (Ташкенте, Самарканде, Бухаре), Казахстане (Алматы, Петропавловске), Прибалтике (Риге, Таллинне). Из статистических материалов последних лет видна тенденция возвращения касимовцев из Средней Азии и Казахстана на свою родину. В связи с притоком татарского населения, в начале XXI в. численность татар в городе Касимове и Касимовском районе возросла до 2 тысяч человек.

Начало формирования касимовских татар относится к середине XV в., когда на территории Русского государства, в условиях сложной политической обстановки, было образовано татарское ханство. Оно располагалось на территории Мещеры, центром которой являлся Городок (Городец Мещерский), известный впоследствии как Царевичев городок, Хан-Керман, Касимов.

Последнее название было получено от имени его владельца – золотоордынского царевича Касима. Предпосылки и причины образования татарского ханства не всегда трактовались буржуазными историками с объективных позиций. Так, В.В. Вельяминов-Зернов считал, что создание царства являлось добровольным актом со стороны московского князя и имело сознательный расчет: с одной стороны, с помощью касимовских татар охранять с юга русскую границу, с другой – «царька, родственника хана казанского всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань. Главнейшую опасность для Руси представляло царство Казанское; Казань, только что возродившаяся, еще свежая силами, грозила захватить власть в свои руки»¹. Эту точку зрения о причинах создания Касимовского царства поддерживали Н.М. Карамзин², Г.Перетяткович и другие российские историки³. Казанский ученый М.Г. Худяков полагал, что «на образование этого удела нельзя смотреть как на добровольную меру русского правительства, напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улуг – Мухаммадом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей»⁴.

В пользу касимовских ханов рязанские и московские великие князья были обязаны платить ясака, «выход». Об этом свидетельствуют тексты договорных грамот: «А что шло царевичю Касыму и сыну его Даньяру царевичю

с вашии земли при твоём деде..., а то тебе давати с своее земли царевичу Даныяру»⁵. Договорная грамота рязанских князей 1496 г. свидетельствует, что они платили татарскому царевичу ясак, который едва ли может быть чем-либо другим, как не тем самым, что шло царевичам Касиму и Данияру: «а имети ли у тебя выход и царевичев ясак с твоей отчины треть по старым дефтерям»⁶. Кроме дачи с Рязанской земли, в Царевичев городок, в пользу управляющего там царевича, шел от великого князя московского «выход» (то есть дань): «А дети мои... дают сыну моему Василию с своих уделов выходы в Царевич городок». До тех пор пока Рязанское великое княжение сохраняло кое-какую самостоятельность, «ясак», который давали рязанские князья в Царевичев городок, был обязательным от «выхода» Московского⁷.

По мнению историка советского периода М.Г. Сафаргалиева, причины и история образования Касимовского ханства были обусловлены феодальными распрями, характерными в 1-й пол. XV в. для Русского государства и Золотой Орды. Весной 1445 г. Улуг-Мухаммад, основатель Казанского ханства, отправил своих сыновей — Махмуда (Махмутека) и Якуба против князя Василия. Тот выступил к ним навстречу и попал в плен. За свое освобождение князь обязался дать хану откуп в двести тысяч рублей и выполнить ряд требований. Он возвратился в Москву с Касимом и Якубом и их дружиной. Вскоре, в том же году, судя по договорной грамоте, видно, что Городец Мещерский был отдан царевичу Касиму с уплатой ему «дани и «выхода»⁸. Следует отметить, что, кроме Городца, татарам были переданы другие города с их волостями. Царевичи Касим и Якуб в 1449–1450 гг. управляли также Звенигородом, который в 1493 г. перешел во владение Абдул-Латифа, ставшего впоследствии казанским ханом. В 1486 г. Каширой правил крымский царевич Нур-Девлет, а с 1517 г. — бывший казанский хан Абдул-Латиф.

Он был также, с 1508 г., владельцем Юрьева. В 1495–1502 гг. Каширой, Серпуховом и Хотунью правил казанский хан Мухаммад-Амин. В 1543 г. Каширой владел хан Шах-Али. В 1552 г. под властью астраханского хана Дервиш-Али находилась Калуга. В 1576 г. касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу были отданы Тверь и Торжок. В такие северные города, как Белоозерье, Вологда, московские правители ссылали неугодных им татарских ханов, беков и служилых татар⁹. Со временем татары либо выезжали, либо ассимилировались среди местного населения.

Касимовское ханство оказалось наиболее устойчивым, оно официально просуществовало более двухсот лет, вплоть до последней четверти XVII в. Территория его простиралась на 200 верст вокруг Касимова, до городов Краснослободск, Темников и включала в себя земли нескольких уездов: Касимовского, Елатомского, Шацкого, Темниковского¹⁰.

Особенности политического и социально-экономического развития обусловили своеобразие этнической истории касимовских татар. Основу их этнического субстрата составили финно-угорские и тюркские племена, обитавшие на землях Мещерского края еще до образования Касимовского ханства. В качестве этнического суперстрата выступили выходцы из Казани, Астрахани, Крыма, Сибири, киргиз-кайсацких и ногайских орд, оседавшие на территории царства в течение XV – XVII вв.

История Касимовского ханства была тесным образом связана с историей Казанского ханства, раздиравшегося в 60-х гг. XV в. междуусобными распрями. В 1467 г. царевич Касим, пытаясь занять ханский престол после смерти своего брата Махмуда, казанского хана, организовал на Казань поход, в котором участвовали также и московские войска. Дальнейшие династические споры значительно осложнили международное положение Ка-

занского ханства. Воспользовавшись этим, Москва взяла реванш. В 1487 г. был организован поход русских войск на Казань, завершившийся установлением вассальной зависимости нового хана Мухаммад-Амина от московских правителей. Владельцы Касимовского ханства имели титул царевичей, кроме тех лиц, которые ранее где-нибудь, до воцарения в Касимове, были ханами: Нур-Девлет в Крыму, Шах-Али в Казани. Они сохранили титул хана (царя). Из правителей Касимова первым получил титул царя Саин-Булат (Симеон Бекбулатович), который после крещения в 1573 г. покинул Касимов. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати в России было настолько высоким, что даже в середине XVII в. они считались «честью... бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят». В Государеве родословце середины XVI в. татарские царевичи помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома¹¹. До 1486 г. титул касимовских ханов переходил по наследству (включая правление Касима и его сына Данияра). После Данияра касимовские цари и царевичи назначались по усмотрению русских правителей.

Из исторических источников известно, что царевичи Касим и Якуб выехали из Казани в Касимовское ханство со своими придворными из числа казанцев. Группы казанцев, иногда весьма значительные, выезжали на постоянное местожительство в Касимовское ханство и в более поздние времена. В 1535 г. из Казани вышли сторонники Шах-Али – «казанские князья Шабас князь Епанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом с своим с Евлушем, Хурсуловы братья, и с ними князей, мурз и казаков шестьдесят человек из Казани». В «сентябре 1546 г. приехали из Казани к великому князю служить князи казанские Кулуш князь, Тереур, Бурнаш да Чюрины братья Нарыкова, 76 человек». В «1551 г. приехали к государю служить казанские князья:

Кастров князь с товарищи»¹². В марте 1552 г. Шах-Али «вывел с собой князей Казанских и мурз 84 человека, в их числе Уразми Канбаров, Муралей (Нур-Али) мурза и другие, всего 84 человека». Примерно в это время «к государю приехал служить Камаи-мурза князь Усеинов сын а с ним 7 казаков из Казани»¹³. Часть казанцев попала в Касимовское царство в 1552 г., после завоевания Иваном IV Казанского ханства, когда оставшихся знатных казанцев царь «... вывел вместе с средними людьми и роздал им поместья в городах и волостях московских...»¹⁴. В Касимовское царство русское правительство высылало казанских татар-феодалов, не лояльных к русскому царю¹⁵. По преданию, туда была вывезена казанская регентша Сююмбике. Из сохранившихся до наших дней родословных (шеджере) некоторых касимовских татар (Акчуриных, Максutowых, Бурнашевых, Костровых и др.) видно, что их предки были выходцами из Казанского ханства¹⁶. С XII в. в Мещерском крае стали появляться выходцы из Крыма, в частности из рода Ширин, сыгравшего значительную роль в делах Касимовского ханства. С ними связывали свое происхождение Ширинские и Гиреевы¹⁷. В 1458 г. Городцом владел крымский царевич Нур-Девлет. Затем там правили Сатылган, Джанай. Вместе с ними из Крыма приходили их дружины, постепенно оседавшие на территории Касимовского царства. И в более позднее время, в XVI–XVII вв., крымские степняки-кочевники различными путями проникали на Рязанскую землю¹⁸. У татар д. Колубердеево (Ташенка) сохранилось предание о том, что их деревня образовалась на месте земель, розданных пленным крымцам или туркам. Возможно, в какой-то степени это подтверждается и татарским названием деревни – «Колубердеево», что с татарского переводится как «данная рабам»¹⁹.

В качестве пленных в Касимовское царство попадали и женщины, захваченные во время военных походов,

предпринятых московским правительством. Об этом свидетельствуют некоторые архивные материалы²⁰ и легенда о том, что в 1678 г., в царствование Федора Алексеевича, в «Чигиринском» военном походе в Малороссию особо отличились касимовские татары во главе с Сейид-Бурханом. Ими был захвачен большой полон: «Добычу, полон захватила дружина отважных татар! Набег совершен не из легких, приказ был одобрен царем! Обоз из полячек прекрасных с победой в Касимов везем!»²¹.

В царстве проживали также выходцы из Сибирского ханства. В 1614 г. Касимов был пожалован сибирскому царевичу Арслану Алиевичу, затем его сыну Сейид-Бурхану, мать которого Фатима-Султан стала последним правителем города. Вместе с сибирскими царевичами прибывали их дружины и домашняя челядь. Письменные источники и устные предания свидетельствуют о притоке населения, которое привели с собой ханы Ураз-Мухаммад и Саин-Булат из киргиз-кайсацких орд. О казахском происхождении этих ханов и отдельных родов свидетельствуют родословные Шакуловых, Девлеткильдеевых, Максutowых, Тевкелевых и др. Старожилы д. Мунтова (татарское название – Мылты) сохранили предание о принадлежности их предков к роду «мылты». Подобное название родового подразделения (кыркмылтык) есть и у казахов Куня-Ургенчского района²².

В формировании касимовских татар приняли активное участие ногайцы. Они попадали в Мещеру различными путями: по приглашению, самовольно, в качестве пленных. Московское правительство усердно приглашало на службу ногайских мурз, обещая им землю и денежное жалованье²³. В Касимове и его окрестностях проживали представители таких знатных бекских родов, как Джалаир, Мангыт (мурзы Мангитские или мурзы Мансуровы), Кипчак (князя Мамакаевы)²⁴. Группа служилых ногайцев была переведена в Касимов из Ярославля и Романова²⁵.

Ежегодно южная часть государства (на востоке до мордовских и понизовых мест, на западе до заочких городов) подвергалась нападениям ногайцев. Многие из них оставались там на постоянное жительство. Они свободно проникали через проторенные дороги. Этому не препятствовала вся оборонительная система Руси, в частности, засечные линии, которые находились в запущенном состоянии. В начале XVII в. все пути, ведущие на Рязанскую землю, были открыты для Больших, Малых Ногаев, крымцев, азовских татар. По излюбленной дороге – Старому ногайскому шляху они проникали на Русь. В челобитной от 1613 г. рязанцы всех чинов жаловались, что «иные татаровя у нас живут без выходу», то есть постоянно. Стояли татары по правому берегу р. Оки²⁶. Для Больших Ногаев излюбленной дорогой был старый Ногайский шлях, разветвления от которого вели в мордовские места, в Верхоценскую волость, на Рязанскую землю, до реки Оки и за Оку. В официальных документах неоднократно отмечалось о «приходе ногайских людей на мещерские места... идучи в Крым или из Крыма в Ногай»²⁷. Кроме того, в Касимове содержали тех ногайцев, которые попадали в плен²⁸. Касимовские татары из дд. Алишево, Шегашаново, Толстиково называли себя «нугай». Ногайским князьям Мамакаевым принадлежал лес «Мамак урмань»²⁹. Следы ногайского компонента сохранились в говоре касимовских татар³⁰. У касимовских татар отмечен высокий процент (7,2) эпикутуса (признака, позволяющего установить участие монголоидного элемента) по сравнению с другими группами татар. В этом отношении касимовские татары более близки к казанским татарам из Арского района (4 процента эпикутуса), которые являются, кроме касимовцев, наиболее монголоидной группой среди всех поволжских татар, что сближает их с ногайцами-едисанцами. Среди касимовских татар преобладает темный европеоидный тип (памиро-ферганс-

кий), распространенный в сарматскую эпоху в степях Нижнего Поволжья, а позднее – в составе населения Средней Азии (узбеков, таджиков)³¹.

Расположение ханства на основном оборонительном рубеже Русского государства, который на юге протянулся по берегу Оки, предопределило судьбу отрядов касимовских царевичей в XVI в. Южная граница Московского государства получила организованную и постоянную защиту от набегов кочевников. Она обеспечивалась ценной жизнью многих касимовских татар. Татарские князья с их уланами и казаками создавали кордон против восточных набегов кочевников³². Они несли сторожевую службу на «Казанской Украине» и на Волге, перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно³³. В начале XVII в. касимовцы были снаряжены сторожить крымскую границу. Условия военной службы служилых татар были очень тяжелыми: скудное походное питание, физические лишения, постоянное пребывание верхом на конях, болезни подтачивали здоровье служилых людей. В тяжелейших условиях происходило оформление института служилых татар, первоначально известных как «служилая мешчера». Использование татар на Московской великокняжеской службе имело давние традиции. Отдельные татарские мурзы, выходцы из Орды, уже с конца XIV в. переходили на военную службу к московским князьям, как, например, к Дмитрию Донскому – Алабуга и Серкиз, к Василию Васильевичу – царевич Бердыдат.

Касимовские татары принимали участие во всех военных походах, предпринятых Русским государством. Служилые татары обычно группировались в отряды, подчинявшиеся мурзам и князьям. Из этих отрядов создавались отдельные полки, а иногда и большое войско, например, у Шах-Али было 30-тысячное войско. Они часто выступали под командованием касимовских ханов, например, в 1480 г. во главе с Нур-Девлетом, в 1490–1491 гг. с Са-

тылганом, в 1501 г. с Нур-Девлетом и Мухаммад-Амином, в 1487 г. с Мухаммад-Амином, в 1505 г. с Сатылганом и его братом. В конце 1555 г. татары были включены в состав русского войска, отправлявшегося воевать против шведов, затем Ливонии, в конце 1578 г. против польского короля. В 1654–1667 гг. они участвовали в длительных войнах с поляками, в 1676–1681 гг. с Турцией, в 1687–1689 гг. в Крымских походах, в 1700–1721 гг. в Северной войне Петра I против шведов, в 1768–1774 гг. в русско-турецкой войне и т.д.³⁴

Наряду с военными походами русское правительство использовало служилых татар на дипломатических переговорах Москвы с татарскими ханствами, ногайскими ордами. Их отправляли вожаками и переводчиками (толмачами) к послам, ездившим в Орды, а иногда одних посылали с грамотами или для переговоров, как, например, в 1553 г. городецкий татарин Ян-Булат приезжал в Москву от посла Данилы Губина с донесением из ногайских улусов³⁵.

Вознаграждением за несение службы были земельные поместья, становившиеся нередко наследственными. Ими владели целые группы татар или каждый в отдельности³⁶. В свою очередь, «... служилый человек с поместья должен был содержать себя и свою семью и быть готовым к походной службе конным и оружием»³⁷. Территория царства, издавна освоенная земледельческим населением, заселялась служилыми татарами не сразу. Раздача земель вокруг города Касимова происходила вплоть до середины XVII в. Об этом свидетельствуют отдельные записи из Древних актов и грамот. В одном из них говорится о «разделе имения Касимовского уезда в селе Подлипках между служилыми татарами Коскеем Карамышевым и Девлеткеем Девлетказиным; о разделе имения между служилыми татарами Кадриком Биманаквым и Доином Торгасовым в селе Старбаево; об отделе поместной

земли служилым татарам в селе Лому, в деревнях Болотцы, Келдышево, Купрезновской и др.³⁸. Перед большим походом правительство выдавало служилым людям жалованье³⁹.

Значение Касимовского ханства во внешней политике Русского государства особенно возросло в 1-й пол. XVI в., когда основной целью московской внешней политики стал «восточный вопрос» – подчинение Казанского ханства. В 1551 г. казанцы были вынуждены предложить возглавить Казанское ханство касимовскому хану Шах-Али, который согласился стать казанским ханом в третий раз. В Казани располагалась ханская гвардия, состоявшая из касимовских служилых татар. Численность их была, видимо, значительной. По сообщению «Казанского летописца», в 1521 г. во время резни в Казани погибло пять тысяч касимовских татар ханской гвардии⁴⁰. Однако задачи московской политики не были решены. Хан Шах-Али не спешил учитывать интересы московских политиков. Очевидно, что в середине XVI в. ситуация с касимовскими царевичами значительно изменилась в отношении их роли: они перестали быть «послушными орудиями» в руках московских правителей, пытавшихся подчинить себе Казань мирным путем. Гибкая политика касимовских ханов и функционирование Касимовского ханства в качестве буферного государства тормозили военную экспансию Москвы в отношении Казанского ханства, обеспечив тем самым его жителям относительно мирное существование в течение их последних лет жизни, вплоть до его завоевания в 1552 г., когда было истреблено почти все население громадного города⁴¹. Московские правители относились к касимовским татарам настороженно, с недоверием. Об этом свидетельствует тот факт, что накануне взятия Казани в 1552 г. Иван Грозный, приказав войскам готовиться к штурму, отдал особое распоряжение насчет хана Шах-Али и касимовских татар. Русские военачальники, опасаясь

перехода их на сторону казанцев, располагали отряды касимовских татар на заднем фланге, не принимавшем участие в боевых действиях: «Им не велели ходить в ту часть войска, которая, окружая Казань, должна была, на другой день, оберегать тыл атакующих и перерезать путь осажденным...»⁴². Хан Шах-Али не выполнил условий договора об освобождении русских пленных, а на требование ввести в Казань русские войска ответил, что не выпустит их в исламский город. Он был недоволен тем, что в его управление передавалось не все Казанское ханство, а всего лишь его половина.

Со 2-й пол. XVI в. заметно снижение роли царства как буферной организации в отношении Казанского ханства, которое в 1552 г. было завоевано и присоединено к Русскому государству. Касимовских правителей стали ограничивать в их власти. Фактически они перешли на положение служилых землевладельцев, а их делами стали ведать московские воеводы. Постепенно русское правительство стало принимать меры к упразднению Касимовского царства. Последняя регентша Фатима-Султан (бием) владела лишь своей летней резиденцией в селе Царицыно (Бием Сала) недалеко от Касимова. После ее смерти в 1681 г. царство перешло в руки единодержавного управления Российского престола. Так закончилась история Касимовского царства, просуществовавшего в самом центре Русского государства более двухсот лет: с середины XV до последней четверти XVII в. В 1796 г. Касимов стал одним из уездных городов Рязанской губернии⁴³.

Период XVIII – начала XIX вв. явился переломным в политической и социально-экономической жизни татар. С упразднением в XVIII в. Касимовского царства, являвшегося для его населения своего рода этносоциальным организмом, были ликвидированы все те условия, на которых зиждилось сословие служилых татар. Приток извне тюркоязычного населения прекра-

тился. Более того, среди касимовских татар наблюдалось усиление миграционных процессов, что отразилось и на динамике их численности. Так, между 1719 и 1745 гг. происходит убыль татарского населения Касимовского уезда на 18%. К концу XIX – началу XX в. стало заметным снижение численности татар в г. Касимове и Касимовском уезде. Если в XVIII в. их численность достигала 6 тысяч человек, то к концу XIX в. – около 5 тысяч человек. Главные направления миграции касимовских татар (на восток, за Волгу и Приуралье) совпадали в основном с миграциями других групп поволжских татар, особенно татар-мишарей⁴⁴.

Упразднение Касимовского царства создало благоприятные условия для более тесных экономических и культурных связей касимовцев с русскими и с волго-уральскими татарами. С другой стороны, упразднение имело отрицательные последствия для самих касимовских татар. Постепенно они лишились былых привилегий: русское правительство с 1-й пол. XVIII в. издало ряд указов, направленных на устранение инородческого служилого землевладения. Так, указами 1713, 1715 гг. инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, приказывалось перейти в православие. В противном случае эти земли отходили государю или их крестившимся родственникам.⁴⁵ В таких условиях, борясь за выживание, часть служилых татар была вынуждена принять православие. В их числе были семьи Костровых, Ширинских, Тургеневых и др. Впоследствии они вошли в состав русского феодального класса, а позднее – русской буржуазии⁴⁶. В Касимове в конце XIX в. проживали русские князья с татарскими фамилиями – Енгальчевы, Кудашевы, Колончаковы, Кугушевы и др.⁴⁷. Феодально-зависимым людям переход в православие давал возможность стать свободными. В архивных документах XVII–XVIII вв. имеются многочисленные дела с заявлениями подателей о крещении. В их числе

челобитная «крымского полоняника Муртазы», дело «о находившейся у крымского татарина Байсукина пленной польской девки Агафьи», челобитная «новокрещеного ногайца (Баима) Ивана об исключении его из холопства от князя Прозоровского»⁴⁸.

Другой причиной, способствовавшей переходу в христианство, была материальная заинтересованность. В архивных документах немало дел о крещении и вознаграждении крестившимся татарам. К ним относятся дела татар Кутюша Шейдякова, Кудайната Урмаметьева, Кантемира Байтерьякова о даче им в качестве награждения разного жалованья и княжеского титула; челобитная крещеных татар Степана Тебеева, Андрея Джинайдарова о даче им за принятие греческого закона по сукну английскому и по тафте; выписка о даче государева жалованья новокрещеным татарским мурзам – князю Шейдякову, Тупаеву, князю Тургеневу, князю Борису Куликову, Исупову и Мамаеву⁴⁹. Переход в христианство простых татар и мурз способствовал постепенной русификации крестившихся. Они потеряли связь со своим народом и пополнили генофонд русского народа. Видимо, именно в связи с этими событиями возникла пословица: «Поскреби русского, найдешь татарина».

Среди населения, не пожелавшего принять крещение, усилился процесс сопротивления, заканчивающийся нередко физической расправой. Так, в 1656 г. архиепископ рязанский Мисаил отправился в Касимов, Щацк и Тамбов татар и мордву крестить. Иноверцы отказались креститься. Но среди мордвы и татар уже составилась заговор. Они в числе более 500 человек с оружием в руках поджидали приезда Мисаила и, завидев его, бросились на него и убили⁵⁰.

В то же время шел процесс усиления позиций ислама. В Касимове, рядом с правителем, селились представители духовенства (сеиды, ахуны, абызы). Духовенство пришло в Каси-

мов со стороны: из Тамбовской (Девликамовы из с. Бостан), Пензенской, Казанской (Утягановы) губерний, из Крыма (Ширинские). В Касимовском уезде образовались наследственные династии⁵¹. В последней четверти XIX в. в Касимовском уезде функционировало 8 мечетей⁵². Ислам выполнял для касимовских татар, так же как и всего татарского народа, «охранительную функцию» в экстремальных условиях. С помощью ислама татарам в период с середины XV в. удалось сохранить себя как этнос и не раствориться в массе христианского, русского народа⁵³. Поэтому неудивительно, что Касимовская противомусульманская миссия, образованная с целью обращения татар в христианство, в последней четверти XIX в. потерпела крах. Протоиерей Павел Алфеев в своем отчете писал, что «не так легко воздействовать на татар, как это представлялось. По своей сплоченной обособленности и религиозному образованию касимовские татары не похожи на крымских и казанских татар»⁵⁴.

Следует отметить, что указы и инструкции 1737, 1741, 1754, 1766 гг. еще больше ущемляли права бывших служилых татар. Русское правительство под разными предлогами урезало или просто захватывало у них земли, леса и луга. Одновременно их привлекали к отбыванию различных трудовых повинностей в пользу государства. Часть касимовских татар несла феодальную повинность на лесоповалах в качестве лашманов (от немецкого *laschmann* – лесоруб). В указе Петра I от 1718 г. было предписано высылать служилых татар на бесплатные работы по заготовке, обработке и вывозу корабельного леса. Они, наряду с татарами-мишарями, были приписаны к Воронежским корабельным верфям. Лашманы рубили лес в тяжелейших условиях, зимой, в трескучие морозы, когда в соснах было мало влаги⁵⁵. Люди гибли тысячами от непосильного труда, голода и холода. Память об этих трагических событиях сохранили

многие документы и устные народные предания, байты, песни, в которых отправление на лесоповал приравнялось к смерти.

При Петре I основная масса служилых татар была переведена в «однодворцы» – низшее податное сословие феодального государства и обложена подушным окладом⁵⁶. Налоги им приходилось платить в двойном размере как Казанской адмиралтейской конторе, так губернатору и воеводе. Все это способствовало резкому ухудшению социально-экономического положения касимовских татар. Правительство сохранило им владельческое (четвертное) право на землю по прежним жалованным грамотам и право общинного владения землями, значившимися за ними по писцовым книгам⁵⁷. Землепользование, основанное на «четвертном» праве, имело много общего с частной собственностью: земли могли передаваться по наследству, продаваться своим же общинникам. «Четвертные» земли, расширявшиеся за счет освоения новых лесных массивов, закреплялись за родами⁵⁸. С течением времени, в связи с увеличением наследников и разделов между ними, участки дробились и мельчали, способствуя малоземелью и аграрному перенаселению. Кроме того, подобная форма землевладения способствовала довольно раннему и интенсивному имущественному расслоению татар.

Царизм, одновременно с национальным гнетом нерусских народов, проводил феодально-классовую политику, рассчитанную на создание социальной опоры в лице татарских феодалов. Эта политика особенно ярко выразилась при царствовании Екатерины II. Она представляла им дворянские привилегии, разрешила Мусульманское духовное собрание⁵⁹. Привилегированные слои татарского общества проводили политику царской администрации и жестоко эксплуатировали рядовых татар, усугубляя тем самым и без того тяжелое социально-экономическое положение трудового населения.

Сельское хозяйство у касимовских татар тесно переплеталось с промыслами, связанными с обработкой животного сырья: с кожевенным и овчинным. В Касимове было немало мерлушечных мануфактур, принадлежащих татарским купцам. П.С.Паллас, будучи в Касимове в 1768 г., отмечал, что «...живущие... в городе все зажиточные мехами торгующие купцы»⁶⁰. Они развернули торгово-предпринимательскую деятельность не только в Касимовском уезде, но и далеко за его пределами. Кожевенные изделия поставлялись во многие южные города России. Касимовские торговцы принимали активное участие в установлении торговых связей России с Казахстаном и Средней Азией, так как мусульманам было легче проникнуть в среду населения, исповедовавшего ислам, нежели иноверцам⁶¹.

Касимовские татары издавна принимали активное участие в торговле. Этому в значительной степени способствовали удобное расположение города Касимова на стыке торговых путей, наличие в крае крупной реки Оки – главной жизненной артерии, благоприятствовавшей интенсивным торговым связям центральных губерний России и Востока. Там соединялись три главных государственных пути: Астраханский, Закавказский (Липецкий), Нижегородский (Сибирский). Через эту территорию также проходил важный сухопутный путь, обычно зимний, с Нижней Волги на Москву, затем на Нижний Новгород и на Казань. Через Касимов была проложена дорога – Наровчат – Темников – Кадом. Благоприятным фактором было установление еще во 2-й пол. XV в. высоких таможенных пошлин для казанских и восточных купцов в окраинных русских городах (Нижний Новгород, Муром) и в Сурско-Окском междуречье⁶². В результате торговля перешла в руки местных купцов, в том числе и касимовских татар. Служилые татары пользовались некоторыми привилегиями, например, им предоставлялось право

на ведение торгово-предпринимательской деятельности в любом районе России. Они проводили торговые операции и в Касимове, на действовавших там Казанской и Сергиевской ярмарках. Предметами торговли служили в основном хлеб, мед, воск, домашние животные, меха, кожи, заготовки и изделия сапожного ремесла⁶³.

В XVIII в. торговля имела большое значение в жизни татар, являясь одним из «средств заткнуть дыры, порожденные обидами и недостатками в земле и малой плодородностью ее, обилием всякого рода повинностей»⁶⁴. Касимовские купцы захватили в свои руки значительную часть торговли на Макарьевской, Троицкой, Ирбитской, Крестовской и других ярмарках, где совершали крупные торговые сделки и получали большие прибыли. Они вели активную торговлю и на международную ярмарку близ Нижнего Новгорода. Среди них имелись крупные купцы, связанные с торговыми центрами Средней Азии, Ирана и т.д. Через реки Оку, Волгу и по Каспийскому морю купцы добирались до Персии. Обмен товарами происходил чаще в Астрахани, путь до которого на малых судах занимал менее 20 дней, а на обыкновенных стругах – 40–42 дня. Путь персидской торговли с Россией был удобен для торговли шелковыми тканями⁶⁵. Все это способствовало установлению постоянных рыночных и культурных связей между различными регионами внутри страны и далеко за ее пределами.

В поисках средств существования касимовские татары устремлялись в различные области страны. Часть их (около 15%) оседала на постоянное жительство в различных городах, в том числе в Москве (в Татарской слободе, в Замоскворечье), в состав населения которой они вошли еще в XIV–XVI вв. В начале XX столетия был зафиксирован приток касимовских татар в Петербург⁶⁶. В новом районе они вливались в единую массу переселенцев-татар, теряя в культурно-бытовом

отношении свои особенности. Переселение в иноэтничную среду, даже тюркоязычную, напротив, приводило к консервации этнокультурных особенностей, как, например, у касимовских татар, поселившихся среди казахов, в г.Петропавловске⁶⁷. Известны факты переселения небольших групп населения, возможно ремесленников и торговцев, в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии, в Казахстан, Среднюю Азию. В Казанской губернии они основали д. Тевели-Ходяшево. Жители некоторых деревень Буинского уезда Симбирской губернии являлись выходцами из Касимовского уезда. По преданиям жителей деревень Яндовище в Сергачском уезде и Маклаковка в Васильсурском уезде Нижегородской губернии, деревни Усть-Карновар в Петровском уезде Саратовской губернии, их предки были коренными касимовскими татарами – выходцами из Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии. Крепостные касимовские татары были поселены в деревне Терся Елабужского уезда Вятской губернии⁶⁸. Миграции обусловили, с одной стороны, утечку татарского населения с территории их этнического формирования, с другой – способствовали росту численности и консолидации волго-уральских татар в составе Российского государства.

Касимовские татары приняли активное участие в формировании общности экономической жизни татарской нации. Этому способствовало быстрое развитие различных отраслей промышленности, установление постоянных, прочных экономических связей, способствовавших расширению и укреплению внутреннего рынка в масштабе всей этнической территории татарского народа. Формирование и развитие касимовских татар происходило в тесной связи с татарами казанскими и мишарями. Поэтому следует подчеркнуть, что эта группа, несмотря на наличие мощного иноэтнического окружения и значительного вкрапле-

ния позднего тюркского этноса, сохранила единство в культуре с основными группами волго-уральских татар. После 1552 г., когда весь Средневожский и Приуральский края вошли в состав Русского государства, постепенно сложились новые условия, которые привели к активному смешению и территориальному взаимопроникновению татарских групп.

Одновременно усилился рост синхронной этнокультурной информации. В конце XIX в. сложился общенациональный татарский литературный язык. На нем велось обучение в школах и духовных училищах. Преподавательские кадры поставлялись в основном из Казани. Касимовским татарам было хорошо известно творчество татарских просветителей и писателей, книги которых привозили из Казани, Оренбурга. В Касимове издавались на татарском языке газеты «Ан», «Чалгы». Уровень грамотности татар был довольно высок: 57% взрослого населения писали и читали на татарском языке⁶⁹. В конце XIX в. в учебных заведениях (мектебе и медресе) обучение шло на литературном татарском языке. Из Казани и других культурных центров поступала печатная продукция, создавались библиотеки из произведений татарских классиков. Был организован татарский театр «Чулпан», на сцене которого ставились пьесы татарских и русских драматургов.

Касимовские татары имели тесные контакты с русским народом. Служба в Русском государстве, складывание широкой экономической общности в пределах единого рынка, отсутствие каких-либо серьезных отличий в развитии хозяйства касимовских татар и их соседей способствовали установлению между ними прочных хозяйственно-культурных связей и приобщению к русской культуре. В касимовском говоре имеется значительное число русских заимствований, особенно в области хозяйственно-бытовой терминологии. Татары, преимущественно мужчины, свободно владели русским

языком. Совместное проживание в течение нескольких веков на единой общей территории, общность исторических судеб выработали у татар, русских и других народов страны взаимную веротерпимость и лояльность. Русский писатель Сергей Терпигорев, наблюдавший жизнь касимовцев в конце XIX в., отмечал: «Русские и татары ходят друг к другу в гости. Особняком не живут»⁷¹. В последние годы XXI в. процесс этнокультурного сближения с русским народом протекает наиболее активно. Интенсивное проникновение русского языка наблюдается и в татарских семьях. Молодежь, как правило, владеет им лучше, нежели родным. Увеличивается количество смешанных браков. В то же время татары еще продолжают сохранять некоторые особенности материальной культуры, родной язык, национальное самосознание.

Велика заслуга касимовских татар, как представителей татарского этноса, в распространении такого прогрессив-

ного явления, как просветительство среди тюркоязычных народов России. В казахской степи, в Крыму открывали начальные школы, религиозные учебные заведения и вели просветительскую работу татары из числа духовенства, купцов, среди которых было немало касимовских татар⁷⁰.

На благо России служили и продолжают служить такие видные представители касимовских татар, как Сара Шакулова – первая в истории татарского народа женщина-математик, выпускница Сорбонны, А.М. Ишимбаев – заслуженный учитель, краевед, Р.Х. Агжитов – заслуженный организатор колхозного строительства, Ф.А. Тугеева – родоначальница династии врачей, В. Альбетков – Герой Советского Союза, В. Акбулатов – инструктор первого советского космонавта Ю. Гагарина, З. Байрашева и У. Бекбулатов – казанские профессора; Симаковы – солисты Ленинградского театра оперы и балета и другие замечательные личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. – Часть первая. – СПб., 1863. – С. 14, 27.

² *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. – Т. 5. – 2-е изд. – СПб., 1897. – С.10;

³ *Перетяткович Г.* Поволжье в XV – XVI в. – М., 1877. – С.150; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. – М., 1884. – С.262;

⁴ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства//На стыке континентов и цивилизаций...Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: – Инсан, 1996. – С. 547.

⁵ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* – М.–Л., 1950, № 76. – С.284.

⁶ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С.149.

⁷ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 154–156.

⁸ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды//Ученые записки Мордовского государственного университета. – Вып. XI. – Саранск, 1960. – С. 504.

⁹ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952. – С. 192; *Смирнов П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. – Т.1. – Вып.1. – Киев, 1917. – С. 47, 82.

¹⁰ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. – Часть вторая. – СПб., 1864. – С. 410–411, 438, 440–445.

¹¹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982. – С. 234–235.

¹² Полное собрание русских летописей. – Т. XXIX. – М.: Наука, 1965. – С.20, 49, 60.

¹³ Полное собрание русских летописей. – Т. XXIX. – С. 70, 94.

- ¹⁴ *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках. – М., 1887. – 270.
- ¹⁵ *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ Казан. гос. ун-та. – Казань, 1964. – С. 57.
- ¹⁶ *Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). – Казань: Изд-во «Магариф», 2010. – С. 74, 123.
- ¹⁷ *Ахметзянов М.И.* Татарские родословные. – Казань, 1995. – С.70; *Ахметзянов М.И.* О шеджере рода Ширинских // Панорама-Форум. – № 1 (4). – Казань, 1996. – С. 114.
- ¹⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 128–150, 192, 208, 209; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в 1-й пол. XVII века. – М.–Л., 1948. – С. 390.
- ¹⁹ *Гайнетдинов Ф.Н.* Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей. – Л., 1933 // Архив МАЭ. – Ф. К-1. – Ед.хр. 27. – С.1.
- ²⁰ РГАДА. Ф.131. – Оп.2. – Ед.хр.65.
- ²¹ *Акимов В.В.* Касимовские татары: между прошлым и будущим. – М., 2004. – С. 186.
- ²² *Васильева Г.П.* Историко-этнографическая карта Ташаузской области // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / ТИЭ. Нов. серия. – Т. 48. – М.–Л., 1961. – С. 34.
- ²³ *Черменский П.Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1961 год. – М., 1962. – С.11.
- ²⁴ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 208, 209; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть вторая. – С. 403, 419, 426, 434.
- ²⁵ Акты Московского государства. – Т.2. – № 56. – СПб., 1894. – С.227 – 228; Акты Московского государства. – Т.1. № 32. – СПб., 1890. – С.64, 74; Писцовые книги Рязанского края. – Рязань. – Т.1. – Вып. 2 – 3. – № 32, 64, 66, 74; РГАДА. Ф. 210. – Д. 217. – Л. 129; *Пирогов В.* Материалы для статистики Костромской губернии. – Вып. 2. – Кострома, 1881. – С. 71.
- ²⁶ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в 1-й пол. XVII века. – С.75, 77, 79.
- ²⁷ Акты Московского государства. – Т. I. – № 31.
- ²⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 288; *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI – начале XVII вв. по писцовым книгам. – Рязань, 1911. – С. 38.
- ²⁹ *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX вв. // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2004. – С. 20.
- ³⁰ *Махмутова Л.Т.* Бастанский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 3. – Казань, 1974. – С. 47.
- ³¹ *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии АН СССР. – Т.7. – Нов. серия. – М. – Л., 1949. – С. 64, 153–154.
- ³² *Каргалов В.В.* На степной границе. – М., 1974. – С. 37; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952. – С. 208.
- ³³ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 286 – 287.
- ³⁴ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С. 111, 285, 296, 419.
- ³⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С.290.
- ³⁶ *Сторожев В.Н.* К вопросу о четвертчиках. – СПб., 1892. – С. 2, 3; *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897. – С. 234.
- ³⁷ *Веселовский С.В.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. – М. – Л., 1947. Т.1. – С. 263 – 260.
- ³⁸ Описание дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – Рязань, 1891. – Т. 6. – Вып. 1. – № 3. – С. 38, 39; Описание дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – Рязань, 1892. – Т. 7. – Вып. 2. – № 2. – С. 27.

- ³⁹ *Веселовский С.В.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. – С. 264.
- ⁴⁰ *Рахимзянов Б.Р.* Представители Большеордынской династии в Казани и Мещере (1520-1550-годы) // Казань в средние века и раннее новое время / Материалы Всероссийской научной конференции. – Казань, 2006. – С.134.
- ⁴¹ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – С. 644.
- ⁴² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... – Часть первая. – С.388 – 389.
- ⁴³ *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1891. – С. 120; *Щекатов А.А., Максимович Л.И.* Словарь географический Российского государства. – М., 1804.–Ч.3. – С. 366; Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. – СПб., 1895. – Т. 14а. – С. 662, 644.
- ⁴⁴ *Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. – С.241; *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. – М., 1972. – С. 36.
- ⁴⁵ *Ташкин С.Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири. – Казань, 1922. – С. 7; *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. – С. 136.
- ⁴⁶ *Халиков А.Х.* 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992. – С. 110, 170; *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979. – С. 6.
- ⁴⁷ *Тертигорев С.Н.* Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания. – СПб., 1890. – С. 52, 133.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 131. – Оп.2. – Ед. хр. 65; Ф. 127. – Оп. 1. – Ед. хр. 267. – Л. 50.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф.131. – Оп.3. – Ед.хр. 88; 4; Ф.131. – Оп.1. – Ед.хр. 510.
- ⁵⁰ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. – Часть третья. – СПб, 1866. – С.431.
- ⁵¹ *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар // Избр. соч. – Т. I. – М., 1968. – С. 8.
- ⁵² *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т. 2. – СПб., 1865. – С.527.
- ⁵³ *Юзеев А.Н.* Татарская религиозно-философская мысль X – XIX веков // Татарская религиозная мысль в общемусульманском контексте. – Казань, 2002. – С.81.
- ⁵⁴ *Алфеев П.* Касимовская противомусульманская миссия // Рязанские епархиальные ведомости. – Рязань, 1898. – № 13. – С.759.
- ⁵⁵ *Ташкин С.Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири. – С. 7, 10, 18–19, 21.
- ⁵⁶ *Водарский Я.В.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1977. – С.103.
- ⁵⁷ *Ташкин С. Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири. – С. 18,21.
- ⁵⁸ *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар. – С. 205.
- ⁵⁹ *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С.58–59.
- ⁶⁰ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч. 1. – СПб., 1773. – С. 4.
- ⁶¹ *Щекатов А.А., Максимович Л.М.* Словарь географический Российского государства. – Ч.III. – М., 1804. – С. 364, 366; *Сербина К.Н.* Источники книги Большого Чертежа // Исторические Записки. – Т. 23. – М., 1947. – С. 312; *Важинский В.М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII века // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 304 – 305.
- ⁶² Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. 1. – Ч. 1. – Саранск, 1950. – С. 13 9 – 140.
- ⁶³ *Привалова Н.И.* Торги гор. Касимова в середине XVII века // Исторические Записки. – Т. 21. – М., 1947. – С. 117, 119, 131; *Дубинская Л.Г.* Города Мещерского края во второй половине XVII в. // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 270.
- ⁶⁴ *Ташкин С.Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири. – С. 99.
- ⁶⁵ *Кильбургер Ф.* Краткое известие о русской торговле. – СПб., 1820. – С.122.
- ⁶⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. – Т.7. – Рязань, 1887. –

С. 25; Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978. – С. 70; Старовойтова Г.В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда // Советская этнография. – № 1. 1980. – С. 35, 37, 42.

⁶⁷Белиловский У.А. Городской очерк Петропавловска Акмолинской области за 1886 год. – Томск, 1887. – С. 6 – 10.

⁶⁸Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ. – Т.19. – Вып. 2. – Казань, 1903. – С. 126; Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк // ИОАИЭ. – Т. 4. – Казань, 1883.– С. 88, 28, 52; Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. – Вып.2. Лаишевский уезд.– Казань, 1895.– С. 44; Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993. – С. 63, 111.

⁶⁹Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – Т.35. – Рязанская губерния. – СПб., 1903.– С. 190 – 193.

⁷⁰Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX – начале XX вв. – Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Омск, 2007. – С. 14.

⁷¹Терпигорев С.Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания. – СПб., 1890. – С. 50.

Аннотация

Формирование данной группы татар связано с образованием в середине XV в. Касимовского ханства, одного из позднезолотоордынских тюрко-татарских государств. Его первым правителем стал Касим – сын хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда, потомка Чингиз-хана. Касимовское ханство, образованное в самом центре Московского великого княжества, играло огромную роль в его внутренней и внешней политике. В Касимовском ханстве служили татары мишари и касимовские татары. Они сражались на стороне Русского государства. Они сформировались из выходцев из Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств, из киргиз-кайсацких и Ногайской орд, из Северного Кавказа. Объединяющую роль сыграла религия – ислам. В XIX веке происходил процесс консолидации касимовских татар с другими группами волго-уральских татар, особенно с казанскими татарами.

Ключевые слова: история татар, касимовские татары, Хан-Керман, Касимов, Шах-Али, христианизация татар, лашманы, торговля у касимовских татар.

Summary

This tatars' group formation is linked with formation of the Kasim khanate, one of the late Golden horde's turk-tatar states in the middle of the XV century. Its first sovereign became Kasim – the son of the Golden Horde's Khan Ulu-Muhammed, the descendant of Genghis khan. Some of the Kasim surnames begin their origin from him. The Kasim khanate, founded right in the centre of the Moscow great principedom, was playing a huge role in its domestic and foreign policy. Mishar tatars and Kasim tatars were serving in the Kasim khanate. They were fighting at the side of the Russian government. They were formed of natives from Kazan, Crimea, Astrakhan, Siberia khanate, Kazakh and Nogai Hordes, Northern Caucasia.

The connecting role played the religion of islam. In the XIX century there was a consolidation process of the Kasim tatars with other groups of the Volga-Ural tatars, especially with the Kazan tatars.

УДК 001-057.4

В этой статье представлены воспоминания о тринадцати годах с 1993 по 2006 г. В эти годы автор этих воспоминаний был председателем Уфимского научного центра Российской академии наук (УНЦ РАН), президентом Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), депутатом Государственного собрания Республики Башкортостан, членом Президентского совета и членом Правительства РБ, председателем Комиссии по Государственным премиям по науке и технике РБ, он был депутатом Государственной Думы Российской Федерации и представлял Россию в Парламентской Ассамблее Совета Европы. Вместе с этими административными и государственными обязанностями он вел научную работу и читал лекции не только в России, но и в США (штат Нью-Йорк) в университете Ренселаера, во Франции (Париж) в университете Пьера и Марии Кюри, в Великобритании (Кембридж) в Институте Исаака Ньютона. Каждый год он участвовал в международных конференциях в качестве пленарного и приглашенного лектора. Он опубликовал ряд научных статей в самых авторитетных научных журналах.

Десять из указанных лет автор работал вместе с академиком АН РБ, доктором филологических наук, профессором Зиннуром Газизовичем Ураксиным.

МОИ ТРИНАДЦАТЬ БАШКИРСКИХ ЛЕТ И НАГРАДА ОТ АКАДЕМИКА З.Г. УРАКСИНА

Р.И. Нигматулин, академик РАН, АН РБ и АН РТ

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.
Давид Самойлов

Прежде, чем я начну свое повествование, я хочу предупредить, что я не был близким другом Зиннура Газизовича Ураксина. Мы с ним, наверное, сильно различались, потому что прожили разное детство и юность в разной среде. Но он всегда вызывал у меня уважение и интерес, потому что его юность была похожа на юность моего отца и дедов.

Люди, вышедшие из деревенской среды, из семей, которые жили тяжелым физическим трудом, полагали,

что надо выучиться в городе, и тогда ты избавишься от этого тяжелого труда, бедности и будешь счастливым. Конечно, это скорее миф, потому что путь в науку тернист и не гарантирует счастья. Хотя из деревенской нужды люди с образованием выбиваются, но в России XX в. они часто попадали в нужду городскую, да еще и с городскими проблемами для детей. Чтобы стать научным работником и стать научным лидером, не обязательно происходить из интеллигенции. Многие

ученые мира вышли из рабоче-крестьянской среды. Такими были мои два деда, мой отец, таким был мой учитель академик Халил Ахмедович Рахматулин. Я иногда задаюсь вопросом – а сумел бы я пробиться, если бы я был в их положении. А им было тяжелее, чем мне. Поэтому таких людей я всегда уважал и им доверял.

Во-вторых, я хочу предупредить, что буду называть фамилии людей, которые сыграли отрицательную роль в событиях, которые здесь будут описаны. С некоторого времени я осознал, что зависть, предательство, трусость и лживость присущи конкретным людям. Зло имеет фамилии. Обычно люди, совершающие плохие поступки, не составлены исключительно из зла. Часто их неправильное поведение происходит из-за того, что они сильно переоценивают свой вклад в науку. Они часто имеют положительные качества, у них есть семьи, кому-то они приходится друзьями, поэтому мы избегаем произносить фамилии публично, что неправильно. Надо их называть, чтобы их действия получили соответствующую оценку. Чтобы они опасались, что об их неблагоприятных делах узнают их дети. Это поможет хотя бы чуть их сдерживать, чтобы они боялись истории. Даже аномальный злодей Гитлер говорил, что боится Бога и Истории. Сколько зла совершено в истории российской науки, а вспоминают только Лысенко, а ведь он имел сотни «исполнителей» его «предначертаний». Раскулачивали 80 лет назад лучших сельских тружеников бессовестные, бестолковые и злые односельчане. Сколько лживых доносов написали наши сограждане! А ругают только Сталина, Берию, Ежова и еще нескольких злодеев. Надо выносить на суд общественности и более «мелкие» фамилии.

И, наконец, третье. Я буду описывать события, в которых я участвовал и был руководителем. Поэтому здесь часто фигурирует местоимение «я». Иногда в этих событиях Зиннур Газизович нес большую нагрузку, иногда меньшую, но все эти события имели прямое отношение к Башкортостану и науке, чему и посвятил свою жизнь З.Г. Ураксин.

Первые годы

Первый раз я увидел Зиннура Газизовича в 1991 г. на собрании учредителей Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), на котором в числе десяти ученых из России и других республик СССР я был избран учредителями почетным академиком создающейся АН РБ. На тот момент я работал в Тюмени и был членом-корреспондентом АН СССР. После этого мы, первые почетные члены АН РБ, тайным голосованием избрали из числа учредителей первых действительных членов (академиков) АН РБ. Среди этих первых академиков был Зиннур Газизович Ураксин, директор Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. В декабре 1991 г. я стал академиком РАН, а чуть позднее, в 1992 г., состоялось первое Общее собрание АН РБ, на котором меня попросили быть председателем и на котором был избран первый президент АН РБ – О.А. Кайбышев. З.Г. Ураксин был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных и общественных наук.

Но мои тринадцать башкирских лет начались в январе 1993 г., когда меня назначили председателем Уфимского научного центра РАН (УНЦ РАН). З.Г. Ураксин стал моим

заместителем и курировал научные учреждения УНЦ РАН, занимающиеся гуманитарными и общественными науками. Летом 1993 г. я со своей семьей отдыхал в санатории Янган-тау, где также со своей супругой Венерой ханум – тезкой моей супруги – отдыхал Зиннур Газизович. Там мы и начали наше личное знакомство.

Позднее, в 1996 г., АН РБ провела первую научно-практическую конференцию в Сибее, на которой собрались сотрудники администраций, учителя школ, врачи, сотрудники других учреждений юго-восточных районов Башкортостана¹. После конференции мы вместе с Зиннуром Газизовичем возвращались из Сибая на автомобиле, посетив археологический лагерь. Путешествие было долгим, и мы имели возможность поговорить о многом. Он, в частности, рассказал о своей жизни – о том, как он деревенским парнем ходил в школу в соседнюю, за несколько километров, деревню.

О башкирской и татарской орфографиях

Во время этой поездки З.Г. Ураксин, в частности, рассказал, что в башкирском диалекте его родной башкирской деревни на севере Оренбургской области множественное число существительных образовывалось, как и в татарском языке, с помощью окончания -лар, а не -тар, -дар, -зар в зависимости от последней буквы корня, предшествующего этому окончанию. Рассказал он также об особенностях башкирского диалекта на северо-востоке Башкортостана, в котором было гораздо меньше отличий от татарского языка, чем в официальном башкирском языке. У меня сложилось убеждение, что при разработке официально-

го башкирского языка разработчики выбрали тот диалект и те грамматические конструкции, которые отдаляли башкирский язык от татарского. С одной стороны, это сохраняет наиболее полярные особенности татарско-башкирского языка («расширяет фронт»), но с другой стороны сокращает письменное взаимодействие. Даже количество букв башкирского алфавита существенно превышает количество букв в татарском алфавите, а в татарском оно существенно больше, чем в русском, что создает трудности для машинного и компьютерного печатания текстов. Тексты, написанные башкирской орфографией, трудно читать тем, кто привык к татарской. И, наоборот, тем, кто привык к башкирской орфографии, трудно читать татарскую орфографию. А это существенно сокращает число читателей литературных татарских и башкирских произведений, потому что татары читают только татарскую литературу, а башкиры – только башкирскую. Хотя общность устной речи такова, что башкирский театр посещается и татарами, а татарский – и башкирами. И нет никакой необходимости переводить устную башкирскую речь на татарскую и устную татарскую речь на башкирскую.

Мне представляется, что, стараясь сохранить особенности и различия татарского и башкирского диалектов татарско-башкирского языка, следует это делать не формально, а по существу. Нужно продуманно и встречно (как со стороны татарского, так и башкирского) сближать, а может, и сделать одинаковыми алфавиты, чтобы пользоваться общим компьютерным шрифтом, сближать орфографию слов. При этом надо уйти от избыточно фонетической орфографии, принятой в 1930-е г., от всех этих при-

думанных букв с черточками и хвостиками. И это должно быть предметом совместной деятельности ученых Башкортостана и Татарстана. Причем не только башкирских и татарских филологов, но и филологов, изучающих европейские языки, математиков и историков. Это очень трудная задача, и ее надо решать. Наука должна не плестись за «народом», не только «обслуживать народ», но и давать ему правильные ориентиры.

Всякая письменность объединяет разные диалекты и разные фонетические варианты. Поэтому во всяком развитом языке пишут не обязательно точно так, как произносят. Больше количество звуков, чем букв, следует обеспечивать комбинациями букв. Наиболее ярко это используется в английской орфографии. Орфография должна объединять разные диалекты, а не разъединять. Пример — китайский язык — язык 1500 миллионов людей. Причем устная речь в разных крупных провинциях настолько различается, что жители разных провинций не понимают устную речь друг друга, в частности, шанхаец не понимает устную речь пекинца, не говоря о тайваньцах. Хотя имеется официальный общий ханьский диалект, но только общая письменность, абсолютно не фонетическая, основанная на иероглифах, произносимых совершенно по-разному в разных провинциях, объединяет 1500 миллионов людей, называющих себя китайцами. А мы, татары и башкиры, составляем вместе всего около 7–8 миллионов человек. Живем рассредоточенно по всей России в окружении носителей главного языка России и сами основную свою деятельность осуществляем на этом главном — русском языке. И при этом спорим и разъединяем свой замечательный татарско-башкирский

или башкирско-татарский язык из-за агрессивного недомыслия нескольких десятков башкирских и татарских «квазипатриотов», иногда имеющих даже профессорские звания. Этим квазипатриотам никто не уважает, но из-за их крикливости их опасаются.

Как-то я пригласил для беседы одного из товарищей Зиннура Газизовича профессора Марата Валеевича Зайнуллина, заведующего кафедрой башкирского языка БГУ. Его башкирская речь, его башкирское произношение мне особенно нравились. Марат Валеевич мне показал автореферат своей докторской диссертации, защищенной в Казани много лет назад. Ее название — «Категория модальности в башкирском языке». Я его тут же спросил: «Чем категория модальности в башкирском языке отличается от категории модальности в татарском языке?». Его ответ меня восхитил и подтвердил мои вышеприведенные соображения: «Роберт Искандерович, башкирский язык ничем не отличается от татарского!». Конечно, я понимал, что это высказывание следует понимать не буквально, а в достаточно широком смысле. Оно верное, если на языки смотреть не с позиций «своего района и деревни», а с позиций реального положения татар и башкир, понимания нынешней общности башкирско-татарского народа². Нужно нашим татарским и башкирским филологам и историкам осознать, что ежегодно в мире исчезают 10 языков, и 90% населения мира говорят всего на 25 языках. Русский язык в эти 25 языков входит, а татарский и башкирский нет.

Зиннуру Газизовичу был чужд показной и агрессивный квазипатриотизм. Он был творческой личностью, а не догматической. Наверное, этому способствовало его высшее образо-

вание: он закончил филологический факультет университета по отделению русского языка и стал специалистом своего родного башкирского языка на мощном фундаменте русского языка. Он владел, как специалист, татарским диалектом нашего татарско-башкирского языка. Он владел турецким языком, центральным языком тюркоязычного пространства.

Он готов был обсуждать любую идею, но это не значит, что его легко было уговорить соглашаться.

Сохранение ИИЯЛ в РАН

Когда я стал президентом АН РБ, некоторые «идеологи суверенитета» ставили вопрос о создании своих институтов в системе АН РБ гуманитарного, социального и аграрного направлений. В частности, предлагали перевести Институт истории языка и литературы УНЦ РАН в систему АН РБ. Предлагали разбить ИИЯЛ на два института: институт истории и институт башкирского языка. В президиуме РАН перевод ИИЯЛ из РАН в АН РБ были готовы поддержать. Я не поддерживал эту идею, потому что, во-первых, для этого, отказываясь от средств федерального бюджета, нужно было найти устойчивое финансирование из республиканского бюджета. Во-вторых, и это главное, нельзя отрывать науку о башкирском языке и историю Башкортостана от общероссийской науки. Такой отрыв гуманитарных исследований от Отделения гуманитарных наук РАН, от внимания ведущих ученых России неизбежно привел бы к изоляции и снижению уровня исследований, к усилению влияния квазипатриотов и избыточной подчиненности гуманитарной науки Башкортостана республиканской администрации. Но квазипатри-

оты давили. З.Г. Ураксин и коллектив института не хотели ухода из РАН. Особенно сильно давили некоторые профессора Башкирского государственного университета и некоторые сотрудники администрации Президента РБ, далекие от академической науки и более зараженные вирусом квазипатриотизма. Причем давили на З.Г. Ураксина, который был по совместительству профессором БГУ, давили, используя демагогию квазипатриотизма типа: какой же ты основатель и член Башкирской академии наук, если ты даже свой институт не переводишь в Башкирскую академию наук. Если бы не позиция З.Г. Ураксина и коллектива института, я, наверное, не сумел устоять и согласился бы на перевод ИИЯЛ из УНЦ РАН в АН РБ, т.е. из одной подведомственной мне организации в другую подведомственную мне организацию. Но Президент РБ М.Г. Рахимов на меня не давил, мне доверял, и я не позволил сделать ошибочный шаг. И позиция З.Г. Ураксина была определяющей.

Реорганизация АН РБ

Особенно активно действовали наши противники в 1995 г., когда я был исполняющим обязанности президента АН РБ, причем не избранным Общим собранием АН РБ, а назначенным Указом Президента РБ М.Г. Рахимова в январе 1995 г. до апреля 1996 г. с целью реорганизации АН РБ. Мои противники, около 10–12 человек из членов АН РБ и сотрудников УНЦ РАН, объединились вокруг созданного тогда по моей инициативе Государственного комитета по науке РБ, а точнее вокруг его председателя Р.А. Якшибаева, и стали требовать моего ухода с поста руководителя АН РБ. Наиболее активными среди них

были академики АН РБ Д.Л. Рахманкулов и Ф.С. Файзуллин и чл.-корр. РАН Х.Н. Гизатуллин. Еще до этих событий я освободил Д.Л. Рахманкулова от обязанностей и.о. академика-секретаря Отделения химии АН РБ за противодействие реализации программы развития АН РБ, одобренной Общим собранием. Я также инициировал освобождение Х.Н. Гизатуллина от обязанностей директора Института экономики УНЦ РАН за очень слабую научную деятельность института³. Наши противники писали письма М.Г. Рахимову, опубликовали лживую статью в «Комсомольской правде», направленную против меня, моих коллег, в том числе и З.Г. Ураксина. Квазипатриоты поставили вопрос о состоянии АН РБ на заседании исполкома Всемирного Курултая башкир — общественной организации, где председателем был профессор истории, ныне вице-президент АН РБ Н.А. Мажитов, а заместителем председателя З.Г. Ураксин. Зиннур Газизович выступил категорически против такого обсуждения Академии наук РБ в общественной организации, где преобладают люди, далекие от науки. Но его не послушались. Доклад об АН РБ при моем отсутствии (меня даже не пригласили) сделал Д.Л. Рахманкулов, не несший никакой ответственности в АН РБ и не имеющий никакого отношения к Курултаю башкир). В результате было составлено обращение к М.Г. Рахимову с требованием о моем снятии с должности и.о. президента АН РБ. Интересно, что двумя годами позже я получил благодарность от того же исполкома Курултая башкир, подписанную тем же Н.А. Мажитовым, за мои выступления по башкирскому языку. А тогда З.Г. Ураксин написал письменное заявление, что он в знак протеста выхо-

дит из исполкома Курултая. Это был мужественный шаг.

Надо знать то идеологическое и моральное влияние, которое порой имеют национальные сообщества среди татар и башкир, в которых наибольшую «политическую» активность проявляют квазипатриоты. Их крикливость многократно превышает их достижения и вклад в развитие своей нации, и они способны шумно представлять неугодного предателем своей нации. Нормальные люди не любят скандалов и побаиваются выступать против них. Я помню, как в 1995 г. ко мне пришел руководитель татарской общественной организации в Уфе К. Яушев и потребовал, чтобы я не снимал с должности упомянутого выше Х.Н. Гизатуллина (татарина). В противном случае, пригрозил он, татарская общественность добьется, чтобы меня выдворили из Башкортостана.

В 1999 г. во время моей избирательной кампании в Госдуму РФ группа из 3–5 татарских квазипатриотов (среди них был и Х.Н. Гизатуллин⁴) приходила на мои встречи с избирателями и обвиняла меня, что я предал родной татарский язык. И все потому, что я активно выступил в Государственном собрании РБ за признание башкирского языка вторым (вместе с русским языком) государственным языком Республики Башкортостан. На одной из таких встреч я предложил: давайте приведите вы своих детей, а я своих, и мы проверим, как владеют татарским языком мои и ваши дети. На это никто не откликнулся. Потому что они не могут даже своих детей обучить родному языку. Квазипатриоты способны только обвинять.

После Общего собрания 1996 г., несмотря на резко отрицательное выступление против меня Д.Л. Рахман-

кулова, я подавляющим большинством при тайном голосовании был избран президентом АН РБ. Квазипатриоты под флагом «выполнения указа Президента РБ» усилили свои требования организации собственного института башкирского языка, башкирской истории и социальных исследований в «интересах суверенной Республики Башкортостан». Ко мне пришли З.Г. Ураксин и М.А. Ильгамов, мой главный заместитель по УНЦ РАН и АН РБ, и с сожалением сказали, что ИИЯЛ придется переводить из УНЦ РАН в АН РБ. Вот тут уже я сказал, чтобы они держались и не боялись квазипатриотов и что мы вместе выдержим их напор⁵.

Надежность

Зиннур Газизович был благородной личностью. Часто благородство связывается с «благородной» внешностью и «благородными» манерами. Он как раз обладал не этими внешними атрибутами, а благородством поведения и мыслей. Иногда совершенно беззлобно один из моих коллег называл его «крестьянский сын». Хотя я имею дворянские корни, один дед был известным учителем, отец профессором, являюсь и крестьянским внуком. Так что у нас с Зиннуром Газизовичем общее классовое происхождение.

З.Г. Ураксин никогда не подхалимничал и мог жестко высказаться против предложения руководителя. Он был надежным. Умных много, надежных мало. Это высказывание, несмотря на то, что умных тоже немного, — очень актуально. Мне, выходцу с мехмата МГУ, казалось, что самыми надежными являются математики. Поэтому, когда я стал председателем УНЦ РАН, я сразу пригласил к себе

заместителем директора Института математики УНЦ РАН чл.-корр. РАН, академика АН РБ В.В. Напалкова. Через год я вынужден был освободить его от обязанностей моего заместителя из-за ненадежности. Соглашаясь со мной, он после этого «бежал» к моим противникам (а это 10–12 членов объединенного общего собрания АН РБ и УНЦ РАН) и соглашался с ними, оправдывая это тем, что один неверный шаг и Институт математики УНЦ РАН будет в опасности⁶.

Не таков был Зиннур Газизович. Он никогда не «бегал» и не суетился.

Один раз З.Г. Ураксин жестко высказал свое возмущение мне тем, что завершающую фазу выделения Отдела народов Урала УНЦ РАН, руководимого чл.-корр. РАН Р.Г. Кузеевым, из структуры ИИЯЛ я провел без согласования с ним. Это решалось в Москве в отделении истории, руководимом академиком А.А. Фурсенко, и в президиуме РАН. Времени было в обрез, и я все провел без последних согласований с З.Г. Ураксиным. Я очень сожалел, что так произошло. Это была единственная размолвка между нами. Здесь же замечу, что отношения между двумя выдающимися людьми З.Г. Ураксиным и Р.Г. Кузеевым были очень натянутыми, хотя это никогда не выплескивалось наружу.

Весь 1995 год — год реорганизации АН РБ я намеревался предложить М.Г. Рахимову и Общему собранию кандидатуру нового президента АН РБ. Первым, на ком я остановился, был З.Г. Ураксин. Я предложил его Президенту РБ М.Г. Рахимову. Муртаза Губайдуллович категорически не согласился. Затем я остановился на том, чтобы пригласить на эту должность М.А. Ильгамова из Казани, крупного ученого, чл.-корр. РАН, башкира, выходца из Абзелиловского

района. Я с ним об этом договорился. Договорился и с М.Г. Рахимовым, чтобы он познакомился с М.А. Ильгамовым во время своего визита в Казань. Они познакомились, но одобрения М.Г. Рахимов не высказал. Он только высказал сомнения, хотя жесткого возражения не было тоже. К концу 1995 г. я понял, что должности председателя УНЦ РАН и президента АН РБ должен занимать один человек. Я осознал, что если должность президента АН РБ займет даже мой родной брат, то через некоторое время у нас возникнут конфликты. Нельзя, чтобы одним рулем «рулили» два человека. Все дальнейшие события показали, что я был абсолютно прав.

После этого мне пришлось уговорить М.А. Ильгамова переехать в Уфу и согласиться на должность первого заместителя председателя УНЦ РАН и первого вице-президента АН РБ.

Зиннур Газизович был спокойным, немногословным человеком. Я часто с интересом наблюдал, как этот скромный, коренастый, невысокого роста мужчина преображался, когда на праздничных вечерах начинали звучать башкирские мелодии – он самозабвенно и задорно, с прекрасным знанием ритма танцевал башкирские народные танцы. Я помню, что как-то в одном из первых вечеров, когда мы в президиуме на К. Маркса, 6 отмечали какой-то праздник, заиграла башкирская мелодия, и Раиль Гумерович Кузеев мне шепнул не без ехидства, что сейчас пойдет в пляс Зиннур Газизович. И действительно, Зиннур Газизович начал свой танец. И я сразу заметил, что он не только выполнял танцевальные движения. Он жил в своем танце, жил, в душе возвращаясь в свои детские годы. Помню, как узнав, что моя дочь Карима осваивает башкирский язык, он подарил моей

дочери несколько небольших детских книжек, написанных им на башкирском языке.

Еще одна черта Зиннура Газизовича. За время нашей совместной работы он давал мне характеристики на коллег, которых я выдвигал на повышение, и иногда эти характеристики мне тогда казались неточными. События показали, что он *всегда* оказывался прав.

Расскажу историю с обсуждением работы чл.-корр. АН РБ Г.Г. Саитбатталова по грамматике башкирского языка. Она была представлена на Государственную премию по науке РБ. З.Г. Ураксин был в Комиссии по таким премиям, ответственным за работы гуманитарного цикла, а я был председателем комиссии. Еще перед обсуждением на комиссии он мне высказал свою среднюю оценку этой работы, сказав, что работа правильная, но в ней нет находок, нет оригинальных взглядов, чтобы соответствовать Государственной премии РБ. Кстати, Зиннур Газизович никогда не давал резко отрицательных оценок. При обсуждении на заседании комиссии он подытожил не восторженные, но и не отрицательные отзывы рецензентов, сказал несколько положительных слов и особо не рекомендовал, чтобы члены комиссии проголосовали за эту работу. При тайном голосовании работа не получила даже половины голосов. Видимо, сказались и репутация Г.Г. Саитбатталова. Но в тот год Президент РБ добавил одну премию, и можно было присудить ее еще одной работе из не набравших достаточное число голосов. Но для этого надо было провести дополнительное голосование. Так как гуманитарии не получили премии, я решил проявить «либерализм» по отношению к гуманитариям и предложил вернуться к

работе Г.Г. Саитбатталова⁷ и проголосовать еще раз. Почти все члены комиссии возразили — раз работа не получила даже половины голосов, то ее нельзя дальше рассматривать. На следующий день я зашел к секретарю Комиссии Г.Б. Фаизову, очень уравновешенному и доброжелательному сотруднику администрации Президента РБ, чтобы подписать все протоколы. Он мне рассказал, что приходил Г.Г. Саитбатталов, возмущался тем, что два татарина — Нигматулин и Ильгамов — не дали ему премию. Гали Биктимирович сам был свидетелем, как все происходило, поэтому «оправданий» не требовалось. Я только добавил, что я действительно татарин, и этот «недостаток» не исправишь. Но М.А. Ильгамов этим «недостатком» не обладает: он «чистый башкир» из Абзелиловского района. Г.Б. Фаизов этому удивился, он тоже считал М.А. Ильгамова татаринком. Кстати, тут же выяснилось, что я тоже «ошибался», считая Г.Б. Фаизова башкиром, а он оказался татаринком. Вот так мы, башкиры и татары, и живем⁸. О времена, о нравы! — сказал бы классик.

Новое руководство ИИЯЛ

В 2001 г. З.Г. Ураксин пришел ко мне и заявил, что по состоянию здоровья не будет баллотироваться на следующий срок на пост директора института. Институту нужна свежая кровь, — сказал он. Я попытался в мягкой форме уговорить его остаться, но он очень определенно сказал, что принял окончательное решение.

Мы с М.А. Ильгамовым стали искать кандидата на пост директора ИИЯЛ и после согласования с З.Г. Ураксинным остановили свой выбор на докторе политических наук И.Г. Илишеве. Он вырос в городе,

знал башкирский язык, работал в БГУ, в администрации Президента РБ, стажировался в США, хорошо владел английским языком, владел также немецким. Решением президиума УНЦ РАН, согласованным с Отделением гуманитарных наук РАН, он был назначен и.о. директора с последующим избранием по конкурсу.

И.Г. Илишев активно работал, мы с М.А. Ильгамовым были им довольны. Я как-то поинтересовался у З.Г. Ураксина его мнением о работе нового директора. Зиннур Газизович одобрил, но, улыбнувшись, заметил, что молодой директор слишком часто ссылается на свою стажировку в США. Но вскоре И.Г. Илишева у нас забрали сначала директором Юридического института БГУ, а через несколько месяцев назначили вице-премьером в Правительстве РБ.

Пришлось снова решать, кого назначить директором. Мы остановили свой выбор на профессоре Фирдаус Гильметдиновне Хисаметдиновой вопреки косым взглядам на нее со стороны администрации Президента РБ. Сейчас она успешно руководит институтом З.Г. Ураксина.

Примерно в это время Зиннур Газизович тяжело заболел. После длительного лечения он восстановил речь, я успел с ним поговорить по телефону, и это был наш последний разговор.

Административное давление

В это же время изменилось ко мне отношение Президента РБ М.Г. Рахимова⁹. Думаю, что это произошло из-за рукописи статьи «Что надо делать в Башкортостане»¹⁰. Начались непрерывные проверки разными комиссиями. Думаю, что эти проверки инициированы не М.Г. Рахимовым, а его «аппаратчиками», которые хо-

тели выслужиться. Проверялись как УНЦ РАН, так и АН РБ. Их в течение полутора лет было шесть из разных ведомств. Никаких существенных нарушений не нашли, хотя некоторые комиссии очень хотели найти. Одна из комиссий от уфимского управления Минфина РФ по РБ была особенно низкого уровня. Все надбавки к тогдашним ничтожным окладам научных сотрудников эта комиссия представила нецелевым использованием средств. И мне было приписано административное правонарушение. Руководитель этой комиссии, видимо, понимал, что это глупость, и доложив, что он задание начальства выполнил, стал недоступен для разъяснений. Но после официальных разъяснений, данных финансово-экономическим управлением РАН, это обвинение было снято судом. Одна комиссия по проверке АН РБ была из счетной палаты РБ. Председатель комиссии, один из руководителей Счетной палаты, оставшись со мной наедине, сказал: «Роберт Искандерович, мы понимаем, кто Вы и что Вы значите для республики, и что именно Вас приглашают лучшие университеты мира. Не переживайте».

В январе 2004 г. после девяти лет работы президентом АН РБ я ушел с этого поста. Дело в том, что М.Г. Рахимов пригласил моего заместителя М.А. Ильгамова и сказал, что больше меня принимать не будет, а АН РБ не могла не подчиняться Президенту РБ.

Я продолжал быть председателем УНЦ РАН, продолжал вести объединенные заседания президиума УНЦ РАН и АН РБ. По просьбе Э.В. Кульмухаметова, тогда являвшегося главным федеральным инспектором по РБ, я провел такое объединенное заседание, посвященное обсуждению

программы удвоения ВВП Башкортостаном. Основной доклад сделал заместитель Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.А. Обозов. Я сделал содоклад, основанный на вышеупомянутой статье «Что надо делать в Башкортостане». Про мое выступление (уверен, что в искаженном виде) «донесли» Президенту РБ. Это вызвало острую реакцию. Вызвали М.А. Ильгамова, и, как он рассказал, раздались угрозы закрытия АН РБ. М.А. Ильгамов собрал академиков АН РБ. Большинство академиков выступили с сожалением о создавшемся положении, но без «нападок» на меня. Академики АН РБ А.В. Бакиев, Р.Н. Гимаев, У.Б. Имашев, Р.Ш. Магазов, Ф.С. Файзуллин меня «осудили». Академик АН РБ Д.Л. Рахманкулов, сказал, что «Нигматулин полностью дискредитировал себя в глазах научной общественности тем, что занимался интриганством и политиканством», что в институтах УНЦ ведется слабая работа, что «если Вам не нравится Башкирия, то Вас никто не держит, Вы потеряли лицо и Вам не место в республике». Д.Л. Рахманкулов был хотя бы последовательным¹¹. А академик АН РБ В.В. Напалков сказал, что его Институт математики «готов выйти из УНЦ, чтобы не быть заложником ситуации»¹². После этого пришлось нашим заседаниям президиумов разделиться.

В 2005 г. глава администрации Президента РБ Р.Ф. Хабиров, не уведомив меня, пригласил к себе директоров институтов УНЦ РАН. Среди приглашенных был и чл.-корр. РАН Х.Н. Гизатуллин. В этот же день мои коллеги рассказали о ходе этой встречи. Открывая ее, Р.Ф. Хабиров сказал, что Президент РБ принял решение о том, что Нигматулин должен уйти

с поста председателя УНЦ РАН, а в этом доме решения своего руководителя не обсуждают, а выполняют. Поэтому он предлагает, чтобы присутствующие подписали письмо на имя президента РАН Ю.С. Осипова о том, чтобы Нигматулина сняли с должности председателя УНЦ РАН. Тут же выступил Х.Н. Гизатуллин и сказал, что Нигматулин все развалил. О.А. Кайбышев сказал, что Нигматулин никакой не ученый и его надо убрать. На это Р.Ф. Хабиров заметил, что они не ставят вопрос о том, что Нигматулин плохой ученый. Все остальные заявили, что они предлагаемое письмо подписывать не будут. Чл.-корр. РАН В.Н. Пучков сказал, что он уже 15 лет работает в Уфе, занимаясь полезными ископаемыми Урала, и его первый раз приглашают в администрацию Президента РБ, чтобы обсудить не полезные ископаемые, а подписать недостойное письмо. Думаю, что 20 лет тому назад все бы подчинились давлению руководства республики (тогда оно называлось обкомом). Так что прогресс в нашей среде есть. Нет прогресса в среде чиновничества.

В сентябре 2005 г. вице-президент РАН Г.А. Месяц мне сказал, что звонил М.Г. Рахимов и просил снять меня с должности председателя УНЦ РАН, ссылаясь на то, что я занялся политикой. Странная логика — ученые не должны заниматься политикой, и получается, что политику нужно полностью отдать чиновникам. Г.А. Месяц ответил М.Г. Рахимову, что в РАН действует Устав, и в соответствии с Уставом у президиума нет оснований снимать Нигматулина с должности.

В октябре 2005 г. я пришел к президенту РАН Ю.С. Осипову и сказал, что хочу вернуться в Москву, и назвал два академических института, где мог

бы работать руководителем. Об этом я просил Юрия Сергеевича никому не говорить. Но прежде чем покинуть пост председателя УНЦ РАН, я предложил провести отчетно-перевыборное собрание с моим отчетом в связи с окончанием пятилетнего срока избрания и моим переизбранием. Я был уверен в своем переизбрании. Тем самым мы бы провели «акт воспитания» администрации Башкортостана, показав, что Российская академия наук держит свой курс. Через месяца два после этого я хотел оставить свой пост, рекомендуя на него моего заместителя чл.-корр. РАН У.М. Джемилева. Но «получилось, как получилось», что «не принесло никому счастья». Но эта история, в которой, «усыпив мою бдительность», сыграл «неположительную роль» ныне покойный вице-президент РАН Н.А. Платэ, история с Институтом проблем сверхпластичности металлов УНЦ РАН и история с О.А. Кайбышевым — предметы для воспоминаний в другой статье.

После тринадцати башкирских лет

31 марта 2006 г. завершились мои тринадцать башкирских лет, самых бурных и вдохновенных лет моей жизни. Я ушел с поста председателя УНЦ РАН и с 1 апреля стал членом президиума РАН. В конце 2006 г. я стал директором одного из самых больших институтов РАН — Института океанологии им. П.П. Ширшова, а еще позднее и заведующим своей «родной» кафедры газовой и волновой динамики на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Я окунулся в новую и очень интересную работу. Но раз в один-два месяца я приезжаю в Уфу, так как в Институте механики работает моя группа многофазных систем.

В один из приездов в марте 2007 г. поздно ночью в аэропорту встречающий меня водитель сообщил, что скончался З.Г. Ураксин и что утром будет прощальная панихида. Когда я утром вошел в новый корпус УНЦ, то увидел, что собралось много народа. Вел печальное собрание вице-премьер Правительства РБ И.Г. Илишев. Панихида была очень короткой¹³. После завершения панихиды образовалась очередь тех, кто, подойдя к гробу, подходил к сидевшей рядом вдове – Венере-ханум и тихо выражал ей свои соболезнования. Венера-ханум сидя безутешно слушала. Настала моя очередь, я положил цветы и подошел к Венере-ханум. Она, увидев меня, неожиданно сразу встала. Я обнял ее и сказал несколько слов о том, что я очень уважал Зиннура Газизовича, что я ей сочувствую. То, что она встала, подчеркиваю – неожиданно для меня, в такой скорбный момент, для меня означало, что З.Г. Ураксин относился ко мне с особым уважением, о чем он, будучи очень сдержанным человеком, никогда мне не говорил. Не говорил ему о своем особом к нему уважении и я.

То, что Венера ханум встала, стало для меня самой *чувствительной*, а в этот печальный момент и *пронзительной* наградой за мои ТРИНАДЦАТЬ БАШКИРСКИХ ЛЕТ.

Послесловие

Прошло четыре года после моих 13 башкирских лет.

В этом году М.Г. Рахимов прислал мне правительственную телеграмму с поздравлением по случаю моего семидесятилетия. Это одна из официальных наград за мои 13 башкирских лет.

Еще одну награду за эти 13 лет я получил от уфимской общественности, которая заполнила большой зал во дворце Конгрессов на торжественном собрании, посвященном моему юбилею, и выслушала мой доклад.

Огорчения стираются из памяти. Осталась время от времени охватывающая меня неутрачиваемая печаль по ушедшим за все эти годы, кто был со мной в эти мои 13 башкирских лет:

Рыфату Рахматулловичу Мавлютову,
Фанилю Лутфрахмановичу Саяхову,
Наталье Владимировне Старовой,
Раилу Гумеровичу Кузееву,
Карлу Самойловичу Минскеру,
Загидулле Исхаковичу Сюняеву,
Александру Ивановичу Спиваку,
Зиннуру Газизовичу Ураксину.

А еще ушли мои ученики Наиль Ахмадеев и Анвар Кутушев, мой друг Апуш Сагидуллин и мой любимый дядя Рал абы Терегулов. Ушла незабвенная Айсылу Ильгамова, супруга Марата Аксановича Ильгамова. Ушел выдающийся профессор Азат Халилович Мирзаджанзаде.

Часто стали вспоминаться строчки Давида Самойлова:

Скрепляют болезни и смерти
Отчетливость памятных лет.

.....

Лишь память, лишь память
дана нам,

Чтоб ею навеки болеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После 1996 г. такие региональные конференции АН РБ стала проводить каждые два года. Следующая была в Мечетлино и была посвящена проблемам северо-восточных районов. Затем была в Октябрьске и была посвящена проблемам западных районов. И, наконец, конференция в Стерлитамаке, посвященная проблемам южных районов.

Эти конференции тщательно готовились. За год до конференции в регион начинали выезжать группы ученых, они изучали социальные, экономические, медицинские, экологические проблемы региона. Администрация Президента РБ обязывала администрации районов оказывать всяческую поддержку ученым. На конференции съезжались руководители районов, учителя, врачи и другие представители интеллигенции. Доклады делали не только научные работники, но и руководители республиканских и районных служб, учителя, врачи, работавшие в этих районах. Я вел конференцию вместе с главой района, на территории которого проводилась конференция. Но после 2000 г. чиновничество постепенно перестало чувствовать зависимость от общественности, в том числе и научной общественности, стало «самодостаточным». А без поддержки администрации такие конференции стало проводить практически невозможно.

² Мы с З.Г. Ураксиным и М.А. Ильгамовым содействовали, чтобы М.В. Зайнуллина избрала членом-корреспондентом АН РБ. Позднее, в 2009 г., он был избран и академиком АН РБ.

³ Х.Н. Гизатуллин, чл.-кор. РАН, имел математическое образование, до работы в Уфе был хорошим специалистом по межотраслевому балансу экономических систем. Он занимался этим в Институте математики и механики УрО РАН в Екатеринбурге. Став директором Института экономики в Уфе, вместо подготовки специалистов по математической экономике и развитию исследований по экономике региона стал выступать в различных печатных органах с непродуманными и грубыми высказываниями, недостойными научного работника. В результате анализ деятельности института показал, что он сам и сотрудники института за 10 лет не опубликовали ни одной статьи в рецензируемых академических журналах. Вся продукция свелась к двум-трем местным ротاپринтным изданиям. Приехав в Уфу, я пытался уговорить его отойти от низкопробной публицистики и сосредоточиться на науке. Но он не сумел справиться с этим. Пришлось заняться снятием его с должности директора.

Следующий директор, доктор экономических наук Р.В. Фаттахов, был рекомендован руководством Отделения экономики РАН. К сожалению, он оказался слабым директором, не способным перестроить работу Института экономики, реорганизованного в Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН. Нужны серьезные усилия по реорганизации ИСЭИ.

⁴ В 2002 г. после моего выступления на съезде татар Башкортостана ко мне подошел младший брат Х.Н. Гизатуллина и сказал: «Роберт Искандерович, держитесь, терпите и не сдавайтесь. Я осуждаю брата за его борьбу с Вами».

⁵ Несколько членов АН РБ из Башкирского государственного университета требовали создать институт социальных исследований в «интересах суверенной Республики Башкортостан». Я предложил им написать программу таких исследований. Ничего путного они не предложили. Им нужен был «свой» институт. «Хорошо, – сказал я им, – давайте мы вас профессоров БГУ зачислим на полставки в Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН на должности заведующих лабораториями, в которые вы наберете молодых людей. Таким образом мы создадим вам те условия, какие вы хотите. АН РБ будет финансировать ваши работы». Кончилось это тем, что эти радетели социальных, правовых и философских исследований «в интересах суверенной Республики Башкортостан» не ходили на работу, не смогли организовать лаборатории. Иногда жаловались, что им не платят зарплату, хотя она им перечислялась на депозит, потому что они не приходили в институт хотя бы в один из трех дней выдачи зарплаты. Я не хочу сказать, что они были совсем неспособными вести научную работу и писать статьи. Нет, они писали иногда и неплохие статьи. Но вести научно-исследовательскую работу в рамках академического института они были неспособны. Но свою неспособность они объясняли тем, что АН РБ недостаточно их обеспечивает.

⁶ Это абсолютно не соответствовало действительности, хотя бы потому, что труды этого института в Башкортостане никого не интересуют, в том числе не интересуют ни один академический институт. Сотрудники Института математики перестали *думать* о том, где их теоремы могли бы быть использованы, хотя бы в теоретических науках. Об этой «болезни» среди математиков писал академик С.П. Новиков. Только сам В.В. Напалков мог достаточно определенно и интересно (по крайней мере, для меня) рассказать о своих результатах.

⁷ Г.Г. Сайтбатталов подписал несколько статей в газетах, направленных против меня. Неоднократно выступал против М.В. Зайнуллина. Он неоднократно приходил ко мне, рассказывал, что пишет многогранную грамматику башкирского языка, говорил, что М.Г. Рахимов поддерживает его работу, хотя я знаю, что Муртаза Губайдуллович не переоценивал его. Из его высказываний следовало, что единственным ученым в РБ является он сам. Ни про кого он положительно не высказывался, всех характеризовал отрицательно, в том числе и З.Г. Ураксина. Порой его было жалко, потому что он жил в иллюзиях своего величия. Я подметил одну характерную черту у людей, постоянно выражающих недовольство тем, что его этнос обижают, не выдвигают. При беседах один на один они хвалят только себя и ругают всех своих коллег, в том числе и всех своих «соплеменников».

⁸ Уже после написания настоящей статьи я узнал, что скончался Г.Г. Сайтбатталов. Он с отличием окончил Башкирский педагогический институт (ныне БГУ), в 1969 г. в возрасте сорока лет защитил докторскую диссертацию (что по тем временам было достаточно редким в филологии), стал заведующим кафедрой, но в возрасте 49 лет перестал им быть. Может, такое «понижение» сделало Галея Галеевича «сердитым» на всех? Нельзя концентрироваться на мысли, что тебя недооценивают. Это портит характер.

Мир праху его!

⁹ К сожалению, должен констатировать, что вице-премьер И.Г. Илишев, человек «современной закваски», по своим знаниям превосходивший работников Правительства РБ, оказался ненадежным. Он «боялся» даже поздороваться со мной. Ведя гражданскую панихиду на прощании с Р.Г. Кузеевым в 2004 г., он «не замечал» меня, не дал мне выступить, хотя я был председателем Уфимского научного центра РАН, где работал Р.Г. Кузеев. Видимо, он боялся, что его за это накажет М.Г. Рахимов.

Я не стал бы здесь вспоминать И.Г. Илишева, если бы не безобразный эпизод на встрече делегатов Всемирного Курултая башкир в 2010 г., показанный по телевидению. Я был поражен, как он, выросший в городской среде, имеющий ученую степень доктора наук, мог сделать нелепый выпад против саратовской делегации за то, что они участвуют и на Всемирных форумах татар в Казани. «Определитесь», — потребовал он, добавив несколько непотребных слов. Выпад был безобразен как по содержанию, так и по форме. Видимо, работа в чиновничьей среде Башкортостана, да и всей России, присущий этой среде страх потерять свою должность не только портят людей, но и сильно оглушают.

¹⁰ Эта статья годом позднее была опубликована в Федеральном Вестнике (2005) и в моей книге «Как обустроить экономику и власть в России» (Москва, Экономика, 2007).

¹¹ Я привел по протоколу этого собрания эти выражения, чтобы показать уровень аргументации Д.Л. Рахманкулова. Никто из присутствующих его не пристыдил.

Я неоднократно пытался привлечь Д.Л. Рахманкулова к какой-нибудь конкретной работе в президиуме АН РБ. Несмотря на систематические его выступления против меня, письма в разные адреса, в том числе и в прокуратуру, я в 2001 г. предложил и настоятельно просил Общее собрание АН РБ избрать его членом президиума, чтобы он нес ответственность за какое-нибудь дело в АН РБ. Он не пользовался никаким научным авторитетом. Он никогда не делал научных докладов, у него не было значимых публикаций. Это как раз тот случай, когда человек сильно преувеличивает свою научную значимость, а значит, не знает своего места. Но мне хотелось его активность использовать во благо. Тем более, что меня просил об этом мой заместитель академик АН РБ А.Г. Гумеров и очень уважаемый мной человек профессор З.И. Сюняев. Говорили, что Д.Л. Рахманкулов был успешным бизнесменом. Он происходил из Оренбургских краев из тех же мест, что и мой дед по матери. Но мне привлечь его к созидательной академической работе не удалось. Д.Л. Рахманкулов скончался в 2009 г.

¹² Такое поведение математиков УНЦ РАН очень для них характерно — пусть все пропадет, лишь бы их не трогали. Приведу только один пример. До 1990 г. Институт математики и

Отдел физики УНЦ РАН занимали одно здание. Это здание руководство республики отдало мусульманскому управлению, а взамен ученым дали здание райкома партии. Математики въехали, а физиков не пустили. Физики проявили слабость и остались на улице, а точнее, в сарае с земляным полом. Когда я стал председателем УНЦ РАН, размещение физиков стало серьезной проблемой. Только к 2003 г. они получили нормальные условия. А математики 30% своих площадей сдают в аренду банку. Остальные площади тоже фактически пустуют, потому что математики редко ходят на работу. Но математики должны помнить, что мне пришлось уговаривать Президента РБ Рахимова, чтобы их здание у них не отобрали, потому что мэрия города Уфы хотела его вернуть, предоставив взамен подвал.

¹³ Мне потом сказали, что ведущий увидел, что пришел я. Не спросив у собравшихся, не желает ли еще кто-то выступить, как это обычно делается в таких случаях, он быстро прекратил выступления. Мои коллеги решили, что И.Г. Илишев опасался, что я попрошу слово для выступления. Может, это и не так. Во всяком случае, он не подошел и не поздоровался со мной, бывшим его руководителем, старшим по возрасту и научному званию, как это было положено для культурных людей. Жаль, что подтвердился прогноз Мансура Анваровича Аюпова.

УДК 81'374

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.А. Тимерханов, доктор филологических наук

В последние годы все больше внимания уделяется систематизации и исследованию теоретических основ национальной лексикографии, составлению и изданию татарских словарей различных типов. Развитие данного направления приобретает в нынешний период особую актуальность, так как все больше возникает потребность в фиксации многочисленных изменений в языке, прежде всего в наиболее проницаемой его части — лексической системе, — обусловленных бурными процессами в общественно-политической, экономической, культурной жизни в стране и мире. Эти условия способствуют в целом динамичному и плодотворному развитию национальной лексикографии и всего татарского языкознания.

Татарская лексикография имеет давние и богатые традиции, которые во многом основаны на опыте составления двуязычных словарей, преследовавших разные цели. Это были главным образом русско-татарские и татарско-русские словари, что вполне естественно, так как на протяжении многовекового соседства и сосуществования между татарским и русским народами сложились прочные социально-экономические и культурные связи, сформировалось общее духовно-культурное пространство, ставшее впоследствии достоянием всех наро-

дов бывшего СССР и современной России. Такое тесное взаимодействие с давних пор вызывало необходимость в создании переводных словарей и разговорников разных типов. Нередко эти издания служили основным справочным пособием в процессе перевода татарских текстов на русский язык и наоборот.

Впоследствии значительный положительный опыт в составлении этих и других словарей, накопленный на протяжении нескольких столетий, стал надежной основой для разработки и успешной реализации более масштабных лексикографических проектов на современном этапе. Лучшие традиции тюрко-татарской лексикографии советского и постсоветского периодов нашли отражение в *Толковом словаре татарского языка в 3-х томах* [1], *Русско-татарском словаре* [2], *Татарско-русском словаре* [3], *Татарско-русском словаре в 2-х томах* [4] и ряде других фундаментальных изданий. Очередным значительным достижением татарской лексикографии новейшего периода стал выход в свет однотомного *Толкового словаря татарского языка* [5], подготовленного коллективом ученых ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана под научным руководством проф. Ф. А. Ганиева. Это плод большой и долгой кропотливой работы

на основе углубления и совершенствования научных принципов построения такого рода словарей, а также использования всего современного положительного опыта в данной области. В словарь вошло около 58 тысяч слов и фразеологических единиц. Он будет служить богатейшим источником, отражающим духовно-культурное наследие татарского народа и национально-языковую картину татарского, а в определенной степени и тюркского мира.

Продолжается интенсивная работа по созданию новой, еще более полной и совершенной версии толкового словаря татарского языка в 4-х томах, первый том которого уже на стадии завершения, а остальные части находятся в разработке.

Наряду с этим в разные периоды создавались и другие двуязычные, реже многоязычные словари с привлечением иностранных языков, западных и восточных: английского, арабского, персидского, турецкого. Однако их было значительно меньше. Всего насчитывается, например, около пятнадцати арабско-татарских и татарско-арабских словарей, относящихся к разным периодам. В связи с этим можно отметить небольшой многоязычный словарь Г.Ишмухамметова *Тәрки, фарсы, гарәп һәм казахча, татарча, русча сүзлекчә* [6].

Выход наиболее объемных изданий такого рода, составленных на материале татарского и других языков, относится ко второй половине XX в. и новейшему периоду. Среди таких трудов, несомненно, следует выделить *Арабско-татарско-русский словарь заимствований*, увидевший свет в 1965 г. [7] и переизданный в 1993 г. [8]. Это своего рода хранилище той богатой и неповторимой лексики, часть которой отошла в пассивный словарь

татарского языка или полностью вышла из оборота в процессе всеобщей советизации национальной культуры. Богатейший материал из арабского языка с переводом на татарский и русский языки, отдельные объяснения, приложение с кратким грамматическим очерком арабского языка делают этот труд поистине ценным и единственным пока источником такого рода для лингвистов и широкого круга читателей.

В последние годы издаются небольшие по объему новые терминологические словари, составленные на материале татарского и арабского языков. В частности, увидел свет *Словарь мусульманской терминологии* [9]. В условиях возрождения, развития национальной культуры и религии как важнейшей ее составляющей часть мусульманской терминологии, в основе своей арабского происхождения, вновь актуализируется и все активнее стремится занять свою нишу и утвердиться в современном татарском языке. А другая часть требует разработки и включения в лексикографические пособия. Поэтому составление таких словарей, хотя и преследующих узкоспециальные цели и не претендующих на полноту представленности лексикографического материала, является важным направлением развития современной татарской лексикографии.

Из двуязычных татарских словарей также достойны внимания довольно объемные *Татарско-турецкий словарь* [10] и *Турецко-татарский словарь* [11], составленные совместными усилиями татарских и турецких ученых. В них сосредоточен тот объем богатого материала, который отражает общность наших исторических корней и отвечает современному уровню развития сотрудничества между Татарстаном и Турцией в самых разных областях со-

циально-экономических, культурных и др. отношений.

Вместе с тем все более широкое сотрудничество Республики Татарстан с другими странами выдвигает новые требования и к процессу общения и диалога между представителями разных лингвокультур. В этой ситуации возникает потребность в создании больших двуязычных и многоязычных словарей татарского языка с активным привлечением иностранных языков. В условиях глобализации и стремительного развития международных связей как на уровне государств, так и отдельных регионов России увеличивается обмен специалистами в самых разных областях жизни, расширяется участие отечественных ученых, представителей бизнеса, культуры в международных конгрессах и симпозиумах, политических и экономических мероприятиях, открываются новые широкие перспективы сотрудничества с зарубежными фирмами. В большинстве случаев основным средством коммуникации при этом выступает английский язык. Согласно оценке ученых, сегодня до полутора миллиарда человек во всем мире в целях общения и обмена информацией пользуются именно этим языком. Глобальные процессы в экономике, политике, стремительное развитие высоких технологий, активная, а в определенной степени даже агрессивная экспансия Интернета — все это значительно расширяет границы распространения английского языка, выводя его далеко за пределы Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран, традиционно считающихся англоязычными. Английский язык, таким образом, постепенно превращается в глобальный язык общения. В условиях такой перспективы владение английским язы-

ком становится не только престижным, но и практически необходимым атрибутом современного человека, способным существенно повлиять на успех его профессиональной деятельности. С учетом этих тенденций в международной лексикографической практике стало уделяться больше внимания созданию словарей на основе национального (татарского) и иностранного (английского) языков. Наряду с другими мерами такой подход обеспечивает возможность носителям разных культур органично влиться в лингвистические процессы общемирового масштаба, сохранив при этом лингвоэтническую идентичность. Более того, межъязыковые контакты такого характера способны положительно повлиять не только на обогащение и развитие национальной языковой системы, но и на качество и эффективность межкультурной коммуникации носителей данных языков.

Наряду с этим сегодня все больше ощущается необходимость перевода произведений татарских писателей на английский и другие широко распространенные языки мира с тем, чтобы сделать классическую и современную татарскую литературу доступной читателю в мировом масштабе. Лексикографическая практика в этой деятельности составляет одно из ключевых звеньев. Поэтому актуальность создания двуязычных словарей татарского и английского языков сегодня как никогда возрастает.

В настоящее время существуют школьные, вузовские двуязычные и трехязычные словари небольшого объема, такие как *Англо-русско-татарский словарь физических терминов* [12], *Англо-татарско-русский словарь общественной лексики* [13], *Немецко-татарско-русский словарь об-*

щестроительной лексики [14], *Учебный англо-татарско-русский словарь-минимум* [15], *Англо-русско-татарский тематический словарь: (Соматическая фразеология)* [16] *Термины информатики и информационных технологий: Англо-татарско-русский толковый словарь* [17] и др. Имеются также двуязычные словари с английским языком, изданные в различных тюркских республиках и за рубежом, например: *Tatar-English / English-Tatar Dictionary* [18]. Наиболее полной представленностью языкового материала отличаются турецко-английские и англо-турецкие словари.

В контексте татарско-русского двуязычия создание таких словарей учебного типа без посредничества русского языка вызвало бы у большинства пользователей определенные трудности, ибо изучение английского языка в основном происходит посредством русского языка. Хотя, следует заметить, в последнее десятилетие также развивается направление, ставящее целью обучение иностранному языку на базе родного, татарского, языка. Двуязычные словари, созданные на основе трехязычных, являются более полными и точными. С учетом этих тенденций в качестве первого опыта в направлении создания более объемных татарско-английского и англо-татарского словарей недавно в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ подготовлен к изданию трехязычный *Татарско-русско-английский школьный словарь* объемом около 30 авторских листов, выход которого, к сожалению, в силу финансовых проблем затягивается.

Словарь составлен на основе словника хорошо известного читателю *Татарско-русского учебного словаря* [19] с сохранением его основных лексикографических принципов. Цель словаря — дать правильный и наиболее

точный перевод татарских слов на русский и английский языки с указанием их основных грамматических характеристик. В него вошло около 12 тысяч слов и словосочетаний, в том числе около 1000 актуальных фразеологических единиц с их точными эквивалентами, а при отсутствии таковых — описательными вариантами на русском и английском языках. В словаре также учтены те изменения и новообразования, которые характерны для современного этапа развития татарского языка, что в определенной степени вызвало необходимость обновления существующего татарского словника.

За основную форму подачи татарского глагола принят инфинитив на *-ырга/-ергә*, который по своим функционально-семантическим показателям соответствует неопределенной форме глагола русского языка. Английские глаголы во многих случаях указаны с послелогом, употребление которых наиболее характерно в данном значении глагола. В словарной статье также отдельно указаны словосочетания терминологического характера, составные слова, в том числе в определенном объеме и составные глаголы — все те единицы, которые со временем, очевидно, приобретут в словарях татарского языка статус отдельной самостоятельной вокабулы.

В словаре также учтены случаи употребления слов одной части речи в функции другой. Ряд слов, характерных для американского варианта английского языка, а также стилистически окрашенные слова отмечены соответствующими пометами.

В конце словаря дается приложение на татарском языке с кратким очерком грамматики английского языка. Этот материал справочного характера призван помочь понять и ус-

воить основные правила грамматики и облегчить процесс изучения иностранного языка на базе родного.

Словарь адресован широкому кругу лиц: всем тем, кто стремится расширить свой словарный запас и совершенствовать знания по татарскому и русскому языкам, а также овладеть английским — языком, претендующим на статус глобального средства общения. Данный труд может служить практическим пособием для учителей школ, студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, работников радио и телевидения, всех изучающих английский язык на базе родного (татарского, русского) языка или в силу профессиональной деятель-

ности пользующихся иностранным языком. Словарь также будет полезен в переводческой деятельности и работе средств массовой информации.

В условиях стремительного расширения международного сотрудничества и твердого стремления к организации многогранной деятельности по обеспечению еще более динамичного развития республики, активной пропаганде на международном уровне посредством перевода на иностранные языки различных образцов богатейшего духовно-культурного наследия татарского народа актуальность и важность создания татарско-иностраннных словарей будут только возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1977, 1979, 1981.
2. Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / [Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.]; Под ред. Ф.А. Ганиева. — М.: Рус. яз., 1984. — 734 с.
3. Татарско-русский словарь: Ок. 25000 слов / Төз.: И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев н.б.; Ф.А. Ганиев ред. — 3-е изд. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. — 464 с.
4. Татарско-русский словарь. В 2-х томах. — Казань : Магариф, 2007.
5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Ф.Ә. Ганиев. ред. — Казан: Матбугат йорты, 2005.
6. *Ишмухаметов Г.* Тюркский, персидский, арабский, казахский и татарско-русский словарь: Ок. 2600 слов / Г.Ишмухаметов; отв. ред. Х.У.Усманов, Л.Яфаров. — Казань, 1954. — 100 с.
7. *Хамзин К.З.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований: (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы): С приложением справочника по арабской грамматике, составленного М.И. Махмутовым / К.З. Хамзин, М.И. Махмутов, Г.Ш. Сайфуллин; Ред.: Р.С. Газизов, М.Г. Гимадиев, И.Г. Гильфанов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1965. — 855 с.
8. *Махмутов М.И.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований: (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы): С приложением справочника по арабской грамматике, составленного М.И.Махмутовым: в 2 т. / М.И. Мәхмутов, К.З. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин; Ред.: Р.С. Газизов, М.Г. Гимадиев, И.Г. Гильфанов. — Казань: Иман, 1993.
9. Словарь мусульманской терминологии. — Казань: Алма-Лит, 2006. — 124 с.
10. Татарча-төрөкчә сүзлек / Төз. Ф. Ганиев, Р. Әхмәтъянов, Х. Ачыкгөз; Фәнни мөх. Х. Ачыкгөз, А. Рәхимова. — Казан-Мәскәү: Инсан, 1997.
11. Төрөкчә-татарча сүзлек / Төз. Р. Әхмәтъянов, Р. Мөхәммәтдинов, Ф. Нуриева, Ф. Ганиев. — М.: Инсан, 1998.
12. *Даутов Г.Ю.* Англо-русско-татарский словарь физических терминов: Ок. 1000 слов / Г.Ю. Даутов, З.М. Вагизова, О.Аслан; Под ред. Г.Ю. Даутова.— Казань: Тан-Заря, 1996.— 28 с.

13. *Кафиатуллина В.И.* Англо-татарско-русский учебный словарь общестроительной лексики: Вып. 1 / В.И. Кафиатуллина; Науч. ред.: Ф.Ш. Фатхуллин, Р.А. Шакирзянов, Р.Н. Куряева.– Казань: Изд-во Казан. архит.-строит. акад., 1996. – 84 с.

14. *Кафиатуллина В.И.* Немецко-татарско-русский учебный словарь общестроительной лексики: Ок. 5000 слов / В.И. Кафиатуллина; Науч.ред.: Ф.Ш. Фатхуллин, Р.А. Шакирзянов.– Казань: Изд-во Казан. архит.-строит. акад., 1996. – 90 с.

15. *Арсланова Г.А.* Учебный англо-татарско-русский словарь-минимум / Г.А. Арсланова, Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Хэтер, 1999.– 134 с.

16. *Апакова Л.Я.* Англо-русско-татарский тематический словарь: (Соматическая фразеология) / Л.Я. Апакова. – Казань: Иман, 1994. – 82 с.

17. Термины информатики и информационных технологий: Англо-татарско-русский толковый словарь / Сулейманов Д.Ш., Галимянов А.Ф., Валеев М.Х. – Казань: Магариф, 2006. – 384 с.

18. Tatar-English / English-Tatar Dictionary / Sergey Shakmaev. – New York: Hippocrene Books, 1994. – 200 p.

19. Татарско-русский учебный словарь / Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Рус. яз., 1993.

Аннотация

В статье рассматриваются достижения и тенденции развития татарской лексикографии. Особо подчеркивается важность создания татарско-иностранных словарей. В частности, автор представляет информацию о Татарско-русско-английском словаре, подготовленном к изданию в сентябре 2009 г.

Ключевые слова: татарская лексикография, татарско-иностранные словари, татарско-русско-английский словарь.

Summary

In the paper the author concentrates on the past achievements and major tendencies in the development of Tatar lexicography, putting more emphasis on the importance of making Tatar-foreign language dictionaries. In particular, the author gives information on the Tatar-Russian-English dictionary prepared and submitted for publishing in September, 2009.

УДК 81'366

МЕСТОИМЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ (на материале ранних тюркских грамматик)

Г.Х. Тимерханова,

специалист по учебно-методической работе ТГГПУ

Изучение прономинальной системы — местоимений и местоимённых слов, их частеречной природы и грамматических категорий — продолжает оставаться важным и актуальным направлением научных исследований в грамматиках многих тюркских языков. В пользу этого говорит характер и содержание работ по данной проблеме, появившихся за последние несколько десятилетий. Местоимение как особая категория, по природе своей призванная выполнять в языке заместительную функцию по отношению к некоторым полнозначительным частям речи — функцию выделения предметов и явлений объективной действительности, оказывается в этих трудах объектом разных лингвистических концепций и теоретических трактовок, особенно в свете теории частей речи.

Между тем проблема местоимений не раз становилась объектом исследования в различных тюркских языках и рассматривалась лингвистами разных периодов. История ее изучения в тюркологии восходит к концу XVIII — началу XIX века. Как известно, это период возникновения и развития тюркологической науки в России, обусловленный прежде всего повышением интереса к изучению и преподаванию тюркских языков.

Именно в этот период, а точнее с 1769 г., впервые вводится преподавание татарского языка в 1-й Казанской гимназии, что стало значительным событием и в истории развития татарского языка. В том же году выходит первая грамматика чувашского языка, впоследствии делаются серьезные попытки изучения других родственных языков. Таким образом, отсчет новой эпохи в развитии тюркологии в России начинается со второй половины XVIII века, о чем справедливо замечает А.Н. Кононов [1].

В 1801 г. была издана «Грамматика татарского языка» И. Гиганова, которая впоследствии стала образцом для написания последующих грамматик татарского языка, а также ряда грамматик других тюркских языков [2]. Аналогичная трактовка данной части речи позднее нашла отражение и в некоторых других грамматических трактатах [см., напр.: 3:57; 4:23].

Несмотря на некоторые свои недостатки, составленная И. Гигановым «Грамматика ...» явила собой первый положительный опыт исследования местоимений в татарском языке, оказав определенное положительное влияние на последующее развитие татарской грамматической теории. Классификация частей речи, в том числе распределение местоимений по

б семантическим разрядам, представленным в ней, позднее с определенными изменениями была принята во многих других татарских грамматиках [см.: 5:20-35; 6:112-152; 7:149-161; 8:6; 9:19-29], хотя каждый ученый старался найти свой подход к трактовке тех или иных проблем частей речи.

Важной вехой в истории тюркологии стал выход в 1839 г. первой «Общей грамматики турецко-татарского языка» М.Казем-Бека, где большое внимание уделено и местоимениям. Здесь дается довольно детальная морфологическая характеристика местоимений, описываются морфонологические процессы, возникающие при их склонении.

Несмотря на некоторые неизбежные просчеты, сведения о местоимениях, приведенные в работе А.Казем-Бека, вплоть до революции оставались ориентиром при составлении и других аналогичных грамматик тюркских языков [см., напр.: 9:95].

В последующие годы увидел свет еще ряд работ, в том числе грамматики татарского и других языков, в которых сведения о местоимениях несколько дополнялись и исправлялись, однако в большинстве своем они лишь повторяли друг друга [см.: 3:342; 7:255; 8:80; 9:95; 10:347].

Положительным моментом в «Грамматике алтайского языка» [11:34], безусловно, является тот факт, что в ней с примечанием относительно алтайского языка впервые отвергается наличие относительных местоимений и в татарском.

Если в тюркских грамматиках XIX века довольно заметно ощущалось влияние схем классификации местоимений, принятых в русских грамматиках, что далеко не всегда подходило тюркской языковой системе, несколько позднее ряд исследовате-

лей стали перенимать опыт составления грамматик арабского языка (см., напр.: 12:52; 13:52; 14:102), хотя и эти принципы по известным причинам не подходили структуре татарского языка. Однако по мере развития грамматической мысли ученые пытаются отойти от иноязычных влияний: происходит некоторое сужение границ местоимений, уточняется и состав семантических групп.

Дальнейшее расширение и углубление изучения тюркских языков становится предпосылкой для начала нового этапа в развитии тюркологии. Появляются новые исследования грамматического строя как татарского, так и других тюркских языков [см.: 15:64; 16:84; 17:104; 18; 19:80; 20:171 и др.]. В них существенно расширяется доля сведений о местоимениях. Причем в татарских грамматиках именно этого периода впервые вводятся такие термины, как *алмаш зат*, *билгеләу*, *курсәту алмашлыгы*, *сорау алмашлыгы*, *юклык*, *билгесезлек*, которые прочно утвердились в грамматической терминосистеме татарского языка и являются на сегодня общепринятыми.

В эти годы большое внимание начинает уделяться разработке теоретических вопросов категории местоимения, о чем свидетельствует появление ряда статей такой направленности. Среди них выделяется довольно содержательная статья Н.К.Дмитриева «Указательные местоимения в османском языке», вышедшая в 1926 г. и послужившая впоследствии толчком к появлению целого направления исследований, связанных с изучением указательных местоимений в разных аспектах [см.: 21; 22; 23; 24; 25 и др.]

С середины XX столетия изучение грамматического строя тюркских языков принимает все более системный характер, в связи с чем активизи-

зируются теоретические изыскания и в области прономинальной лексики. В этот период появляется ряд грамматик, в которых местоимения подвергаются детальному анализу [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32). В исследованиях по татарской грамматике семантическая классификация и трактовка местоимений становятся ближе к современной системе.

Таким образом, в конце 1940-х – нач. 50-х гг. в исследовании место-

имений на материале разных тюркских языков наблюдается переход от чисто описательного подхода к изучению данной категории к сравнительному и сравнительно-историческому освещению. С другой стороны, появление специальных трудов, посвященных проблемам происхождения и функционирования местоимений, свидетельствует о выделении нового направления – монографического исследования местоимений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России (Дюоктябрьский период). – Л.: Наука, 1982. – 360 с.

2. Гиганов И. Грамматика татарского языка, соч. в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым. – СПб., Академия наук, 1801. 187 + 75 с.

3. Иванов М. Татарская грамматика. – Казань: Типография Императорского Казанского ун-та, 1842. – 342 с.

4. Троянский А. Краткая татарская грамматика священника А. Троянского. – 3-е изд., испр. и доп. – Казань: тип. Коковиной, 1860. – 234 с.

5. Хальфин И.И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1809. – 106 с.

6. Казем-Бек А. Грамматика турецко-татарского языка, составленная ординарным Профессором Мирзою Александром Казем-Бекомъ. – Казань: Универ. тип., 1839. – 524 с.

7. Махмудов М.Г. Практическое руководство к изучению татарского языка, сост. Ст. учителем 2-й Казанской гимназии. – Махмудовым. – Казань, 1857. – 255 с.

8. Насыри К. Краткая татарская грамматика, – Казань, 1860. – 80 с.

9. Фейзханов Х. Краткая учебная грамматика татарского языка, составленная Фейзхановым Х. – СПб., 1862. – 95 с.

10. Воскресенский А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов – Казань: Типо-литография Ун-та, 1894. – 347 с.

11. Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. – Казань: Тип. Ун-та, 1869. – 300 с.

12. Ахундов М.М. Турецкая грамматика. – Елисаветополь, 1897. – 52 с.

13. Өметбаев М. Татар нәхүсенен мохтәсары. – Казан, 1901. – 52 б.

14. Иманаев Ш. Татар теленең нәһүе һәм сарыфы. – Казань: Тип. газ. «Баянкуль-хакъ», 1910. – 102 б.

15. Ибраһимов Г. Татар сарыфы. – 2-нче басма. – Казан: Лит-тип. И. Н. Харитонова, 1915. – 64 б.

16. Ибраһимов Г. Татар сарыфы. – Бөтенләй янадан эшләнгән 5-нче басма. – Казан: Умид, 1918. – 84 б.

17. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Петроград, 1916. – 104 с.

18. Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. – М., 1928.

19. Корбангалиев М., Баттал Г., Габделбәдигъ Х. Ана теле сарыфы. – Казан: Милләт (Корылтай) ширкәте. 1918. – 80 б.

20. *Вәлиди Ж.* Татар теленең грамматикасы. – Казан: Милләт (Курултай), 1919. – 171 б.
21. *Ашпин Ф.Д.* Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком языках: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1956.
22. *Стернин И.А.* К проблеме дейктических функций слов: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1956. – 18с.
23. *Халилов А.А.* Синтаксическая роль указательных местоимений в азербайджанском и татарском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. – Баку, 1974. – 34 с.
24. *Рудяк С.И.* Указательные местоимения в сложноподчиненном и связном тексте: Автореф. ... канд. филол. наук. – Томск, 1980. – 17с.
25. *Мамедова Р.В.* Особенности функционирования указательных местоимений (На материале английского и татарского языков): Автореф. ... канд. филол. наук. – Баку, 1992. – 18 с.
26. *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. – М.–Л., 1940.
27. *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.: Наука, 1940.
28. *Рамазанов Ш., Хисматуллин Х.* Татар теле грамматикасы: 1 кисәк. Фонетика һәм морфология. Тулы булмаган урта һәм мәктәпләр өчен дәреслек. – Казан: Татгосиздат, 1946.
29. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – Ташкент, 1948.
30. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
31. *Хангилдин В.Н.* Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959. – 642 б.
32. *Гумашева Д.Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан: КДУ нәшрияты, 1978. – 299 б.

Аннотация

Статья посвящена изучению прономинальной системы (местоимений, их природы и грамматических категорий) через анализ тюркских грамматик, изданных в разные периоды, начиная с нач. XIX в., с большим акцентом на татарский язык.

Ключевые слова: татарский язык, местоимение, части речи.

Summary

The article is devoted to the study of pronominal system (pronouns, their nature and grammatical categories) through reviewing grammar books of Turkic languages published in different periods starting early in the 19th century, with more concentration on the Tatar language.

УДК 81'38;801.6;808

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПОСЛЕЛОГОВ В ТАТАРСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

А. Ф. Юсупов, кандидат филологических наук, доцент КФУ

В глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и особенно его поэтическую разновидность большим количеством инородных не только лексических единиц, но и грамматических элементов, тем самым культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка, прежде всего языка поэзии [1; 99]. При употреблении норм литературного языка происходила своеобразная дифференциация: поэтические произведения сочинялись в «возвышенном» поэтическом стиле и они были предназначены для «элиты» общества, в чей синтез входили ученые (голяма), религиозные деятели и поэты-суфии, большинство которых обучалось в Средней Азии и в арабских странах, которые в совершенстве владели арабским и персидским языками. Как отмечает М.И. Махмутов, большинство татарских классиков XVII–XIX веков сочиняли свои произведения под воздействием арабо-персидской и среднеазиатской классической литературы, подражая ей. Именно поэтому их произведения изобилуют арабо-персидскими заимствованиями и грамматическими формами, понятными разве что для узкого круга просвещенных лиц [2; 12].

Как отмечает английский исследователь суфизма Аннемари Шиммель,

«суфизм способствовал развитию языка: юристы, теологи и переводчики придали и без того богатому и красивому арабскому языку еще большую гибкость, введя в него новые измерения. Мистики также внесли значительный вклад в этот процесс. Рассуждая о «приключениях мистиков» в языке, Поль Нвийа отметил тот факт, что «благодаря мистикам в недрах арабского языка сформировался аутентичный язык мистического опыта». В сочинениях ранних мистиков можно обнаружить не только разнообразие грамматических средств, но и глубину мысли, возрастающую по мере того, как мистический опыт становится все более утонченным» [9; 34]. Для обычной персидской художественной литературы существовала нормативная поэтика, которая разрабатывала правила построения «украшенной речи» исходя из грамматического учения о соответствии (танасуб) формы (лафз) и значения (маани) слова или поэтического высказывания. Она требовала логической выверенности изобразительных средств поэтического языка, строгого лексического соответствия (мунасибат-е лафзи) всех элементов поэтической речи. В отличие от нее суфийская концепция речи зиждилась на идее семантической неопределенности текста, представлении

об онтологическом несоответствии «лафз» и «маани» [3; 95]. Известный французский иранист Ж. Лазар, изучая символический характер газели Хафиза, сделал ряд интересных замечаний о ее языке; смысл его суждений заключается в том, что газели Хафиза присуща некая сверхъестественная выразительность, многозначность и многоступенчатость ассоциаций [3; 96]. Употребление суфийскими авторами символов, ассоциаций, мистической игры слов и звуков и т.д. свидетельствует об обладании ими весьма разработанным, стилистически сложным «техническим языком» [9; 50]. Таким произведениям присуща глубокая и сильная инструментовка, которая со временем становится своего рода «каноном».

В этом отношении несомненный интерес представляет и поэтическое наследие татарских суфийских авторов XIX века. Изучение их наследия путем тщательного описания стилистических особенностей приобретает несомненную актуальность. Язык суфийской поэзии данного периода отличается необычайной образностью и экспрессивностью, разнообразием грамматических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. Возьмем, к примеру, стилистическую вариативность послелогов.

В текстах исследуемых произведений обнаруживается большое разнообразие послелогов, выражающих различные отношения между знаменательными словами. По семантическому признаку обнаруживаются послелогов: *пространства, времени, направления, совместности, подобия, сравнения, сопоставления, замещения, причинные, цели*. Кроме того, по своему происхождению послелогов условно можно разделить на три группы: 1) собственно тюркские, 2) персид-

ские, 3) арабские. Как известно, в современном персидском и арабском языках послелогов как таковые не существуют. Несмотря на разделение служебных слов по происхождению, мы, в первую очередь, обращаем внимание на синтаксические функции данных слов. Как известно, послелогов характерны только для тюркских языков, а в персидском и арабском языках эту функцию выполняют предлоги.

Тюркские послелогов, употребляющиеся в языке исследуемых поэтических произведений, относятся к двум группам.

1. Послелогов, употребляющиеся с именами в основном падеже и с местоимениями в притяжательном падеже: *ilä* «с, вместе», *ilän* «с, вместе», *belän* «с, вместе, посредством, по», *belä* «с, вместе», *berlä* «с, вместе», *berlän* «с», *kebi* «как, словно, подобно», *dik* «как, словно, подобно, точно», *öçen* «для, ради, из-за, чтобы», *säbäbdän* «по причине, из-за, ввиду».

2. Послелогов, сочетающиеся со словами в исходном падеже: *birü* «с тех пор, с».

Кроме тюркских послелогов, для суфийских произведений характерно активное употребление *персидских предлогов*. Наиболее активны из них: *ta* «до», *ba* «с», *där* «в, внутри, при, под», *bi* «не, без (бес)», *na* «не, без (бес)». Заимствованные персидские предлоги относятся к следующим семантическим группам: *времени, совместности, инструмента, места и др.*

Из *арабских предлогов* в исследуемых произведениях чаще всего встречаются: *fî* «в», *bi* «с», *käj* «как, подобно», *çajre* «кроме, помимо», *bäydä* «после». Арабские предлоги можно разделить на несколько семантических групп: *пространства, совместности, сравнения и уподобления, исключения, времени и др.*

Послелог *ilä* «с, вместе, посредством» активно употребляется в языке изучаемых произведений, выражая следующие оттенки значений:

1. В сочетании с именами, обозначающими лицо или предмет, совместность, взаимность действия: *can ilä iman – ikäulär – ber öjüdä bal ečär* [8, 99] «душа и вера – вдвоем – пьют в одном доме мед (вино)».

2. Инструмент или средство, с помощью которого совершается действие: *bu xat ilä ütendem any sezdan* [8; 121] «даным письмом просил я этого у Вас».

3. В сочетании с абстрактными именами – образ и способ совершения действия: *künleçe yujsuq ilä dörgez kem, ülem canuñdadyr* [8; 80] «лечи любовь свою душу, в ней поселилась смерть».

4. Время протекания действия: *hämçälis ulsañ qajčan köber ilä* [8; 126] «когда вырастешь, станешь советником».

Как известно, в тюркских языках, в том числе и в татарском, послелог с именами пишутся раздельно. Однако нами зафиксированы случаи, когда послелог пишутся слитно с именами, что характерно для многих огузских языков: *xösenilä kerde zälalät julyna* [8; 94] «добровольно пошел по пути унижения (низости)».

Как отмечают исследователи, послелог *ilä* употребляется главным образом в тюркских языках юго-западной группы. Происхождение его до конца не выяснено. Одни исследователи сближают этот послелог с глаголом *il-* «присоединяться», другие видят в нем результат фонетической эволюции *birle > bile > ile* [5; 496–497].

Послелог *ilän* «с, вместе» является фонетическим вариантом послелога *ilä* и передает в большинстве случаев значения совместности, взаимности

действия, а также образа и способа совершения процесса: *baquj yömetem ähle täqwalar ilän kičsen bänem* [8; 87] «пусть оставшаяся моя жизнь проходит в благочестии вместе с верующими». Послелог *ilän* отмечен в произведениях на староузбекском и старотуркменском литературных языках [5; 497].

Послелог *belän* «с, вместе, посредством, по» как в современном татарском литературном языке, так и в его диалектах, в языке исследуемых поэтических произведений имеет широкое употребление. Данный послелог встречается в фонетических вариантах *belä, berlä, berlän* и выражает следующие значения:

1. Совместность, взаимность совершаемого действия в сочетании с именами, обозначающими лицо или предмет: *näçä etminan idärsän oşbu batujl berlä* [8; 81] «как ты можешь доверять этому неверному (что общего у тебя с этим неверным)».

2. Орудие, с помощью которого совершается действие: *irlär oçar himmät berlän, qoşlar oçar qanat berlän* [8; 103] «мужчины взлетают с помощью благотворительности, а птицы с помощью крыльев».

3. Пространственное значение – в сочетании с именами, обозначающими место: *tuğru jul berlä waralym* [6; 104] «иду прямой дорогой».

4. Причинно-следственное значение в сочетании с именами, имеющими абстрактное значение: *qajju berlän qatdy başum* [8; 103] «печалью охвачена моя голова».

Послелог *bilen / birlen* «с, вместе с» является общетюркским. Уже в древнетюркских памятниках отмечены такие его варианты, как *birlä, bilä* и *bilän* [5; 496]. По мнению Г.И.Рамстедта, *birlä* состоит из *bir + rä*, где *bir* «один» и *rä* – окончание [4; 54].

В языке исследуемых нами произведений наблюдается стилистическая вариативность арабо-персидских предлогов и таких послелогов тюрко-татарского происхождения, как *ilä/ilän, belä / berlä / berlän*. Например, предлог персидского языка *ba* «с» выражает образ действия, орудийность, совместность: *ba safa ilä wıräsän sanuñu* [8; 82] «с радостью душу свою отдаешь». Арабский предлог *bi* «с» также обозначает совместность или средство, при помощи которого совершается действие: *bi külli haqqa jöz totyb hämişä* [8; 85] «всегда следуй велениям Всевышнего».

Тюрко-татарский послелог *kebi* «как, словно, подобно, точно» употребляется для сравнения, сопоставления и уподобления (чаще по качеству): *bu julda ud kebi qyzmaq kiräk* [8; 85] «на этом пути необходимо гореть как в огне». Как известно, послелог *kebek* в современном татарском литературном языке употребляется с местоимениями в притяжательном падеже. Вместе с тем в языке суфийских произведений, в отличие от современного языка, послелог *kebi* используется с местоимениями в основном падеже, выражая сравнительно-сопоставительные отношения: *sän kebi yämhar bulıaj, bulmaıaj* [8; 99] «таким печальным, как ты, будет, иль не будет».

Послелог *dik* «как, словно, подобно, точно» также употребляется при обозначении отношений уподобления: *iseb jil dik, aqyb su dik tämamät, bu julda ud kebi qyzmaq kiräkder* [8; 85] «гуляя как ветер, протекая как вода, на этом пути необходимо гореть как в огне».

В суфийских произведениях XIX века арабский предлог сравнения *käj* «как, подобно» является грамматическим синонимом тюркских послелогов *kebek (kebi), dik* и употребляет-

ся при сравнении, уподоблении лиц, предметов, явлений: *ıaciz aşöftäder zar zäyifem käj näxif* [8; 91] «как мученик, тихо и горестно плачет».

Тюркский послелог *öçen* «для, ради, из-за, чтобы», общий с современным татарским литературным языком и его говорами, в исследуемых произведениях имеет весьма активное употребление и выражает следующие значения:

1. Цель действия: *safa wä niymätä irmäklek öçen, cäfa wä miñnätä düzmäk kiräk* [8; 85] «ради достижения блаженства и благополучия необходимо терпеть (выдержать) мучения и страдания».

2. Причину действия: *sanuñu sanan öçen qorban idär* [8; 84] «жертвует своей душой ради возлюбленной».

3. Замещение действия: *kildekeñ üzeñ öçender, i aya, anuñ öçen äjderäm bonu säña* [8; 112] «ты пришел ради себя, о, дядя, поэтому говорю это тебе».

Послелог *säbäbdän* «по причине, из-за, ввиду, поэтому» выражает причину совершаемого действия, связь его с другим действием: *ul säbäbdän başuñu däülät homajı qunmady* [8; 98] «поэтому не села на твою голову птица феникс государства».

Послелог *birü* «с тех пор, с» (в татарском литературном языке употребляется в варианте *birle*) употребляется для обозначения исходного момента времени, с которого начинается действие: *bulalidän birü küñlemdä sämaluñdan äsar* [7; 414] «с тех пор живу под впечатлением твоей красоты».

В функции послелогов в поэтических текстах употребляются также следующие послеложные слова (служебные имена), которые можно разделить на *послелогии горизонтального плана* — *janında* «у, около, возле, при», *jaña (jaña)* «к, в направлении, в сторо-

ну», *eçrâ* «в, за, в течение, внутри»; *послелог вертикального плана* — *astynda* (*altyndaуу*) «под, снизу»; *послелог смешанного плана* — *ara* и *arasynda* «между, среди, посреди».

janynnda «у, около, возле, при» употребляется при обозначении места предмета, лица, возле которого происходит действие: *ujan, jöz meñ xätät janynñdadyr* [8; 80] «проснись, возле тебя тысяча опасностей».

jaуа (jaңa) «к, в направлении, в сторону» выражает направление действия в сторону предмета: *oç äle küklär jaуа* [8; 89] «лети-ка в сторону неба (облака)».

eçrâ «в, за, в течение, внутри» указывает на совершение действия внутри предмета или при каких-нибудь обстоятельствах: *küñel zindany eçrâ saqla gazy* [8; 108] «секреты храни в темнице души». В языке произведений намечается также стилистическая вариативность тюрко-татарского послеложного слова *eçrâ* и арабо-персидских заимствованных предлогов. Например, персидский предлог *dâr* «в, внутри, при, под» обозначает пребывание внутри чего-либо: *dâr хақиқät, äxiläreñ bonlar hämin* [8; 125] «в действительности, лишь эти (люди) твои братья». И отдельные арабские предлоги могут выполнять те же функции: предлог пространства *fî* «в» выражает нахождение внутри чего-либо: *bel: fâna fî allahi* [8; 85] «знай: в воле Всевышнего наш конец».

Послеложное слово *astynda* «под, снизу» и его фонетический вариант *altyndaуу* указывают на совершение действия или нахождение чего-либо под предметом: *ajaq altyndaуу özäñgedän ügänmäk kiräk* [8; 86] «необходимо учиться у стремени под ногами».

Тюркские послеложные слова *ara* и *arasynda* «между, среди, посреди»

употребляется при указании на положение предмета, лица посреди каких-либо других предметов, лиц, явлений: *bu ikeneñ arasynda bälki budyr bädrake* [8; 111] «между этими двумя этот, возможно, хуже», *möktadai din ara mäqbül üzeñ, näfiz irmeş xalyq arasynda süzeñ* [8; 124] «среди верующих уважаем ты, среди людей слово твое весомо» и т.д.

Кроме вышесказанных заимствованных предлогов, в языке суфийских произведений наблюдается активное употребление следующих *персидских* предлогов. Предлог *ta* «до, пока» обозначает предел в пространстве и во времени: *bändan razuj ulyyl ta äbäd* [8; 101] «до конца будь доволен мною», *ta terek sez, dustlarym, ber bereñä yjzzät quлуñ* [7; 416] «пока живы, друзья, оказывайте уважение друг другу» и т.д.

Предлоги *bi* «не, без (бес)» и *na* «не, без (бес)» являются грамматическими синонимами и указывают на отсутствие предмета или явления. При помощи данных предлогов активно образуются имена прилагательные: *tuymady härgiz anadan bän kebi bi çara qol* [8; 89] «никогда не рождался от матери такой несчастный раб, как я», *raхmtdendin naцmid şajtan toryr* [8; 133] «надеяться на твое милосердие не может только шайтан (дьявол)» и т.д.

В языке исследуемых произведений активно употребляются такие арабские предлоги, как *çajre* «кроме, помимо», *bäyda* «после». Предлог исключения *çajre* «кроме, помимо» сочетается со словами в исходном падеже и обозначает лица, предметы, явления, исключаемые из определенного их ряда лиц: *ta sane belam ki, sändän çajre jarym qalmady* [8; 102] «а тебя я знаю, не осталось у меня другой возлюбленной, кроме тебя».

Предлог *bäyda* «после» употребляется при выражении времени: *bäyda, i*

axel-yaziz yäbdel-qawı... [8; 123] «потом, о, дорогой брат Габду-ул-Кави...».

Таким образом, в суфийских произведениях XIX века диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных (в частности арабского и персидского) языков, что отчетливо проявляется и на грамматическом уровне. В суфийских

произведениях наблюдается стилистическая вариативность тюрко-татарских послелогов и арабо-персидских предлогов. Арабо-персидские предлоги употребляются в основном в стилистических целях, что позволяет поэтам избежать многочисленных повторов одной и той же формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Благова Г.Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов / Г.Ф.Благова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 86–100.

² *Махмутов М.И.* Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Махмутов; Казан. гос. ун-та. – Казань, 1966. – 20 с.

³ *Пригарина Н.И.* Хафиз и влияние суфизма на формирование языка персидской поэзии / Н.И.Пригарина // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1989. – С. 94–119.

⁴ *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание (Морфология) / Г.И. Рамстедт. – М.: ИЛ, 1957. – 117 с.

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 557 с.

⁶ *Фәхретдинов Р.* Асарь. 4 жөзъэ. 1 нче жилд. / Р.Фәхретдинов. – Оренбург, 1903. – 204 б.

⁷ *Фәхретдинов Р.* Асарь. 13 жөзъэ. 2 нче жилд. / Р.Фәхретдинов. – Оренбург, 1907. – 422 б.

⁸ Шәмсетдин Зәки шигырьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими (гарәп графикасында). – Башкортстан Фәннәр академиясенәң Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, ф.3, т.63, б.47, б.178.

⁹ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт / А. Шиммель. – М.: Алетейа, Энигма, 2000. – 416 с.

Аннотация

В языке произведений поэтов-суфиев XIX века диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных языков, что отчетливо проявляется и на грамматическом уровне. В них наблюдается вариативное употребление тюрко-татарских послелогов и арабо-персидских предлогов – сочетание грамматических элементов тюркских языков с арабо-персидскими. Подобная стилистическая вариативность была традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

Ключевые слова: язык, история языка, стилистическая вариативность, послелог, послеложные слова, предлог, суфизм, суфийская поэзия.

Summary

The traditions of old Tatar and eastern languages are dialectically interconnected in the language of the works of the Sufi poets of the 19th century, which is also distinctly manifested at the grammatical level. The variative use of Turko-Tatar postpositions and Arab-Persian pretexts – combination of the grammatical elements of Turkish languages with Arab-Persian is observed in them. A similar stylistic variability was the tradition of the poetic version of the written literary language.

УДК 141.7

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР-ДИНАМИЗМ

Ф.Т. Валишин, директор ФМЦ-Динамизм

I. Общая характеристика

Непосредственно ФМЦ-Динамизм появился на свет в 1970-е гг. в Казани в силу онтологического опыта Фана Валишина, а в июне 1996 г. решением Президиума Академии наук Татарстана был введен и в структуру АН РТ.

В условиях, когда наличный мир пребывает в состоянии глобального системного кризиса, проходящего в форме перманентного кризиса существования – и это является главной внутренней опасностью земной цивилизации – ФМЦ-Динамизм заявляет, что все это является следствием кризиса методологии, источником которого выступает Дуализм, вызванный онтологической неполнотой в постановке и решении узловых проблем во всех сферах, включая историческую реальность и понимание истории.

Требование же онтологической полноты, в свою очередь, приводит к Онтологическому Императиву – зарождение такого онтологического учения как Динамизм связано, прежде всего, с постановкой и решением Исходной Проблемы Реальности, в качестве которой выступает Проблема Начала, и соответственно, открытием древней мировой Монистической (Онтологической) Традиции со своими историческими формообразованиями.

Структура ФМЦ-Динамизм вытекает из структуры Онтологии:

Философия –

Онтология – Методология

Школа Динамизма – ФМЦ-Динамизм – Исходная Исследовательская Структура

В свою очередь, Школа Динамизма имеет класс вольнослушателей и класс подготовки Исходных Творцов для решения Исходных Задач в основных сферах Современности, включая Математику, Физику, Политику, Экономику, Идеологию...

II. Основные исследовательские программы

1. Стратегия Динамизма: Онтологические возможности Философии и Методологии.

2. Стратегия Динамизма в исследовании проблемы оснований математики.

3. Стратегия Динамизма в исследовании физической природы.

4. Стратегия Динамизма в исследовании химической природы.

5. Стратегия Динамизма в исследовании биологической природы.

6. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Науки. Динамизм Науки.

7. Стратегия Динамизма в исследовании природы человека.

8. Онтологическое понимание истории.

9. Проблема Пути и Проблема Федерализма.

10. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Литературы. Динамизм Литературы.

11. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Искусства. Динамизм Искусства.

12. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Техники. Динамизм Техники.

13. Проблема Российской Традиции и природа Российской Цивилизации.

14. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Идеологии. Динамизм Идеологии.

15. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Политики. Динамизм Политики.

16. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Экономики. Динамизм Экономики.

17. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Культуры. Динамизм Культуры.

18. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Образования. Динамизм Образования. Онтологическая природа Феноменологии.

19. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Морали. Динамизм Морали.

20. Стратегия Динамизма в исследовании онтологической природы Мифологии. Динамизм Мифологии.

21. Онтология и Религия.

22. Дух и Духовность в Стратегии Динамизма.

III. Критерии оценки ФМЦ-Динамизм

То, что делается в рамках стратегии динамизма, нельзя (невозможно) оценивать критериями от стратегии

устойчивого развития, так же как, например, «Воображаемая Геометрия» Лобачевского не укладывается в измерения геометрии Евклида.

Критерием оценки стратегии динамизма выступает сама Методология, т.е. наличие самого факта принципиального обновления, Перехода в Новое Состояние, будь то человек, страна, цивилизация, история, или физика, химия, биология, техника..., а не только совершенствование, развитие внутри достигнутого состояния, внутри системы.

IV. Характерные результаты Опыта ФМЦ-Динамизм

1. Появление ФМЦ-Динамизма на свет привело, во-первых, к обнаружению Исходной Мировой Традиции, а именно Монистической (Онтологической) Традиции; во-вторых, к выявлению того онтологического факта, что эта Традиция только тогда жива, когда она заново рождается, и что появление Очага нового продолжения Исходной Традиции означает появление Новой Эры на Земле: [ФМЦ-Ведантизм] – [ФМЦ-Даосизм] – [ФМЦ-Пифагореизм] – [ФМЦ-Суфизм] – [ФМЦ-Динамизм] – ...

Соответственно, на Земле наступила Эра Динамизма, и ФМЦ-Динамизм представляет Стратегию Динамизма, т.е. Метод и Систему Эры Динамизма. Причем Метод имеет природу Космического Зерна и несет структуру Космического Ритма (структуру Движения), а Система имеет природу Методологии как способа обработки под Зерно земной Почвы, структуру которой составляют самые разнообразные сферы на Земле: Наука, Техника, Искусство, Литература, Идеология, Политика, Экономика, Культура... Стратегия Динамизма обеспечивает стратегическое преимуще-

щество России в современном мире. А поскольку сама стратегическая высота, т.е. ФМЦ-Динамизм, находится в Казани, то это приводит к усилению роли Казани в судьбе российской цивилизации и реальной фиксации Казани как восточной столицы России.

2. Установлено онтологическое понимание истории, согласно которому история рассматривается как смена различных форм Онтологии (различных форм Монизма Космоса на Земле) и соответственно ее Центры перемещаются по планете таким образом: ... Древняя Индия – Древний Китай – Древний Египет и Древняя Греция – Средневековый Ближний и Средний Восток – Западная Европа – Россия.

Одновременно здесь разоблачается как Историческая Неправда тот взгляд на историю, согласно которому история не знает сослагательного наклонения – тогда как история при всем своем трагизме продолжается только потому, что на Земле продолжается Монистическая (Онтологическая) Традиция, и пока это так, на Земле есть шанс преодолеть этот трагизм от Дуализма, и именно в этом смысле все надежды на Земле обращены теперь на Россию, а именно на Казань...

Стратегия Динамизма позволяет выдвинуть формулу национальной идеи для России: «Я-Россия!» и дать структурное ее разворачивание через разрешение Проблемы Человека и разрешение Проблемы цивилизационного формообразования России:

Учитель –

Динамизм Человека – Ученик
Образование – Динамическая
Цивилизация – Федерализм

Мессианская роль российской цивилизации заключается в том, что она в лице динамической цивилизации запускает онтологические, т.е. исход-

ные структуры всей земной цивилизации – закладывает Эру Динамизма.

3. Первым шагом в запуске стратегии динамизма является создание Программы построения Науки, коррелированной с Онтологией. И такая Программа в ФМЦ-Динамизм создана и многое в этой Программе уже реализовано: концепция Процесса-Состояния; новый вариационный принцип, получивший название локального вариационного принципа (ЛВП); математический аппарат, пригодный для нового продолжения оптико-механической аналогии и исследования природы физического вакуума. Оптико-механическая аналогия – это узловая проблема человеческой цивилизации, она непосредственно связана с преодолением корпускулярно-волнового дуализма в квантовой физике и открывает подлинные перспективы освоения космического пространства; начато освоение волновых измерений Реальности в математическом моделировании...

4. Выдвигается новое направление в исследовании природы математики – **онтологизм**, где в качестве исходной проблемы выступает Проблема Математического Начала, коррелированная с Проблемой Онтологического Начала.

В известных же направлениях (логицизм, формализм, интуиционизм) исследования природы математики ведутся в рамках существования, где Сущность Реальности неизбежно сведена к сущности существования и остается вне математического измерения – именно такая ситуация и является источником кризиса оснований математики, а теорема Геделя есть не что иное, как своего рода фиксация именно этого кризиса.

В смысле Пифагора можно сказать, что источником кризиса оснований математики является то обстоя-

ятельство, что потеряна та нагрузка, какую несут Числа Пифагора. Но их уже невозможно восстановить, и все нужно делать в духе нового продолже-

ния Монистической (Онтологической) Традиции сообразно ее новому формообразованию, которую теперь представляет Динамизм.

V. ХАРАКТЕРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Монистическая (Онтологическая) Традиция и Современность. — Казань, 1990, т. I, II.
2. *Валишин Ф.Т.* Проблема Начала и Монистическая (Онтологическая) Традиция // XIX World Congress of Philosophy. — М., 1993.
3. *Валишин Ф.Т.* Онтологические истоки преодоления мирового системного кризиса // «Философия лицом к мировым проблемам». Доклады российских участников XXI ВФК. — М., 2004.
4. *Valishin F.T.* Russian Civilization: The Role of Education // XXII World Congress of Philosophy. Rethinking philosophy today. Seoul, 2008.
5. *Валишин Ф.Т.* Проблема методологии в концепции динамизма // Методологические концепции и школы в СССР. Новосибирск, 1992.
6. *Валишин Ф.Т.* Динамизм как монистическая концепция Природы // Современные концепции философии. — Казань, 1998.
7. *Валишин Ф.Т.* К проблеме Учитель—Ученик // Космическое пространство в науке, философии и богословии. — СПб., 1994.
8. *Валишин Н.Т.* К новой постановке прямой и обратной задачи динамики // Новейшие проблемы теории поля. — Казань, 1998.
9. *Валишин Ф.Т., Валишин Н.Т.* Стратегия динамизма и стратегия устойчивого развития: онтологическое измерение и методология математического моделирования // Вестник КГТУ им. А.Н.Туполева. 1999, № 1.
10. *Валишин Ф.Т., Валишин Н.Т.* Методологические горизонты Казанской Программы Четаева и продолжение оптико-механической аналогии // Вестник КГТУ им. А.Н.Туполева. 2008, № 1.
11. *Валишин Ф.Т., Валишин Н.Т.* Преодоление корпускулярно-волнового дуализма — новое продолжение освоения космического пространства // Авиация и Космонавтика. — М., 2007.
12. *Валишин Ф.Т.* Эра Динамизма: роль философии // Перспективы философии в XXI веке. Изд-во КГУ, 2008.
13. *Валишин Ф.Т.* Стратегия динамизма и онтологическое понимание истории // Социальные доктрины основных религиозных конфессий: философский, богословский и экологический аспекты. — СПб., 1997.
14. *Комаров В.Н., Валишин Ф.Т.* Главная дилемма современности: стратегия устойчивого развития или стратегия динамизма? // Суверенитет Татарстана: позиция ученых. — Казань, 2000.

Аннотация

В статье рассматривается природа такого онтологического формообразования, как Философско-Методологический Центр-Динамизм (ФМЦ-Динамизм). Автор приводит его общую характеристику, основные исследовательские программы, критерии оценки, характерные результаты и характерные публикации.

Ключевые слова: Проблема Начала, Монистическая (Онтологическая) Традиция, Динамизм, Стратегия.

Summary

The article considers the Nature of such ontological Form-building as the **Philosophical-Methodology Centre of Dinamizm** (FMC – Dinamizm). The author considers its general features, fundamental research programmes, criteria of estimation, characteristic results and striking published works.

УДК 352.075

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ*

*Ф.В. Зарипов, кандидат юридических наук, доцент;
И.Г. Никитенко, кандидат юридических наук*

Выбор конкретной структуры органов местного самоуправления из предусмотренных Федеральным законом от 6 октября 2006 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) возлагается на само муниципальное образование.

Одним из существенных параметров распределения властных полномочий между представительными и исполнительными органами местного самоуправления является вопрос о субъекте определения структуры органов местного самоуправления. В соответствии с частью 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. Части 1 и 2 статьи 34 Федерального закона устанавливают, что структура органов местного самоуправления закрепляется в уставе муниципального образования. В нее могут входить органы, которые должны быть образованы обязательно (представительный орган, глава

муниципального образования, местная администрация), а также иные органы и выборные должностные лица, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Кроме того, уставом муниципального образования, имеющего статус сельского поселения, внутригородского муниципального образования города федерального значения может быть предусмотрено формирование местной администрации, возглавляемой главой муниципального образования, исполняющим полномочия председателя представительного органа муниципального образования.

В системе местного самоуправления ведущее положение занимают представительные органы и такой их статус обусловлен рядом причин:

1) Конституция Российской Федерации и Федеральный закон прямо устанавливают наличие выборных органов местного самоуправления. Согласно части 2 статьи 130 Консти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Организационная основа местного самоуправления: модели формирования и правовое регулирование (региональный аспект)», проект № 10-03-29304 а/В.

туции Российской Федерации местное самоуправление осуществляется гражданами, в том числе через выборные и другие органы местного самоуправления. Тем самым подчеркивается приоритет представительных органов перед другими органами местного самоуправления;

2) представительные органы избираются непосредственно самими жителями муниципального образования и призваны выражать их волю при решении возложенных на них задач;

3) представительные органы наделены исключительными полномочиями, которые не могут осуществляться другими органами местного самоуправления, что подчеркивает особенность их статуса по сравнению с исполнительно-распорядительными органами и должностными лицами местного самоуправления.

В зависимости от организационных структур местного самоуправления существуют четыре основных модели:

1) модель «сильный мэр – совет (представительный орган)» – мэр избирается всем населением, самостоятельно и единолично осуществляет руководство администрацией, в том числе формирует ее кадровый состав, руководит представительным органом и обладает правом отлагательно-го вето;

2) модель «слабый мэр – совет» – мэр избирается из числа депутатов, подконтролен представительному органу и обязан заручиться его согласием на назначение и увольнение должностных лиц;

3) модель «совет – управляющий» – должность мэра не предусматривается, представительным органом руководит избираемый из числа депутатов председатель, административные функции сосредоточены у нанимае-

мого на контрактной основе управляющего;

4) модель «комиссия» – выборность должностных лиц местного самоуправления, избираются не депутаты представительного органа, а руководители органов и структурных подразделений местной администрации, все вместе составляющие комиссию, исполняющую роль представительного органа.

Однако выбор той или иной модели организационной структуры местного самоуправления определяется с учетом требований Федерального закона.

В настоящее время в Республике Татарстан сложилась следующая организация органов местного самоуправления на уровне поселений, городских округов и муниципальных районов.

I. В городских и сельских поселениях, городских округах:

1) представительный орган избирается населением;

2) глава муниципального образования избирается представительным органом и исполняет полномочия его председателя;

3) глава местной администрации (руководитель исполкома) назначается представительным органом по контракту по результатам конкурса;

4) контракт с главой местной администрации (руководителем исполкома) заключается главой муниципального образования;

5) структура местной администрации (исполнительного комитета) утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации (руководителя исполкома).

Положительными чертами данной модели являются:

– возможность четкого разделения политических и хозяйственных функций;

– высокий профессионализм и политическая беспристрастность главы администрации;

– установление в контракте четких критериев оценки деятельности и условий досрочного расторжения контракта.

II. В муниципальных районах:

1) представительный орган сформирован в соответствии с пунктом 1 части 4 статьи 35 Федерального закона, а именно из глав поселений и депутатов представительных органов поселений, входящих в состав муниципального района (минимальная численность – 15 человек), с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства;

2) глава муниципального образования избирается представительным органом и исполняет полномочия его председателя;

3) глава местной администрации (руководитель исполкома) назначается представительным органом по контракту по результатам конкурса, порядок проведения которого определяется представительным органом. При формировании конкурсной комиссии в муниципальном районе две трети ее членов назначаются представительным органом муниципального района, а одна треть – Государственным Советом Республики Татарстан по представлению Президента Республики Татарстан;

4) контракт с главой местной администрации (руководителем исполкома) заключается главой муниципального района;

5) структура местной администрации (исполнительного комитета) утверждается представительным органом муниципального района по

представлению главы местной администрации.

Достоинствами модели являются усиление связи между муниципальным районом и поселением, а также удешевление системы управления. Основной недостаток заключается в диспропорции представительства депутатов, возникающей в случаях, если в состав муниципального района включается одно крупное и большое количество мелких поселений (как чаще всего и бывает на практике). В этих случаях интересы жителей наиболее крупного муниципального образования (как правило, райцентра), в котором проживает 70–80% населения муниципального района представляет то же количество депутатов, что и интересы жителей любого малочисленного поселения.

Для эффективного осуществления своих полномочий органы местного самоуправления имеют свою внутреннюю организацию. Однако структура органа местного самоуправления зависит, прежде всего, от штатной численности работников аппарата конкретного органа местного самоуправления, численности выборных должностных лиц местного самоуправления, депутатов представительного органа, членов выборного органа местного самоуправления, работающих на постоянной основе (при этом на постоянной основе могут работать не более 10 процентов депутатов от установленной численности представительного органа муниципального образования, а если численность представительного органа муниципального образования составляет менее 10 человек, – 1 депутат).

В целях решения конкретных проблем, организации подготовки вопросов и проектов решений, а также контроля за их исполнением уставами

муниципальных образований может быть предусмотрено создание в представительном органе постоянных или временных комитетов и комиссий. В частности, Уставом муниципального образования города Казани в Городской думе предусмотрено образование семи постоянных комиссий: по бюджетно-финансовым вопросам, местным налогам и сборам; по социально-экономическому развитию и муниципальной собственности; по градостроительству и жилищно-коммунальному хозяйству; по образованию, культуре и национальным вопросам; по социальной защите населения; по вопросам экологии и охраны здоровья горожан; по вопросам законности, правопорядка и местного самоуправления.

Вместе с тем имеется практика, когда налицо «бесправный Совет» или «Совет, не пользующийся своими правами». В этом случае представительные органы превращаются, по сути, в совещательный орган при главе муниципального образования, не имеющие собственных аппаратов для подготовки решений либо оценки решений, предлагаемых исполнительной властью муниципального образования. Если решения подготовлены в аппарате исполнительного органа муниципальной власти, это увеличивает влияние данного органа, существенно ослабляет позиции представительного органа и не соответствует его предназначению.

В связи с этим для представительных органов муниципальных образований необходима их организационная самостоятельность, которая связана с повышением правового статуса данного органа и исполнением исключительных полномочий, установленных статьей 35 Федерального закона, например, заслушивание

ежегодных отчетов главы муниципального образования, главы местной администрации о результатах их деятельности, деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования; принятие планов и программ развития муниципального образования; определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности; осуществление контроля за исполнением местного бюджета. Следует также расширять практику пользования правами, предоставленными действующим законодательством: осуществление контроля за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления; принятие депутатских запросов; создание депутатских центров в избирательных округах и др.

В соответствии с частью 8 статьи 37 Федерального закона структура местной администрации утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации. Уставами муниципальных образований в структуре местной администрации предусматриваются должности руководителя исполнительного комитета, его заместителя, иных должностных лиц и (или) отраслевые (функциональные), территориальные органы местной администрации.

Вместе с тем структура местной администрации (исполнительного комитета), в том числе и количество заместителей руководителя исполнительного комитета (наличие в структуре должности первого замест-

тителя), устанавливается с учетом конкретных местных особенностей, численности населения и работников исполнительного комитета. Отраслевые (функциональные) органы (комитеты, управления, отделы и иные органы местной администрации) целесообразно создавать только в местных администрациях со значительной численностью работников в крупных муниципальных образованиях. В небольших поселениях целесообразно предусматривать в структуре исполнительно-распорядительного органа только отдельные должности по основным направлениям деятельности местной администрации. Кроме того, при необходимости в структуре местной администрации крупного город-

ского поселения может быть предусмотрено создание территориальных органов (по микрорайонам, округам и иным территориальным единицам). В городских поселениях, включающих в свою территорию более одного населенного пункта, может быть предусмотрено создание территориального органа (территориальных органов) местной администрации в сельском населенном пункте, прилегающем к соответствующему городскому населенному пункту.

Таким образом, выработка оптимальной организационной структуры местного самоуправления позволит эффективно осуществлять полномочия в решении вопросов местного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Масловская М.В., Якин Р.Л.* К вопросу о статусе представительного органа муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 23. — С. 26.

² См.: *Мартынов М.Ю.* Местное самоуправление в политической системе России: Теоретико-прикладной анализ: дис. ... докт. п. наук. — Сургут, 2003. — С. 221.

³ См.: *Мокеев М.М.* Модели организации муниципальной власти в России // Модернизация местных администраций. Сборник научных трудов. — Саратов, 2005. — С. 180.

⁴ См.: Казанские ведомости. 2005. — 11 ноября.

⁵ См. также: *Тихалева Е.Ю.* О роли представительных органов в системе органов местного самоуправления муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2010. — № 1.

Аннотация

Статья посвящена законодательному регулированию организационной структуры местного самоуправления в Российской Федерации. Авторами рассматриваются модели организационной структуры местного самоуправления с учетом требований Федерального закона. Кроме того, в статье анализируется опыт Республики Татарстан в регулировании вопросов структуры органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, модели организационной структуры местного самоуправления, представительный орган муниципального образования, местная администрация, комитет.

УДК 347.195.22

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

М.Ю. Чельшев, доктор юридических наук;

О.А. Чепарина, кандидат юридических наук

Реализация в нашей стране научно-технической политики во многом зависит от успешности ее претворения в жизнь на уровне высших учебных заведений, в том числе на уровне государственных вузов. Одним из организационно-правовых способов реализации государственных проектов в сфере образования и науки является обеспечение эффективного нормативно-правового регулирования деятельности государственных вузов.

Государственные вузы обладают сложным межотраслевым статусом, что, в свою очередь, диктует потребность в теоретическом осмыслении проблем, связанных с определением отраслевых приоритетов в правовом регулировании их деятельности. С практической точки зрения научный анализ межотраслевых связей гражданского права на уровне исследования правового статуса государственных вузов позволит выработать рекомендации законодателю по устранению существующих и недопущению новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера (между гражданским и бюджетным, гражданским и образовательным законодательством) применительно

к рассматриваемым отношениям. Целью настоящего исследования является рассмотрение отдельных проблем в межотраслевом регулировании деятельности государственных вузов с тем, чтобы выявить коллизии между различными отраслями права применительно к регулированию рассматриваемых отношений и наметить возможные пути их бесконфликтного правоприменения. Исследование основано на межотраслевом методе правовых исследований, который позволил рассмотреть взаимосвязи и взаимовлияния различных отраслей законодательства в регулировании гражданско-правового статуса государственных вузов.

Законодательство России в разные периоды времени по-разному определяло соотношение гражданско-правовых и публично-правовых начал в правовом регулировании деятельности государственных вузов: от доминирования публично-правовой составляющей в регулировании их деятельности, когда сами вузы рассматривались исключительно как часть системы государственного управления, до широкого внедрения частно-правовых норм в законода-

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Правовой статус государственных вузов в современных условиях: проблемы и перспективы» по гранту № 10-03-29314 а/В / 2010 (РГНФ).

тельство о высшем профессиональном образовании (с принятием законов «Об образовании»¹ и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»²).

В ходе осуществления бюджетной и административной реформ наметились две тенденции в регулировании правового статуса государственных вузов. Это, с одной стороны, усиление публично-правовой составляющей в правовом режиме вузов, существующих в форме бюджетных учреждений (усиление казначейского контроля за деятельностью бюджетных вузов, введение в отношении них процедуры размещения государственного заказа), а с другой – закрепление в законодательстве возможности создания государственных вузов в новой организационно-правовой форме с широкой самостоятельностью в осуществлении гражданских прав – в форме автономного учреждения.

Современный период развития законодательства характеризуется дифференцированным подходом законодателя к регламентированию правового статуса государственных вузов: от преобладания публично-правовой составляющей в правовом режиме бюджетных вузов (вузов в форме бюджетного учреждения) до использования преимущественно гражданско-правовых конструкций в правовом регулировании деятельности федеральных университетов, существующих в форме автономных учреждений.

Особенно ярко сложный межотраслевой правовой статус государственных вузов проявляется на примере бюджетного вуза.

Специфика отмеченного статуса выражена в том, что, с одной стороны, вуз – это юридическое лицо, субъект гражданского права. С другой

стороны, вуз вступает во множество таких отношений, которые регламентируются не гражданско-правовой отраслью, а нормами других правовых образований. Так, вуз, выступая в качестве работодателя, является субъектом отношений, регулируемых трудовым законодательством. Кроме того, такой вуз, являясь бюджетным учреждением, вступает в отношения по бюджетному финансированию. На сегодняшний день бюджетное учреждение является единственным видом юридического лица, обладающим статусом получателя бюджетных средств, статусом администратора дохода бюджета, а в отдельных случаях – и распорядителя бюджетных средств. Кроме того, бюджетное учреждение – единственный вид юридического лица, которое в силу факта своего существования обладает статусом государственного (муниципального) заказчика. В этом смысле правовой статус бюджетного учреждения в большей степени, чем статус других юридических лиц, носит межотраслевой (частно-публичный) характер, так как его регулирование находится на стыке норм гражданского, бюджетного законодательства, законодательства о государственных закупках, а также норм специальных федеральных законов, регулирующих отношения в той сфере, в которой функционирует учреждение. Например, деятельность бюджетного вуза помимо норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулируется также нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации³ (далее – БК РФ) и нормами законодательства о высшем образовании.

Представляется, что анализ обозначенного статуса государственного вуза следует проводить по трем взаимообусловленным направлениям: 1)

изучение гражданско-правового компонента правового статуса в качестве базового; 2) рассмотрение иных отраслевых составляющих этого статуса как, в известной степени, зависимых от гражданско-правовой его части; 3) выявление взаимосвязи между первой и второй частями правового статуса государственного вуза.

Наличие гражданско-правового компонента в правовом статусе государственного вуза вызвано тем, что данная организация – юридическое лицо. Соответственно вуз имеет гражданские права и обязанности: 1) по отношению к третьим лицам, т.е. иным участникам гражданско-оборота («внешние права и обязанности»), а также 2) возникающие и осуществляемые (реализуемые) в рамках так называемых внутренних отношений, имеющих место внутри вуза как юридического лица.

К первой группе относятся, например, те права и обязанности государственного вуза, которые возникают на основе гражданско-правовых договоров с участием данного субъекта. Наряду с обязательственными отношениями государственный вуз также участвует и в вещных отношениях, будучи обладателем, в первую очередь, права оперативного управления на закрепленное за ним имущество.

Существование внутренних, или по-другому корпоративных, отношений влечет за собой осуществление (исполнение) соответствующих субъективных прав и обязанностей гражданско-правового свойства. К ним нужно причислить права и обязанности, связанные с формированием и функционированием волеобразующих и волеизъявляющих органов вуза как юридического лица. В данном случае механизмы образования таких органов носят в том числе и час-

тноправовой характер. Таковой усматривается, в частности, в действии принципа выборности (с известными ограничениями и исключениями) ряда органов вуза, в возможности в рамках реализации правила об автономии вузов в определенной мере регламентировать процедуры создания и деятельности органов вуза.

Кроме гражданско-правовой составляющей правового статуса вуза в числе его правовых элементов нужно выделить трудовую элемент, а также целый блок публично-правовых элементов. Обладая не только частноправовым, но и взаимосвязанным с ним публично-правовым статусом, вуз имеет систему прав и обязанностей публично-правовой природы. К ним можно отнести права вуза как получателя бюджетных средств, обязанности, связанные с получением и расходованием указанных средств, и некоторые другие.

Несколько слов необходимо сказать об указанной выше взаимосвязи между гражданско-правовой и иными отраслевыми частями правового статуса государственного вуза. Полагаем, что такая взаимосвязь может быть показана с помощью имеющейся в правовой науке теории правовых стимулов и правовых ограничений (А.В.Малько⁴ и др.). Так, функционирование бюджетного вуза связано с действием целой совокупности публично-правовых ограничений его гражданской правоспособности, которая представляет собой систему. Указанные ограничения выражены в правовом комплексе норм, включающем положения бюджетного, образовательного законодательства, законодательства о государственных закупках. Рассматриваемые ограничения выражают применение в отношении государственных вузов

соответствующих частноправовых и публично-правовых средств. В итоге получается, что частноправовые действия вуза, например, заключение и исполнение договоров с его участием (на оказание образовательных услуг и других) происходят под влиянием обозначенной выше системы правовых ограничений. Это оказывает определенное воздействие и на содержание частноправовых средств, применяемых в деятельности государственного вуза. Так, ряд договоров, заключаемых государственным вузом, должен содержать условия, прямо отражающие существующие в отношении таких вузов правовые ограничения, предусмотренные, например, бюджетным законодательством, законодательством о государственных закупках и проч.

Изложенные выше проявления взаимосвязей между гражданско-правовой и иными отраслевыми частями правового статуса государственного вуза являются примером бесконфликтного применения на практике метода межотраслевого правового регулирования конкретных экономических отношений.

Вместе с тем сложный межотраслевой статус государственных вузов, а также низкая юридическая техника отдельных законов с неизбежностью порождают правовые коллизии при определении пределов гражданской правоспособности таких вузов.

Одна из таких коллизий касается права бюджетного учреждения распоряжаться доходами, полученными им от приносящей доход деятельности. В соответствии со ст. 298 ГК РФ, если учреждению разрешено осуществлять приносящую доход деятельность, то доходы от такой деятельности поступают в его самостоятельное распоряжение. Бюджетным вузам такое

право предоставляется учредителем и закрепляется в уставах. Вместе с тем п. 2 статьи 42 и пункт 3 статьи 161 БК РФ предусматривают, что доходы, полученные бюджетным учреждением от осуществления приносящей доход деятельности, учитываются как доходы федерального бюджета. Свою позицию по этому вопросу высказал Высший Арбитражный суд РФ в своем постановлении от 22 июня 2006 №21⁵, указав, что пункт 2 статьи 42 и пункт 3 статьи 161 БК РФ определяют не содержание прав учреждений на доходы, полученные учреждениями от приносящей доход деятельности, а закрепляют особенности их учета, поэтому установление нормами бюджетного законодательства особого порядка учета доходов, полученных от такой деятельности, не изменяет закрепленный ГК РФ объем прав учреждения относительно данных доходов и приобретенного за счет них имущества.

Указанное постановление является примером использования в процессе правоприменения межотраслевого (коллизионного) правового регулирования конкретных экономических отношений. По сути, в нем определены отраслевые приоритеты, разграничены смежные сферы регулирования между гражданской и бюджетной правовыми отраслями. Указанное постановление содержит важное положение: каждый закон имеет свой объект правового регулирования. Вместе с тем фактически положения ст.298 ГК РФ в настоящее время не реализуются. Бюджетное учреждение не обладает полной самостоятельностью в распоряжении имуществом, полученным от приносящей доход деятельности. По смыслу законодательства о закупках оно лишается права заключения договоров по закупке

товаров, на работы, услуги иначе как на основании процедуры размещения государственного заказа. Бюджетное законодательство также содержит ряд ограничений в отношении использования бюджетным учреждением средств от приносящей доход деятельности.

Еще одна правовая коллизия касается права государственных вузов создавать хозяйственные общества, специализирующиеся в сфере интеллектуальной деятельности (п.8 ст.27 ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»). Из-за несогласованности норм бюджетного законодательства и положений ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» указанное право вузов на практике остается нереализованным. Законодатель предусмотрел, что денежные средства могут быть внесены в качестве вклада в уставные капиталы создаваемых хозяйственных обществ в порядке, установленном ГК РФ (п.8 ст.27 ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»), тем самым упустив из виду, что указанные отношения – это сфера регулирования не только гражданского, но и бюджетного законодательства. В то же время Федеральный Закон «О федеральном бюджете на 2010 г. и плановый период 2011 и 2012 годов»⁶ (п.1 ст.6) содержит запрет в отношении бюджетных учреждений на направление ими средств на создание других организаций.

Применительно к вузам – бюджетным учреждениям возникает вопрос, как будут согласовываться на практике процедуры совершения ими с 1 января 2011 года крупных сделок и процедуры размещения такими вузами государственного заказа в соответствии с законодательством о государственных закупках.

Причиной подобных противоречий в законодательстве является низкая юридическая техника законов вследствие неприменения в ходе правотворчества методов межотраслевого правового регулирования конкретных экономических отношений.

Положительным примером использования в ходе законотворчества рассматриваемого нами метода межотраслевого правового регулирования является проект Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации»⁷. Как следует из Концепции законопроекта⁸, одним из обоснований принятия указанного закона являются коллизии и пробельность законодательных актов об образовании, декларативный характер ряда норм, их необеспеченность эффективными правовыми механизмами реализации.

В законопроекте устранены терминологические неточности, вызывающие коллизии с нормами гражданского права в части понятия «образовательное учреждение», которое в проекте закона заменяется понятием «образовательная организация», а также в части упорядочения терминов «виды», «типы» и «категории высших учебных заведений». При регламентировании модели экономической деятельности в сфере образования в законопроекте при закреплении правового статуса образовательной организации предусматривается учет новых требований гражданского и бюджетного законодательства (главы 3, 10, 15 законопроекта).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Для правового регулирования деятельности государственных вузов, правильного определения пределов их гражданской правоспособности

актуально исследование правового статуса таких вузов с точки зрения межотраслевого метода правового регулирования. Указанный метод помогает вскрыть недостатки в правоприменении, а также позволяет согласовать на практике нормы различных отраслей права на участке правового регулирования деятельности государственных вузов, тем самым позволяет обеспечить условия для эффективного правоприменения законодательства в сфере рассматриваемых отношений посредством законодательного закрепления эффективно работающих правовых механизмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об образовании: Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 в ред. ФЗ РФ от 28.09.2010 №243Ф // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1797; Российская газета. — 2010. — 30 сентября.

² О высшем и послевузовском профессиональном образовании: Федеральный Закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ в ред. ФЗ от 27.07.2010 №98-ФЗ // СЗ РФ. — 1996 г. — № 35. — Ст. 4135; Российская газета. — 2010 — 30 июля.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ в ред. ФЗ от 3.09.2010 №245-ФЗ // Российская газета. — 1998. — № 153–154; Российская газета. — 2010. — 1 октября.

⁴ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. — 2-е изд., перераб. и доп. / А.В. Малько. — М.: Юристъ, 2003. — 250 с.

⁵ О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 21 // Вестник ВАС РФ. — 2006. — №8.

⁶ О федеральном бюджете на 2010 год и плановый период 2011 и 2012 годов Федеральный закон от 02.12.2009 №308-ФЗ в ред. ФЗ от 23.07.2010 №85-ФЗ// Парламентская газета №67-70, 08.12.2009; Российская газета. — 2010. — 7 июля.

⁷ Министерство образования науки Российской Федерации: сайт — URL: <http://mon.gov.ru/dok/proj/6649/> (дата обращения 26.10.2010).

⁸ Министерство образования науки Российской Федерации: сайт — URL: <http://mon.gov.ru/dok/proj/6648/> (дата обращения 26.10.2010).

Аннотация

Сложный межотраслевой статус государственных вузов диктует потребность в теоретическом осмыслении проблем, связанных с определением отраслевых приоритетов в правовом регулировании их деятельности. Научный анализ межотраслевых связей гражданского права при исследовании правового статуса государственных вузов позволит выработать рекомендации законодателю по устранению существующих и недопущению новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера при определении пределов гражданской правоспособности государственных вузов.

Ключевые слова: межотраслевое правовое регулирование — гражданско-правовые отношения — государственные вузы.

Summary

The efficiency of the system of university administration must be provided at the level of the both HEI organizational structure, on the whole, and state-run HEIs as agents of state policy in high professional education, in particular. The article analyses peculiarities of the HEIs' organizational structure as legal entities. The mentioned peculiarities are considered in the context of establishing the high governing bodies, their competencies, and the order of their interactions in shaping the will of state HEI as a legal entity.

УДК 342.24

УСИЛЕНИЕ ДИСБАЛАНСА В РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ¹

М.Х. Фарушкин, доктор философских наук

В истории постсоветского развития России отечественная политология четко выделяет два периода: период с 1991 по 1999 г. как период децентрализации власти и управления и период с 2000 г. по настоящее время как период централизации и даже сверхцентрализации.

Применительно к проблеме федерализма можно сказать, что первый период характеризуется созданием институтов федерализма и формированием федеративных отношений, второй — процессом дефедерализации.

1990-е гг. в России были, помимо прочего, временем надежд на формирование подлинного федерализма. В этом направлении были предприняты следующие меры:

- заключен федеративный договор;
- принята новая Конституция РФ, в которой закреплено определение России как федеративного государства;
- в статьях 71, 72, 73 проведено разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации;
- Конституция предусматривала заключение дополнительных договоров и соглашений между центром и субъектами федерации;
- закрепление в Конституции Российской Федерации положений о суверенитете и целостности Российской Федерации;

- провозглашено верховенство федеральной Конституции и федеральных акто́в на всей территории России;

- провозглашено равноправие субъектов федерации;

- признание Российской Федерацией принципов равных прав и самоопределения наций;

- признание статуса республик в составе Российской Федерации в качестве государств;

- создание второй палаты национального парламента, палаты регионов, в которой в равной мере представлены все субъекты федерации;

- субъекты федерации получили выход на международную арену для участия в международных гуманитарных и экономических связях;

- в Бюджетном Кодексе были установлены равные доли федерального центра и субъектов федерации в распределении налогов (50/50);

- включение конституционной нормы, делающей невозможными поправки в Конституцию без согласия законодательных органов 2/3 субъектов федерации;

- закрепление в Конституции нормы, запрещающей менять статус субъекта федерации и его территорию без согласия самого субъекта;

- закрепление за субъектами федерации права самостоятельно создавать систему государственных орга-

нов в соответствии с Конституцией и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

– впервые в истории России был создан Конституционный Суд, призванный, в частности, обеспечивать федеративный характер государства.

Таким образом, в 1991–1999-е гг. были созданы некоторые важные институциональные предпосылки для дальнейшего развития федерализма.

Однако, правда и то, что российский федерализм находился в рудиментарном и нестабильном состоянии, имел более декларативный, чем реальный, характер.

Основными недостатками сформировавшейся системы федеративных отношений и соответственно ограничителями российского федерализма в то время оказались:

– во-первых, стали очевидными некоторые пробелы в институциональном дизайне. Не все общезначимые структурные элементы федеративной формы государственного устройства получили институциональное закрепление в Российской Федерации (например, не была устранена возможность пересмотра Конституции без участия субъектов федерации).

– во-вторых, те элементы федерализма, которые зафиксированы в Конституции Российской Федерации и других законодательных актах, не всегда реализуются на практике, оставаясь в значительной мере декларациями. Многие нормы, регулирующие федеративные отношения, не выполнялись (например, принцип верховенства федеральной Конституции и федеральных законов или нормы, разграничивающие предметы ведения и полномочия федерального

центра и субъектов федерации, или принцип разделения властей и др.). И в этом отношении можно в какой-то мере (но не во всем) согласиться с выводом, что «Россия приняла все ключевые внешние структурные атрибуты федерации, и Конституция на самом деле хранит многие ключевые принципы федерализма и демократии, но на практике ни федеральные власти, ни субъекты федерации не соблюдают полностью эти федеральные принципы. Демократическое федеративное государство, основанное на принципах федерализма, еще не консолидировалось в России»².

Другими недостатками сформировавшейся в 90-е гг. прошлого столетия модели российского федерализма были: разное видение смысла федерализма федеральной и региональными элитами; подмена открытых публичных федеративных отношений системой неформальных отношений и сделок между федеральной властью и региональными элитами; отсутствие политической воли, дезорганизация и общая слабость федеральной власти.

С начала 2000 г. в России был взят курс на рецентрализацию, и он был оправдан существовавшей в стране обстановкой неуправляемости социально-экономическими и политическими процессами и по существу анархией. Однако, как часто бывает в России, маятник не остановился на золотой середине, а качнулся далеко в противоположную сторону – в сторону сверхцентрализации. Она выразилась, в частности, в разрушении имевшихся ростков федерализма. Многие происходящие в России объективные процессы являются свидетельством взятого руководящими верхами страны курса на дефедерализацию Российского государства. К проявлениям этого курса относятся:

- создание федеральных округов;
- изменение межбюджетных отношений в пользу федерального центра;
- отрицание ограниченного суверенитета республик и других субъектов федерации;
- лишение населения субъектов федерации права избирать своих региональных руководителей;
- предоставление Президенту России права инициировать роспуск законодательных органов субъектов федерации и права отрешать от должности глав субъектов федерации;
- создание федеральными министерствами и ведомствами своих главных управлений на территории субъектов федерации, иногда параллельных существующим региональным органам (например, при существующем в Республике Татарстан Министерстве юстиции было создано Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан;
- лишение субъектов федерации права делать иностранные займы;
- создание межрегиональных органов, стоящих над органами государственной власти субъектов федерации;
- нередкое вторжение федерального центра в исключительные полномочия субъектов федерации и присвоение им права, в конечном счете, единолично решать вопросы, относящиеся к предметам совместного ведения;
- расширение в ущерб интересам субъектов федерации круга нормативных источников, регулирующих предметы совместного ведения;
- расширение круга источников, определяющих общие принципы организации законодательных и исполнительных органов государственной

власти субъектов Российской Федерации.

Учитывая все эти обстоятельства, трудно не согласиться с мнением, что «воздействие политической рецентрализации в короткий срок изменило лицо и природу российского федерализма и вызывает озабоченность то, что политическая траектория России удаляется от федералистской структуры в сторону унитарного государства»³.

В последние годы само понятие федерализма практически полностью выпало из политического дискурса руководящих деятелей России. Несмотря на конституционную характеристику России как федеративного государства, федерализм ни словом не упомянут в программной статье Президента Российской Федерации «Вперед, Россия». Что касается возможной роли политических партий в укреплении федерализма на российской почве, то если роль одних партий незначительна, поскольку они удалены от власти, самостоятельная роль партии власти незначительна потому, что целиком находится в услужении федеральной исполнительной власти.

В этой связи не праздным является вопрос, насколько искренне руководители России были привержены идеям федерализма в начале и середине 1990-х гг., когда, по характеристике одного зарубежного автора, «растущие центробежные силы и неэффективность центральной администрации оставляли правительству Ельцина небольшой выбор, кроме как развивать процесс федерализации для того, чтобы сохранить территориальную целостность Российской Федерации, все более улаживая конфликтующие интересы республик и регионов»⁴. В этих условиях, не было ли обращение к федерализму и соот-

ветственно предоставление субъектам федерации достаточно широких прав тактическим приемом с расчетом по мере укрепления центральной власти взять реванш и покончить, если не на словах, то на деле, с федеративным проектом. Недалекое будущее должно показать, насколько оправданно такое предположение.

Нет никаких доказательств, что как высокую ценность воспринимает федерализм население России. Доминирующая в обществе авторитарно-патриархальная политическая культура, нормы которой разделяют как элита, так и масса, оправдывает жесткую централизацию и персонализацию власти, правовой нигилизм и массовую коррупцию и одновременно не приемлет плюрализм и автономное функционирование каких бы то ни было субъектов.

Среди факторов, влияющих на состояние федеративных отношений, следует выделить роль судебной системы. Хотя Конституционный Суд Российской Федерации высказывался в пользу баланса интересов федерации и ее субъектов, на деле он практически всегда, когда имел место конфликт этих интересов, вставал на сторону федерального центра. Учитывая некоторые решения Конституционного Суда, приходится констатировать, что часто он, подыгрывая высшей исполнительной власти, вносил свою лепту в дефедерализацию России и в этом качестве может рассматриваться в качестве препятствия на пути укрепления российского федерализма.

В этой связи представляют интерес некоторые решения Конституционного Суда, принятые по вопросам федеративных отношений. Так, если Федеративный договор закреплял положение о государственном суверенитете республик в составе Рос-

сийской Федерации, а Конституция РФ, не упоминая о нем, тем не менее подразумевает его, то Конституционный Суд в своих Постановлении от 7 июня 2000 г. и Определении от 27 июня того же года встал на позицию полного отрицания государственного суверенитета республик и признания его только за Российской Федерацией в целом. Такая позиция не соответствует ряду конституционных норм.

Конституция Российской Федерации включает в себя, по крайней мере, три положения, которые позволяют предположить признание федеральной конституцией суверенитета республик, хотя и в ограниченном объеме. Первое положение касается определения государственной природы республик. В части 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации республики названы государствами. Общеизвестным в политической и правовой науках является мнение, что одним из неотъемлемых признаков (свойств) всякого государства является наличие суверенитета, то есть верховенства в решении всех вопросов, подпадающих под юрисдикцию данного государства. Без суверенитета государств не бывает.

Второе конституционное положение, косвенно свидетельствующее, по мнению ряда авторов, о признании в Конституции Российской Федерации суверенитета республик, содержится в ст. 73 федеральной Конституции, в которой определяются по остаточному принципу предметы ведения и полномочия субъектов Российской Федерации. Здесь говорится: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации об-

ладают всей полнотой государственной власти». В связи с этим резонно задается вопрос: можно ли вообще обладать всей полнотой государственной власти, пусть и в определенных пределах, и одновременно не быть в этих пределах суверенным? Следует серьезно отнестись к заявлению одного из участников процесса разработки проекта Конституции. «Считаю возможным утверждать, — пишет С.М. Шахрай, — что категория «всей полноты государственной власти» субъектов федерации вне предметов ведения и полномочий Российской Федерации была сформулирована как синонимичная замена понятию «суверенитет», в связи с тем, что в начале 90-х гг. XX века этот термин стал чрезмерно политизированным»⁵. И далее автор с достаточным основанием заявляет, что «в чисто научном плане понятие ограниченного (распределенного) суверенитета и понятие всей полноты государственной власти субъекта вне предметов ведения и полномочий федерации следует признать практически тождественными»⁶.

Подтверждением суверенного характера государственной власти субъектов федерации служит и положение, закрепленное в части 6 статьи 76 Конституции Российской Федерации. Суть его заключается в том, что в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным по предметам ведения субъекта федерации, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации. Сторонники признания ограниченного суверенитета субъектов федераций полагают, что вряд ли было бы возможно такое правовое решение, если бы субъект Российской Федерации не был суве-

ренен в границах собственных предметов ведения и своих полномочий.

В ряде случаев Конституционный Суд давал такое расширительное толкование конституционных положений, которое ущемляло права и законные интересы субъектов федерации. Например, Конституционный же Суд Российской Федерации в одном из своих Постановлений⁷ неправомерно утверждает, что «субъекты Российской Федерации, самостоятельно устанавливая путем принятия собственных нормативных правовых актов систему органов государственной власти и их полномочия, должны исходить из основ конституционного строя, общих принципов организации представительных и исполнительных органов государственной власти (статья 72, пункт «н» части 1; статья 77, часть 1), из других положений Конституции Российской Федерации, конкретизирующих их федеральных законов и иных нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти».

Между тем в соответствии с Конституцией Российской Федерации система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается самими субъектами федерации самостоятельно *только* «в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом». Ни о каких других положениях Конституции РФ, конкретизирующих их федеральных законах и тем более иных нормативных правовых актах федеральных органов государственной власти в тексте ст. 77 Конституции Российской Федерации в данной связи не упоминается. Позволить лю-

бому федеральному органу государственной власти своими нормативными правовыми актами вмешиваться в организацию государственной власти в субъектах федерации, означало бы подрыв федеративного устройства государства.

Еще один пример такого рода – это расширительное толкование Конституционным Судом статьи 76 (ч. 2). В ней говорится: «По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации». Возражая в Конституционном Суде Российской Федерации против принятия по вопросам совместного ведения подзаконных нормативных правовых актов федеральных органов власти, Правительство Республики Карелия указывало на то, что из статьи 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации следует, что по предметам совместного ведения не могут издаваться никакие иные федеральные нормативные правовые акты, кроме законов.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации не согласился с такой аргументацией. Суд исходил при этом из статей 90, 115, 125 (пункт «а» части 2) Конституции, из которых, по его мнению, следует, что Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают собственные правовые акты, в том числе нормативного характера, по вопросам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов⁸.

Таким образом, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда по предметам совместного

ведения федеральные органы государственной власти могут принимать не только законы, но и подзаконные нормативные правовые акты.

Эта позиция существенно нарушает права субъектов Российской Федерации. Дело в том, что в случае принятия по вопросу, относящемуся к предметам совместного ведения, федерального закона, как это и предусмотрено Конституцией Российской Федерации, существует все-таки, пусть и не вполне удовлетворительный, но законодательно определенный порядок участия субъектов федерации в законотворческом процессе. В случае же принятия по предметам совместного ведения других (подзаконных) нормативных правовых актов непонятно, как в этом виде правотворчества смогут участвовать субъекты Федерации, имеющие по предметам совместного ведения в принципе такие же полномочия, что и федеральные органы государственной власти.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что вряд ли Конституционный Суд можно рассматривать как сильную гарантию федеративного устройства в нашем Отечестве. Неопределенное будущее федерализма в России связано и с тем, что в настоящее время в России нет ни одной мощной и влиятельной социальной и политической силы, которая на деле, а не на словах выступала бы за федерализм. По-видимому, единственным искренним сторонником федералистских идей и практики остается пока часть научной общественности. Но без широкой социальной базы поддержки перспективы российского федерализма весьма туманны.

Судя по всему, российская политическая элита не связывает будущее России с федеративным типом госу-

дарственного устройства. Под влиянием именно этого фактора в России в начале нынешнего столетия наметился зримый отход от федерализма.

В том курсе на модернизацию России, который провозгласило нынешнее руководство страны, федерализму пока не находится места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основу статьи положен доклад, сделанный автором на одной из секций VIII Всемирного Конгресса Международного совета по исследованиям стран Центральной и Восточной Европы, который проходил в Стокгольме 26 – 31 июля 2010 г.

² *Ross C.* Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two back! // *Communist and Post-Communist Studies*, 2003, Vol. 36, Issue 1, P.31.

³ *Konitzer A. and Wegren S.* Federalism and Political Recentralization in the Russian Federation: United Russia as Party of Power // *Publius: The Journal of Federalism*, 2006, Vol.36, No. 4, P. 503.

⁴ *Brian D.M.* The Russian Federation and «functional federalism»: lessons from Tatarstan and Chechnya // *The Changing Faces of Federalism*. – Manchester: Manchester University Press, 2005, P. 51.

⁵ *Шахрай С.М.* Конституционное правосудие в системе российского федерализма. – С. 241.

⁶ Там же. – С. 242.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 21, ст. 2094.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «О проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 3. Ст. 429.

Аннотация

В статье анализируются институциональные предпосылки российского федерализма, созданные в 90-е гг. прошлого столетия; рассматриваются основные проявления процесса дефедерализации (разрушения ростков федерализма), начавшегося с 2000 г.; высказываются предположения о дальнейшей судьбе российского федерализма и раскрываются причины ее неопределенности.

Ключевые слова: федерализм, институциональные условия, федеративные отношения, разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, суверенитет субъектов федерации, Конституционный Суд, дефедерализация.

Summary

The article is concerned with the analysis of some institutional conditions for the Russian federalism which were created in the 1990s as well as the discussion of the main features of a process of de-federalization started in 2000; moreover, the article represents the author's opinion about the destiny of the Russian federalism and the disclosure of causes of its uncertainty.

ПАМЯТИ МИРКАСЫМА АБДУЛАХАТОВИЧА УСМАНОВА

Общественность Республики Татарстан понесла тяжелую утрату. 11 октября 2010 года на семьдесят седьмом году ушел из жизни Усманов Миркасым Абдулахатович – выдающийся ученый-историк и археограф, общественный деятель, доктор исторических наук, действительный член Академии наук Республики Татарстан, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, советник президиума Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Республики Татарстан.

М.А. Усманов родился 31 мая 1934 года в г.Кульджа, Западный Китай. Окончил Казанский государственный университет, аспирантуру при кафедре истории СССР КГУ. Работал заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода, проректором КГУ по учебной работе, и.о. ректора КГУ, заведующим кафедрой истории татарского народа.

Еще в середине 1960-х годов он заявил о себе как о перспективном исследователе, изучив и проанализировав первоисточники, обобщив результаты исследований в кандидатской диссертации под названием «Описательные исторические источники XVII–XVIII веков на татарском языке». Изданная в 1979 году монография «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI веков» – документальное исследование тюркоязычных первоисточников социально-политического строя Золотой Орды – во

многом определила векторы будущих исследований по ордынской тематике. Этот труд получил высокую оценку тюркологов и послужил основой его докторской диссертации.

Миркасым Абдулахатович был одним из выдающихся историков, чье имя известно не только в Татарстане, но и далеко за пределами Российской Федерации. За 50 лет научно-исследовательской деятельности им создан ряд трудов, существенно обогативших как источниковую базу, так и разработку конкретно-исторических проблем истории, культуры татарского народа на протяжении широкого исторического диапазона – с XIII по нач. XX века. Он ввел в научный обиход множество арабографических тюркоязычных письменных источников по истории и литературе тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Его труды способствовали утверждению мысли о необходимости сохранения и возвращения всего пласта исторических источников.

Многогранная научная деятельность М.Усманова охватывает почти все основные направления современного татароведения: история и литературное наследие, археография и историография, источниковедение и художественные переводы, тюркология и педагогика. Он являлся одним из основоположников современной татарской археографии. Им было организовано более сорока полевых экспедиций в поисках рукописного наследия татарского народа, собра-

но свыше десяти тысяч рукописей и редких книг. По следам своих путешествий он написал серию рассказов и очерков с целью пробудить интерес молодежи к истории народа, исследовательской деятельности. М.Усманов проследил, как выдающиеся мыслители, кропотливо изучая рукописные источники, заложили ряд научных направлений: Х.Фаизханов – болгаро-татарской эпиграфики, Ш. Марджани – национальной истории, Р.Фахретдин – духовной культуры татарского народа.

Начиная с 1990 года им осуществлены переиздания исторических трудов М.Г.Худякова, Карла Фукса, И.Гаспринского и ряда других книг. В последние годы он со своими учениками начал издание серии документальных сборников из серии «Шахесларебез» о выдающихся представителях татарской культуры: Г.Губайдуллине, братьях Рамиевых, Х.Атласи, Х.Фаизханове, Ф.Карими, Г.Сагди, Гали Рахиме, братьях Туйкиных и др. Он всегда находился в авангарде исторической науки, выбирая самые сложные темы и объекты исследования.

Академик М.А.Усманов входил в число учредителей, «отцов-основателей» Академии наук Республики Татарстан. Будучи вице-президентом, а затем советником президиума Академии наук РТ, он принимал активное участие в создании новых структурных подразделений АН РТ, в определении перспектив развития гуманитарных институтов академии, а также в определении перспектив развития гуманитарных наук вообще. С его участием были налажены контакты

АН РТ с научно-исследовательскими учреждениями бывших союзных республик, организационно окрепли исследования исторических и культурных взаимосвязей народов Татарстана и мусульманских стран. Для него служение науке было смыслом всей его жизни и делом чести.

М.А.Усманов являлся создателем кафедры истории татарского народа. В 1997–1999 гг. был президентом Общества востоковедов РАН, членом Археографической комиссии РАН, членом Союза писателей Республики Татарстан, председателем фонда «Жиен». В 1997–2004 гг. М.А.Усманов принимал участие в организации изучения истории и датировки основания г.Казани, был избран почетным гражданином города Казани. За свои труды в области тюркологии, истории М.А.Усманов награжден Золотой медалью РИАС (Постоянная Международная алтаистическая конференция), в 2008 г. стал лауреатом IRCICA (Исследовательский центр по изучению исламской истории, искусства и культуры) при Организации Исламской конференции.

Он был прекрасным ученым и интересным человеком, в высшей степени открытой, демократичной и интеллектуальной личностью.

Светлая память о Миркасыеме Абдулахатовиче Усманове надолго сохранилась в нашей памяти.

*Р.Н. Минниханов,
Ф.Х. Мухаметшин, И.Ш. Халиков,
М.Ш. Шаймиев, Ю.З. Камалтынов,
Р.Ф. Муратов, А.М. Мазгаров,
И.Р. Гафуров, И.Р. Метшин.*

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

29 июня 2010 года состоялось выездное заседание Научного совета при президиуме АН РТ на базе ФГУ «Федеральный центр токсикологической и радиологической безопасности животных» (ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ»), находящегося под научно-методическим руководством АН РТ.

В заседании, прошедшем под руководством председателя Научного совета, члена-корреспондента АН РТ, профессора В.З.Латыповой, приняли участие члены Научного совета – член-корреспондент АН РТ, профессор Р.И.Сафин; заместитель Председателя Комитета по экологии, природным ресурсам и землепользованию Госсовета РТ И.М. Сафиуллин; директор ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ», профессор А.В. Иванов; и.о. директора Института проблем экологии и недропользования АН РТ Р.Р.Шагидуллин; директор Волжско-Камского государственного биосферного природного заповедника Ю.А.Горшков, заведующий лабораторией химико-биологических исследований ИОФХ КНЦ РАН, профессор В.В. Зобов; заведующий кафедрой зоологии позвоночных Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор В.А.Яковлев; заведующий кафедрой биоэкологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор И.И.Рахимов; профессор Казанского государственного медицинского университета Иванов А.В.; заведующий лабораторией биогеохимии Института проблем экологии и недропользования АН РТ, ученый секретарь Д.В.Иванов, доцент Казанского государственного технологического университета М.В. Шулаев. От ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» в работе выездного заседания приняли участие первый заместитель директора, профессор К.Х.Папуниди; заведующий отделом радиобезопасности, профессор Г.В.Конюхов; заведующий отделом биологической безопасности, профессор Х.Н.Макаев; заместитель директора по НИР, профессор Р.Х.Юсупов; ученый секретарь, профессор В.И.Степанов.

Главный вопрос повестки дня: «О стратегии и перспективах научно-практических работ ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» в области экологической безопасности». Обсужден целый ряд приоритетных направлений развития фундаментальных и прикладных исследований Центра, направленных на обеспечение экологической безопасности населения Республики Татарстан. В их числе: постоянный мониторинг токсических веществ техногенного (тяжелые металлы, пестициды, бензапирены, полихлорированные бифенилы, диоксины) и природного происхождения (микотоксины, бакживотоксины, алкалоиды) во всех звеньях пищевой цепи: почва – растения, животные – продукция – человек; борьба с микотоксикозами; разработка тест-систем для обнаружения ГМО растительного и животного происхождения; производство экологически безопасной продукции и др.

Участники заседания отметили исключительную важность и уникальность проводимых в ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» исследований и создания реальных средств защиты от различных видов опасностей в РТ и отдельных регионах РФ. Особо затронута чрезвычайно серьезная проблема опасности микотоксинов, достигнуты договоренности о сотрудничестве с учеными ведущих научных экологических центров РТ, о целесообразности создания рабочей группы из числа специалистов секции «Экологически безопасная продукция и агроэкология» Научного совета и об активизации деятельности по экологически безопасной продукции.

Помимо этого, на выездном заседании обсуждена и признана актуальной тематика проектов прикладных научных исследований и разработок по приоритетным направлениям развития экономики, предложенная министерствами и ведомствами РТ в президиум АН РТ, относящаяся к профилю Научного совета «Экологическая безопасность РТ». Принятое решение о поддержке тематики рассмотренных проектов представлено в президиум АН РТ.

* * *

14–15 июля в Академии наук Республики Татарстан принимали делегацию Республики Саха (Якутия), прибывшую в Казань с двухдневным визитом. Состав делегации: вице-президент Республики Саха (Якутия) Дмитрий Глушко, президент Академии наук Республики Саха (Якутия) Игорь Колодезников, заместитель министра внешних связей республики Анна Шышигина, старший референт секретариата вице-президента республики Лариса Сивцева и директор проектного отдела ОАО «Корпорация развития Южной Якутии» Азат Салаватуллин.

14 июля состоялся прием делегации у президента Академии наук Республики Татарстан Ахмета Мазгарова. Во встрече участвовали также вице-президенты АН РТ Айрат Абдуллин, Азат Зиятдинов, заместитель президента АН РТ Асхат Гумеров, главный ученый секретарь Дания Загидуллина, академик-секретарь Отделения социально-экономических наук, директор Института «Прикладная семиотика» Джаудат Сулейманов и др.

В ходе встречи президент АН РТ А.М.Мазгаров рассказал о роли Академии наук Татарстана в инновационной деятельности республики, о многоканальных связях Академии наук с различными структурами государства, экономики и бизнеса, интеграции научного сообщества в задачи экономического развития республики. Вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин в своем выступлении остановился на вопросах финансирования инновационных проектов, рассказал о реальных механизмах решения этих важных проблем в Татарстане. С основными научными направлениями Отделений гуманитарных и социально-экономических наук АН РТ познакомили гостей Д.Ф.Загидуллина и Д.Ш.Сулейманов.

В ответном слове президент Академии наук Республики Саха (Якутия) И.И.Колодезников рассказал об истории создания и развития Академии наук Якутии, о современной структуре и об особенностях развития науки в их регионе. «Наша задача – сказал Игорь Иннокен-

тьевич, — поднять статус Академии наук на более высокий уровень. Мы уже не первый год обсуждаем, как использовать потенциал академии и научного сообщества нашей республики на государственном уровне. И нам, конечно, очень интересен опыт Академии наук Татарстана».

Вице-президент Республики Саха (Якутия) Д.Е. Глушко подчеркнул роль Академии наук Республики Саха (Якутия) в экспертизе проектов технологий, которые поступают в большом количестве правительству республики. Довольно часто авторы этих проектов абсолютно не учитывают местных особенностей социального, экологического характера. И здесь — слово за экспертами Объединенного ученого совета, созданного при Академии наук Республики Саха (Якутия). Дмитрий Евгеньевич подчеркнул важность деятельности Академии наук Якутии для социально-экономического развития региона.

Участники встречи также обсудили направления научного сотрудничества Академии наук Республики Татарстан и Академии наук Республики Саха (Якутия) в сфере инновационной деятельности. Планируется подписание Соглашения о научном сотрудничестве в сфере инновационной деятельности. Это будет второй документ, закрепляющий сотрудничество двух академий, — в 2008 году Академией наук Республики Татарстан и Академией наук Республики Саха (Якутия) был заключен Договор о сотрудничестве.

* * *

16 июля президент Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгаров и президент Академии наук Республики Саха (Якутия) И.И. Колодезников подписали Соглашение о научном сотрудничестве в сфере инновационной деятельности между АН РТ и АН РС (Якутия).

Цель Соглашения — дальнейшее укрепление и расширение сотрудничества между академиями наук двух субъектов Российской Федерации, реализация Концепции инновационной политики Российской Федерации, развитие экономики в сфере информационных технологий, подготовка кадров для малого предпринимательства в сфере инноваций, привлечение венчурных инвестиций в инновационный бизнес.

Для объединения этих усилий стороны договорились: обмениваться информационными материалами в инновационной сфере, правоустанавливающими и другими материалами, определяющими нормативно-правовые положения и регламенты инновационной деятельности; проводить совместные научные исследования в области инновационных технологий, в том числе путем создания совместных творческих коллективов и малых предприятий; оказывать содействие в участии инновационных проектов в конкурсах, проводимых сторонами, в частности, в открытом республиканском конкурсе «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан»; приглашать представителей научного сообщества на проводимые одной из сторон научные симпозиумы, конференции, семинары и другие мероприятия; организовать стажировки научных сотрудников при взаимной договоренности.

* * *

Делегация Республики Татарстан во главе с Президентом РТ Рустамом Миннихановым посетила Туркменскую республику с двухдневным визитом 1–2 августа 2010 года. В состав делегации вошел президент АН РТ Ахмет Мазгаров.

В ходе визита Президента Татарстана в Туркменистан прошли переговоры относительно расширения сотрудничества в топливно-энергетической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. Рустам Минниханов отметил, что татарский и туркменский народы схожи культурой, языками и религией.

Гурбангулы Бердымухамедов заявил, что сектор сотрудничества Туркменистана и Татарстана постоянно расширяется, и кроме торгово-экономических отношений, необходимо задействовать научно-технический потенциал наших республик.

Между республиками предполагается наладить сотрудничество в нефтяной сфере. По словам Рустама Минниханова, технологии, которые отработаны в Татарстане нефтедобывающей компанией «Татнефть», позволят в разы увеличить нефтеотдачу. Татарстан также предлагает вести подготовку специалистов из Туркменистана для нефтяной отрасли на базе ОАО «Татнефть» (на сегодняшний день там уже проходят обучение 7 специалистов).

Во время встречи президент АН РТ А.М.Мазгаров представил новые технологии очистки газа, нефти, нефтепродуктов и сточных вод от сернистых соединений. Ахмет Мазгарович отметил, что институты Академии наук Татарстана являются признанными мировыми лидерами в этих областях. Первые в мире и самые крупные установки очистки нефти по технологии ДМС-1, разработанные Волжским научно-исследовательским институтом углеводородного сырья АН РТ, были построены и введены в эксплуатацию в 1995–1996 годах нефтяной компанией «Chevron» на Тенгизском газоперерабатывающем заводе. В 2000 году на Оренбургском ГПЗ была введена в эксплуатацию установка очистки Карачаганакского газоконденсата по новой технологии ДМС-3, разработанной ВНИИУС, которая позволила достичь более глубокой степени очистки, и внедрение этой технологии в Туркмении позволит очистить нефть, поставляемую в Иран, до требований норм этой страны и, кроме того, расширит ассортимент экспортируемых видов нефти.

Все эти технологии Республика Татарстан готова предоставить Туркменской республике.

Рустам Минниханов сообщил, что готовится подписание соглашения между Академиями наук Татарстана и Туркменистана. В рамках документа планируется создать на базе АН РТ совместный центр по переподготовке специалистов в вузах Татарстана и России.

Пользуясь случаем, Президент РТ Рустам Минниханов от имени филологов и историков Казанского университета и АН РТ преподнес в дар библиотеке Академии наук Туркмении копию уникального рукописного сборника на 47 листах (к сожалению, без начала), который содержит тексты стихотворений Махтумкулы, а также фрагменты еще

пяти поэтических сборников аналогичного содержания. Оригиналы этих рукописей, ценных для туркменской культуры и имевших хождение среди татарского населения, хранятся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета.

В интервью, которое президент АН РТ Ахмет Мазгарович дал на туркменском радио, он выразил надежду, что этот дар станет стимулом для восстановления и дальнейшего развития прерванных контактов между литераторами и историками народов Татарстана и Туркменистана.

Нынешний визит, по словам Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова, послужит расширению взаимовыгодных отношений республик и укрепит связи братских народов.

* * *

14 сентября 2010 года в Академии наук Татарстана состоялось открытие международного совещания «Плаксинские чтения-2010». Тема — «Научные основы и современные процессы комплексной переработки труднообогатимого минерального сырья». В пленарном заседании приняли участие министр экологии и природных ресурсов РТ А.К.Садретдинов, президент АН РТ, академик А.М.Мазгаров, руководитель Федерального агентства по недропользованию Роснедра А.А.Ледовских, советник президиума РАН, академик РАН К.Н.Трубецкой, председатель Научного совета РАН по проблемам обогащения полезных ископаемых, директор Института проблем комплексного освоения недр РАН, академик РАН В.А.Чантурия и др.

Совещание «Научные основы и современные процессы комплексной переработки труднообогатимого минерального сырья «Плаксинские чтения-2010» проходило с 13 по 18 сентября 2010 года и приурочено к 65-летию со дня основания Центрального научно-исследовательского института геологии нерудных полезных ископаемых (ФГУП «ЦНИИгеолнеруд»). Организаторы — Российская академия наук, Отделение физики, энергетики, наук о Земле, Научный совет РАН по проблемам обогащения полезных ископаемых, Институт проблем комплексного освоения недр РАН, Академия горных наук при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Плаксинские чтения проходят каждую осень в память об академике Игоре Николаевиче Плаксине — основателе советской научной школы в области обогащения полезных ископаемых и гидрометаллургии редких, цветных и благородных металлов, он был дважды лауреатом Государственной премии СССР.

ФГУП «ЦНИИгеолнеруд» — базовое предприятие Минприроды России и Роснедра, которое находится в Казани. С самого основания института (с 1945 г.) его деятельность была направлена на реализацию запросов экономики, первоначально связанных с развитием минерально-сырьевой базы изучения большой девонской нефти в республике и прилегающих территориях. Последние 45 лет институт обеспечивает выработку и реализацию государственной политики по развитию и использованию минерально-сырьевой базы неметаллических полезных ископаемых в масштабах всей страны. Коллектив института развивает

лучшие традиции казанской школы геологов и считает одним из основных приоритетов развитие минерально-сырьевой базы неметаллов Республики Татарстан.

* * *

27 сентября 2010 года в 11 часов в Академии наук РТ состоялась пресс-конференция, посвященная вручению Международной премии им. Е.К. Завойского. Торжественные мероприятия пройдут в Казани 27 сентября – 2 октября.

В пресс-конференции приняли участие: К.М.Салихов – директор Казанского физико-технического института им. Е.К. Завойского РАН, вице-президент АН РТ, Уве Айчхофф – доктор, почетный профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, консультант по научным и коммерческим отношениям Восточной Европы и Балтики компании «Bruker BioSpin GmbH», а также начальник отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ Р.В.Даутова. Цель пресс-конференции – информирование СМИ о программе праздничных мероприятий, об основных условиях конкурса на звание лауреата, о лауреате Международной премии им. Е.К. Завойского 2010 года и том вкладе, который сделан им в мировую науку.

Премия была учреждена Казанским физико-техническим институтом им. Е. К. Завойского в 1991 году по инициативе директора КФТИ К. М. Салихова после консультаций с международным сообществом в области магнитного резонанса. Премию поддержали Казанский государственный университет, Академия наук Республики Татарстан и издательство Шпрингер (Вена – Нью-Йорк), которое сотрудничает с Казанским физико-техническим институтом в издании международного журнала «Applied Magnetic Resonance». Премия получила признание Амперовского Общества, международного Общества ЭПР (ЭСР), президиума РАН и Президента, Государственного совета и Правительства Республики Татарстан. Премия им. Е. К. Завойского заслужила международное признание как значительная награда за научные достижения в области магнитного резонанса.

Премия им. Е. К. Завойского ежегодно присуждается за выдающийся вклад в применение или развитие электронного парамагнитного резонанса.

* * *

28–30 сентября 2010 года в Баку состоялся азербайджано-российский симпозиум «Катализ в решении проблем нефтехимии и нефтепереработки», в котором принял участие президент Академии наук Республики Татарстан Ахмет Мазгаров.

На симпозиуме были рассмотрены актуальные фундаментальные и прикладные проблемы в области катализа, наиболее активно исследуемые в Азербайджане и России в настоящее время:

- катализаторы процессов нефтехимии и нефтепереработки;
- физико-химические исследования каталитических процессов и катализаторов нефтехимии и нефтепереработки;
- нанотехнологии в катализе;
- экологические проблемы катализа.

Президент АН РТ А.Мазгаров выступил на пленарном заседании симпозиума с докладом «Каталитические процессы окислительной очистки углеводородного сырья от сернистых соединений». Кроме того, была организована встреча А.Мазгарова с руководством Национальной Академии наук Азербайджана, на которой определены перспективы сотрудничества между академиями наук Татарстана и Азербайджана.

* * *

1 октября в здании Академии наук РТ в 20-й раз прошла церемония вручения Международной премии имени Е.К.Завойского. Лауреатом премии 2010 года стал профессор Ханс Вольфганг Шписс. Премия присуждена ученому за вклад в методологию импульсного магнитного резонанса для выявления структуры, порядка и динамики супрамолекулярных систем. Профессор Ханс Вольфганг Шписс является директором Института исследования полимеров имени Макса Планка (Майнц, Германия).

В этом году на получение международной премии Е.К.Завойского было выдвинуто 7 претендентов из Германии, США, Голландии. Кандидатура Шписса была одобрена «по совокупности заслуг». Область научных интересов ученого обширна: развитие методов магнитного резонанса (ядерный магнитный резонанс и электронный парамагнитный резонанс) для выявления структуры и динамики, фазового поведения, порядка и межфазных областей синтетических макромолекул и супрамолекулярных систем, корреляция микроскопического поведения и функциональных свойств современных материалов с данными магнитного резонанса. Его исследования нашли практическое применение во многих областях науки, в том числе в медицине.

Награду Хансу Вольфгангу Шписсу вручил министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов. Победителю передан конверт с 1,5 тыс. евро. По словам Ханса Вольфганга Шписса, то, что денежная часть премии небольшая, его совершенно не смущает. «Эта премия очень престижна, только это и имеет значение», — сказал Шписс на пресс-конференции перед церемонией вручения.

На церемонии вручения премии имени Е.К.Завойского выступил также проректор КФУ по научной деятельности Данис Нургалеев. «Вручение премии имени Завойского стало хорошей традицией для Казани. Более того, для нас это большая честь», — сообщил Д.Нургалеев.

Директор Казанского научного центра Российской академии наук Олег Синяшин в своем выступлении подчеркнул значимость изучения импульсного магнитного резонанса. «Надеюсь, что вручение этой премии послужит укреплению отношений между учеными России и Германии», — добавил О.Синяшин.

В адрес лауреата премии прозвучали поздравления от Казанского научного центра РАН, Российской академии наук и его коллег, ученых всего мира.

По традиции на память о визите в Казань Хансу Вольфгангу Шписсу была вручена картина с видом Казанского Кремля.

Профессор Ханс Вольфганг Шписс является директором Института исследования полимеров имени Макса Планка (Майнц, Германия).

Область научных интересов

Развитие методов магнитного резонанса (ядерный магнитный резонанс и электронный парамагнитный резонанс) для выявления структуры и динамики, фазового поведения, порядка и межфазных областей синтетических макромолекул и супрамолекулярных систем. Корреляция микроскопического поведения и функциональных свойств современных материалов с данными магнитного резонанса и реологии с Фурье преобразованием.

Профессиональная карьера и награды

- 1991-1992 Президент Европейской федерации по полимерам
- 1994-1996 Председатель Комитета по инвестициям капитала Немецкого научно-исследовательского сообщества
 - с 1997 Председатель Комитета по вычислительной технике Общества имени Макса Планка
 - 1999-2005 Член Ученого совета ФРГ
 - 2000-2006 Президент Международного Амперовского общества, Цюрих, Швейцария
 - 1987 Премия имени Лейбница – Немецкое научно-исследовательское сообщество
 - 1997 Почетный доктор, Технический университет, Клуж-Напока, Румыния
 - 1998 Почетный доктор, Университет имени Адама Мицкевича, Познань, Польша
 - 2002-2009 Член правления, Институт исследования полимеров имени Лейбница, Дрезден, Германия
 - с 2002 Член правления, Международная школа по химии, Университет Мюнстера, Германия
 - 2002 Медаль Либиха – Немецкое химическое общество
 - 2002 Премия Амперовского общества – Амперовское общество, Цюрих, Швейцария
 - 2002 Медаль президента, Корнельский Университет, Итака, США
 - 2003 Премия Общества науки и технологии полимеров, Япония
 - 2005 Медаль имени Вальтера Нерста, Бунзеновское общество физической химии
 - 2007 Почетный профессор, Восточно-китайский университет, Шанхай, Китай
 - с 2008 Вице-президент Международного общества по магнитному резонансу (ISMAR)
 - 2010 Исследовательская премия имени Поля Флори, Международный союз теоретической и прикладной химии

* * *

8 октября 2010 года исполнилось 70 лет академику Академии наук РТ Наилу Абдулловичу Сахибуллину.

Наил Абдуллович — лидер казанских астрономов, ученый мирового уровня в области исследования звездных атмосфер. Доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой астрономии и космической геодезии, действительный член АН РТ, академик-сек-

ретарь Отделения физики, энергетики, наук о Земле АН РТ, директор Астрономической обсерватории им. В.П.Энгельгардта (1991–2008), заслуженный деятель науки России, заслуженный деятель науки РТ, лауреат Государственной премии РТ.

Звездный путь Наиля Абдулловича берет свое начало еще в средней школе. Увлеченный запусками первых космических спутников, он принял решение связать свою жизнь с астрономией. Окончив с отличием Казанский университет в 1963 году, Наиль Абдуллович по предложению профессора Ш. Т. Хабибуллина был оставлен в аспирантуре на кафедре астрономии. Будучи одаренным и незаурядным человеком, Наиль Сахибуллин еще в студенческие годы принял решение заниматься новым направлением на кафедре – исследованием физики звездных атмосфер. Эта тематика была совершенно новой в то время для казанской астрономии, но Шаукат Таипович Хабибуллин (сам занимавшийся исследованием особенностей во вращении Луны) принял мудрое решение, поддержав начинания Наиля Абдулловича. В 1969 году Наиль Абдуллович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Моделирование атмосфер ядер планетарных туманностей». Его кандидатская диссертация фактически заложила основы нового научного направления в области теоретической астрофизики в Казани.

В период с 1970 по 1980 год Наиль Абдуллович стажировался и работал в крупнейших российских и международных научных центрах – Астрономическом совете при АН СССР (ныне Институт астрономии РАН, Москва), Институте астрономии при Утрехтском университете в Голландии, в Центре атмосферных исследований в Колорадском университете (США). Имея доступ к самым быстродействующим суперкомпьютерам мира того времени, Наиль Абдуллович реализовал новый численный метод при изучении звездных атмосфер. На основе этого метода были объяснены многие астрофизические данные, которые не могли быть интерпретированы в рамках традиционного подхода, используемого ранее в мировой астрономии. Ученым были предсказаны и новые астрофизические явления в спектрах звезд. Результаты исследований в рамках нового метода составили основу его докторской диссертации, защищенной в 1987 году в Ленинграде. Фактически Наилем Абдулловичем было создано новое астрофизическое направление исследований в СССР.

Понимая важность привлечения к новому численному методу широкого круга отечественных ученых, в 1970 году Наиль Абдуллович организовал рабочую группу «Звездные атмосферы», которая и ныне проводит регулярные конференции (очередная конференция проходила в Казани с 7 по 11 октября 2010 года). Деятельность группы оказалась настолько успешной, что Астрономический совет АН СССР придал ей официальный статус рабочей группы при Академии наук СССР. В рамках этой рабочей группы было подготовлено большое количество высокопрофессиональных специалистов в области исследования звезд нашей Галактики. Большинство из них защитили кандидатские и докторские диссертации и стали научными лидерами в своих институтах. Многие ныне работают в зарубежных астрономических центрах и там признаны ведущими специалистами.

Развивая созданное им научное направление, Наиль Сахибуллин и его ученики стали успешно применять новые методы численного моделирования не только в применении к атмосферам одиночных звезд, но и для изучения аккреционных дисков вокруг черных дыр и двойных звездных систем с облучаемыми извне атмосферами. Казанская астрофизическая школа признана научной общественностью России как наиболее авторитетная в области интерпретации звездных спектров. Работы Наиля Сахибуллина хорошо известны и широко цитируются в мировой астрономической литературе.

Наилем Абдулловичем совместно с его учениками опубликовано более сотни научных статей по исследованию атмосфер звезд практически всех спектральных классов и групп, находящихся на так называемой диаграмме Герцшпрунга-Рессела (диаграмма Светимость – Температура), образно называемой шахматной доской астрономии. Результаты этих исследований имеют не только самостоятельный интерес по отношению к конкретным звездам, но также оказывают сильное влияние на проверку и тестирование существующих моделей эволюции звезд и химической эволюции вещества в нашей Галактике.

В конце 1980-х годов профессор Ш.Т.Хабибуллин предложил Наилю Абдулловичу, как ведущему и наиболее признанному ученому-астрофизику, возглавить проект по созданию 1.5-метрового оптического телескопа. Приняв это предложение, он приложил все усилия, чтобы казанские астрономы получили возможность установить телескоп диаметром 1.5 метра в Турции в обсерватории на высоте 2500 метров. В сложный период перестройки страны в конце 1980-х – начале 1990-х годов процесс изготовления телескопа практически остановился, и встал вопрос о сдаче незавершенного и неоплаченного телескопа в металлолом. В этих условиях проявились должным образом незаурядные организаторские и дипломатические способности Наиля Абдулловича. Он сумел создать международную кооперацию по проекту телескопа РТТ-150 с участием Казанского университета, Академии наук РТ, Института космических исследований (ИКИ) РАН и Национальной Обсерватории ТЮБИТАК (Турция). Эта кооперация смогла установить телескоп в Турции, изготовить для него современную систему автоматизированного управления и сбора данных, оснастить его лучшими спектрометрами и детекторами. В настоящее время телескоп активно используется для реализации международных научных проектов по наземной поддержке орбитальной космической обсерватории ИНТЕГРАЛ.

Наиль Абдуллович Сахибуллин избран членом Международного астрономического союза и Европейского астрономического общества.

Более сорока лет он ведет большую педагогическую работу в университете, читает лекции по главным разделам астрофизики. За научные достижения он удостоен премии РАН им. А.Белопольского и премии МАИК за лучшие работы в России по астрофизике.

Почти двадцать лет Наиль Абдуллович является бессменным академиком-секретарем Отделения физики, энергетики, наук о Земле Академии наук Татарстана. Уже много лет Наиль Абдуллович является

председателем Комиссии президиума АН РТ по проблемам отбора и поддержки талантливой молодежи.

* * *

8 октября 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялась встреча президента АН РТ А.М.Мазгарова с представителями Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. На встрече также присутствовали вице-президент АН РТ А.Ш.Зиатдинов, главный ученый секретарь АН РТ Д.Ф.Загидуллина, директор Института истории им.Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимов и др.

Делегация Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН была представительной: Н.А.Томилов – директор филиала Института археологии и этнографии СО РАН, директор Сибирского филиала Российского института культурологии Минкультуры РФ; С.Н. Корусенко – ученый секретарь, М.А.Корусенко – зав. сектором исторического музееведения и С.С.Тихонов – заведующий кафедрой истории первобытного общества.

Омские ученые принимали участие в работе XVIII Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», который проходил в Казани с 6 по 8 октября. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирский филиал Российского института культурологии Минкультуры РФ являются наравне с Академией наук Республики Татарстан и Институтом истории АН РТ организаторами этого симпозиума. К симпозиуму сибирскими и татарстанскими учеными подготовлен большой сборник научных трудов, в котором представлены статьи археологов, этнографов и ученых смежных наук Азербайджана, Армении, России, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Украины, посвященные проблемам интеграции археологических и этнографических исследований. Важной особенностью сборника стало и то, что в него включены работы, посвященные изучению и реконструкции костюма традиционных культур.

На встрече в Академии наук РТ была высказана уверенность, что это мероприятие будет далеко не последним актом сотрудничества археологов и этнографов Сибири и Татарстана.

* * *

8 октября 2010 года в здании Академии наук Республики Татарстан состоялся III республиканский форум выпускников программы грантов Правительства РТ «Алгарыш» («Прогресс»).

Выпускники программы грантов Правительства РТ на подготовку, переподготовку и стажировку граждан в российских и зарубежных образовательных и научных организациях «Алгарыш» («Прогресс») должны быть востребованы экономикой Татарстана. Такую уверенность выразил Президент РТ Рустам Минниханов на III республиканском форуме выпускников программы «Алгарыш».

Напомним, программа «Алгарыш» реализуется в Татарстане с 2006 года. За это время подготовку, переподготовку или стажировку в ведущих образовательных центрах прошли около 2 тысяч татарстанцев.

Из них более 600 человек обучались за рубежом – США, Канаде, Австралии, Великобритании, Германии Франции, Китае и др. С момента реализации в программу вложено более 500 миллионов рублей.

Перед началом форума был продемонстрирован видеоролик о грантовой программе, позволяющей Татарстану подготовить «армию специалистов, посланных за границу, чтобы набраться знаний и привезти их домой». Как отметили создатели ролика, «армия» ежегодно пополняется несколькими сотнями «солдат». «Миссия агентов – найти новые пути решения старых проблем», – говорится в видеопрезентации.

В своем выступлении Рустам Минниханов подчеркнул значимость и нужность программы «Алгарыш», а также заверил, что ее поддержка со стороны руководства республики гарантирована. «5 лет назад, когда мы задумали «Алгарыш», точно никто не знал, что и как нужно правильно делать. Так что в процессе работы были внесены соответствующие изменения, – отметил «отец» программы. – Опыт, приобретенный за это время, очень ценен. Самое важное – мы почувствовали, что программа «Алгарыш» востребована».

По словам главы Татарстана, главная задача, которая сегодня стоит перед руководством республики, – повышение качества образования. Особо пристальное внимание, уверен Президент РТ, следует уделить школьному образованию. «Ориентир программы «Алгарыш» рассчитан на модернизацию нашей системы образования», – подчеркнул Рустам Минниханов.

Президент Татарстана особо отметил новые направления программы «Алгарыш», которые реализуются в сотрудничестве с зарубежными коллегами из Германии, Великобритании, США. Так, в текущем году в рамках программы реализуется проект по подготовке работников системы образования по направлению «Управление образованием». Руководители образовательных учреждений РТ разного уровня, работники органов управления образованием обучаются по магистерской программе в Высшей школе экономики (Москва). По итогам обучения выпускники получают степень магистра ВШЭ и Манчестерского университета (Великобритания), а также диплом о переподготовке Московской высшей школы социальных и экономических наук. В 2010 году на обучение по этой программе направлено 26 человек. Еще одно интересное направление реализуется в сотрудничестве с Германской службой академических обменов (DAAD) – на условиях партнерского софинансирования ежегодно 20 человек участвуют в подпрограмме для магистрантов «Николай Лобачевский».

В своем выступлении Рустам Минниханов акцентировал внимание на необходимости развития инновационной инфраструктуры в республике. По словам Президента РТ, сейчас рассматриваются перспективы создания в Татарстане IT-деревни. «Нам нужно научиться эффективно продавать инновации, свой интеллект», – подчеркнул он.

«Система, в рамках которой мы вкладываем средства в создание инновационных площадок, подготовку специалистов по программе «Алгарыш», до конца не срабатывает, – посоветовал глава республики. – Надо эту систему до конца настроить».

«И до сего дня «Алгарыш» не совершенен, — констатировал инициатор программы. — Выпускники программы должны быть востребованы экономикой Татарстана, за хорошими специалистами должны стоять очереди. Мы должны четко знать, какие специалисты нам нужны, готовить людей именно по этим направлениям. Затем они должны получить возможности для самореализации на территории республики».

В свою очередь глава Минобрнауки Татарстана Альберт Гильмутдинов сообщил об изменениях в программе «Алгарыш». Так, с нынешнего года изменились условия участия в конкурсе для грантосоискателей. Конкурс на соискание гранта на обучение в магистратуре отныне проводится только среди претендентов, самостоятельно поступивших в выбранный ими университет.

Повысились и требования к претендентам, планирующим обучение за рубежом, — они должны за свой счет и своими усилиями сдать международные языковые экзамены. Также усилен механизм соблюдения обязательств договора, в рамках которого выпускник программы «Алгарыш» должен отработать три года после окончания обучения в Татарстане.

Как отметил Альберт Гильмутдинов, сейчас в программе «Алгарыш» выделено три основных направления: обучение по магистерским программам, стажировки аспирантов, профессорско-преподавательского состава, а также повышение квалификации тренеров и учителей английского языка. Министр завершил выступление девизом Ассоциации выпускников «Алгарыша»: «Вместе мы сила».

* * *

15 октября 2010 года в Академии наук Республики Татарстан прошла публичная лекция российского дипломата, заместителя министра иностранных дел Российской Федерации, академика РАЕН Александра Владимировича Яковенко. Тема его выступления: «Проблема изменения климата, международные обязательства России».

Проведение публичных лекций известных общественных и политических деятелей, ученых с мировым именем стало хорошей традицией Академии наук Татарстана. В зале академии выступали с лекциями первый Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев, первый вице-премьер РТ Р.Ф.Муратов, председатель Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшин, знаменитые астрофизики Р.А.Сюняев и Р.З.Сагдеев, крупный ученый в области механики Р.И.Нигматуллин, президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, министр образования и науки РТ А.Х.Гильмутдинов и др. После завершения лекции А.В.Яковенко ответил на вопросы аудитории.

* * *

11–13 октября 2010 года в Академии наук РТ состоялся Татарстанско-американский симпозиум «Новые направления в западной и российской педагогике: пути интеграции». Организаторы мероприятия — Академия наук РТ, Отделение социально-экономических наук, НИИ «Прикладная семиотика», Казанская бизнес-школа «Айтек», Татарстанский республиканский молодежный общественный фонд «Сэлэт».

Актуальность симпозиума обусловлена задачами эффективной реализации Комплексной государственной программы развития системы образования в Республике Татарстан на 2010–2015 гг., которая направлена на модернизацию системы образования в РТ. В этой связи весьма важным является обсуждение современных педагогических инноваций в мировой и российской педагогике.

На симпозиуме прозвучали доклады по темам:

- Философия современного образования;
- Современные педагогические теории и модели: мировые тенденции развития высшего образования;
- Современные информационные технологии в образовательной деятельности;
- Проблема качества среднего и высшего педагогического образования и совершенствование форм тестирования;
- Компетентностный подход в образовании;
- Региональное образование;
- Формирование эффективных моделей взаимодействия образовательных учреждений, бизнеса, общественных организаций и государства, направленного на развитие системы образования.

* * *

20 октября в Актовом зале Казанского (Приволжского) федерального университета состоялось торжественное заседание Ученого совета, на котором презентовали академическое издание «Татарская история и цивилизация» – первый масштабный труд о татарах и Татарстане, изданный на английском языке. В торжественном заседании принимали участие государственный советник РТ Минтимер Шаймиев, Генеральный секретарь ОИК Экмеледдин Ихсаноглу, генеральный директор научно-исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры (ИРСИКА) Халит Эрен, а также Чрезвычайный и Полномочный посол Турецкой Республики в РФ Айдын Сезгин, президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, ректор КФУ, представители научной и вузовской общности Казани.

Издание представляет современный взгляд на историю и культуру татар с древнейших времен по сегодняшний день. Работа выполнена сотрудниками Института истории, Института языка, литературы и искусства, Института Татарской энциклопедии Академии наук РТ, а также Казанского федерального университета – под руководством академика АН РТ, профессора Миркасыма Усманова и директора Института истории АН РТ члена-корреспондента АН РТ Рафаэля Хакимова. Миркасым Усманов долго готовился к сегодняшнему событию, однако не смог на нем присутствовать. Его не стало совсем недавно – 11 октября. Ученому было 76 лет. «Миркасыму Абдулахатовичу принадлежит особая роль в реализации проекта книги. Он стоял у истоков создания этого сильнейшего научного труда», – отметил Минтимер Шаймиев. Зрители и участники презентации книги почтили память профессора минутой молчания.

«Это фундаментальный научный труд, на страницах которого нашли свое отражение результаты многолетних исследований ученых

республики и тех, кто работал за ее пределами. Здесь раскрываются ключевые проблемы татарского народа, его социально-экономического развития, развития его культуры. На мой взгляд, очень важен комплексный, концептуальный подход авторского коллектива к оценке основных этапов существования татарского этноса в контексте общемировых процессов», – сказал Минтимер Шаймиев, выступая на презентации.

По его мнению, сегодня трудно переоценить гигантский политический опыт великих государственных образований тюрко-татарской цивилизации, находившихся некогда на просторах современной России, ведь они оказали «серьезное влияние на мировоззрение и гуманистические идеалы человечества». «Достаточно упомянуть проведение толерантной государственной религиозной политики, что, безусловно, остается актуальным и для современной действительности. Материалы книги дают полное и доказательное представление об этих уникальных социокультурных процессах», – сказал Госсюветник РТ. Он еще раз напомнил, что татары никогда не участвовали в религиозных войнах и не занимались насильственным навязыванием своей веры другим – и это хорошо подтверждается как фактами истории Волжской Булгарии, так и истории Золотой Орды, Казанского ханства.

«Стремление защищать свое законное право на сохранение веры и традиций наших предков было и является проявлением внутренней культуры народа в постоянно меняющемся мире. Эта идея красной линией проходит через все содержание научного труда», – поделился своим мнением первый Президент РТ.

Минтимер Шаймиев подчеркнул, что принятие ислама в качестве официальной религии Волжской Булгарии является поворотным этапом в истории татар, и в память об этом ежегодно проводится праздник «Изге Болгар жыены». Кроме того, парламентом Татарстана недавно было принято решение о включении даты принятия ислама волжскими булгарами (21 мая) в календарь памятных дат республики.

Экмеледдин Ихсаноглу, в свою очередь, выразил радость от присутствия на презентации и признался, что сегодня исполнилась его мечта. Интересно, что книга появилась именно благодаря инициативе этого человека – он проявил ее, будучи директором ИРСИКА. Серия трудов о цивилизации народов, чьи государства являются членами ОИК, выходит под эгидой этой организации.

Г-н Ихсаноглу напомнил, что Татарстан представляет собой интерес как северный форпост исламского мира, самая «верхняя» (в географическом смысле) точка на карте мирового ислама. Кроме того, сегодня эту религию в России связывают, прежде всего, с татарами, имеющими глубокие и оригинальные традиции в мусульманском богословии: первый в мире почетный Коран на арабском языке появился именно в Казани в 1803 году. К уникальному опыту татар также относится течение джадидизма (реформации), которое в XIX–XX вв. стало важной составной частью исламской мысли.

Президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров вручил Генеральному секретарю ОИК Экмеледдину Ихсаноглу диплом о присвоении

почетного звания «Иностраный член Академии наук РТ». Генеральному директору ИРСИКА Халиту Эрену, который является главным организатором выпуска книги в Стамбуле, присвоено почетное звание доктора Казанского университета. Диплом ему вручил ректор КФУ Ильшат Гафуров.

На торжественном заседании Ученого совета Казанского (Приволжского) федерального университета также выступили председатель Комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Госсовета Татарстана Разиль Валеев, директор Института истории АН РТ, член-корреспондент Рафаэль Хакимов, член-корреспондент АН РТ, декан факультета татарской филологии и истории Казанского университета, заведующий кафедрой истории татарского народа Казанского университета Искандер Гилязов.

* * *

28 октября 2010 года в Институте проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан состоялся круглый стол на тему «Актуальные проблемы правового регулирования в сфере недропользования». В работе круглого стола приняли участие представители законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также ученые и специалисты из различных научно-исследовательских институтов и вузов Татарстана.

* * *

28 октября 2010 года в Институте языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Наследие Мазита Гафури и современность». Конференция была посвящена 130-летию со дня рождения Мазита Гафури — классика татарской и башкирской литературы, поэта, прозаика, драматурга, публициста и общественного деятеля.

*Хронику событий подготовил
отдел по связям с общественностью и СМИ АН РТ*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта на 2-х дискетах 3,5” (шрифт **Times New Roman**, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК и ключевых слов, короткой аннотацией на русском и английском языках (1/3 + 1/3 страницы), примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; **Ф.И.О.** авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, **Ф.И.О.** авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (**Ф.И.О.** полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие 2-х рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– оформление подписки на журнал будет способствовать сотрудничеству.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-79-39 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»